
АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО

И. В. ЗАЙЦЕВ

Российская академия наук
Институт востоковедения

И. В. ЗАЙЦЕВ

АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО

2-е издание, исправленное

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2006

Ответственный редактор
Д.Д.ВАСИЛЬЕВ

Редактор издательства
Л.С.ЕФИМОВА

Зайцев И.В.

3-17 Астраханское ханство / И.В. Зайцев ; Ин-т востоковедения
РАН. — 2-е изд., испр. — М. : Вост. лит., 2006. — 303 с. —
ISBN 5-02-018538-8 (в пер.).

В книге впервые в мировой науке проведено монографическое исследование истории Астраханского ханства (1502–1556) — одного из государств, образовавшихся вследствие распада Золотой Орды. В результате всестороннего анализа русских, восточных (арабских, тюркских, персидских) и западных источников обоснована дата образования ханства, предложена хронология правления астраханских ханов. Особое внимание уделено истории взаимоотношений Астраханского ханства с Московским государством и Османской империей, рассказано о культуре ханства, экономике и социальном строе. В Приложении помещены таблицы, содержащие перечень астраханских ханов и московско-астраханских дипломатических контактов.

ББК 63.3(2)45

© Зайцев И.В., 2004
© Зайцев И.В., с изменениями, 2006
© Оформление. Издательская фирма
«Восточная литература», 2006

ISBN 5-02-018538-8

*Моим родителям —
Зое Александровне
и Владимиру Сергеевичу
Зайцевым*

Wir kamen unversehrt an Astrachan, das schöne
Das, alsobald es uns mit trefflichem Getöne
Vor seinen Mauern hört', aus Haus und Toren lief
Und überlaut "Glück zu" in unsre Salven rief.

Paul Fleming (1638, September 6)

«Есть и хорошее, есть и так себе, больше плохого
Здесь ты прочтешь: ведь иных книг не бывает, Авит».

Марциал. Эпиграммы

ВВЕДЕНИЕ

Астраханское ханство — одно из государств, возникших в результате распада мощной империи средневековья, улуса Джучи (Золотой Орды, как называли эту державу русские летописцы)¹. Просуществовавшее более полувека в низовьях Волги, Астраханское «царство» имело много общего с государственными образованиями, отколовшимися от Золотой Орды (Казанское, Крымское, Сибирское ханства, Ногайская Орда). Общими были традиции государственного устройства и управления, религия и культура; близки были эти государства в этническом и языковом отношении. В Казанском, Крымском и Астраханском ханствах правили представители одного рода — Джучидов, потомков сына Чингиз-хана — Джучи. Однако каждое из этих государств обладало специфическими чертами. Это касалось особенностей хозяйственного уклада, образа жизни, состава населения.

Историк, «интересующийся историей Астраханского ханства, находится в более трудных условиях, чем историки, изучающие остальные татарские государства, образовавшиеся после распада Золотой Орды» [Сафаргалиев 1996: 28]. Чрезвычайная скудость источников по истории Астрахани приводила даже к тому, что у некоторых историков (впрочем, непрофессионалов) появлялись «основания сомневаться, что здесь (в низовьях Волги. — И.З.) когда-либо существовало Астраханское царство». По их мнению, «там, где буржуазные историки видели и описывали централизованное Астраханское царство, в действительности существовал ряд независимых свободных торгово-промышленных городов, наподобие так называемых ганзейских городов Западной Европы», а под словом Астрахань «разумелся не исключительно один город, а все торговые города в царстве Батые, населенные не данниками, а торговым классом, народом вольным и свободным»

¹ О сложении и ранней истории улуса Джучи см. [Хафизов 1997].

[Черкасов: 13]; (см. также [Зыков 1924: 86]). К такому выводу в XIX в. пришел И.Черкасов в своем труде «Исторический взгляд на древнее состояние Астраханского края», а в 20-х годах XX в. эту точку зрения поддержал Ф.П.Зыков [Зыков 1924]. Название же «Астраханское царство» в русских средневековых источниках, по мнению Ф.П.Зыкова, — не более чем выдумка летописцев: «Царя и „его“ царства они хотели у себя, царей и „их“ царства они показывали своему народу и в других странах, хотя в действительности в этих странах было нечто совсем иное» [Зыков 1924: 91]. Астраханское «царство... представляется как бы мифом, — царством не существовавшим», — писал И.Черкасов [Черкасов: 8].

В отечественной и зарубежной историографии работы, посвященные истории Астраханского ханства, почти полностью отсутствуют². Можно назвать лишь несколько кратких очерков астраханской истории [Рычков 1767: 163–166; Перетяткович 1877: 217–230; Карнович 1896: 1–18; Веренин 1958, и др.], а также статью М.Г.Сафаргалиева, написанную около полувека назад. Из этих работ только статья М.Г.Сафаргалиева касалась истории Астрахани до ее завоевания, прочие же почти полностью были посвящены изложению событий 1550-х годов. Тому есть несколько причин.

Во-первых, изучение истории Золотой Орды и постзолотоордынских государственных образований было крайне непопулярно по идеологическим соображениям. События военных лет, постановление ЦК ВКП(б) 1944 г. об идеологической работе в татарской партийной организации, чувство ложно понятого патриотизма — все это мешало объективному освещению темы в советское время.

Во-вторых, крайняя скудость источников делала исследование истории Астрахани занятием очень нелегким. Ведь даже сам город, давший название государству и бывший его столицей, не существовал по меньшей мере с конца XVI в.

В-третьих, Астраханское ханство по сравнению с Казанью и Крымом «выглядело» гораздо менее эффектно и выразительно. Казалось бы, ни одного яркого события, ни одной интересной фигуры, ни одного литературного произведения...

«Золотая Орда далеко еще не изучена ни со стороны истории, ни со стороны особенностей культуры; не вполне определены основы последней, недостаточно выяснена сфера распространения. Для историка

² Книга Джиханшаха б. Абд ал-Джаббара ал-Нижгарути ал-Хаджитархани «История Астрахани», к сожалению, не касается ханского периода в истории города [Хаджитархани 1907; см. также: Frank 2001]. Вероятно, на эту же книгу ссылается в своей работе и Р.А.Шайхисев, однако называет автором Г.Дмиганша, а годом издания указывает 1907-й [Шайхисев 1985: 190]. Недоступной мне оказалась небольшая книжечка под названием «Достопримечательности г. Астрахани и его ближайших окрестностей» (Астрахань, 1872) — см. [Каталог 1891: 130, № 1915].

ная землянками [Егоров 1985: 119]. Городище Шареный Бугор, а также аналогичные и синхронные ему золотоордынские поселения низовьев Волги подвергались археологическому изучению [Шнайдштейн 1975: 10; Шнайдштейн 1970: 175–176; Шнайдштейн 1979; Шнайдштейн 1995: 71–72; Шнайдштейн 1996: 142; Шнайдштейн 1997: 35; Сумин 1997: 26].

Возможно, именно эту крепость на правом берегу Волги видел в 1558 г. англичанин А.Дженкинсон [ЧОИДР 1884: 39]. По мнению А.Юхта и А.Логачева, старая Астрахань, которую в 1556 г. заняли московские войска, находилась на территории села Карантинное (Приволжский район), приблизительно в 12 км выше современного города на правой стороне Волги, тогда как городище Шареный Бугор расположено еще выше по реке, в районе села Стрелецкого [Юхт, Логачев 1958: 9, 22]. По Л.Е.Вереину, урочище Шареный Бугор занимает территорию населенных пунктов Карантинное, Тинаки и Стрелецкий поселок [Вереин 1958: 12]. Высказывалось также мнение, что древняя Астрахань располагалась на месте развалин в «Алтиджаре» [Белоусов 1815: 57], т.е., видимо, к востоку от современного города, где ныне расположен поселок Алтынжар (или Ст. Алтынжар, к северо-западу от Алтынжара, между протоками Рыча и Ст. Рыча).

В последнее время астраханские краеведы считают, что Хаджи-Тархан до прихода русских располагался не только на правом (горном) берегу Волги, но и на левом (луговом). С.Низаметдинова утверждает, что после 1395 г. жизнь в городе сосредоточилась именно на левом берегу — на Шабан-тюбе и его подножии, причем самым древним поселением левобережья был Мошаик (Машаик, в черте совр. Астрахани). Так называемая «русская Астрахань», по мнению С.Низаметдиновой и Р.Джуманова, была основана на месте старого татарского города, располагавшегося в «одном из ближайших к Волге углов кремля» [Низаметдинова 1992: № 10–13; Джуманов 1993]². Ю.А.Макаренко полагает, что Хаджи-Тархан — название нового (в отличие от «Астархана») города, перенесенного татарами на левый берег в 1318 г. (?), причем оба города какое-то время сосуществовали [Макаренко 1997: 16]. Эти утверждения пока бездоказательны, поскольку планомерные широкомасштабные археологические раскопки на левобережье, в том числе и в Кремле, к сожалению, насколько мне известно, не проводились.

В сочинении Франческо Тьеполо «Рассуждение о делах Московии» (вторая половина XVI в.) содержится весьма оригинальный для того времени взгляд на историю Астрахани. Согласно Ф.Тьеполо, сначала город и область принадлежали «куманам». «Около 1238 года область была отнята у куман татарами, основавшими там царство, которое несколько лет тому назад было захвачено прекопитами (т.е. крымца-

ми. — И.З.), затем отнято у них ногаями, а в конце 1557 года отобрано у этих (последних) герцогом Московии» [Тьеполо 1940: 333].

В трудах московских книжников XVI в. была распространена идея о том, что современная им Астрахань — это древняя Тмутаракань, которой некогда владели русские князья. Эта концепция получает свое выражение в Никоновской летописи [ПСРЛ 1904: 235–236; Амелин 2002: 3–7], а потом и в летописном «Сказании о взятии Астрахани», восходящем к тексту официальной летописи XVI в. [Шмидт 1963: 396; Pelenski 1974: 122]. Астрахань, которая во времена Владимира будто бы называлась иначе, была дана этим князем в удел сыну Мстиславу. В городе был каменный храм Рождества Богородицы. Потом, «грех ради православных христиан», городом завладели цари Большой Орды [ОР РНБ, Собрание Погодина, № 1490, л. 77–77об.; РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 4об.]. Идею о том, что Астрахань — это перенесенная на Волгу Тмутаракань, поддерживали «в XVIII в. П.И.Рычков, С.Гмелин [Рычков 1767: 163; Гмелин 1777: 64]. Эта теория находила своих приверженцев вплоть до конца XIX в. (см., например, [Михайлов 1800; Рыбушкин 1841: 16; Черкасов: 4]), хотя еще в XVIII в. у нее были и противники [Татищев 1979: 170]³.

В русской историографии высказывалось мнение, что Астраханское царство существовало еще до похода Батые, который, завоевав его, поселил там татар, «противу которых Российские князья вооружаясь, неоднократно их побеждали, и чинили своими данниками. Но они не редко нарушая, происходили (sic!) ужасные мятежи». Так, по мнению И.Михайлова, продолжалось вплоть до начала правления Ивана Грозного [Михайлов 1800: 173–174]. В османской историографии XIX в. также бытовало мнение, что Астрахань (Ejderhan) существовала еще до походов «армий Чингиза» [Cevdet 1889: 12; Cevdet 1983: 227].

В эпическом сочинении «Хан-наме» (рукопись конца 50-х — начала 60-х годов XVII в., созданная при Джаниде Абд ал-Азизе), как мне представляется, содержится смутное воспоминание о древнем Хаджи-Тархане. Чингиз-хан отправляется в поход на Казань. В то время там правит падишах по имени Бидак (بيداق)⁴ из потомства хана Бейгу.

³ Ср., например, упоминание В.В.Бартольда о том, что И.Н.Березин отождествлял со знаком вопроса город Матарха с Астраханью, «хотя тожество Матархи с Тмутараканью было известно еще в XVIII в. Байеру» [Бартольд 1977: 748]. О происхождении названия Тмутаракань см. гипотезу В.Д.Смирнова [Смирнов 1923: 15–73].

⁴ Имя необычное. Можно было бы допустить искажение بیداق - بیداق (ср., например, написание имени Барак в дастане об Урус-хане «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека [Усманов 1972: 75], имея в виду, что Казань, как предполагал В.В.Вельяминов-Зернов, считалась ногаями «Бараковым царевым юртом» [Вельяминов-Зернов 1864: 123–124]). Однако в письме Кошум-мирзы великому князю Ивану Васильевичу (1538 г.), публикация которого была использована В.В.Вельяминовым-Зерновым, данный пассаж читается не «на Казанском юрте», а «на казачком юрте» [Исин 1988а: 163; Посольские книги 1995: 209]. Таким образом, личность Бидака остается невыясненной.

² Думается, что источник этих утверждений — сведения П.Небольсина (середина XIX в.), см. [Небольсин 1852: 59].

Казань тогда только-только появилась, и там никто еще не знал о деяниях Чингиза. Однако Бидак, осознав его мощь и величие, покорился ему, и Чингиз занял престол Казани. Поручив Казань Бидаку, Чингиз-хан направился оттуда в степь под названием Сетаре (ستاره), откуда, покорив племена двух стран (краев), двинулся к Улук-Тагу (Великой Горе; اولوق تاغ) [Gökyay 1968: 310, 320–321]. Слово *сетаре* по-персидски — «звезда», но, как кажется, здесь имеет место переосмысление непонятного тюркскому (или персидскому) уху русского названия Астрахань и его приспособление к нормам родного (или культурно близкого) языка, тем более что написание топонимов довольно близко. Вероятно, исходно в «Хан-наме» Чингиз-хан отправлялся из Казани в Астрахань (окрестности которой действительно представляют собой степь, а временами даже пустыню)⁵.

Согласно традиционной точке зрения Астрахань возникла в XIII в. [Волга 1899: 44]⁶. По мнению М.Г.Сафаргалиева, это произошло в 50-х годах XIII в., «когда правившая верхушка Золотой Орды приняла новую религию — ислам и мусульманское духовенство стало получать от ханов различные привилегии» [Сафаргалиев 1952: 29]. К.Н.Васильков, не приводя доказательств, называет даже точную дату — 1253 г., а основателем города считает Сартака, сына Бату. Город тогда якобы назывался «Аши-Тархан», что, по мнению автора, по-тюркски означает «город большой, каменный» (sic!) [Васильков 1992]. Эту дату считает правомерной и Р.Джуманов [Джуманов 1993], а С.Низаметдинова приводит даже более раннюю дату — 1250 г. [Низаметдинова 1992: № 13]. Г.Газиз относил возникновение города ко времени правления хана Узбека (1312–1340) и считал, что произошло это «почти на месте», где до этого был город Атиль [Газиз 1994: 57, 74]. Е.В.Шнайдштейн, а также Л.Ш.Арсланов и В.М.Викторин в качестве времени основания города называют конец XIII в. [Шнайдштейн 1996: 141; Арсланов, Викторин 1995: 336]. По мнению В.Л.Егорова, время возникновения города точно определить не удастся, «можно лишь с уверенностью сказать, что в XIII в. он уже существовал» [Егоров 1985: 119]. Согласно точке зрения Р.Гузейрова, Хаджи-Тархан возник во второй половине XIII в. [Гузейров 2000: 24].

Дореволюционные историки часто утверждали, что Астрахань была основана хазарами. Например, авторы труда «Волга от Твери до Астрахани» считали, что древний «Атель» в XIV в. был восстановлен под названием Аджа-Тархан [Волга 1862: 376; ср. Кучин 1865: 270]. Е.П.Карнович писал, что в хазарский период этот город назывался

⁵ Можно, с известной долей допущения, предположить описку: شهر استارهان превратилось в سهل ستاره.

⁶ Хотя иногда возведение города относили и к началу XIV столетия [Астрахань 1882: 1].

«Атель или Балангиар, а также Сумеркент» [Карнович 1896: 1] (см. также [Рамзи 1908: 2]⁷). Атель–Итиль отождествляли и с Шареным Бугром. П.П.Нейдгардт передавал предание, согласно которому город располагался на обоих берегах Волги. Дворец хана помещался на острове и был сложен из кирпича. Прочие дома представляли собой мазанки или юрты. Город этот был весьма обширен: одних мечетей в нем было около 30 [Нейдгардт 1862: 115]. Предположение о тождественности Астрахани и Ателя или Балангиара принадлежит Н.М.Карамзину. «В старых Грузинских Историях Астрахань именуется *Хозарем*, как пишет Грузинский Царевич Сакар Вахтангович в ответах на вопросы Г.Татищева, бывшего Астраханским Губернатором. Сии ответы, писанные в 1743 году, найдены мною в бумажниках Г.Миллера, хранящихся в Архиве Иностран. Коллегии, № 316», — свидетельствовал Н.М.Карамзин [Карамзин 1993: 254, примеч. 106].

«Астрахань», — пишут П.В.Жило и А.Н.Косарев, — название татарское, оно появилось в XIII в. с поселением монголов в низовьях Волги». Позже город стал называться Итиль, он же потом — Беленжер. «С принятием монгольскими ханами ислама Итиль был переименован в Хаз-Торохань, Хаджи-Тархан». Первое литературное упоминание об Астрахани встречается, по их мнению, «в документах арабского историка и географа Ибн Фадлана (XIV в. (sic!))» [Жило, Косарев 1966: 120]. Вряд ли эти утверждения следует принимать всерьез. Отождествление городища на Шареном Бугре с хазарским Итилем было справедливо поставлено под сомнение еще П.С.Рыковым [Рыков 1936: 108].

Два предположения о происхождении названия города (одно из них, Ф.И.Страленберга, якобы от славянского *страхань* — «прорезь», а второе — от «скифского *ас*, воевода, и *тархан*») были справедливо отвергнуты еще В.Н.Татищевым в первой половине XVIII в. В.Н.Татищев предложил, в свою очередь, этимологию — по названию народа *астуркани*, упоминаемого в географической сводке Клавдия Птолемея (II в.) у р. Кубань [Татищев 1979: 172; О происхождении 1813: 13]. Интересно, что автором заметки «О происхождении имени Астрахани» собственно татарские версии происхождения названия не рассматривались: «они не заслуживают никакого внимания, потому что, кроме бытия своего, ничего не имеют в доказательство» [О происхождении 1813: 13].

«Город этот, — писал о Хаджи-Тархане арабский путешественник первой половины XIV в. Ибн Баттута (1304–1368–69), — получил название свое от тюркского хаджи, одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспоплавно

⁷ М.М.Рамзи, который вообще часто использовал данные Н.М.Карамзина, здесь, вероятно, следовал именно ему. О названии Сумеркент и его «связи» с Астраханью см. [Pelliot 1949: 163].

(т.е. в *тархан*. — И.З.), и оно стало деревней, потом оно увеличилось и сделалось городом» [Тизенгаузен 1884: 301; Battūta 1962: 496–497]. По мнению С.М.Шапшала, в своем рассказе о происхождении названия города Ибн Баттута «именно хотел подчеркнуть, что весь город Астрахань являлся в данном случае тарханом»⁸ [Шапшал 1953: 306–307]. Согласно хронологии его путешествия, Ибн Баттута прибыл в ставку хана Узбека возле Маджар в окрестностях современного Пятигорска 6 мая 1334 г. Хотя Ибн Баттута почти бесспорно не бывал в некоторых описываемых им местностях (например, в Булгаре), его «астраханский» рассказ заслуживает доверия и внимания. Из Хаджи-Тархана он выехал вместе с лагерем хана 14 июня 1334 г. Вскоре он отправился в Константинополь. Его пребывание там длилось месяц и 6 дней — до 22–23 сентября 1334 г. Путь из Константинополя до Хаджи-Тархана занимал около 50 дней, таким образом, путешественник вернулся в Хаджи-Тархан 11–13 ноября того же года [Hrbeek 1962: 469–482].

Названия с компонентом «тархан» не столь уж редки в Поволжье [Золотницкий 1884: 161–165]. История о названии Хаджи-Тархана, услышанная Ибн Баттутой, пережила сам город. В.Н.Татищев и С.Гмелин в XVIII в. слышали от астраханских татар схожие рассказы [Татищев 1979: 170; Гмелин 1777: 65]. Й.Хэнвэй, английский купец, посетивший город в 1743 г., вероятно, также был знаком с этим преданием: он называет «татарина, которым был основан город» Nahdgee Tarkin [Hanway 1754: 82]. В «Хозяйственном описании Астраханской и Кавказской губерний» (1809 г.) приводится рассказ об основании города, записанный от астраханского ахуна «Календера⁹ Гаджи Аги» (1794 г.) и крымского мирзы «Ариолана Уруса»¹⁰ (1796 г.). «Сей город имеет свое название от имени Аши, которой, получа от главного своего обладателя свободу, вообще назывался Аши-Тархан. После чего сей Аши с своими подданными и со многими тарханами, к нему приверженными, удалился к реке Волге, и на правой ее стороне, сделав для своего пребывания окоп, назвал его Аши-Тархан, по причине, что уже общество, составлявшее его владение, называлось Аштарханы. Долгое время и во владение татар сей окоп существовал под оным званием, и в нем всегда пребывали главные начальники, управлявшие сею стороною. Но во времена хана Узбека, когда татары приняли магометанский закон, тогда пребывал в нем и в сей стороне начальником первейший Гаджи, которой был из знатной фамилии Тархан. Для сего почтеннейшего мужа многие татарские гаджи, возвращаясь из Мекки, оставались жить в Астрахани. Почему хан Джамбек приказал построить на том же самом месте каменную крепость, и назвал сей город

Гаджи-Дархан, что означало вообще обиталище гаджей, и над ними главного Дархана. И хотя во время татарского владения название сие было совершенно уважаемо; однакож большая часть народа по своей привычке называли сей город Аштархан» [Хозяйственное описание 1809: 272–274]. Из этого рассказа (при условии его адекватности и аутентичности) можно сделать несколько выводов.

Во-первых, «татарская», как мы условно назовем ее, традиция относилась к основанию города — каменной крепости ко времени правления Джанибека¹¹, т.е. к периоду между смертью Узбека в 1342 г. и убийством самого Джанибека 22 мая 1357 г. Во-вторых, весьма интересно разделение двух названий города: одного по имени основателя Аши и другого, официального, связанного с проживанием в нем мекканских паломников.

В Государственном архиве Оренбургской области (ф. 166, «Тетради Генса») сохранилось записанное Г.Ф.Генсом предание, согласно которому у Аштарханида (sic!) Джанибека был слуга, ходивший на богомолье в Мекку и ставший хаджи. Джанибек отпустил его на волю по тарханной грамоте, после чего тот стал называться Хаджи-Тарханом. Он приобрел землю в 10 верстах от аштарханидской столицы, где на берегу Волги построил себе дом. Место оказалось весьма удобным, и сюда стали переселяться жители столицы; новое поселение называли Хаджи-Тархан [Байкова 1964: 149, примеч. 91]. Предание, приведенное здесь по книге Н.Б.Байковой, обнаруживает ряд вопиющих несообразностей. Основание Хаджи-Тархана, безусловно, не могло произойти во времена правления какого-нибудь Аштарханида и существования аштарханидской столицы. На мой взгляд, это предание — еще один вариант (причем довольно поздний) уже знакомых нам легенд, только искаженный в процессе передачи позднейшими наслоениями. Однако ядро легенды несомненно сходно с преданием, записанным Ибн Баттутой, В.Н.Татищевым, С.Гмелиным и отраженным в «Хозяйственном описании...». Примечательно, что и здесь мы видим связь города с Джанибеком: вероятно, в варианте Г.Ф.Генса имя преемника Узбека соединилось с названием династии, берущей начало из Астрахани.

Легенды о происхождении названий городов от имен их основателей чрезвычайно распространены. Применительно к Астрахани существует еще одна легенда, по существу схожая с приведенной выше, но записанная среди мишарей деревни Митрияль Темниковского уезда Тамбовской губернии в самом начале XX в. Г.Ахмеровым. Согласно его записи, опубликованной в 1903 г. в работе «О языке и народности

⁸ О слове *тархан* см. [Габескирия 1986: 33–34].

⁹ Каландар (перс.) — бродячий, нищенствующий дервиш, а также староста.

¹⁰ Имя восстановить трудно, но, возможно, вторая часть первого слова — «оглан».

¹¹ По В.В.Бартольд, монгольская форма имени Джанибек — Джамбек. О соотношении форм *Джанибек* — *Джамбек* см. [Pelliot 1949: 98]. Между прочим, именно где-то в районе Хаджи-Тархана соединились войска Джанибека перед его походом на Азербайджан (1356 г.). См. [Григорьевы 2002: 124].

мишарей», у них был свой правитель по имени Сарай-хан, который жил в городе того же имени. У него было два брата — Астер-хан и Касим-хан. Следы города Сарай-хана, по рассказам мишарей, сохранились к моменту записи Г.Ахмерова где-то недалеко от их деревни, однако указать его точное местоположение никто не мог [Ахмеров 1998: 147]. Нетрудно увидеть в этом свидетельстве отражение народного объяснения существования трех городов, связанных с эпохой Золотой Орды, — Сарая, Касимова и Астрахани. Эту народную легенду, вероятно, первым записал еще Адам Олеарий (1636 г.): «Полагают, что название Астрахани произошло от того, что князь, построивший этот город и первый обладавший им, назывался Астра-Хан (Astra-Chan)» [Исторические путешествия 1936: 66]. Близкая по смыслу история вошла и в уже упоминавшееся «Хан-наме». Некий хан Кыят захватывает престол хана Тохмаша. Хан Эждер из потомства хана Бейгу, удрученный этим, приходит к морю и захватывает город под названием Керю Кырым (كرو قريم), где и поселяется. Поэтому в народе этот город стали называть Эждерхан [Gökyay 1968: 310, 313]. Указанные деятели являются, по всей вероятности, мифическими, а отождествить Керю Кырым с каким-либо известным географическим пунктом, как мне представляется, пока невозможно.

В сочинении «Фирдаус ал-Икбал», написанном Шир Мухаммедом Мунисом и Мухаммедом Ризой Агяхи в Хиве (между 1805 и 1842 гг.), содержится крайне любопытное упоминание о Хаджи-Тархане, относящееся к интересующему нас времени. В рассказе об Агадай Бахадуре (старшем сыне Ногай), который будто бы правил Булгаром в течение 22 лет, совершал походы против русских и черкесов, подчинил их земли и назначил там управляющих, упомянуто о том, что он восстановил крепостные стены города, «которые находились в развалинах со времен Джучи-хана» [Firdaws al-Iqbāl 1999: 87–88; Bregel 1982: 369]. По Мунису, Агадай Бахадур погиб в битве от руки Мангыта Сонкормирзы в 713 г.х. (1312–13 г.). Таким образом, восстановление стен Хаджи-Тархана могло произойти между 1290 и 1312 гг. Во времена Джучи города еще не существовало [Firdaws al-Iqbāl 1999: 599, n. 472; Bregel 1982: 369], поэтому, вероятнее всего, рассказ Муниса является отражением поздней традиции, связывающей Астрахань с беклербеками (*амир ал-умара*) Золотой Орды, происходившими из племени *кунгратов*. Так, сын Агадай Бахадура, Нагдай («правитель черкесов»), при Узбеке стал обладателем именно этого титула [Bregel 1982: 369].

Существуют также крайне спорные теории о происхождении названия города, высказанные И.Черкасовым и Ф.П.Зыковым и в недавнее время нашедшие новых приверженцев. Так, З.З.Мифтахов пишет: «Астархан — город основан в 1122 году тарханом по имени Ас, то есть Ас-тарханом» [Мифтахов 1998: 361]. А Е.В.Шнайдштейн практически полностью повторяет точку зрения И.Черкасова и Ф.П.Зыкова

на племя асов и тархан — грамоту, якобы полученную ими от Бату «за боевые заслуги» [Шнайдштейн 1989: 2; Шнайдштейн 1996: 141]¹². П.В.Жило и А.Н.Косарев предлагали сразу несколько явно надуманных этимологий слова «Астрахань». Ссылаясь на работу Н.Н.Фирсова «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья» (Казань, 1920), исследователи писали, что слово может происходить от имени первого владетеля вассальной Астрахани — Эстер Хана, который будто бы основал в XIV столетии Астраханское царство [Фирсов 1920: 58]¹³. Хан с таким именем нигде, кроме указанной работы (и сочинения А.Олеария, о котором см. выше), не встречается, хотя само имя (титул?) упоминается еще у ат-Табари [Хорезми, 1983: 247]. П.В.Жило и А.Н.Косарев предложили целый ряд сопоставлений названия города с персидскими словами (к тому же в неправильном написании), ничего общего не имеющих с действительностью [Жило, Косарев 1966: 120].

Флорентиец Франческо Пеголотти в своей книге «Торговое дело» (до 1340 г.) пишет о «Джентоархани» как об одном из важнейших торговых пунктов на нижней Волге, через который проходил великий караванный путь, соединявший торговлю Средиземноморья и Востока [Medieval 1955: 355]. Хаджи-Тархан наряду с Кафой, Судаком, Азаком (Таной) был одним из крупнейших эмпориев в левантийской заморской торговле [Варваровский 1994: 11; Варваровский 1995: 18; Шаропова 1975: 72, 74; Байкова 1964: 150]. Город и некоторые другие нижеволжские и приазовские центры были поставщиками рыбы, особенно осетровых пород, составлявших важную статью в отправлениях константинопольских и итальянских купцов [Варваровский 1995: 19]. В торговле с русскими княжествами большую часть составляла соль. Тесными были торговые связи улуса Джучи с Делийским султанатом: основной статьей торговли с Индией являлись лошади. Индийские золотые динары (династий Халджидов и Туглукидов, например Мубарека I (1316–1320) и Туглука I (1320–1325) соответственно) присутствуют в нумизматическом комплексе городища Шареный Бугор [Варваровский 1995: 20; Лебедев, Клоков 2002: 265]. В археологических слоях Астрахани и окрестностей встречаются и монеты египетских мамлюков, например Бейбарса I (1260–1277; эта монета найдена в погребении как «обол мертвых») [Лебедев, Клоков 2002: 264–265]. Дело в том, что 11-граммовые индийские и 6-граммовые египетские динары были международной валютой того времени, так как высокопробные золотые монеты чеканились тогда только в этих странах. В окрестностях современного города найдены и серебряные иноземные монеты: экземпляр Сельджукида Кейкобада (1219–1236; г. Сивас), монеты тифлисского чекана Хулагуида Абу-Сайида (1333 г.) [Лебедев, Клоков 2002: 268].

¹² См. также [Баскаков 1985: 30].

¹³ Хотя сам Н.Н.Фирсов ранее считал, что Астрахань возникла в конце XIII столетия [Фирсов 1898: 11].

Безусловно, находки иноземных монет в низовьях Волги отражают торговые и культурные связи региона с другими странами. Согласно анализу монетного материала, наибольшая активность международной торговли нижневолжских городов падает на середину XIV в.; во время смуты 1360–1380 гг. и при Тохтамыше межгосударственная торговля резко упала, а с начала XV в. почти прекратилась [Лебедев, Клоков 2002: 271].

Вероятно, особенно интенсивно развивалась торговля Астрахани с городами Северного Азербайджана [Махмудов 1991: 37]. Но эта «старая» Астрахань своим быстрым развитием была обязана не только торговому пути, но и благоприятным естественным условиям — близости обширных степей и великой реки [Сафаргалиев 1952: 29–30].

Население города в этническом и языковом отношении, по-видимому, было весьма разнородным. Наряду с тюркоязычными жителями в городе, несомненно, проживали персы. По мнению Н.Н.Фирсова, в Астрахани (а также в Булгаре и Сарая) жили, «кроме татар и болгар, армяне, евреи, геноуэзцы, византийцы, русские» [Фирсов 1920: 62]. По мнению авторов труда «Волга от Твери до Астрахани», армяне жили на территории Астраханской губернии с XV в. [Волга 1862: 414].

Есть свидетельства о проживании русских на Мошаике (на левом берегу) в XIII–XIV вв. Во всяком случае, именно XIV веком по палеографии и особенностям композиции датируется медная литая иконка с изображением Св. Георгия, случайно найденная там и хранящаяся ныне в Астраханском краеведческом музее. Там, где она обнаружена, до этого встречалась и русская керамика XIII–XIV вв. [Полубояринова 1978: 122–124; Полубояринова 1978а: 398–400; Федоров-Давыдов 1994: 35]¹⁴. А.В.Воробьев пишет, что это был третий по величине город Золотой Орды [Воробьев 1972: 10]. Определить же численность населения Хаджи-Тархана в XIV в. практически невозможно.

По сути дела, у нас нет никаких свидетельств, характеризующих экономическую и культурную жизнь города в первой половине XIV в. Видимо, как и в более позднее время, его население страдало от эпидемий. Под 6851 г. (1343 г.) в Софийской I летописи осталось следующее упоминание: «Того же лета казнь бысть от Бога подо восточную страну на город Орначь и на Хазьторокань и на Сарай: мор бысть на бесермен силен, яко ни мочи их ни погребати» [ПСРЛ 1994: 109]. О море в Орначе, Астрахани, Сарая и Бездеже в русских Летописных сводах 1497 и 1518 гг. и Холмогорской летописи упоминается под 1346 г. [ПСРЛ 1963: 71, 232; ПСРЛ 1977: 83; Карамзин 1992: 160, 316, примеч. 357]. Чума была настоящим бичом торговых городов — крупных международных центров: в 1348 г. ее эпидемия (знаменитая «черная смерть») охватила многие города Европы, в частности Флоренцию

(описанием чумы 1348 г. начинается Боккаччо свой «Декамерон») и Кафу. Трупы в городе некому было убирать [Lopez 1938: 333]¹⁵. В Египте с 1347 по 1349 г. чума унесла жизни трети населения [Зеленев 1999: 141].

Во второй половине 60-х годов XIV в. Астраханью владел Хаджи-Черкес¹⁶. Его имя не упоминается в числе царевичей Золотой Орды, хотя Ибн Халдун называет его походным эмиром при Бердибеке [Тизенгаузен 1884: 389–390]. По Хондемиру, Черкес был сыном Джанибека и вступил на престол около 1360 г. [Hammer 1840: 316, 323]. М.Г.Сафаргалиев предположил, что он был выходцем «из черкесов, входивших в состав Золотой Орды, или имел к ним какое-то отношение» [Сафаргалиев 1952: 31]. В 1369 г. Хаджи-Черкес, по мнению М.Г.Сафаргалиева, овладел Сараям после бегства из него Хасана [Сафаргалиев 1996: 388]. «Когда же Хаджи-Черкес ушел из Астрахани в Сарай, то Урус-хан послал войска свои из горной страны Хорезмской, которые осадили Астрахань. Хаджи-Черкес послал свои войска против них с одним из эмиров своих, который прибегнул к хитрости, успел отогнать их от Астрахани, потом внезапно напал на них и на эмира, предводительствовавшего ими. Хаджи-Черкес был очень озабочен этой враждой. Против него выступил Айбек хан, отнял у него Сарай и несколько времени самовластно правил им» [Тизенгаузен 1884: 391]. Видимо, после взятия Сарая Айбеком (Алибеком) Хаджи-Черкес вновь ушел в Астрахань: к 776 г.х. (1374–75 г.) относятся монеты с именем Черкес-бека, чеканенные в Астрахани [Френ 1832: 22; Варваровский 1994: 17; о медном чекане Хаджи-Тархана XIV в. см. Гончаров 1997]¹⁷. В.Л.Егоров полагает, что поход Черкеса на Сарай относится к 1374 г. [Егоров 1980: 201]. Ибн Халдун называет Черкеса преемником Абдаллаха в Сараях: «Хаджи-Черкес, владетель астраханских уделов, пошел на Мамай, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимо» [Тизенгаузен 1884: 391]. В результате похода на Сарай под властью Черкеса оказалось левобережье нижней Волги от Хаджи-Тархана до Нового Сарая. А.Н.Насонов включал во владения Хаджи-Черкеса еще два

¹⁵ Об эпидемиях чумы в средневековых городах см. интересное исследование [Carmichael 1986].

¹⁶ По В.В.Похлебину, Хаджи-Черкес правил в Астрахани первый раз в 1361–1369 гг., а второй — в 1369–1374 гг. [Похлебкин 1999: 8, № 24, 32].

¹⁷ Может быть, Хаджи-Тархан уже во второй половине 40-х — начале 50-х годов XIV в. являлся местом чеканки, так как легенду на одном из типов монет Джанибека (сына Узбека) 753 г.х. (1352–53 г.) можно интерпретировать как «Чекан Тархана», т.е. «Хаджи-Тархана». Х.М.Френ, впервые опубликовавший ее описание, прочел название как «Тарджин», усомнившись в его правильности [Френ 1832: 13, № 101]. Однако скорее всего это монета г. Барджин (G.M.Mellinger помещает Барджин на Сырдырь, выше по течению от Сыгнака [Mellinger 1991]). А.Ю.Сумин пишет о начале чекана в городе Астрахани с 1370 г.(?) и об упадке в 1410 г. [Сумин 1997: 25].

¹⁴ «Можно предположить здесь даже некую колонию русских пленников и даже, возможно, со своею церковью» [Арсланов, Викторин 1995: 337].

улуса — Мохши и Хорезм, однако это мнение не подкреплено источниками, а сведений о монетах Черкеса, чеканенных в Мохши и Хорезме, нет [Насонов 1940: 131; Егоров 1980: 201–202].

Под 1375 г. в русских летописях описан поход новгородских ушкуйников¹⁸ (2000 человек в 70 ушкуях) во главе с воеводами Прокофием (Прокопом) и Смолянином (то есть уроженцем или жителем Смоленска) вниз по Волге. В Астрахани ушкуйники «полон попрадаша»¹⁹; астраханским «князем» в это время был Салчей (или Салчен) [ПСРЛ 1897: 23–24; ПСРЛ 1965а: стб. 113–114; ПСРЛ 1913: 116–117; ПСРЛ 1977: 87; ПСРЛ 1994: 117; Карамзин 1993: 54], внук Джанибека и сын Амата, сына зятя Узбека (легенду о его рождении и происхождении имени см. [Сафаргалиев 1996: 389; Усманов 1972: 114; Иванич 2002: 281–286])²⁰. Черкеса скорее всего уже не было в живых, хотя имеются астраханские медные монеты с его именем чекана 776 г.х. (1374–75 г.) [Янина 1962: 165; Гончаров 1997: 178–179]. Таким образом, Хаджи-Черкес мог быть и жив, а Салчей/Салчен был кем-то вроде градоначальника. «И дошедше до оустья Вольжскаго, до моря и града Хазьторокани, и тамо лестию изби их князь хазьтороканьский, именемъ Салчей» [ПСРЛ 1994: 117]. По мнению М.А. Усманова, Салчи (Салчей) «вполне мог жить и быть взрослым в 70-е годы XIV, когда русская летопись, говоря об Астрахани, упоминает его» [Усманов 1972: 115].

А.П. Григорьев предложил отождествить Салчи и Хаджи-Черкеса. Действительно, для этого как будто бы есть основания. «Слова „салчи“ и „хаджи“, — пишет А.П. Григорьев, — в скорписном арабском написании почти не различимы», а поскольку в тексте Ибн Халдуна, опубликованном В. Тизенгаузеном, есть разночтения, то исследователь выбирает форму «Салчи-Черкес» (Черкесбек). Правил Черкес на золотоордынском престоле, по А.П. Григорьеву, с 1374 до второй половины 1375 г. [Григорьев 1983: 44–45, 54; Григорьев 1985: 166].

Гипотеза А.П. Григорьева весьма привлекательна, так как позволяет разрешить противоречие по поводу того, что приблизительно в одно время разными источниками в городе фиксируются разные правители. Однако у нее есть и недостатки.

Во-первых, разночтения в списках сочинения Ибн Халдуна не столь значительны, как кажется А.П. Григорьеву. Действительно, в ру-

¹⁸ Ушкуйник — речной разбойник (от *ушкуй/ушук* — ладья, лодка). Весьма интересную интерпретацию деятельности ушкуйников (и, в частности, похода 1375 г.) предложила Дж. Мартин: их походы были вызваны не только грабительскими интересами, но и стремлением поддержать и сохранить новгородские приоритеты в волжской торговле. Вслед за грабительскими походами часто следовали торговые экспедиции [Martin 1975: 5–17].

¹⁹ Первую партию пленных ушкуйники продали еще раньше, когда прибыли в «Болгары, еже есть Казань» [ПСРЛ 1897: 24].

²⁰ Может быть, отец Салчей/Салчена — «хан Абат-Хамат», упоминаемый башкирским шейхем под 811 г.х. (1408–09 г.) [Шейхер 1960: 25].

кописи Парижской национальной библиотеки имя астраханского владельца написано через *сад* вместо *ха*, однако это не дает безоговорочного чтения «Салчи» [Тизенгаузен 1884: 374–375]. У ал-Калкашанди (ум. в 1418–19 г.), например, имя Хаджи-Черкеса также пишется через *сад*, но без *алифа* или *ляма* [Тизенгаузен 1884: 397]²¹. Есть варианты в написании даже первого компонента названия города Хаджи-Тархан (см. ниже, прил. I).

Во-вторых, и сам А.П. Григорьев довольно непоследователен в своих построениях. Считая, что Ибн Халдун ошибся, назвав Салчи-Черкеса «Хаджи», исследователь тем не менее при анализе списка ордынских правителей у Муинеддина Натанзи (начало XV в., до 1415 г.) некоего «Хаджи», упомянутого на 10-м месте, отождествляет все-таки с Черкесом [Григорьев 1983: 51].

Наконец, в-третьих, А.П. Григорьев совершенно не учел версию происхождения Салчи, сохранившуюся в «Дафтар-и Чингиз-наме», анонимном татарском историческом произведении конца XVII в. (*датум анте кзем* для этого произведения — 1681–1683 гг.). Согласно этому сочинению, Салчи — сын Амата (сына Исы, зятя Узбека) и дочери Джанибека [История 1907: 156–157; Усманов 1972: 114–115; Ivanics, Usmanov 2002: 82–87]. Тогда как Черкес не Чингизид, а родовой князь, что признает и А.П. Григорьев.

Все это препятствует однозначному отождествлению Салчи с Хаджи-Черкесом, не позволяет безоговорочно согласиться с мнением А.П. Григорьева и заставляет искать новые источники для более детальной разработки темы²².

Ф. Брун отождествлял Черкеса с правителем Солхата Jharcasso segno (signore), т.е. Черкес-беем, который заключил договор с генуэз-

²¹ В издании перевода соответствующего раздела энциклопедии ал-Калкашанди, в котором египетский ученый излагает последовательность правлений Чингизидов по Ибн Халдуну, А.П. Григорьев и О.Б. Фролова безоговорочно предпочли форму Салчи-Черкес [Григорьев, Фролова 1999: 85].

²² Не исключено, что имя *Салчи* сохранилось в топонимике Астрахани. Есть неподтвержденное свидетельство (если это не опечатка), что русское название острова и холма, на котором впоследствии возник новый город (русская Астрахань), — *Заячий* — является испорченным исходным названием *Сайчей*, что может быть вариантом *Салчи/Салчен* (см. [Восточные Известия. Астрахань, 1815, № 18]). По-татарски остров и бугор назывался Шабан [Веренин 1958: 25]. По Энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, холм на левом берегу Волги (Кремлевский) у татар носил название *Шабаз* («высокий» — ?), а у русских «ранее» назывался Заячим [Энциклопедический словарь 1890: 351]. Это несомненная ошибка. Холм назывался Шабан или Заячий [Малиновский 1890: 6]. Примеры такого перехода нередки. Так, остров Балчик (а также одноименная река в 15 верстах выше Астрахани; Baltzik, по А. Олсарино), упоминаемый «Новым летописцем», в Житии первого астраханского архиепископа, Феодосия, превращается в «Беличей». [Исторические путешествия 1936: 64–65; Хроники 1998: 312; Любарский 1848: 21, РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 170б; ОР РГБ, Собр. Ундольского, № 385, л. 9]. Об анонимном Житии Феодосия см. [Саввинский 1903: 25; Дубаков 1997].

цами 28 ноября 1380 г. Этот договор дошел до нас в итальянском переводе, составленном по распоряжению кафинского консула Мелиадуче Катанео в 1383 г. В этом тексте правителем Солхата выступает то *Lharcasso segno*, то *Lo Zicho segno*. Таким образом, переводчик передавал собственное имя правителя и его титул — зихский бей. В другом переводе этого договора владельцем Зихии назван *Ellias/Allias/Elias fiiio [figlio] de Inach Cotoilloboga*, т.е. сын наместника Джанибека Кутлу-Буги-Инека [Брун 1872: 14–15]. Вполне вероятно, что в первом переводе имя зихского князя вообще не упомянуто, а *Lharcasso segno* — это просто определение «Господин Черкесии». То есть это не собственное имя правителя, а две формы титула. Сравни интерпретацию А.П. и В.П. Григорьевыми титула «господин Зихии» в латинском переводе ярлыка Джанибека венецианским купцам Азова (1342 г.) как трансляцию имени Черкес-ходжа (см. [Григорьевы 2002: 48–49]). Такая реконструкция текста вызывает серьезные сомнения: сознательный перевод личного имени в тексте на другой язык — относительно редкое явление. «Легко могло статься, что Черкес-бек хотя и был изгнан из Сарая, но еще держался в Крыму до 1380 г.» [Брун 1872: 16].

Скорее всего именно поход ушкунников 1375 г. нашел отражение в более позднем памятнике — так называемом «Сказании о холопей войне», включенном в хронограф московского историка и литератора Тимофея Каменевича-Рвовского (XVII в.). Сюжет «Сказания» — история длительной войны, происходившей в новгородских землях между собственно новгородцами — словенами и некой общностью, называемой в источнике «старии и новгородстии холопи». «Холопи», изгнанные из Новгорода, находят пристанище в бассейне реки Мологи и прилегающей к ее устью части верхней Волги. Финал истории холопов — их поход вниз по Волге и нападение на «царство Тмотороканское». Воспользовавшись внезапностью, они ночью напали на «тмотороканского царя» и захватили его город. Во время нападения царю удалось скрыться в степи, где он стал ожидать удобного случая отомстить обидчикам. В захваченном городе «холопи» предались пьяному разгулу и потеряли бдительность. На четвертую ночь после падения города царь со всеми своими силами ворвался в него и избил «пьяно спящих» захватчиков. Победа над «холопами» была ознаменована переименованием «царства»: «вместо Тмоторокани» оно стало называться по имени сокрушившего врагов «царя» «Аз-Таракана» «Азь-Тараканское» [Гадло 1999: 53–55].

А.Гадло пытался отнести фабулу повествования к периоду не позднее XI–XII вв. и связывал «холопей» «Сказание» с русами, совершавшими походы в Прикаспий, Закавказье и Причерноморье (исследователь, в частности, сопоставлял данные памятники со сведениями еврейско-хазарской переписки) (см. [Гадло 1999: 55–57]). Оснований для подобных (весьма отдаленных и, в общем, натянутых) сравнений

нет. Гораздо логичнее видеть в финале «Сказания» отражение активности изгнанных из Новгорода разбойников («ушкунников» — «холопей») на нижней Волге в середине 70-х годов XIV в. (тем более что обстоятельства хаджи-тарханского погрома 1375 г. и известия памятника, зафиксированного Тимофеем Каменевичем в XVII в., почти совпадают).

Из описания похода ушкунников 1375 г. можно заключить, что Хаджи-Тархан в это время был крупным центром работорговли. Интересно, что город являлся транзитным центром не только для купцов, но и для всякого рода разбойников, корсаров и солдат удачи. За год до похода новгородцев, в 1374 г., через Астрахань проследовал некий генуэзец Лукино Тариго (*Luchino Tarigo*). Выйдя с несколькими соратниками на барке из Кафы, он доплыл до Таны, поднялся по Дону, видимо в районе Переволоки, добрался до Волги, по которой спустился через Астрахань до Каспия. На море он и его друзья занялись пиратством, однако на обратном пути их самих ограбили, но некоторое количество драгоценностей ему все-таки удалось привезти назад в Кафу. Схожие пиратские экспедиции предпринимались и венецианцами [Heyd 1868: 56; Гейд 1915: 150] (см. также [Бартольд 1966: 662; Галкин 1998: 80; Федоров-Давыдов 1998: 40]).

Сообщая о победах Тохтамыша в 1379–1380 гг., Ибн Халдун пишет и о том, что он «завоевал также удел Хаджи-Черкеса в Астрахани» [Тизенгаузен 1884: 391]. Астрахань была взята Тохтамышем весной или летом 1380 г.; его монеты, выбитые здесь, датированы 782 г.х. (1380–81 г.) [Марков 1896: 480; Егоров 1980: 203; РГАДА, ф. 191 (Г.Я.Кер), оп. 1, ед. хр. 167, оттиски²³]. Видимо, незадолго до этого Астраханью владел ставленник Мамай Мухаммед-Булак: его монеты, чеканенные в Хаджи-Тархане, относятся к 1380 г. — к тому же 782 г.х. [Савельев 1865: 216; Марков 1896: 476; Сафаргалиев 1996: 394; Кучкин 1996: 119]. Однако в этом же году Мухаммед-Булак был убит. По В.А.Кучкину, Мухаммед-Булак правил со времени около 1 марта 1370 г. до второй половины марта 1377 г. [Кучкин 1996: 121, 123]. Но указанные самим В.А.Кучкиным экземпляры монет Мухаммед-Булака 782 г.х., а также не учтенный им чекан 786 г.х. ставят под сомнение выводы исследователя. Возможно, наличие этих экземпляров косвенно свидетельствует в пользу отождествления А.П.Григорьевым Мухаммед-Булака с Тюляком, который, согласно выкладкам В.А.Кучкина, правил со второй половины марта 1377 г. вплоть до осени 1380 г. (падения Мамай) [Григорьев 1983].

²³ Георг-Якоб (Георгий Яковлевич) Кер (Kehr) (27.07.1692 — 05.05.1740), известный немецкий востоковед, приехавший в 1732 г. на работу в Россию, в 1735 г. был приглашен в Академию наук для того, чтобы разобрать, описать и составить каталог 4000 древних «татарских» монет, хранившихся в Кулестамере. Материалы к каталогу хранятся в РГАДА, переводы и другие бумаги ориенталиста — в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд 26) [Библиографический словарь 1974: 185–186; см. также Морозов 1996: 9–12].

Хаджи-тарханские монеты Тохтамыша датируются также 786 г.х. (1384-85 г.), 789 и 795 г.х. (1387-88 и 1392-93 гг. соответственно, а также без года чеканки) [Савельев 1865: 112; Френ 1832: 28, № 245; РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, оттиски, 7 типов]. Видимо, все это время Тохтамыш без перерывов владел городом. Может быть, Тохтамыш выпускал в Хаджи-Тархане монеты от имени Мухаммед-Булака и после смерти последнего: имеются экземпляры 786 г.х. (1384-85 г.) с его именем [Френ 1832: 21, № 176]. Отмечено также существование хаджи-тарханской монеты 787 г.х., которая была чеканена к новому году по хиджре: на ней изображены кувшин с чаркой — символ зодиакального созвездия Водолея [Галкин 1985: 188, 191, 194].

В фонде Г.Я.Кера в РГАДА имеется оттиск хаджи-тарханской монеты Чекре с легендой «Султан великий Чекре-хан» и датой — 597 г.х. (1200-01 г.) [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 159, № 32, отт.]. Понятно, что дата монетного оттиска неверна. Скорее всего здесь имеет место неправильное расположение цифр матрицы. Если принять дату монеты как 795 г.х., то Чекре правил в Хаджи-Тархане в 1392-93 г., т.е. в то же время, что и Тохтамыш, а это вряд ли возможно.

Во время похода Тимура 1392 г. город не пострадал. Астрахань в это время (до 1395 г.) являлась одним из крупнейших торговых центров волжско-каспийского пути [Шарапова 1975: 72, 74; Байкова 1964: 148-149]. В нашем распоряжении имеется подтверждение этому. Из судебного акта (протокола судебного разбирательства), составленного в Венеции 17 июня 1421 г., следует, что некий Пьетро Сторнелло прибыл в Тану в 1391-1392 гг., желая отправиться далее в Хаджи-Тархан («Зитеркан») для ведения там коммерции, что он с успехом и сделал. По мнению автора публикации документа, «мы имеем, таким образом, свидетельство открытости путей через степь от Таны к Каспию накануне похода Тимура» [Карпов 1991: 194].

Во время второго похода Тимура (1395-1396) Астрахань в числе других городов Тохтамыша была взята. Астрахань, как и Сарай, не была разрушена; для управления ею был назначен эмир Омар-и Табан. Последний «заметил проявление враждебности со стороны тамошнего старшины (*каланта*)²⁴ Мухаммеда и доложил об этом у подножия высочайшего трона (т.е. Тимуру. — *И.З.*)». Зимой 1395-96 г. Тимур сам направился к Астрахани, которая с помощью ледяных стен была превращена защитниками в сильную крепость.

В «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди так описываются эти события: «Хаджи-Тархан лежит на берегу реки Итиля, и укрепления его проведены (начиная) от берега этой реки вплотную к воде так, что (обогнув город) опять доходят до реки. Таким образом, с одной стороны города место укрепления занимает река. Так как зимою там лед

до того крепок, что поверхность воды становится такой же, как поверхность земли, то по берегу реки из кусков льда, вместо кирпича и глины, строят стену, которую ночью поливают водой до тех пор, пока все соединится в один кусок. Сделав таким образом высокую (стену), они одним куском льда соединяют стену города с этой стеной и ставят ворота». Вышедший навстречу Тимуру Мухаммед был схвачен и брошен в прорубь, где «сделался добычей рыб». Город был занят, на жителей наложена гигантская контрибуция, а после этого «все, что в нем было одушевленного и неодушевленного (имущества), подверглось грабежу», жителей выселили, а город сожгли [Тизенгаузен 1941: 184-185] (см. также [История Татарии 1937: 82]; обзор точек зрения на кампанию Тимура зимы 1395-96 г. см. [Vásáry 2002: 287-291]).

В дастане об Аксак-Тимуре в «Дафтар-и Чингиз-наме» сказано, что Тимур будто бы пришел в Хаджи-Тархан и прожил там 5-6 лет [Ivanics, Usmanov 2002: 73].

По Е.Ю.Гончарову, после разгрома города там была выпущена монета — крупный медный пул 799 г.х. (1396-97 г.) и в этом же году — серебряные монеты с именем Тохтамыша [Гончаров 1997: 185]. Неясно, значит ли это, что город еще какое-то время сохранял свое значение.

Вместе с тем с 796 по 800 г.х. (1393-94-1397-98 гг.) денежная чеканка в улусе Джучи сильно сокращается. По сведениям Е.Ю.Гончарова, в Сарае ал-Джадид, Хаджи-Тархане и, вероятно, Орде небольшая партия серебра была выпущена от имени неизвестного хана, чье имя предположительно читается как *Бек-Кибал*. Но уже в 800 г.х. в этих городах правит Тимур-Кутлуг [Гончаров 2003: 95]. По сравнению с эпохой Тохтамыша значение Хаджи-Тархана в экономической жизни ханства существенно возросло.

Вскоре после взятия Тимуром Хаджи-Тархана он пришел в запустение и в XV в. уже существовал как относительно небольшой населенный пункт.

По утверждению В.М.Викторина, походом Тимура в 1395 г. было уничтожено «тюркское племя рыболовов на прибрежных островах Каспия т.н. „балыкчияне“ (...то есть рыбаки)» [Викторин 1995: 7]. Племя с таким названием едва ли вообще когда-либо существовало. Исследователь принял обозначение рода занятий жителей волжской дельты и северного побережья Каспия за название этнической группы. Можно указать, что слово *балыкчиян* (рыбаки) с успехом продолжало употребляться и значительно позже указанной автором даты — например, в османском документе 1529 г. (одном из *канун-наме* Азака), опубликованном М.Бериндей и Ж.Вайнштейном [Berindei, Veinstein 1976: 196, 194]. Топоним *балыкчи* (или включающий этот компонент) бытовал в Поволжье в XVIII в. (см., например, [Хисамова 1981: 100]).

²⁴ Об этой должности см. [Lambton 1963: 206-218].

Однако не следует переоценивать масштаб разрушений города, произведенных войсками Тимура. Астрахань продолжала считаться одним из важнейших золотоордынских центров, причем зависимым от Орды в целом. Это следует из сообщения русских летописей: в частности, согласно Сокращенному летописному своду 1493 г., великий князь литовский Витовт в 1399 г. «подумаша думоу съдного с царем с Тахтамышем: „Поидем на царя Темир-Коутлуя своим двором и с многими князьями безчислено, съ мною Литва, Ляхи, Немци, Жемоть, Волохи, Подоляне; яз тебя посажоу на царстве на всей Орде, на Сарай, на Българех, и на Азторохани, и на Язове, и на Заяицкой Орде; а ты мене посади на московском великом княжении, на всей семинатцати тем²⁵, и на Новгороде Великом, и на Пскове, а Тверь и Рязань моя и есть, а Немци и сам возму“» [ПСРЛ 1962: 262–263]²⁶. Как видно из этих слов Витовта, Астрахань не выступает в качестве независимого владения Темир-Кутлуга, а, подобно Азову, Сарая, Булгару, является частью «всей Орды» и по-прежнему считается крупным городским центром. Я.Пеленски, наоборот, считал, что этот текст свидетельствует о достижении Булгаром, Астраханью, Азовом по меньшей мере полунезависимого статуса в процессе распада Орды [Pelenski 1974: 166–167].

Иосафат Барбаро, посещавший Хаджи-Тархан во время своего пребывания в Тане (1436–1452), пишет: «Теперь это почти разрушенный городишко, но в прошлом это был большой и знаменитый город. Ведь до того, как он был разрушен Тамерланом, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани — в Тану... Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [Барбаро и Контарини 1971: 157].

Сообщение И.Барбаро не оставляет сомнений в том, что город по-прежнему находился на правом берегу реки: рассказывая о походе Менгли-Гирея на Астрахань против Муртазы, И.Барбаро пишет, что брат Муртазы переправлялся через реку, чтобы освободить его [Барбаро и Контарини 1971: 156].

Вместе с тем, есть свидетельства, что разрушения города были столь значительны, что восстановлен он был на новом месте — на левом берегу Волги.

В это время Хаджи-Тархан, по-видимому, оставался единственным крупным городским и торговым центром Нижнего Поволжья (помимо Сарая ал-Махруса). По данным анализа кладов джучидских монет, во второй четверти XV в. в Нижнем Поволжье полностью прекращается

²⁵ Под тьмами (*тумен*) имеются в виду 17 десятитысячных округов, на которые, согласно традиционной кочевнической административной структуре, было разделено великое княжество Владимирское в конце XV в. (см. [Трепавлов 1993б: 302]). Ср. [Аверьянов 2001: 157].

²⁶ Об отношениях Витовта с Тахтамышем см. [Prochaska 1912].

денежное обращение, а Хаджи-Тархан в середине — второй половине XV в. являлся единственным местом в регионе, где было налажено производство монеты. Но отсутствие экономических условий для ее обращения приводило к тому, что вся продукция денежного двора Хаджи-Тархана оседала в других частях улуса Джучи (в основном на территории Среднего Поволжья) [Федоров-Давыдов 1960: 119].

В первой половине XV в. город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов-Чингизидов, претендовавших на власть в улусе Джучи. Основателем новой Астрахани взамен города, разрушенного Тимуром, был Тимур-Кутлуг (сын Тимур-Мелика сына Уруса)²⁷, контролировавший этот район после ухода Тимура в 1396 г. М.Г.Сафаргалиев без ссылок на источники писал о том, что Тимур-Кутлуг был провозглашен ханом в Астрахани еще в 1391 г. [Сафаргалиев 1996: 432], а Р.Джуманов называл 1396 год [Джуманов 1993]. В русской редакции татарской родословной сказано: «Темир Бекбулат, у Темир Бекбулата сын Темир Кутлуй царь, первой царь на Астрахани» [Вельяминов-Зернов 1863: 49]. «Темир бек улан, Оздемир бек улана сын Темир Кутлуй первой царь на Устрахани» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 84, л. 79]. О воцарении Тимур-Кутлуга в Астрахани писал в начале XVII в. Кадыр-Али-бек. Согласно этому источнику, беком при Тимур-Кутлуге был Идиге [Джами ат-таварих 1854: 159; Усманов 1972: 80]. Ногайские мирзы в XVI в. считали, что Астрахань — «Темир-Кутлуев царев юрт» [Вельяминов-Зернов 1864: 123]. Связь города с Тимур-Кутлугом («Темир-Кутлы») прослеживается и в крайне сбивчивом фрагменте башкирского исторического произведения, опубликованном в «почти дословном переводе» [Назаров 1890: 167; Соколов 1898: 48] (см. также [Галаятдинов 1998: 162–163]). Видимо, этой же традиции следовал и Ризаэтдин Фахретдинов, татарский историк первой половины XX в., также считавший Тимур-Кутлуга первым астраханским ханом [Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2об.]. Связь Астрахани с Тимур-Кутлугом прослеживается и в «Дафтар-и Чингиз-наме» [Ivanics, Usmanov 2002: 90]. Мюнеджим-баши связывал возникновение астраханской династии с ханом «Ягмурджи» (*يغمورجي*) «из потомства Тимур-Кутлуга», который «стал повелителем племен (обитающих) под Эждерханом — отдаленным городом на севере» [Müneccimbaşı 1285: 695]. В недатированном письме Менгли-Гирея литовским радным панам указывается, однако, на связь потомства Тимур-Кутлуга не с Астраханью, а с территорией Большой Орды, которую несколько позже занимали ногаи. Хан, упрекая Раду в переговорах с врагом Крыма — ханом Ахматом, писал: «Котории и вам и нам неприятель — Темир-Кутлу царевым сыном Юхматом, царем, нослы пославши, приятели есте стали... Ино

²⁷ См. [Müneccimbaşı 1285: 694].

здавна Темир-Кутлу царевых детей житлу за Волгою подле Яика; их приязнь к вам николи не была» [Малиновский 1901: 133–134, № XXIII].

Связь потомков Туга(Тукай)-Тимура с Астраханью подчеркивается не только в сочинениях позднейших татарских и турецких историков [Шеджере 1906; Нур, 197b]. Махмуд б. Вали в «Бахр ал-асрар» писал, что Бату, отметив особо заслуги Тукай-Тимура (своего брата) во время «семилетнего похода» (на запад), выделил «из каучинов» минг, тархан, ушун, ойрат и передал их в подчинение брату. В качестве удела он пожаловал ему область асов (*вилайет-и ас*) и Мангышлак. В другом месте «Моря тайн» Махмуд сообщал, что потомки Тукай-Тимура, «согласно воле Бату», властвовали также над Хаджи-Тарханом. Войско Тукай-Тимура и его потомков вошло в состав левого крыла армии Джучидов [Кляшторный, Султанов 1992: 188–189]. Согласно «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи (написано на персидском в Ширазе в 1413–1414 гг.), после смерти Ногай улус Джучи разделился на две части: правое крыло и «Кок-Орда утвердила за собой страну Урус, Черкес, Ас, Мхши, Булар, Маджар, Авкек, Башгырд, Либкай, Хаджи-Тархан и Ак-Сарай, а другая область Дженда, Барченда, Сыгнака и величала себя Сол-Кол и Ак-Орда» (т.е. Левая рука и Белая орда). В другом месте Натанзи пишет, что правое крыло, к которому относились Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башгырд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая [Кляшторный, Султанов 1992: 194].

Еще В.В.Бартольд, а потом и Т.И.Султанов показали, что рассказ Натанзи о времени и обстоятельствах образования Ак-Орды и Кок-Орды не соответствует действительности. На самом деле термин «Кок-Орда» прилагался к ставке Джучи в верховьях Иртыша, а позже стал применяться для обозначения владений потомков сына Джучи, Орда-Эджена (от верховий Иртыша на запад к Или и Сырдарье). Джучиды Кок-Орды являлись царевичами левого крыла. Термин же «Ак-Орда» применялся для обозначения области владений потомков другого сына Джучи, Шибана (между владениями Орда-Эджена и личным доменом первых золотоордынских ханов на нижней Волге). Войско царевичей Ак-Орды входило в состав правого крыла армии Джучидов [Кляшторный, Султанов 1992: 195].

Преемник Тимур-Кутлука, его племянник (сын Кучека²⁸) Шадибек, с 805 г.х. (1402–03 г.) чеканит в Астрахани монеты, на которых уже появляется название «Хаджи-Тархан ал-Джедид» — «Новый Хаджи-

²⁸ По М.Г.Сафаргалиеву. По шейбанидским родословным, Шадибек был Туга-Тимуром, сыном Кутлу-бека б. Кутлуг-Бути б. Тимур-Мелика. По Мюнеджим-баши, Шади-мелек — сын Тимур-Кутлуга, который стал править в Деште после смерти отца в 802 г.х. (1399–1400 г.). Сам Шади-мелек умер в 811 г.х. (1408–09 г.) (см. [Müneccimbaşı 1285: 695]).

Тархан» [Френ 1832: 32, № 292, 43; Марков 1896: 494, № 1302–1304; Федоров-Давыдов 1960: 173]. Это были первые выпуски новых монет после реформы 802 г.х. (1399–1400 г.), изменившей вес дирхема с 1,4 до 1,13 грамма [Федоров-Давыдов 1960: 119]. В фонде Г.Я.Кера есть оттиск хаджи-тарханской монеты Шадибека с датой 789 г.х. [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, отт.], т.е. 1387–88 г., когда там правил Тохтамыш, что ставит под сомнение правильность расположения цифр на этой монете. Может быть, правильнее 798 г.х. (1395–96 г.)?

В портолане Каспийского моря, созданном не позднее 1525 г. в Далмации или Италии, наряду с названием Gittarcan (немного западнее низовьев Волги, напротив Сарая) к востоку от дельты отмечен некий пункт под названием Iangoquent. Издатель портолана Э.П.Голдшмидт допускал две возможности, объясняющие это название. Под Янгикентом мог подразумеваться новый Хаджи-Тархан (Янгикент — «Новый город»), с другой стороны, не исключена связь с Янгикентом в низовьях Сырдарьи. Сам Э.П.Голдшмидт склонялся к первому варианту [Goldschmidt 1944: 276]. Помочь в объяснении этого названия может анализ других топонимов портолана 1525 г. Так, выше по течению Волги на левом берегу над Янгикентом показан некий Eschisari. Э.П.Голдшмидт оставил это название без внимания. Мне представляется, что в топониме Eschisari можно выделить две составляющие. Первая — это, безусловно, «Эски», т.е. «Старый». Вторая — либо «Сарь» («Желтый», ср. с названиями Сарытау/Саратов и Сарытин/Царицын), либо «Şehir» («Город»), либо «Сарай». Последний вариант кажется мне более предпочтительным. Таким образом, автор портолана 1525 г. показал на левом берегу Волги два населенных пункта, безусловно связанных между собой, — «Эски Сарай» (или «Эскишехир») и «Янгикент», т.е. «Старый Сарай» и «Новый город». Неясно, к сожалению, к какому именно городу относятся определения «старый» и «новый» в портолане — к Хаджи-Тархану, Сараю или иному населенному пункту.

Известны экземпляры монет Шадибека, выбитые в Хаджи-Тархане, с датой 807 г.х. (1404–05 г.) [Савельев 1865: 306, № 540; Федоров-Давыдов 1960: 173] и 808 г.х. (1405–06 г.) [Марков 1896: 494, № 1324, 495, № 1331]. Мне кажется сомнительным существование хаджи-тарханских монет Шадибека с датой 808 г.х. Воспроизведение штемпеля монеты 808 г.х. читается как 708 г.х. (V·Λ). Трудно объяснить ошибку мастера, изготовлявшего матрицу, в сто лет. Скорее дата на оттиске матрицы является зеркальной, т.е. имело место неправильное (прямое, вместо нужного зеркального) размещение цифр на матрице. В зеркальном отражении эти цифры дают нам все тот же, 807 г.х. (Λ·V) [Марков 1896: 495, № 1331]. Примеры ошибок подобного рода в цифровых обозначениях даты на монетах весьма многочисленны (см. [Давидович 1989: 212–213]).

При Шадибеке в последний раз в истории Золотой Орды произошло объединение всех прежних улусов дома Джучи; судя по его монетам, выбитым в Кафе, Азаке, Дербенте, Баку, а в последние годы правления — и в Хорезме, он начал править в 1400 г. [Сафаргалиев 1996: 435]. В 1407 г. он был низложен сторонниками Джелал ад-Дина, сына Тохтамыша [Сафаргалиев 1996: 437]. Одни из последних его поволжских монет (булгарские) датируются 809 г.х. (1406-07 г.) [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 155, л. 1, отт.]. Шадибек бежал от Едиге в Дербент и нашел приют у ширваншаха Шейх-Ибрахима. Несмотря на требования Едиге выдать Шадибека, ширваншах не сделал этого. Шадибек умер в Ширване [Ашурбейли 1983: 244].

В последующие несколько лет, во время «неурядиц» в Орде, город переходит из рук в руки. В 812 г.х. (1409-10 г.) монеты в Хаджи-Тархане чеканит Пулад [Марков 1896: 497, № 1393, 1394]. По Мюнеджим-баши, который называет его Фуладом, он был сыном Шадимелека, т.е. Шадибека [Müneccimbaşı 1285: 695]. Есть его монеты, выбитые в Хаджи-Тархане, без обозначения даты [Френ 1832: 33, № 299; Федоров-Давыдов 1960: 167], а также сомнительные хаджи-тарханские экземпляры с датой 810 г.х. (1407-08 г.) [Федоров-Давыдов 1960: 174]. Какое-то время городом владел Тимур-хан²⁹ (в промежутке между 813 (1410-11 г.) и 814 (1411-12 г.) гг.х.) [Савельев 1865: 316; № 558; Марков 1896: 499]. В 817 г.х. (1414-15 г.) Астраханью владел другой сын Тохтамыша — Кепек, чеканивший там монеты, но не все его хаджи-тарханские выпуски снабжены датами [Савельев 1865: 322, № 566; Марков 1896: 501; Федоров-Давыдов 1960: 167]. Вероятно, следом за ним (хаджи-тарханские экземпляры, датированные 817 г.х. (1414-15 г.) правил Чекре [Федоров-Давыдов 1960: 167, 171, 173]. Есть его же монеты 818 г.х. (1415-16 г.) (и хаджи-тарханская монета 818 г.х., хотя на обороте этого экземпляра стоит 817 г.) [Френ 1832: 34, № 307; Федоров-Давыдов 1960: 176].

В 821 г.х. (1419 г.) монеты здесь чеканит уже Дервиш-хан, в 1418 г. возведенный на трон в Дешт-и Кипчаке Едиге [Марков 1896: 503; Сафаргалиев 1996: 445], а в 822 г.х. (1419-20 г.) — Кучук-Мухаммед [Френ 1832: 34, № 311, 312, 313]. В фонде Г.Я.Кера сохранились оттиски хаджи-тарханских монет некоего хана Мухаммеда 722 и 74[3]8 гг.х. [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167]. Вероятно, дату 722 г.х. следует читать как 822 г.х. и отождествлять Мухаммеда с Кучук-Мухаммедом. Относительно второй даты определить сложнее.

В 830 г.х. (1426-27 г.) монеты в Хаджи-Тархане выпускает Улуг-Мухаммед [Марков 1896: 503], который сменил на ордынском троне Кучук-Мухаммеда. Скорее всего именно эти события нашли отражение в исторической справке последнего крымского хана — Шахин-

Гирея русскому резиденту Константинову: «Улуг-Мугамед-хан прибыл в Крым, жил тут, владея всеми оными землями, до вступления на престол Волгской Темир ханова меньшаго сына Мугамед-хана; по завладении ж означенного хана престолом, Улуг-Мегмет-хан пошел с войском противу онаго и по окончании целогодовой войны заключил с ним мир, по силе котораго от реки Волги по реку Днестр остались все земли во владении Улуг-Мегмет-хана» [Дубровин 1887: 481].

Помимо этого имеются монеты без обозначения дат, выбитые в Хаджи-Тархане ханами Джелал ад-Дином³⁰ и Керим-Берди [Савельев 1865: 318, 321, 323], а также Мухаммед Тимуром (легенда: «Султан великий Мухаммед Тимур» / «Чекан Хаджи-Тархана») (см. [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167] и анонимными правителями тоже без дат [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, оттиски, 5 видов]. Видимо, очень короткое время Астраханью владел и Девлет-Берди (сын Таш-Тимура; дядя основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея): его монеты, выбитые в Астрахани, датируются 831 г.х. (1427-28 г.) [Френ 1832: 35, № 314; 43; Марков 1896: 503]. Имеется оттиск одного экземпляра монеты, выбитой в Хаджи-Тархане Мустафой, сыном Гийас ад-Дина, без обозначения года [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, оттиски].

На экземплярах монет последних двух ханов, а также чекане Мухаммеда б. Тимура (Кучук-Мухаммеда) и его сына Махмуда встречается тамга в виде двузубца с двумя точками. По мнению А.Г.Нестерова, уже в первой половине XV в. тамги на джучидских монетах стали приобретать не столько родовой, сколько локальный характер, «и владение Хаджи-Тарханом и Орду Базаром само по себе уже давало право помещать на монетах тамгу в виде двузубца с двумя точками». Позже эта тамга появляется на монетах, которые А.Г.Нестеров убедительно связывает с именем Шибанида Сайид-Ибрахима б. Хаджи Мухаммеда (Ибака) и датирует временем после разгрома хана Ахмеда, т.е. 1481 годом [Нестеров 2001: 275–276, 277].

²⁹ Вероятно, тождествен Тимур-султану, который, по Мюнеджим-баши, был дядей Пулада по отцу [Müneccimbaşı 1285:695].

³⁰ Султан Джелал ад-Дин, сын Тохтамыша, по Мюнеджим-баши, правил в 814 г.х. (1411-12 г.) [Müneccimbaşı 1285:695].

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА¹

Когда под Астраханью ваше войско
Не устояло, и ногайцы, дрогнув,
Бежали, и свирепый хорезмийский
Султан, насильник дикий и захватчик
Державы вашей, начал все кругом
Опустошать, я, раненый и скорбный,
Укрылся в Астрахань...

Карло Гоцци. «Турандот»

Социально-экономические, этнокультурные и политические причины распада некогда единой державы — улуса Джучи и образования новых государств довольно подробно освещены в ряде работ отечественных и зарубежных авторов² и не составляют предмет нашего рассмотрения. По словам Ю.Е.Варваровского, «политический распад Улуса Джучи не зависел даже от составляющих его субъектов, поскольку причины рассматриваемой децентрализации не представляли самостоятельного начала, они являлись следствием гипертрофизации отдельных факторов, органически присутствующих уже в самом становлении данного политического образования. Именно поэтому, „запрограммированные“ еще в ходе событий 60–70-х годов XIV века, контуры Казанского, Крымского, Астраханского ханств, Большой и Ногайской Орды, в первой половине XV столетия становятся устойчивыми границами» [Варваровский 1994: 22].

По словам отечественного исследователя истории Золотой Орды М.Г.Сафаргалиева, вопрос об образовании Астраханского ханства «долгое время в нашей исторической литературе оставался неясным ввиду недостатка источников» [Сафаргалиев 1996: 512]. Эти слова были написаны ученым почти 40 лет назад. Однако и поныне ситуация практически не изменилась: ранняя история Астраханского ханства продолжает оставаться изученной очень плохо. Не выяснена дата основания ханства, до конца неизвестна конкретная хронология прав-

ления ханов, не изучен внутривластный строй Астраханского государства и особенности его внешней политики. Работы, посвященные ранней истории Астраханского ханства, по существу, отсутствуют. Можно назвать лишь работу М.Г.Сафаргалиева, опубликованную в 1952 г. [Сафаргалиев 1952], однако она уже не отвечает современному уровню наших знаний об истории этого государственного образования³.

Такая ситуация делает изучение истории Астраханского государства весьма актуальным. Обратимся к одному из аспектов этой истории: вопросу о времени возникновения ханства.

К 831 г.х. (1427–28 г.) относил астраханские монеты Кучук-Мухаммеда А.К.Марков [Марков 1896: 530], однако М.Г.Сафаргалиев предположил, что А.К.Марков имел на руках дефектные экземпляры, так как Кучук-Мухаммед упоминается в источниках только с 834 г.х. (1430–31 г.) [Сафаргалиев 1996: 488]. Во всяком случае, в 1437 г., во время войны с Улуг-Мухаммедом, Кучук-Мухаммед двинулся на запад из района Астрахани, где он, судя по монетам, возможно, пребывал с 1433 г. [Сафаргалиев 1996: 488; Марков 1896: 502–503, 530; Флоря 2001: 182].

Кучук-Мухаммед, хан Большой Орды, был внуком Тимур-Кутлука (сыном его сына Тимура). Астрахань как часть Большой Орды принадлежала ему до его смерти в 1459 г. [Сафаргалиев 1952: 34; Лэн-Пуль 1899: 193]⁴.

Пожалуй, первым обратился к специальному изучению истории государства в Астрахани Г.Ховорс. «Среди осколков Золотой Орды Астраханское ханство имело все права, чтобы считаться законным наследником ее древнего могущества. В действительности это и была Золотая Орда со значительно уменьшенной территорией⁵, ограниченная современными (Ховорсу. — И.З.) Астраханской и Кавказской губерниями, но она была под властью князей того же рода и, очевидно, поддерживала управление каспийской торговлей и в значительной

³ Статья Р.Фахрутдинова, специально посвященная распаду Золотой Орды и образованию Астраханского ханства, фактически является повторением взглядов М.Г.Сафаргалиева и не вносит ничего принципиально нового в разработку темы.

⁴ В литературе упоминается о хаджи-тарханской монете некоего Мухаммед-хана 877 г.х. (клад у с. Заполье Спасского уезда Рязанской губернии), найденной в 1892 г. и хранящейся ныне в Рязанском музее [Федоров-Давыдов 1960: 172]. Кто этот Мухаммед-хан, мне неизвестно. Быть Кучук-Мухаммедом этот хан никак не мог. Учитывая то, что эта монета существует в единственном экземпляре и заново не прочитывалась, можно предположить, что имеет место неверное прочтение либо даты, либо имени хана (может быть, правильнее Махмуд?).

⁵ Ср., например, с выводами Н.Н.Фирсова: эта татарская монархия (т.е. Астраханское ханство) «была в сущности тою же полукочевой Золотой Ордой, но в значительно меньшем масштабе, Золотой Ордой, потерявшей свое значение и пышный титул и передвинувшейся из зимней резиденции прежних золотоордынских ханов к бывшему центру прежнего хозарского общественного союза» [Фирсов 1920: 58].

¹ Тезисы данной главы см. [Zaitsev 2000a: 172–174; Зайцев 2002: 36–62].

² Приведем лишь классическую работу М.Г.Сафаргалиева [Сафаргалиев 1996] и одну из последних по времени работ, где специально анализируется литература по теме [Чхао 1995: 16–18].

степени сохраняла вассальную зависимость ногаев. Вполне возможно, что после смерти Кучук Мухаммеда два его сына... Махмуд хан и Ахмед хан в какой-то мере разделили Орду между собой, и частью Махмуд хана оказалась нижняя Волга» [Howorth 1880: 349]. Почти вся последующая научная (и ненаучная) литература, касающаяся Астраханского ханства, являлась, по сути, развитием (или повторением) этих положений британского востоковеда.

М.Г.Сафаргалиев в одной из своих статей называл именно 1459 год датой основания ханства [Сафаргалиев 1952: 34] (см. также [Фахрутдинов 1992: № 25(36)]), однако в более поздней работе, используя новые источники, назвал 1459 г. началом политического кризиса, который привел к отпадению Астрахани от Большой Орды, а дату основания ханства отнес к 1466 г. [Сафаргалиев 1996: 510, 512]. Заметим, что у М.Г.Сафаргалиева были предшественники: 1466 г. (871 г.х.) как дату основания ханства привел в статье «Астрахань» в турецкой «Энциклопедии ислама» Р.Р.Арат. Он считал основателем государства сына Махмуда, Касима, который правил до 1490 г., после чего престол (до 1504 г.) занимал его брат Абд ал-Керим [Arat 1940: 680]. Имя Касима как основателя ханства и дата 1466 г. прочно вошли и в другие (в том числе обобщающие и справочные) издания [Hofman 1969a: 290; Yapp 1970: 500; Huttenbach 1974: 34; Rorlich 1986: 20, 23; Rorlich 1992: 276] (ср. [Мухамедьяров 2002: 157]).

И.Б.Греков считал, что к 1466 г. относится попытка Мехмеда II наладить отношения с Астраханью, из чего можно заключить, что, по мнению исследователя, Астрахань в это время представляла собой вполне самостоятельную силу на международной арене [Греков 1963: 152]. Так же считает и А.А.Горский: конфликт племянника Ахмеда Касима с дядей в 1476 г. он расценивает как попытку поставить самостоятельного астраханского хана в зависимость от хана возрождаемой Золотой Орды, тогда как время образования независимой Астрахани относит, видимо, к более раннему времени [Горский 1997: 25, и примеч. 34; 2000: 161].

Более определенно высказывался Л.Е.Вереин: он относил к 1459–1460 гг. начало существования независимого Астраханского ханства, первым ханом которого был Махмуд, а после его смерти в 1461 г. — его сын [Вереин 1958: 11]. В первом томе Советской исторической энциклопедии начало независимости Астрахани связывалось с Хаджи-Черкесом (вторая половина XIV в.), а окончательное обособление и образование ханства относились к 1459–1460 гг. Первым ханом в новом государстве назывался Махмуд [СИЭ 1961: стб. 908]. Те же годы называли А.В.Воробьев [Воробьев 1972: 10], Л.С.Семенов [Семенов 1980: 43], Д.М.Макаров [Макаров 1981: 5], С.Х.Алишев [Алишев 1995a: 239; Алишев 1995: 154] и Ю.А.Макаренко [Макаренко 1997: 15]. В литературе можно встретить и менее конкретные даты. Например, В.О.Ключевский

писал, что в XV в. Золотая Орда уже распадалась и окончательно разрушилась в начале XVI в. Именно из ее развалин «образовались новые татарские гнезда», в том числе и «царства Казанское и Астраханское» [Ключевский 1957: 208]. А.Штылько считал, что Астрахань сделалась «резиденцией ханов вновь образовавшейся Астраханской Орды» в XIV в. [Штылько 1898: 2] (см. также [Нейгардт 1862: 115]), а П.П.Иванов писал, что Астраханское ханство образовалось к середине XV в.; родоначальником астраханской династии он считал Уруса [Иванов 1958: 16, 35]. «В 30-х годах XV в., — считает В.А.Кучкин, — от нее (Золотой Орды. — И.З.) отделяются Среднее Поволжье, Крым, Астрахань. <...> Преемницей Золотой Орды с 30-х годов XV в. стала Большая Орда, ханам которой вынуждены были по-прежнему подчиняться и платить дань русские князья» [Кучкин 1991: 26–27]. Авторы «Очерков истории Ставропольского края» считали, что в первой половине XV в., когда «от Золотой Орды отпали Крым и Булгары, там образовались Крымское и Казанское ханства. В Нижнем Поволжье возникло Астраханское ханство» [Очерки 1986: 113]. Е.В.Шнайдштейн относит возникновение самостоятельного государства в Астрахани ко времени после походов Тимура [Шнайдштейн 1996: 142]. Турецкий историк М.Кафалы связывал происхождение Астраханского ханства с потомками Тимур-Кутлука, в особенности с сыном Кучук-Мухаммеда Ахмедом [Kafali 1976: 31–32]. В комментариях к «Фрагментам» Михалона Литвина М.А.Усманов писал, что Астраханское ханство выделилось из состава Золотой Орды в XIV в.; окончательно обособилось около 1459–1460 гг.; первым правителем был Махмуд [Литвин 1994: 108]. Некоторые историки не называют точных дат возникновения ханства, однако даже из такого изложения можно сделать вывод о том, что, по их мнению, возникло оно в XV в. [Федоров-Давыдов 1974: 211], во второй его половине (например, [Halperin 1985: 29]), 30–70-х годах [Кляшторный, Султанов 2000: 218] (ср. [Андреевский 1892: 5]) или даже в конце столетия [Арзютов 1930: 10].

В статье, посвященной Астрахани, в первом издании Энциклопедии ислама В.В.Бартольд писал о появлении в Астрахани новой правящей династии после падения Золотой Орды, не называя точной даты появления нового политического организма на карте Восточной Европы [Бартольд 1965: 336; Barthold 1987: 494]. Польский историк Л.Подгородецкий считал, что Астраханское ханство возникло в 1450–1464 гг. [Podhorodecki 1987: 104].

Б.-А.Б.Кочкаев предлагал считать в качестве даты основания ханства 50-е годы XV в., «когда после смерти хана Большой Орды Кучук-Мухаммеда его дети разделили улусы, и Махмуду досталась Астрахань» [Кочкаев 1988: 61]. И.В.Иванов и И.Б.Васильев полагают, что ханство возникло в 1450–1460 гг. [Иванов, Васильев 1995: 175], а Л.Ш.Арсланов и В.М.Викторин писали о том, что столицей Астра-

ханского ханства город стал в середине XV в. [Арсланов, Викторин 1995: 338]. Р.Джуманов считал датой образования ханства 1465 год [Джуманов 1993], этот же год называет и С.Ф.Фаизов: согласно точке зрения этого автора, первым астраханским ханом был Махмуд [Фаизов 1999: 19].

Ш.Марджани относил начало правления хана Касима (сына Махмуда) в Астрахани к 870 г.х. (1465-66 г.) [Марджани 1885: 134]. У М.М.Рамзи, следовавшего Ш.Марджани, видимо ошибочно, указан 880 г.х. [Рамзи 1908: 5]⁶.

Г.Газиз (Г.С.Губайдуллин), не называя года основания ханства, писал: «Когда Золотая Орда стала слабеть, ее вассал — эмир города образовал Астраханское ханство. После взятия турками Босфора город полностью перешел во владение вассала Турции — Крымского ханства» [Газиз 1994: 89]. Из этого утверждения можно сделать вывод о том, что Г.Газиз (вообще мало внятный в своих исторических выкладках) относил основание ханства ко времени до 1453 г.

Один из первых историков Золотой Орды, Й. фон Хаммер-Пургшталль, считал первым астраханским ханом Ягмурчи, зятя Кучук-Мухаммеда [Hammer 1840: 409]⁷. Б.Шпулер писал об образовании в Астрахани «татарской династии ногайских князей, ответвившихся от татарского хана Кучук Мехмеда» в 871 г.х. (1466 г.) [Spuler 1960: 721], хотя в своей ранней работе не был столь категоричен [Spuler 1940: 365]. О времени около 1466 г. как дате основания «ничтожного астраханского ханства», последнего владения дома Орды, писал С.Лэн-Пуль [Лэн-Пуль 1899: 190]. Эту же точку зрения поддерживает и Лео де Хэртог [Hartog 1996: 152]. К 1466 г. относили основание нового ханства и турецкие историки А.Н.Курат, С.К.Сефероглу и А.Мюдеррисоглу, Й.Озтуна, а также М.Сапар [Kurat 1972: 274; Seferoglu, Müderrisoğlu 1986: 118; Öztuna 1989: 553; Saray 1994: 269]. В литературе об Астрахани встречается утверждение, что ханство возникло в 1495 г. (например, в исторической справке, приложенной к карте Астраханской области, изданной в Москве в 1997 г. Военно-топографическим управлением Генерального штаба). Авторы «Очерков по истории Волгоградского края» относили образование Астраханского ханства ко времени после гибели хана Ахмеда (1481 г.): «Золотая Орда теперь превратилась в обыкновенное Астраханское ханство, которое вплоть до ликвидации его Иваном IV находилось в зависимости от Крымского и Казанского ханства» [Очерки 1974: 35]⁸. В Большой советской энциклопедии

выделение Астраханского «царства» из Золотой Орды относилось к концу XV в. [Астраханское 1926: стб. 658].

Особой оригинальностью отличается точка зрения К.Даниярова. Приводим ее для полноты картины. Астраханское ханство со столицей «Хажы-Тархан» (в казахском произношении) возникло в 1459–1460 гг. «на территории современной Калмыкии». В конце XV в. оно попало в зависимость от Крымского ханства. «В 1634 г., — пишет автор, — в Астраханское ханство стали стекаться ногаи с восточного берега Едилы (Волги) из-за внезапного вторжения туда калмыков, в связи с чем население Астраханского ханства значительно увеличилось». Перестало же существовать ханство «в течение нескольких лет». «Последним ханом был Жанбыршы-хан» [Данияров 1999: 201]. Что это был за хан, автор не поясняет. Мне Джучид с таким именем неизвестен (если только это не неправильное прочтение имени Ямгурчи). Как видно, К.Данияров считал, что Астраханское ханство существовало и в XVII в.

Наконец, необходимо привести мнение В.Л.Егорова, который писал, что ханство образовалось в начале XVI в., после разгрома Большой Орды Крымским ханством (1502 г.) [Егоров 1994: 130]. Эта совершенно справедливая точка зрения, к сожалению, никак не была аргументирована. Несмотря на это, утверждение В.Л.Егорова без изменений было повторено в энциклопедическом словаре «История Отечества» [История Отечества 1999: 116] и скорее всего послужило источником для комментариев И.В.Кучумова и Ф.А.Шакуровой к переизданию «Топографии Оренбургской губернии» П.И.Рычкова [Рычков 1999: 295], в которых начало XVI в. также фигурирует как время образования ханства. Одновременно подобные выводы (тоже без аргументации) стали появляться и в западных работах по истории России [Martin 1995: 204, 303, 322].

Мнение об образовании Астраханского государства именно после разгрома Большой Орды высказывалось впервые еще в начале XX в., однако, к сожалению, эта точка зрения осталась почти незамеченной. Видный татарский историк Г.Ахмеров в работе «История Казани» (Казань, 1910) относил возникновение ханства именно к этому периоду, когда после победы Менгли-Гирея «часть ордынских татар присоединилась к Казани, а другая часть образовала отдельное небольшое ханство со столицей в Астрахани, которое по значимости и силе намного уступало Казани». Правда, Г.Ахмеров относил этот разгром Большой Орды к концу XV в., а ханство считал созданным ногаями, посадившими в городе своего хана [Ахмеров 1998: 72–73, 75, 76]. Г.В.Вернадский писал, что к середине XV в. Золотая Орда была разделена на три отдельных государства — Казанское и Крымское ханства и Большую Орду. Астрахань как самостоятельный политический организм он не упоминал [Вернадский 1997: 8].

⁶ О Мухаммеде Мураде Рамзи см. [Гараева 1985], а также [Зайцев 2002а: 83–93]. Об отношениях Рамзи к Марджани и освещении этого вопроса А.-З.Валиди Тоганом см., в частности, [Салихов 2001: 31–32].

⁷ Возможно, что на Хаммера повлиял здесь Мюнеджим-башни (см. выше).

⁸ Ту же точку зрения разделял, по всей видимости, и В.В.Похлебкин [Похлебкин 1999: 9].

Разброс во мнениях довольно значителен. Пожалуй, только точка зрения М.Г.Сафаргалиева подкреплена ссылками на источники, прочие же утверждения голословны.

Попробуем заново проанализировать источники по ранней истории Астраханского ханства.

На всем протяжении второй половины XV в. Астрахань как *самостоятельное государство* (царство, ханство) ни в одном из известных мне источников не упоминается.

В сочинении Масуда б. Османа Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» описывается сражение основателя государства кочевых узбеков Шибанида Абу-л-Хайра с некими ханами Ахмедом и Махмудом, «которые были из падишахов потомства Джучи» и, «подняв знамя мятежа и бунта, встали на путь непокорности и непослушания...» Абу-л-Хайру⁹ [Ибрагимов 1958: 93]. Абу-л-Хайр «направил повода решимости в сторону» братьев [Ибрагимов 1958: 94], выступив против внушительной коалиции (союза Махмуда и Ахмеда, их отца Кучук-Мухаммеда и братьев Джавак-султана и Башйак-султана), и в сражении в местности Акри-Туб¹⁰ одержал победу (по Масуду Кухистани, благодаря силе волшебного камня *яда*, поднялись ужасные ураган и буря, обратившие боевые порядки братьев в бегство).

По сообщению Масуда Кухистани, Абу-л-Хайр Убайдаллах захватил ставку братьев Орда-Базар, располагавшуюся в местности, где ранее была ставка Бату. Отождествление этого места с реальным географическим пунктом затруднительно, однако некоторые предположения сделать все же можно. По мнению А.А.Семенова [Семенов 1954: 25], Икри-Туб находился где-то в присырдарьинских степях. Без особого сомнения можно сопоставить вторую часть топонима с тюркским *туб/туп* — «дно, основа, подошва, основание, начало»¹¹. Битва происходила около какой-то реки, поскольку при описании подвигов бахадуров Абу-л-Хайра несколько раз упоминается, что они переправлялись по воде [Ибрагимов 1958: 94]. Большой рекой во владениях Ахмеда и Махмуда в то время мог быть Яик. Именно на Яике и нахо-

дился скорее всего Ордубазар. У Масуда Кухистани Абу-л-Хайр после битвы «направился в сторону орды августейшей в Ордубазар, который был столицей Дешт-и-Кыпчака и славой султанов света, вошел в обладание наместников двора хана, убежища мира» [Ибрагимов 1958: 94]. О Хаджи-Тархане как ставке Кучук-Мухаммеда и его сыновей не упоминается, тем не менее Б.А.Ахмедов предполагает, что братья после поражения бежали именно туда, укрывшись за стенами города [Ахмедов 1965: 51]. По мнению П.П.Иванова, Ахмед и Махмуд, «оставшиеся непобежденными», были наиболее упорными из противников Абу-л-Хайра [Иванов 1958: 36].

Согласно информации Курбангали Халидова¹² о происхождении кара-ногаев, в репертуаре казахских, ногайских и казанско-татарских певцов была песня о раздоре между ханами Улуг-Мухаммедом и Кучук-Мухаммедом. Как свидетельствует песня, третий сын основателя Казанского ханства Улуг-Мухаммеда, Якуб, после смерти отца ушел из Казани вниз по Волге и жил в Астрахани и ее окрестностях. Ушедшие с Якубом стали именоваться «кара-ногай» [Халидов 1910: 183]. Как осторожно предположил А.Б.Булатов, возможно, известный ныне в составе кара-ногаев род «казан увылы уругы» (т.е. «род сына Казана») восходит к ногаям Якуба [Булатов 1974: 189; Мухамедьяров 2002: 158]¹³. Ни подтвердить, ни опровергнуть данные об уходе

¹² Курбангали Халидов (Халиди) (1846–1913) — имам мечети в г. Чугучаке (Татчэн в Синьцзяне, у самой казахской границы). О нем и его труде см. [Жапбасбаева 1986: 190–192].

¹³ Этнические связи между Астраханским ханством, с одной стороны, и Казанью, Ногайской Ордой, Крымом и Сибирью — с другой, видимо, были чрезвычайно тесными. Эта тема заслуживает отдельного исследования. Вероятно, прав был Р.И.Ижбердеев, когда писал: «Пока нет достаточных оснований говорить об особом едином этносе в Астраханском ханстве с его хозяйственным дуализмом. Сам Хаджи-Тархан... по золотоордынской традиции, видимо, напоминал салатницу, где каждый ингредиент сохранял самобытность. Степняки вряд ли сильно отличались от тех же ногаев. Не исключен и постоянный обмен Астраханского ханства кочевыми племенами с Ногайской и Большой Ордами. Отметим, что в начале века (двадцатого. — И.З.) Г.Н.Ахмаров отмечал у средневожских мишарей представления о пребывании их предков когда-то близ Астрахани на Ахтубе» [Ижбердеев 1994: 39] (см. также [Шнайдштейн 1989а]). В свою очередь, упомянем о существовании в Казанском ханстве деревни под названием Астрахань (на Ногайской дороге), хотя скорее всего эта форма топонима — влияние русского языка [Чернышев 1971: 276, 284, № 33]. По мнению Л.Ш.Арсланова и В.М.Викторина, для XV в. «мы имеем совокупность нескольких родственных тюркских этносов кыпчакского происхождения, кочевых (или же вынужденных вернуться к кочевому скотоводству), но вошедших в разные политические, государственные образования» [Арсланов, Викторин 1995: 337] (см. там же об этническом взаимодействии Астрахани с Ногайской Ордой). Согласимся с выводами Д.М.Исхакова: «...под астраханскими татарами (астраханцами) периода Астраханского ханства надо иметь в виду юртовских татар, явно образующих самостоятельную этническую общность (народность). Однако данная общность в XV–XVII вв. была тесно связана с ногайским этнополитическим образованием, консолидация с частью которого так и не была окончательно завершена в позднезолотоордынское время» (см. [Исхаков 2001: 119]).

⁹ По мнению М.Г.Сафаргалиева, Махмуд и Ахмед, воевавшие с Абу-л-Хайром, это не сыновья Кучук-Мухаммеда, «поскольку их отцу Кичи-Мухаммеду в 1437 г. едва ли было 20 лет, поэтому его сыновья в 1430 г. не могли быть объявлены ханами. Махмуд и Ахмед могли быть только сыновьями Хаджи-Мухаммед-хана (т.е. Махмуда-Ходжи. — И.З.), провозглашенными ханами в Сибири, на троне своего отца» [Сафаргалиев 1996: 459]. Однако Махмуд ибн Вали в «Бахр ал-асрар» определенно пишет, что ханы были сыновьями Мухаммеда, сына Тимура [Кляшторный, Султанов 1992: 221]. Возможно, что в сочинении Кухистани просто имеет место анахронизм.

¹⁰ А.А.Семенов по рукописи ИВ АН Узбекистана читал «Икри-Тур», но и в этом списке, и в других — «Акри-Туп» [Семенов 1954: 25; Ибрагимов 1958: 93].

¹¹ Топонимы с формантом *туп/туп* встречаются повсеместно, например в Крыму [Zajaczkowski 1950: 237, № 27b]. См. также [Суперанская, Исаева, Исхакова 1995].

Якуба в Астрахань после смерти отца мы не можем. Согласно русским источникам, один из сыновей Улуг-Мухаммеда, Махмутек, убил отца и брата Юсуфа, а двое других братьев — Касим и Якуб — бежали от него в «Черкасскую землю» и, видимо, оттуда осенью 1446 г. прибыли в Московское государство. Поскольку, по сообщениям русских летописей, убийство казанского правителя «Либея» (и, возможно, Улуг-Мухаммеда) Махмутеком произошло осенью 1445 г., то пребывание братьев в «Черкасской земле» можно ограничить временем около года (между осенью 1445 и осенью 1446 г.). Связь Улуг-Мухаммеда и его сыновей с Северным Кавказом была довольно тесной: хан и Махмутек весной 1445 г. одновременно с походом на Русь «послали в Черкасы по люди», к ним пришли 2000 казаков (см. [Зимин 1991: 103; Исахов 2001: 117]).

В конце 40-х или начале 50-х годов Касим получает во владение Городок Мещерский, который по его имени стал вскоре называться Касимовом, о судьбе же Якуба ничего не известно: после зимы 1452 г., когда он вместе с сыном великого князя Василия Иваном ходил на кокшаров (жителей устюжской волости вдоль р. Кокшенга), о нем в русских источниках вообще не упоминается [Вельяминов-Зернов 1863: 3–26; Зимин 1991: 149]¹⁴. Если отъезд Якуба и Касима действительно имел место после смерти их отца, т.е. после лета 1445 г., то Якуб мог быть в Астрахани именно в промежуток времени между отъездом из Казани, где стал править Махмутек, и прибытием в Московское великое княжество осенью 1446 г. Не исключено, что братья побывали в городе на пути в «Черкасскую землю». Однако вероятно также и то, что Якуб мог попасть в Астрахань уже после отъезда в Москву: поскольку Городок достался его брату, Якуб мог уехать искать счастья в Астрахань.

После смерти отца сыновья Кучук-Мухаммеда, Ахмед и Махмуд, начали борьбу за власть. До 1465 г. русские летописи не упоминают об Ахмеду как о хане Большой Орды, в то же время Махмуд в качестве хана Большой Орды упомянут в 1465 г., когда, идя походом на Русь, был разбит Хаджи-Гиреем. Неудача Махмуда, видимо, позволила Ахмеду перехватить инициативу и захватить власть в Большой Орде. Махмуд же, по мнению М.Г.Сафаргалиева, удалился в Астрахань и положил начало самостоятельности нового политического объединения — Астраханского ханства [Сафаргалиев 1996: 511–513] (см. также [Фахрутдинов 1992: № 25(36)]). По Длугошу, Хаджи-Гирей в 1465 г. разбил Кучук-Мухаммеда, владения которого находились за Волгой [Флоря 2001: 184].

В нашем распоряжении есть один важный источник, который частично помогает при анализе сложившейся в то время ситуации. Это письмо Махмуда османскому султану Мехмеду II от 10 апреля 1466 г.

¹⁴ Якуб и до этих событий упоминается редко. Так, в 1449 г. он по приказу московского великого князя Василия помогал польскому королю Казимиру Ягеллончику в его борьбе с сыном Сигизмунда Кейстутовича Михаилом [Флоря 2001: 187].

[Kurat 1940: 37–45] с упоминанием «важных дел», помешавших Махмуду прислать своих людей султану ранее [Kurat 1940: 38–39; Султанов 1978: 240–241]. По М.Г.Сафаргалиеву (а также Р.Фахрутдинову), письмо Махмуда — свидетельство существования в это время независимого Астраханского ханства, но эта точка зрения не подкреплена доказательствами. Аргументация М.Г.Сафаргалиева представляется «неубедительной» и А.П.Григорьеву [Григорьев 1987: 54]. В выходных данных письма Махмуда Астрахань не упоминается: «*Orduy-u tuazzam Ezoğlu (Azıgli, Izoğlu) özen y(a)kasında irdi*» — «когда Великая Орда (т.е. Большая Орда русских источников) была на берегу Эзоглу Узеня» [Kurat 1940: 170, 38–39; Султанов 1978: 240–241].

Название «*Özen/Üzen*» отождествлялось А.Н.Куратом с реками Малым или Большим Узеном, расположенными в междуречье Волги и Урала, а эпитет (?) *Ezoğlu/Azıgli*, даже при условии правильного прочтения, остается непонятым [Kurat 1940: 42]. К такому же выводу склонялся и С.Е.Малов: «Место написания этого документа трудно определить — Узуглы (Азуглы), хотя оно и находится на берегу известной реки Узен» [Малов 1953: 189]. Возможно, что именем собственным в данном сочетании является не *узен* (слово, которое и переводится как река), а определение *azıklı* (щедрый). Таким образом, всю фразу можно было бы перевести как «на берегу реки Азуглы/Узуглы». Что это за река, правда, тоже неясно¹⁵. Сочетания подобного типа (определение и второе составляющее — *узен*) часто встречаются в тюркской гидронимии, в том числе и фольклорной (например, *Алтын-Узен*, Золотая река [Семенов 1895: 477]).

Иную реконструкцию событий предлагает А.П.Григорьев. В конце августа — конце сентября 1465 г. Хаджи-Гирей разбил не Махмуда, а Ахмеда. По сообщению русских летописей, летом 1465 г. Ахмед где-то на Дону готовил вторжение в русские земли. Именно здесь он и подвергся нападению Хаджи-Гирея. «Возможно, крымский хан действовал в союзе с турецким султаном. Во всяком случае, письмо... Махмуда... Мехмеду II от 10 апреля 1466 г. воспринимается как ответ на предложение дружбы с турецкой стороны. Наверное, после поражения Ахмата от крымцев Махмуду удалось в очередной раз свергнуть брата с престола и на какое-то время овладеть главной ставкой, о чем неопровержимо свидетельствуют и выходные данные его письма...» [Григорьев 1987: 53].

От двух братьев сохранились монеты без указания даты их чеканки, выбитые в Хаджи-Тархане [Савельев 1865: 325, табл. X, рис. 146;

¹⁵ Ничего похожего мне найти не удалось. Самое близкое по созвучию — р. Узла (левый приток Волги, длиной 147 км, протекает по западной окраине Волжско-Ветлужской низины) (см. [Рагозин 1880: 327, № 249]), но это, конечно, совершенно невероятно. Между прочим, река с названием Большой Узен (*Ulu Özen* в османской форме; греческая Мегалопотамос) есть и в Крыму (см. [Veinstein 1980: 249]).

Марков 1896: 531–532, № 24, 25, 27 (с другой тамгой), 43]. Сохранились монеты Махмуда, выбитые без обозначения дат в Орду Базаре, Крым ал-Мансуре, Бек Базаре, Укеке и Булгаре, а также монеты Ахмеда, лишенные дат, с местом чеканки — Тимур Бек Базар [Марков 1896: 531, № 21–23, 28–35; 532, № 41, 42]. Таким образом, в Астрахани, как и в других городах Дешта, после смерти Кучук-Мухаммеда в разное время правили оба брата: и Махмуд, и Ахмед. Обозначение места чеканки не является доказательством образования нового политического организма, а свидетельствует лишь о подчинении данного города хану или о пребывании ставки хана именно в этом месте в данный момент. Говорить же о том, что сразу после 1459 г. было положено начало независимой астраханской династии, основателем которой был Махмуд, нельзя: в противном случае пришлось бы считать все упомянутые города чеканки монет столь же независимыми владениями.

Более того, в некоторых источниках астраханским ханом назван не Махмуд, а Ахмед: в «Бабур-наме» в повествовании о тимуридском султане Хусайн-мирзе, правившем в Герате с 1469 по 1506 г., говорится, что он «в дни казначества» отдал свою сестру Бади ал-Джамал Бадке-биким замуж за Ахмеда, «хана Хаджи-тарханского» [Бабур-наме 1958: 189–190]¹⁶. Бадке-биким была старше Хусайн-мирзы, который родился в 1438 г., следовательно, женой Ахмеда она могла стать в 50-х годах XV в. У Ахмеда было двое сыновей от сестры Хусайн-мирзы, которые, «придя в Герат... долгое время служили Мирзе», т.е. своему дяде [Бабур-наме 1958: 190]. Для одного из них, Бахадур-султана, Алишер Навои сочинил так называемое «Саки-наме» [Тогап 1946: 371], т.е. «Книгу виночерпия». Видимо, это свидетельство Бабура относится к тому времени, когда Астрахань была резиденцией Ахмеда.

Афанасий Никитин, проезжавший Астрахань летом 1468 г. (а не в 1466 г., как пишет М.Г.Сафаргалиев, — см. [Семенов 1980: 42])¹⁷, упоминает царя (может быть, Махмуда), а также «Кайсым салтана», т.е. царевича (но никак не хана) Касима, сына Махмуда [Хождение 1986: 5–6]. Однако Никитин нигде не называет этого царя (хана) астраханским. Выражение «своя орда» («царь послал за нами всю свою орду»), приводимое М.Г.Сафаргалиевым в качестве доказательства независимости Астрахани в то время, следует истолковать как обозначение воинского отряда, кинувшегося догонять тверского купца

¹⁶ У Хондемира сказано просто, что Ахмед был из рода «хаканов Дашт-и Кыбчака» [Хондемир 1955: 177].

¹⁷ Общепринятые даты путешествия Афанасия Никитина (1466–1472) были впервые предложены И.И.Срезневским. Л.С.Семенов весьма убедительно пересмотрел традиционную хронологию странствий тверского купца. Однако Г.Д.Ленхофф и Дж.Б.Мартин считают, что приводимые Л.С.Семеновым доказательства «недостаточны для какого-либо определенного вывода» [Ленхофф, Мартин 1993: 95].

и ширванского посла Хасан-бека. Из сообщения Афанасия Никитина вытекает лишь то, что летом 1468 г. ставкой хана Большой Орды Махмуда была Астрахань (как за два года до этого ею были берега Азуглы Узенья) и жил он там вместе с сыном — царевичем Касимом¹⁸.

Сколько лет и когда именно Махмуд был ханом, неизвестно, мы не знаем и года его смерти. Можно предположить, учитывая выходные данные письма Махмуда Мехмеду II и сообщение Никитина, что он наверняка правил в 1466–1468 гг. (возможно, с перерывами). Утверждение Л.Е.Вереина, что Касим (Хасим, как называет его Л.Е.Вереин) стал «астраханским ханом» в 1461 г. после Махмуда, не подтверждено ссылками на источники и является, как вытекает из изложенного, бездоказательным [Вереин 1958: 11]. Бесспорно, однако, то, что Астрахань впоследствии считалась уделом его детей; крымские ханы, например, называли астраханских «Махмудовыми детьми» [РИО 1895: 196, 206–207].

Амброджо Контарини, прибывший в Астрахань 30 апреля 1476 г., уже не упоминает о Махмуде. «Город Астрахань, — пишет Контарини, — принадлежит трем братьям; они сыновья родного брата главного хана, правящего в настоящее время татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны (т.е. сыновья Махмуда. — И.З.). Летом из-за жары они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы. Зимой эти три брата проводят несколько месяцев в Астрахани, но летом они поступают так же, как и остальные татары.

Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие здания» [Барбаро и Контарини 1971: 220].

В Астрахани Амброджо Контарини был задержан татарами, которые объявили его рабом их правителя, «потому что франки (т.е. венецианцы. — И.З.) его враги». Контарини даже хотели продать на базаре, однако он избежал этой участи, был вскоре отпущен и покинул город 10 августа [Барбаро и Контарини 1971: 219]. Реакция астраханского правителя становится понятной, если предположить, что татары выступали в союзе с турками, менее чем за год до этого захватившими генуэзскую Кафу и находившимися в состоянии войны с Венецией (1463–1479) [Zaitsev 1999: 256].

Контарини называет правителем Астрахани хана Касима; он был старшим из трех братьев — сыновей Махмуда [Барбаро и Контарини 1971: 220]. Учитывая, что Махмуд как «царь ординский»¹⁹ последний раз упоминается русскими источниками в документе, датированном

¹⁸ Вероятно, именно на основе этого сообщения А.Никитина Г.Хаттенбах назвал Астраханское ханство «пиратским». Там будто бы грабили все корабли, проходящие через русла дельты [Huttenbach 1988: 52].

¹⁹ Но не «астраханский»!

мартом 1475 г. [РХО 1884: 10], можно предположить, что умер он между мартом 1475 г. и апрелем 1476 г.²⁰. Касим в это время находился в состоянии войны с Ахмедом. «Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война» [Барбаро и Контарини 1971: 221]. Скорее всего Ахмед в это время действительно не контролировал Астрахань. Во всяком случае, в выходных данных его письма Мехмеду II от 881 г.х. (26 апреля 1476 — 14 апреля 1477 г.) указание на место написания вообще отсутствует [Halasi Kun 1942: 151–154; Halasi Kun 1949: 633–637; Зайцев 1999: 8–9, 15; Zaitsev 1999: 253].

Видимо, Касим какое-то время действительно правил городом самостоятельно, но и этот факт не может служить доказательством образования Астраханского ханства, а является лишь свидетельством неурядиц в Орде и борьбы за главный престол. Контарини не говорит о самостоятельности Астрахани от основного юрта: смысл его свидетельств сводится к тому, что сыновья Махмуда владели, видимо, лишь самим городом, получая с него большую часть доходов, несколько зимних месяцев проводили в городе, все остальное время кочуя вне его пределов. Сам термин «главный хан», употребляемый А.Контарини по отношению к Ахмеду, говорит о том, что Касим находился по отношению к своему дяде в зависимом положении. Интересно, что один из первых историков Астраханского ханства, П.И.Рычков, в отличие от позднейших исследователей, приводя свидетельство А.Контарини, считал Астрахань не самостоятельным владением, а уделом. Во времена А.Контарини, писал историк, «в городе Астрахане особые были правители из родственников хана» [Рычков 1774: 45].

Контарини упоминает и посла Касима в Москву к великому князю. Имя посла Контарини передает как *Анхиоли* (Anchioli) [Барбаро и Контарини 1971: 198, 221]. Л.С.Семенов предположил, что Контарини принял за имя посла само его звание — *эльчи-ялу*, а вызвано это посольство было конфликтом племянника с дядей и поисками союзника в этой борьбе. «У нас есть основания усомниться в том, — пишет Л.С.Семенов, — что посольства из Астрахани носили в эти годы регулярный характер. Русские летописи вообще не сообщают о послах астраханского хана...» [Семенов 1980: 13]. Предположение Л.С.Семенова не лишено смысла, ибо, по свидетельству А.Контарини, московского посла Марка Россо, с которым он прибыл в Астрахань, приняли там «как друга», т.е. как будто бы представителя союзника [Барбаро и Контарини 1971: 217]. Ф.Конечны, основываясь на свидетельстве А.Контарини, относил это посольство к 1487 г. (sic!) и считал, что его

целью было получение хараджа [Koneczny 1927: 161], о чем А.Контарини не пишет²¹.

О том, что конфликт между Ахмедом и Касимом действительно имел место, мы узнаем и из восточных источников. В «Таварих-и гузида — Нусрат-наме», сочинении, написанном на тюркском языке и законченном в 1504 г., а также в «Фатх-наме» Шади и «Шайбани-наме» Бинаи, сочинениях, зависящих от «Таварих...», изложена история преследований сына Абу-л-Хайра — Шайх-Хайдара со стороны коалиции хана Сайид-Ибрахима²² (Ибака) — сына (или внука) Хаджи-Мухаммеда²³, потомков Тукай-Тимура — Джанибека и Кирая (сыновей Барака) и ногайских мурз — Аббаса (сына или брата Ваккаса б. Нур ад-Дина), Мусы и Ямгурчи (сыновей Ваккаса)²⁴. По «Таварих...» и «Шайбани-наме», Ахмед с самого начала входил в эту коалицию. Шади в «Фатх-наме» излагает события иначе: поначалу Ахмеда не было в числе врагов Шайх-Хайдара, Ахмед даже «пособил их делу / на дорогу поднес им много даров...», и только потом Шайх-Хайдар сразился и с ним [МИКХ 1969: 57, 65].

В 1469 г., согласно «Таварих...», «Ахмад-хан привел свое войско, и Ибак-хан убил Шайх-Хайдар-хана» [МИКХ 1969: 20]. По «Шайбани-наме», Ибак напал на Шайх-Хайдара, приведя с собой войско Ахмеда [МИКХ 1969: 99].

Внуки Абу-л-Хайра во главе с их воспитателем Карачин-бахадуром (Дервиш-Хусейном, сыном кукельташа²⁵, т.е. молочного брата, Абу-л-Хайра) бежали к Касиму и были поручены «находившемуся там» мангытскому беку Тимуру (Темиру; внуку Едиге), «эмиру эмиров» Касима²⁶. «В то время, когда Ахмад-хан, Ибак-хан и мангыт Аббас-бек, объединившись, пришли и осадили Касим-хана под Хаджи-Тарханом, Касим-хан, договорившись с Тимур-беком, сказал Карачин-бахадур: „Возьмите ваших царевичей и отправляйтесь, упова на Бога“, — и проводил [их] оттуда с почетом и уважением» [МИКХ 1969: 20; Таварих 1967: л. 96а]. Касим, таким образом, не решился воевать с дядей и его союзниками и не стал упорствовать в защите беглецов, проявив лояльность

²¹ Ср. с точкой зрения Дж.Гёкче [Gökçe 1979: 16].

²² Вопреки мнению составителей МИКХ, это один человек, а не два. См. [Семенов 1954а: 41].

²³ Ш.Марджани считал, что Ибрагим (Бабак) — сын Махмутека, сына Хаджи-Мухаммеда [Марджани 1885: 158]. Авторы «Древней Сибири» (Улан-Удэ, 1964) и «Истории Сибири» (Л., 1968) также считали Ибака внуком Хаджи-Мухаммеда [Древняя Сибирь 1964: 500; История Сибири 1968: 364]. Хотя существует мнение, что Ибак — его сын [Нестеров 1988: 13].

²⁴ Несколько иной перечень врагов Шайх-Хайдара (без Кирая и Аббаса, но с Ваккасом) см. [Иванов 1958: 37].

²⁵ Об этом слове и его значении см. [Vásáry 1982].

²⁶ В рукописи «Шайбани-наме» ИВ АН Узбекистана он ошибочно назван сыном Тимур-Кутлуга [Семенов 1954: 28].

²⁰ Ср. с датами правления Махмуда, которые приводит В.В.Похлебкин — 1459–1465 гг. [Похлебкин 1999: 9, № 81].

по отношению к Ахмеду — «главному» хану Орды. Это особенно хорошо видно из текста поэмы Моллы Шади «Фатх-наме» [МИКХ 1969: 60–61].

Владение Касима названо в текстах вилайетом, но речь, видимо, опять идет не о ханстве, отдельном от Большой Орды, а о стране в целом²⁷. Убеждает в этом и тот факт, что упомянутый в текстах мангытский глава Тимур, брат Дин-Суфи («Тенсобуя»), сын Мансура б. Эдиге и отец царицы Нур-Султан, был беклербеком (или *амир аз-умара*, т.е. эмиром эмиров) Большой Орды [Хондемир 1955: 273; Howorth 1880: 350; Сыроечковский 1940: 32–33]²⁸. Это следует из письма главы рода Ширин, кафинского тудуна и крымского беклербека Эминека, османскому султану Мехмеду II от 8–17 октября 1478 г. [Kurat 1940: 107–115, 191–194; Le Khanat 1978: 70–74], а также из письма самого Тимура великому князю Казимиру, в котором беклербек оценивал свое положение в государстве очень высоко: «А мене самого как цара вид» [Сборник Муханова 1866: 36; Литовская метрика 1910: 357].

Когда 28 апреля 1476 г. секретарь венецианского Сената Джан Баттиста Тревизан вернулся в Венецию после окончания своей дипломатической миссии к хану Ахмеду, его сопровождали два татарских посла — Темир, отправленный самим Ахмедом, и «Брунахо Батыр», посланный военачальником Ахмеда Темиром [Jorga 1909: 168; Garbacik 1948: 49–50; Пирлинг 1892: 106–107]. Очевидно, что этот военачальник — тот же самый Тимур, который в 1469 г. был беклербеком Касима. В 1480 г. Тимур был с Ахмедом и Касимом на Угре [Временник 1851: 130; РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 84, л. 52об.; Ischboldin 1963: 83], а после убийства Ахмеда Ибаком и ногайскими мирзами «с Ахмата царевыми детьми и слугами» бежал в Крым к Менгли-Гирею [Литовская метрика 1910: 340]. Много позже, в 1550 г., ногайский князь Юсуф писал Ивану IV: «Ахмата царя брат наш, Темир князь, убил братства для з белым князем», т.е. с московским великим князем [Посольские книги 1995: 308]²⁹.

Хондемир определенно называет Касима (Гасыма) «султаном», т.е. «царевичем», не самостоятельным ханом, «который обладал отли-

²⁷ Арабское по происхождению слово «vilayat» использовалось в Средней Азии в своем основном значении — «управляемая область, провинция, наместничество, губерния». Имело место как сужение термина, так и его расширение (до понятий «чужая страна», «заграница» и вместе с тем «родина», «родная страна») [Оранский 1979: 152]. См. также [Брегель 1970; Кармышева 1971].

²⁸ Аббасидский по происхождению титул *амир аз-умара* первоначально означал именно военачальника, главнокомандующего. Первым получил этот титул Мунис ал-Музаффар (убит в 933 г.). См. [Yildiz 1981].

²⁹ За исключением цитируемой грамоты Юсуфа, а также М.Стрыйковского, соучастниками нападения на Большую Орду названы Муса и Ямгурчи — двоюродные племянники Тимура, сам же Тимур нигде не фигурировал. Возможно, в данном случае имеет место сознательная дезинформация.

чием... из всех знаменитых повелителей и султанов Дешта» [Хондемир 1955: 273]. То обстоятельство, что Касим назван ханом в «Шайбани-наме», «Фатх-наме» и «Таварих-и гузида — Нусрат-наме», еще не свидетельствует в пользу того, что Касим действительно правил независимо, как хан. Известны случаи, когда ханом назывался не являвшийся независимым правитель, например Абу-Саид Джанибек [Султанов 1993: 28].

Шахзаде отомстили Ибаку за убитого Шайх-Хайдара, убив младшего брата и сына Ибака: как отмечает автор «Таварих...», с момента смерти Шайх-Хайдара к этому времени прошло 80 дней; таким образом, внуки Абу-л-Хайра пользовались гостеприимством Касима очень недолго. После этого, безуспешно сразившись с Ахмедом, султаны-Шибаниды ушли в Туркестан — в окрестности Сыгнака и Саурана [МИКХ 1969: 20; Ахмедов 1965: 69; Сафаргалиев 1952: 39].

Враждебность Касима к дяде коренилась во взаимоотношениях Махмуда с Ахмедом, боровшихся за власть над Большой Ордой. О результатах этого конфликта ничего не известно, но уже в 1480 г. Касим, Ахмед и тот самый ногайский мурза Темир, который вместе с Касимом приютил шахзаде Шайх-Хайдара и его брата в 1469 г., принимают участие в военных действиях на Угре [Сафаргалиев 1952: 39; Ischboldin 1963: 83]. В Лихачевском летописце — самом раннем памятнике великокняжеского летописания о событиях 1470–1480 гг., современном им, содержится следующая фраза: «...со царем братанич его царь Касим, да 6 сынов царевых³⁰, и бесчисленное множество татар с ними, и колмаки, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел» [Клосс, Назаров 1984: 288–289]. Таким образом, война дяди с племянником была не борьбой двух правителей независимых государств, а обычной династической распрей внутри Большой Орды.

По свидетельству Иосафата Барбаро, на следующий год после убийства Эминека и захвата Солхата и Кафы поход на Астрахань совершил Менгли-Гирей [Барбаро и Контарини 1971: 156; Ischboldin 1963: 83]³¹. Городом владел тогда старший сын Ахмеда, Муртаза («Мордасса», по И.Барбаро). В Шумиловском списке Патриаршей (Никоновской) летописи, а также в Софийской II об этом событии говорится под 6993 г. (1485 г.) с рядом различий, как несущественных, так и серьезных. Муртаза назван «царем Ординским», а не ханом Астрахани: «Тоя же зимы царь Ординский Муртоза, Ахматов сын, прииде к Мен-Гирею царю Крымскому, хоте зимовати у него, понеже глад бе велик во

³⁰ То есть дети Ахмеда.

³¹ Как справедливо считал В.В.Вельяминов-Зернов, И.Барбаро включил эти сведения в свое сочинение около 1487 г. по слухам, причем, вероятно, источником их были письма из Стамбула [Вельяминов-Зернов 1863: 118]. Туда сведения о положении в Большой Орде поступали из Крыма; таким образом, И.Барбаро косвенно пользовался крымской информацией.

Орде. Мен-Гирей же Крымский, поймав его, послал в Кафу, к Турьскому царю, и посла брата своего меньшого на князев Темирев улус и останок Орды розгонял³²... Того же лета Ординский царь Махмут, Ахматов сын, со князем с Темиром иде изгоном на Мин-Гирея царя и брата своего отнем у него Муртозу, Ахматова сына; сам же Мин-Гирей з бою тайно утече ис своей рати, той же Махмут приведе Муртозу и посади на царстве. Мен-Гирей же посла к Турьскому; Турьской же силы ему посла и к Нагаем посла, велел им Орду воевати»³³ [ПСРЛ 1901: 217; ПСРЛ 1853: 236–237]. Беклербеком Большой Орды по-прежнему был все тот же Тимур, а Астрахань, по-видимому, все еще составляла часть Большой Орды³⁴.

Вероятно, именно об этом походе крымского хана писал впоследствии Эвлия Челеби. Согласно османскому путешественнику и писателю, Менгли-Гирей взял с собой в поход 3000 воинов из племени бузудук (адыгское племя *бжедуг*), которые после захвата ханом Астрахани были поселены «под горой Обур в стране черкесов» [Эвлия 1983: 52].

В «Ассеб о-ссейяр» Сейид-Мухаммеда Ризы и в анонимной краткой истории крымских ханов, изданной во французском переводе М.Казимирского, рассказывается о войне Менгли-Гирея с Сейид-Ахмедом (сыном Ахмеда), ханом «Тахт-эли», однако это событие не датировано. Согласно названным сочинениям, Муртаза будто бы бежал к Менгли-Гирею под предлогом ссоры с братом, хотя на самом деле желал обмануть крымского хана. Муртаза был принят в Крыму весьма хорошо, однако Менгли-Гирей, узнав о его истинных намерениях, приказал задержать его и заключить под стражу. На помощь брату в Крым двинулся Сейид-Ахмед, разбил Менгли-Гирея, который раненым вынужден был бежать и искать убежища в Кыркоре. Сейид-Ахмед тем временем разграбил Солхат и осадил Кафу. Однако сильную кафинскую крепость ему взять не удалось. Сейид-Ахмед отступил. Между тем крымцы оправились от неудачи, сын Менгли и его калга Мухаммед-Гирей внезапно напал ночью на Престольное владение³⁵, когда Сейид-Ахмед находился в ссоре с братьями. Поддержанный войсками подоспевшего отца, Мухаммед-Гирей обратил ногаев в бегство и убил Сейид-Ахмеда (о последнем событии упоминает только Мухаммед Риза [Ассеб

³² В тексте Софийской II летописи существенное разночтение: «...и достал орды разгнав». Вариант «останок Орды розгонял» (т.е. разогнал остатки) более логичен, учитывая упомянутый голод, однако текст Софийской II (XVI в.) кажется первоначальным, поскольку восходит непосредственно к источнику 80-х годов XV в.

³³ В тексте Софийской II: «веля им орды воевати», но здесь более вероятен винительный падеж, чем множественное число.

³⁴ Подробный разбор этого эпизода в истории Крыма и Большой Орды см. [Вельяминов-Зернов 1863: 117]. О роли Тимура см. блестящий обзор [Григорьев 1987а: 137–138].

³⁵ «Престольное (тронное) владение» (Taht Eli) — так официально именовалась Большая Орда.

о-ссейяр 1832: 75–80; Précis 1833: 353–356; Вельяминов-Зернов 1863: 112–113, 116]). Видимо, эту же «тахт-илийскую» войну Менгли-Гирея с Сейид-Ахмедом упоминает и автор истории крымских ханов, выдержки из которой были опубликованы А.Негри [Негри 1844: 383]³⁶. В.В.Вельяминов-Зернов справедливо отождествил сообщения труда Сейид-Мухаммеда Ризы, сочинения анонимного автора, И.Барбаро и летописные сведения [Вельяминов-Зернов 1863: 118–119]. Однако это отождествление оставляет все же много вопросов. Во-первых, не совпадает имя брата Муртазы (Сейид-Ахмед — в крымских источниках и Махмуд — в русских). Это противоречие можно было бы устранить, посчитав, что летописный источник спутал Сейид-Ахмеда с его братом Сейид-Махмудом, что в общем обычно. Во-вторых, удивляет путаница в именах руководителей крымского похода. Предпочтение в этом случае, видимо, следует отдать русской летописи. Калгой Менгли-Гирея тогда был его младший брат, Ямгурчи, который действительно мог возглавлять войска. Мухаммед-Гирей (хотя и появился уже на свет) едва ли достиг тогда возраста полководца³⁷. В-третьих, имеется существенное различие между причинами появления Муртазы в Крыму.

Видимо, еще осенью 1485 г. между крымским ханом и Темиром было достигнуто мирное соглашение [Григорьев 1987а: 138]. В 1486 г. Менгли-Гирей пишет турецкому султану Баязиду II: «Что же касается Престольного [владения], то известно, что положение их весьма тяжелое» [Kurat 1940: 96; Григорьев 1987а: 129].

Дружба Темира с Менгли-Гиреем, видимо, все-таки не сложилась. В том же, 1486 г. Иван III в грамоте русскому послу в Крыму Семену Борисову писал, что, по сведениям русских гонцов, сопровождавших посольство в Крым и перехваченных ордынцами, «Муртоза и Седехмат цари и Темир князь хотят идти на Менли-Гирея на царя, толк не будет у него турецкого помочи; а будут деи турки у него, и им деи на него не идти, турков деи блюдутся добре...» [РИО 1884: 53]. Согласно польским источникам, в конце 1488 г. «перекопские» (т.е. крымские) и «заволжские» татары вместе зимовали в Подолии, поджидая «турецкого императора» и готовясь к нападению [Codex 1894: 347]. Здесь под заволжскими татарами скорее всего понимается какая-то часть ногаев, перешедших на крымскую сторону.

³⁶ При наличии под рукой только переводов, да и то в виде выдержек и пересказов, вопроса о соотношении источников (рукописи А.Жобера — М.Казимирского и Одесского общества истории и древностей — А.Негри), их тождестве или самостоятельности я не касаюсь. О соотношении труда Сейида Мухаммеда Ризы и рукописи А.Жобера — М.Казимирского см. [Казем-Бек 1835: 12–13].

³⁷ Хотя одна из анонимных рукописных историй ханов Крыма сообщает, что Мухаммед-Гирей погиб, когда ему было 58 лет [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 6.40), л. 6], т.е. родился он в середине 60-х годов XV в., а значит, ко времени описываемых событий ему было около 20 лет.

По мнению Б.Ишболдина, после пленения Муртазы Менгли-Гиреем астраханским ханом стал племянник Муртазы (сын его брата Сейид-Ахмеда) Касай [Ischboldin 1963: 83]. У Сейид-Ахмеда действительно был сын Касим [Лэн-Пуль 1899: табл. к с. 199; Zambaur 1955: taf. S]. Таким образом, Б.Ишболдин, в отличие от М.Г.Сафаргалиева, считал Касима, правившего Астраханью после 1485 г., другим человеком. Г.Ахмеров предполагал, что астраханским ханом мог быть и еще один потомок Ахмеда — Аллаяр (Аувляяр), отец касимовского и казанского хана Шах-Али (Шейх-Гали, как называл его исследователь). Г.Ахмеров делал этот вывод на основе того, что Шах-Али якобы называется в русских летописях астраханским князем [Ахмеров 1998: 97]. Подтверждения этому в известных мне источниках не содержится: Шах-Али ни разу не упоминался в русских летописях как астраханский князь или царевич, да и сам Шейх-Аувляяр («Шигавлиар»), действительно попавший в Москву из Астрахани в 1502 г. [Атласи 1993: 271], не называется «астраханским царевичем». Он, а также его двоюродный брат Юсуф охарактеризованы как «Ахматовы царевы братанчи Болшиа орды» [ПСРЛ 1901: 256]. Возможно, Г.Ахмеров сделал такой вывод на основании мнения, которое приведено Н.М.Карамзиным в «Истории государства Российского», а затем повторено В.В.Вельяминовым-Зерновым. Н.М.Карамзин действительно называл Шах-Али астраханским царевичем [Карамзин 1817: 77, примеч. 150; Вельяминов-Зернов 1863: 247–248], однако в тексте, на который ссылался историк (грамота Мухаммед-Гирея, доставленная в Москву ханским послом Абд ул-вали шейх-заде, где говорится, что крымские карачи отказываются присягать в дружбе великому князю, пока на мецкерском (касимовском) престоле находится Шах-Али), нет упоминания о том, что Шах-Али имеет какое-либо отношение к Астрахани [РИО 1895: 388].

Согласно М.Г.Сафаргалиеву, после убийства Ахмеда Касим (сын Махмуда), вернувшись в Астрахань, совершает ряд набегов на ногайские улусы. В ответ на это в 1492 г. коалиция ногайских мирз во главе с ханом Ибаком (Сайид-Ибрахим б. Хаджи-Мухаммед) и его братом Мамуком предпринимает поход на город. В письме Ивану III, доставленном в Москву в октябре 1492 г., крымский хан Менгли-Гирей писал: «...из Орды человек наш приехал Шиг Ахмет да Сеит Магмут цари. А нагаи Муса да Ямгурчей мурза Ивака да Мамука цари учинити идут, в Астрахани были пошли, и как слышевши назад к Тюмени по-кочевали» [РИО 1884: 168]. Астрахань не противопоставлена в письме Большой Орде, а выступает как ее часть. Целью похода вряд ли была месть: Муса и Ямгурчи просто хотели заменить сыновей Ахмеда — ханов-соправителей Шейх-Ахмеда и Сейид-Махмуда сибирскими Шибанидами, которых последовательно поддерживали мангыты [Трепавлов 1997в: 99].

Из письма Менгли-Гирея казанскому хану Мухаммед-Эмину, написанного 10 марта 1491 г., следует, что в Астрахани незадолго до этого был Абд ал-Керим: «А из Старханской, Абдыл Керим в головах, в Намаганском юрте все собрався, против нас стоят» [РИО 1884: 109] (см. также [Карамзин 1998: 269, примеч. 270]). Из этого упоминания становится очевидным, что Астрахань была в то время частью «Намаганского юрта».

Чтобы понять это место письма Менгли-Гирея, нужно выяснить, что такое «Намаганский юрт». Это название неоднократно упоминается в документах крымско-московской и ногайско-московской дипломатической переписки. В 1494 г. Шибанид (потомок одного из сыновей Джучи — Шибана) Ибак (Сайид-Ибрахим) писал в Москву великому князю Ивану: «...стоит промеж Ченгысовых царевых детей наш отец Шыбал царь, стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был, от тех мест межы нас ту Атамыров³⁸ да Номаганов юрт ся учинил, а мы ся учинили далече...» [Посольская книга 1984: 48]. Из этого текста можно сделать вывод, что некий «юрт», располагавшийся между Московским великим княжеством и государством сибирских Шибанидов, носил имена Туга-Темира и Номагана.

Слово «юрт» (يورت) как московскими приказными деятелями, так и в тюрко-татарской исторической традиции употреблялось в качестве синонима независимого государства (ханства) [Matériaux 1864: passim; Ivanics 1975–76: 262, 264, 274 (jeg. 36); 1981: 423, 424]. Иногда (см. [Исхаков 1998: 194]) термин прилагался и к княжествам (бейликам), входившим в состав ханства (например, Ширинскому и Мангытскому и Крыму). Поскольку в данном случае речь идет о наследственных Чингизидах, а не о князьях (бейях) — карачи³⁹, понимать это слово следует в его первом (основном) значении.

Имя «Номаган» действительно встречается среди Чингизидов. Так, Рашид ад-Дин упоминает сына Кубилай-хана от Чабун-хатун, «Нумугана». Номаган (в «Юань-ши» его имя употреблено в форме На-мугана) был послан отцом против мятежного Хайду, схвачен двоюродными братьями и отправлен к правителю улуса Джучи Менгу-Тимуру. Он вернулся домой только после смерти Менгу-Тимура (1280 или 1282 г.), а через год после возвращения скончался (видимо, был убит по приказу Хубилай-каана) [Рашид-ад-Дин 1960: 104, 127, 153–155, 168, 169, 171, 182, 193–194, 206]. Марко Поло упоминает его под именем «Номоган» [Марко Поло 1956: 212]. Однако понятно, что этот человек

³⁸ Правильнее читать «Туа-Тамыров», по имени одного из сыновей Джучи [Григорьев 1985: 177], которого в нашей историографии принято называть Тукай-Тимур. Имя, вероятно, писалось в арабской графике через *gāy* с *fatḥ* (может быть, с *alif*); в кириллическом написании русского перевода *г* перешло в *а*, что и дало при неправильном разделении частей имени форму «Ту-Атамыр».

³⁹ Об этом институте в «позднезолотоордынских ханствах» см. [Shamiloglu 1984: 283–295].

едва ли имеет отношение к названию джучидского юрта и Хаджи-Тархану.

В сочинении Абу-л-Гази в разделе, посвященном генеалогии среднеазиатских Аштарханидов, мы на первый взгляд не встречаем ничего похожего. Династия, по Абу-л-Гази, выглядит следующим образом: 1) Чингиз → 2) Джучи → 3) Токай-Тимур → 4) Уз-Тимур → 5) Ибай → 6) Тумган — *تومغان* (выделено мной. — И.З.) → 7) Кутлук-Тимур-оглан → 8) Тимур-Бек-оглан → 9) Тимур-Кутлук → 10) Тимур-Султан → 11) Мухаммед → 12) Джавак → 13) Мангышлак → 14) Яр-Мухаммед → 15) Джани [Aboul-Ghazi 1871: 179]. В несколько искаженном виде такая родословная представлена также в трудах позднейших историографов, например в «Истории Абулфейз-хана» Абдурахман-и Тали [Тали 1959: 13], у Ш.Марджани, М.М.Рамзи и др. [Марджани 1885: 134; Рамзи 1908: 3; Шеджере 1906 — очень искажена]. Эта генеалогия принята в справочной и специальной литературе [Hofman 1969a: 290; Burton 1988: 482]. Среди этих Чингизидов есть уже знакомые нам. Мухаммед — это Кучук-Мухаммед, отец Ахмеда и Махмуда. Джавак (Чувак) — тот самый Джавак-султан, который воевал против Абу-л-Хайра. Как известно, в начальном написании *нун* и *та* очень легко спутать: отличие состоит всего лишь в одной точке. Если читать в начале слова *нун*, то получаем искомого Нумагана (Барон Демезон, переводивший Абу-л-Гази, естественно, не мог предположить подобной конъектуры [Aboul-Ghazi 1874: 188]), т.е. зафиксированного тюркским источником Джучида, имя которого и послужило названием «юрта». Номаган в данном случае — второе имя или прозвище хана Тимура б. Тимур-Кутлуга, а также его деда Тимур-Мелика [Тизенгаузен 1941: 106]. Видимо, таким же образом понимал появление Номагана и А.П.Григорьев, ничем, правда, не аргументируя свои построения [Григорьев 1985: 177].

Попробуем разобраться, что же подразумевалось под «Намаганским» юртом. Очевидно, что вопреки утверждениям Д.Исхакова [Исхаков 1998: 194] это не Астрахань.

Во-первых, Астрахань географически не могла препятствовать контактам Тюмени и ногаев с Москвой (о чем свидетельствует цитируемая грамота Ибака).

Во-вторых, в этом убеждает тот факт, что в крымских документах, так или иначе упоминающих Шах-Али (сына Шейх-Аулияра, племянника Ахмеда), он назывался то царевичем Намаганского юрта, то просто ордынским царевичем. Так, например, Бахтияр-мирза в своем послании в Москву (январь 1516 г.) писал: «Мещерский юрт государя моего царев, и яз холоп послышав, что Мещерской юрт Намаганского юрта царевичу дал еси...» [РИО 1895: 251].

В-третьих, нетрудно заметить, что среди ханов, упомянутых Абу-л-Гази, нет ни одного реально правившего в Астрахани. Мухаммед

Юсуф, который в принципе близок к Абу-л-Гази в перечислении Аштарханидов, также не называет в этом списке ни одного хана, правившего Астраханью [Мухаммад Юсуф 1956: 72; Вельяминов-Зернов 1863: 241–244]. Не называет их и Тали [Тали 1959: 13]. Дело в том, что переселение Аштарханидов (Мангышлак-хана и Яр-Мухаммед-хана) из Нижнего Поволжья и Астрахани в Среднюю Азию имело место значительно ранее захвата региона русскими. Все это означает, что Намаганский юрт — не что иное, как еще одно название Большой Орды [Зайцев 2001: 80–82]. Это мнение было высказано еще Н.М.Карамзиным, правда, он никак не аргументировал эту догадку, а лишь указал на тождество названий *Намаганского Юрта* и Золотой Орды [Карамзин 1998: 269, примеч. 270].

Вернемся, однако, к письму Менгли-Гирея Мухаммед-Эмину. Итак, воцарение Абд ал-Керима (а значит, и смерть Касима) необходимо отнести к 1490 г. или по крайней мере к самому началу 1491 г. Ш.Марджани считал началом правления Абд ал-Керима 895 г.х. (1489–90 г.) [Марджани 1885: 34]. Ему следовали М.М.Рамзи и Р.П.Арат [Рамзи 1908: 5; Арат 1940: 680]. Согласно хронологическим выкладкам Й.Озтуна, Касим правил до 1490 г. [Öztuna 1989: 553]. Подобным образом считал и М.Сарай [Saray 1994: 269]. Ногайские мурзы Муса и Ямгурчи, не будучи Чингизидами, формально не имели права на престол, однако были тесно связаны с потомками Махмуда. Например, Ямгурчи был женат на дочери Махмуда, Карагуш, и приходился Касиму, Абд ал-Кериму и Джанибеку шурином [Посольская книга 1984: 53]⁴⁰.

Таким образом, поход ногаев на Астрахань в 1492 г. не мог быть направлен против Касима. Скорее всего в Астрахани в то время правил Абд ал-Керим. Эта операция ногайских мурз подтверждает их враждебность по отношению к сыновьям и племянникам Ахмеда. Попытки Ибака захватить Астрахань следует рассматривать в русле его стремления собрать в своих руках улус Джучи. Не случайно в 1494 г. он писал Ивану III: «Ино мне съчястье дал бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» [Посольская книга 1984: 48–49].

В 1490 г. турецкий султан Баязид попытался вмешаться в отношения между Крымом и Большой Ордой, однако его посредничество не увенчалось успехом. В упомянутом письме Мухаммед-Эмину Менгли-Гирей писал: «...с Намаганским юртом султан Баязид султан меж их вступився, с сусудстве жили бы есте молвил. И мы пак старую недружбу с сердца сложивши, на добре есмя стояли. И в то время от султана, Бакшеем князя зовут, посолством приехал Седихмат, Ших-Ахмат цари, Мангыт Азика князь в головах, от всех карачев и от добрых людей человек приехал, и шерть и правду учинили; и мы, роте их поверив, улусы свои на пашни и на жито ропустили. А послы их у нас были перед Крымом месяца сентября во второй день, Сидяхмет, Шиг-

⁴⁰ Впрочем, в источниках Карагуш упоминается и как дочь мирзы Ямгурчи и жена казанских ханов — Ильяма, а потом Мухаммед-Эмина [Посольская книга 1984: 55].

Ахмат и Азика в головах, и сколько есь Намаганова юрта пришед, дома наши потоптали, слава Богу самих нас Бог помиловал» [РИО 1884: 108].

В письме Менгли-Гирея Ивану III от 26 апреля 1491 г. он писал, что Абд ал-Керим вместе с Шейх-Ахмедом снова выступили против него [РИО 1884: 110]. Нигде в источниках Абд ал-Керим не противопоставляется своим двоюродным братьям как независимый правитель, а скорее выступает в качестве одного из потомков Кучук-Мухаммеда.

Стремясь урегулировать отношения с Баязидом, обеспокоенным враждебными отношениями Менгли-Гирея с сыновьями Ахмеда, один из Ахмедовичей — Муртаза, явно напуганный известием о том, что султан высылает против Орды войска в помощь Менгли-Гирею, решает успокоить султана и предупредить участие турок во внутриджучидских неурядицах. Посол Муртазы к Баязиду называл Менгли-Гирея старшим братом Муртазы, а вину за враждебные действия сыновей Ахмеда против Менгли целиком сваливал на своего брата Сейид-Ахмеда: «...тот с ним был не в миру, тот на него и приходил, да того нынеча не стало на царстве, и яз с ним (с Менгли-Гиреем. — *И.З.*), с своим братом в братстве да и в миру» [РИО 1884: 111–112]. По словам русского посла в Крыму В.Ромодановского, Муртаза лгал, однако добился желаемого результата: успокоенный мирными заверениями Муртазы, Баязид вернул войска [РИО 1884: 112]. Муртаза, получив желаемую передышку, видимо, решил захватить власть в Орде. По информации В.Ромодановского, который получил сведения от бежавшего из Орды пленника — человека Нурдевлета, «Муртоза царь, пошел к Хазторокани на том: хочет привести Нагаев на Орду» [РИО 1884: 113]. Скорее всего это означает, что Астрахань тогда контролировали ногаи, а Абд ал-Керим был смещен. По крайней мере летом 1491 г. Абд ал-Керима в городе не было. В октябре 1491 г. в Москву было доставлено письмо В.Ромодановского, в котором он сообщал Ивану III: «Обдыл-Керим царь пошел было к Азторокани, да наехал деи был, государь, на твоего царевича и на твою рать. И они деи его, государь, розгоняли, а что с ним было, а то поимали, а его самого застрелили, и прибежал деи, государь, в Орду ранен, да поймавши царицы, да опять пошел к Хазторокань» [РИО 1884: 118]. Речь в письме идет о войске под командованием служилого царевича Сатылгана (сына брата крымского хана Менгли-Гирея Нурдевлета), посланном великим князем на Орду в 1491 г. в помощь Менгли-Гирею.

Косвенно контроль ногайских мурз над Астраханью подтверждается сведениями из письма Менгли-Гирея Ивану III, полученного в Москве в июне 1492 г. Менгли-Гирей сообщал великому князю о своих связях с ногаями, враждебными сыновьям Ахмеда: «Муса мырза да Ямгурчей мырза к нам, Мааметем зовут, слугу своего послали. На дорозе ординские люди поймав ограбили его, и он прибежал ко мне,

от тех мест на дорозе недрузи есть Мусе мырзе да Ямгурчею мырзе нелзе ми было послати, и нынеча ещо на дорозе недрузи стоят, и на Астархань было нелзе отпустити» [РИО 1884: 153]. В 1493 г. К.Заболоцкий писал в Москву из Крыма великому князю Ивану Васильевичу: «Орда под Астороханью на Мочаге; а Шидохмет царь женился у Мусы у мурзы, и князи его, государь, с Орды сбили, что женился у Мусы у мурзы; а послали, государь, по Муртозу по царя» [РИО 1884: 180]. Следовательно, район города контролировался тогда (зимой 1492/93 г.)⁴¹ Большой Ордой, причем ордынские «князья», недовольные связями Шейх-Ахмеда с мирзой Мусой, лишили его трона и пригласили нового хана — Муртазу (сына Ахмеда).

Вскоре ситуация изменилась, причем снова в пользу Шейх-Ахмеда. В письме Менгли-Гирея великому князю Ивану от июня 1494 г. (899 г.х.) ордынские вести передавались так: «...веснось Шиг-Ахметя согнали, Муртозу да Сеит-Махмута на царстве посадили, и нынече Муртозу да Азику согнали, Шиг-Ахмет да Сеит-Махмут на царстве Темирера сына Тевекеля на княжение учинили, на Азикино место, и покочевали под Черкасы» [РИО 1884: 211–212]. Таким образом, триумфировал — Муртаза, Сейид-Ахмед и Хаджике (их беклербек, брат Темира б. Мансура) — не состоялся; Сейид-Ахмед, вероятно, пошел на сговор с Шейх-Ахмедом, и трон «Престольного владения» был поделен между двумя соправителями — Шейх-Ахмедом и Сейид-Ахмедом, а место беклербека досталось сыну Темира б. Мансура — Тевекелю.

Менгли-Гирей, нуждаясь в помощи Стамбула, активно пытался привлечь Баязида к войне против Ахмедовичей, рисуя султану перспективу захвата Крыма Большой Ордой. В Стамбул был послан брат хана Ямгурчи; главной темой переговоров должно было стать оказание турецкой помощи Крыму в борьбе с сыновьями Ахмеда. В.Ромодановский доносил в Москву: «А речь... царева (Менгли-Гирея. — *И.З.*) к турьскому таково: переступят цари меня, ино от них будет и тебе недобро» [РИО 1884: 112]. Узнав о приезде Ямгурчи, Баязид отправил посла к кафинскому паше, которому приказал говорить Ямгурчи: «...а рать ему у меня готова на помощь, того деля есми и на мисюрского»⁴² не послал» [РИО 1884: 112].

Просьбы Менгли-Гирея о помощи возымели действие: Баязид отправляет в Орду нового посла, с тем «чтобы цари с того поля пошли прочь» [РИО 1884: 118].

По мнению М.Г.Сафаргалиева, брат Касима, Абд ал-Керим, вступил на престол в Астрахани в 1495 г. В начале его правления в городе были ограблены московские купцы, а вскоре он предпринял поход на Крым.

⁴¹ Письмо от К.Заболоцкого пришло вместе с посланием Менгли-Гирея, датированным 8 января 898 г.х. (1493 г.).

⁴² То есть на египетского султана (от арабского *Мыср* — Египет).

По А.-А.Рорлих, некий улан Афаш предводительствовал казанской армией в походе на Астрахань в 1491 г. [Rorlich 1986: 29]. Вероятно, исследовательница имела в виду эпизод, когда в мае 1491 г. служилый царевич Сатылган (сын Нурдевлета) был послан московским великим князем на помощь крымскому хану Менгли-Гирею (дяде Сатылгана) против Сейид-Ахмеда и Шейх-Ахмеда. Казанский хан Мухаммед-Эмин (союзник Крыма и Москвы) также послал своих военачальников в поле, где они соединились с московскими войсками. Казанских воевод звали **Абаш-улан** (выделено мною. — И.З.) и Бураш-сеит [ПСРЛ 1859: 223; ПСРЛ 1910: 355–366; Атласи 1993: 253]. Однако нигде в источниках не сказано, что союзные войска ходили походом именно на Астрахань.

Ш.Марджани (а за ним и М.М.Рамзи), неверно называя Абд ал-Керима сыном Ахмеда и не упоминая своего источника⁴³, относит начало его правления к 895 г.х. (1489–90 г.) [Марджани 1885: 134; Рамзи 1908: 5].

В нашем распоряжении имеется чрезвычайно важный для данной темы источник — письмо великого князя Казимира IV хану Абд ал-Кериму с поздравлениями по поводу восшествия на престол, из которого становится ясно, что Абд ал-Керим присылал к Казимиру своего посла Таира с известием о занятии трона. Казимир отправил своих послов, но из-за суровой зимы они не смогли добраться до хана; «...послы наши к тебе не доехали и к нам ся вернули пеши и голодны», — писал Абд ал-Кериму Казимир. Вторично отправить послов Казимир смог только через год [Литовская метрика 1910: стб. 457]. Письмо не датировано, однако ясно, что оно не могло быть написано после 1492 г., когда Казимир умер. Казимир писал Абд ал-Кериму: «...дал тебе Бог сести на царстве, на столыцы отьца твоего, ино мы, то слышавшо, радовалися есмо». Точно такое же письмо («в тое ж слово, как до Абълумъкгирима») было послано и Сейид-Ахмеду — двоюродному брату Абд ал-Керима [Литовская метрика 1910: стб. 457]. Астрахань в тексте послания не упоминается. Речь, безусловно, шла о восшествии не на астраханский престол, а на престол Большой Орды двух двоюродных братьев — сыновей Махмуда и Ахмеда. Ф.Конечны датировал письмо 1488 г. на основании того, что посол Абд ал-Керима Таир упоминается в документе 1495 г. как находящийся уже восемь лет в Польше [Конечны 1927: 171]. Таким образом, даты Ш.Марджани и Ф.Конечны почти совпадают, а значит, вероятнее всего, Абд ал-Керим и Сейид-Ахмед действительно начали править в Большой Орде

около 1488 г. О том, что Сейид-Ахмед (а следовательно, и его двоюродный брат Абд ал-Керим) правили Большой Ордой, а не Астраханским ханством, косвенным образом свидетельствуют данные турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей: война Менгли-Гирея с Сейид-Ахмедом названа там «Тахт-Илийской», т.е. войной с «Тронным владением» (Большой Ордой) [Негри 1844: 383].

В 1491 г. Престольным владением правили уже Абд ал-Керим и Шейх-Ахмед [РИО 1884: 110]; Абд ал-Керим сменил соправителя.

В письме Ивану III в 1498 г. Менгли-Гирей писал об «Ахматовых детях»: «...в его улусе велми голод учинился, пошли под Шемахейскую сторону. Сеит Махмут, брат его Багатырь из Гирей выбежали, пришед в Васторохани за городом стоят... на Бога надеяся, недругов наших, на Ахматовых детей, сторону на весне на конь хочю ввести» [РИО 1884: 277–278]. Из другого сообщения крымского хана становится понятно, что в сторону Шемахи пошел Шейх-Ахмед, а Багатырь и Сейид-Ахмед направились к Астрахани, куда их не пустил Абд ал-Керим [РИО 1884: 279]⁴⁴.

Астрахань, видимо, оставалась резиденцией Абд ал-Керима и позже. В октябре 1500 г. князь Кубенский сообщал из Крыма, что за год до этого Аблез-бакшей направил в Астрахань гонцов с письмом, в котором предлагал повлиять на Абд ал-Керима, «чтобы царь Абле-Керим послал царевичев на Дон стеречи посла великово князя, да гостей...» [РИО 1884: 333]. Мы еще вернемся к этому известию.

Матвей Меховский также не упоминает об Астрахани как о владении, независимом от Большой Орды. В своем труде «Трактат о двух Сарматиях», составленном до 1514 г., Меховский пишет лишь о «Заволжской орде», владения которой простираются «от реки Волги до Каспийского моря... приблизительно на 30 дней самой быстрой верховой езды». «Земля хана и заволжских татар ограничена с востока Каспийским или Гирканским морем, с севера — степями, тянущимися на большое расстояние вширь и вдаль; а с запада — реками Танаисом и Волгой; с юга — частью морем Эвксинским или Понтом, частью высочайшими горами Иберии и Албании» [Меховский 1936: 61]. В «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи сказано, что после освобождения плененного Шейх-Ахмеда из Литвы он «пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан» [Утемиш-Хаджи 1992: л. 41а]. Ясно, что под названием Хаджи-Тархан автор имел в виду не независимое Астраханское ханство, а Большую Орду, частью владений которой был город Хаджи-Тархан.

⁴³ Вопрос об источниках труда Ш.Марджани довольно детально рассмотрен М.А.Усмановым [Усманов 1969: 144–151], а также М.Х.Юсуповым [Юсупов 1981]. Ясно, что, несмотря на обилие неверной информации, Ш.Марджани пользовался не дошедшими до нас источниками, а следовательно, его сведения чрезвычайно интересны.

⁴⁴ М.Г.Сафаргалиев ошибался, полагая, что «когда к нему (Абд ал-Кериму. — И.З.) прибежали сыновья Ахмеда Сейид-Ахмед и Бахтиар, Абдул-Керим не пустил их в Астрахань» [Сафаргалиев 1952: 39]. Среди сыновей Ахмеда Бахтиара не было: Бахтиар был родным братом Ахмеда и Махмуда [Zambaur 1955: taf. S], а к городу тогда пришли действительно дети Ахмеда — Сейид-Ахмед и Багатырь.

Блез де Виженер, повествуя об освобождении Шейх-Ахмеда и его отправлении в «заволжскую Татарию», упоминает о том, что брат хана «Солтан-Козик» (т.е. Коджак. — *И.З.*) был послан вперед, «чтобы известить о его прибытии их дядю Албугера» [Виженер 1890: 84]. Безусловно, имеется в виду Абд ал-Керим, однако не упоминается о том, что он был ханом Астрахани; речь идет о «Заволжской Орде» в целом.

Осенью 1501 г. Астрахань в течение семи дней осаждают ногаи: «пять мурз приходили к Асторокани и улусы черные поимали» [РИО 1884: 380–381]. М.Г.Сафаргалиев неверно относил эту осаду к 1502 г. [Сафаргалиев 1952: 39]. По мнению М.Г.Сафаргалиева, одержавшие верх ногаи навязали хану соглашение, которое значительно укрепило их позиции в городе. «Хан обязался брать одного из ногайских мурз в качестве своего старшего эмира и платить ногайским мурзам ежегодно по 40 000 алтын деньгами, которые астраханцы платили до самого падения Астраханского ханства» [Сафаргалиев 1952: 40]. Видимо, опираясь на утверждение М.Г.Сафаргалиева, о ежегодных выплатах указанной суммы ногаям писал и Л.Е.Вереин [Вереин 1958: 12]. М.Г.Сафаргалиев не называет источника этого утверждения, но думается, что таким источником была Никоновская летопись. При описании соглашения, заключенного в июле 1554 г. между Иваном IV и Дервиш-Али (посаженным на астраханский трон русско-ногайским ставленником), летопись сообщает, что Астрахань обязывалась платить Москве ежегодно 40 000 алтын и 3000 рыб [ПСРЛ 1904: 244]. Однако эти события слишком далеки друг от друга, чтобы можно было делать выводы о неизменности суммы выплаты с начала века до 1554 г.

Ничем не подтверждается мнение П.П.Иванова о существовании «торговой пошлины с провозимых по Волге товаров», которую собирали в свою пользу ногайские «князья», и о столкновениях с Астраханским ханством «на почве распределения собираемых сумм» [Иванов 1935: 27]. «Вообще это был значительный город, — писал в начале XVII в. об Астрахани Исаак Масса, — который был обязан платить дань Московиту, как и покойному великому князю Василию Ивановичу, в остальном они были свободны от всех повинностей и могли делать, что хотели» [Масса 1937: 23]. Кроме утверждения И.Массы, сведений об астраханских платежах Москве до 1554 г. не имеется. Его свидетельство уникально: астраханцы будто бы страдали от притеснений московских бояр, налагавших непосильные тяготы на город, и «изыскивали всякого рода средства, чтобы освободиться и свергнуть иго, что они и исполнили; когда посланные прибыли за данью, они с глумлением ответили посланцам и отказались что-либо дать, сказав, что не намерены более давать, и повторили это несколько раз. Они даже говорили: ежели московиты будут нас очень притеснять, мы призовем на помощь турка и будем ему во всем повиноваться. Так

продолжалось долгое время: то оказывали повиновение, то вновь восставали». Так было до взятия Казани [Масса 1937: 24].

Видимо, события начала XVI в. (установление ногайского «сюзеренитета») нашли отражение в «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха б. Рузбихана Исфাহани, сочинении, законченном в 1509 г. О дештских племенах там сказано так: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них] — шибаниты и его ханское величество (т.е. Мухаммед Шайбани — *И.З.*) после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты, а [из] них цари астраханские» [Фазлаллах 1976: 62, л. 22а–22б]⁴⁵.

Как свидетельствует Никоновская летопись, «та Большая Орда им (Иваном III. — *И.З.*) порушилася и почали те цари Ординские жити в Азсторокани, а Большая Орда опустела, а место ея во области близ города Азсторокани, два днища по Волге вверх именуется Сарай Большие» [ПСРЛ 1904: 237; Карамзин 1992: 198, примеч. 74]. Свидетельство летописи не оставляет сомнения в том, что Астрахань стала резиденцией ханов Большой Орды после их разгрома, причем речь идет не об образовании нового государства, а лишь о смене резиденции.

Еще в позапрошлом веке В.В.Григорьев сопоставил это свидетельство летописца с событиями 1480 г. В своих построениях исследователь опирался на сообщение Казанской истории о походе звенигородского воеводы Василия Ноздроватого и царевича Нурдевлета на Орду во время «стояния на Угре» [ПЛДР 1985: 310]. По мнению В.В.Григорьева, кроме похода воеводы звенигородского, мы не знаем никакого другого, в силу которого Никоновская летопись могла бы приписать Иоанну III «порушение Большой Орды» [Григорьев 1876: 278]. К точке зрения В.В.Григорьева склонялись и некоторые современные исследователи (Л.С.Черепнин, В.В.Каргалов; см. [Каргалов 1980: 86–87]). Однако это утверждение не бесспорно: сведения о походе содержатся только в «Казанской истории», источнике весьма ненадежном и изобилующем неточностями и вымыслами. В.В.Вельяминов-Зернов, например, затруднялся в решении вопроса о достоверности этого сообщения «Казанской истории» [Вельяминов-Зернов 1863: 132–138].

События 1480 г., когда Иван III отправил в тыл Ахмеду свое войско (если они имели место), не уникальны. Например, в 1491 г., как сообщает Никоновская летопись, великий князь в помощь Менгли-Гирею также посылал на Орду армию под командованием Сатылгана (сына Нурдевлета) и князей П.Н. и И.М. Оболенских. В походе могли участвовать и казанские отряды Мухаммед-Эмина. Воеводы великого князя

⁴⁵ Связь ногаев с Хаджи-Тарханом часто подчеркивалась в русской историографии и популярной литературе. Доходило даже до того, что Астрахань представляли ногайской столицей [Астрахань 1882: 1].

«возвратися в свояси без брани»: узнав о приходе союзного войска, сыновья Ахмеда предпочли отойти от Перекопа. Много позже, в середине 20-х годов XVI в., московские дипломаты при переговорах с крымскими заявляли: «Менли-Гирей царь государя нашего хрептом Орду взял, а государь наш Менли-Гиреевым хрептом Литву воевал» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 97об.]. Мне представляется возможным отнести сообщение Никоновской летописи о разрушении Иваном III Орды и переносе столицы ханов в Астрахань к 1491 г.

Если мы, следуя В.В.Григорьеву, принимаем сведения «Казанской истории» и верность их отождествления с сообщением Никоновской летописи, то дата образования Астраханского ханства отодвигается до периода не ранее 1480 г. До этого Астрахань была лишь одним из городов Большой Орды, а после разгрома Сарая в 1480 г. стала на некоторое время новой резиденцией все тех же ордынских ханов. Видимо, именно в этом смысле говорится об «астраханских царях» (т.е. ордынских ханах, живущих в Астрахани) в письме Менгли-Гирея Ивану III от 1498 г. [РГО 1884: 271].

В Москве прекрасно представляли преемственность власти между Большой Ордой и Астраханским ханством. Об этом свидетельствует так называемая родословная татарских царей, опубликованная по двум спискам (Синодальному и архива МИД) в 1851 г. Временником Московского общества истории и древностей российских, а затем с прибавлением Копенгагенского списка В.В.Вельяминовым-Зерновым. Все три списка (восходящие к одному общему источнику) при перечислении царей Большой Орды и астраханских ханов практически повторяют те же имена потомков Темир-Кутлуга. «Темир Кутлуг царь, первой царь на Астрахани», он же — основатель рода «царей Большие Орды» [Временник 1851: 127–130, 221–222; Вельяминов-Зернов 1863: 43–49].

После разгрома в 1502 г. Большой Орды Менгли-Гиреем часть родственников Ахмеда спешит покинуть город. Видимо, еще какое-то время в Астрахани оставались племянники Ахмеда и Махмуда — Юсуф (сын Якуба⁴⁶) и Шейх-Авлияр (сын Бахтияра), которые в тот же год бежали в Москву «служити» великому князю [ПСРЛ 1901: 256; ПСРЛ 1959: 296; ПСРЛ 1963: 336; Карамзин 1998: 344, примеч. 520; Howorth 1880: 351]. Зная о враждебном отношении Абд ал-Керима к Бахтияру (он не пустил его в город незадолго до этого), трудно предположить, что Абд ал-Керим сам в это время находился там. Вероятно, после катастрофы власть в теперь уже независимом городе восстановилась далеко не сразу: часть потомков Кучук-Мухаммеда избрала путь бегства в сопредельные страны, а часть — создание

⁴⁶ Вероятно, четвертый сын Кучук-Мухаммеда, брат Махмуда, Ахмеда и Бахтияра. Именно как сын Кучук-Мухаммеда он упомянут в «Джами ат-таварих» Кадыр-Алибека [Джами ат-таварих 1854: 159; Вельяминов-Зернов 1863: 224].

нового государства, являвшегося прямым наследником разгромленной Большой Орды.

Именно к 1502 г. и относится, видимо, образование Астраханского ханства — наследника разгромленной объединенными усилиями Менгли-Гирея и Ивана III Большой Орды.

Не случайно специальная дипломатическая документация, фиксирующая отношения Москвы с вновь возникшим государством, появляется только в начале XVI в. В архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го (т.е. с 1508 по 1517 г. — И.З.) при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь. Книги астороханские с лета 7029-го по лето 7042-го (1521–1534 гг. — И.З.), при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси и после его при сыне его при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси до царского иманованья (т.е. до венчания Ивана IV на царство в 1547 г. — И.З.), как был в Асторохани Яныбек царь» [Описи 1960: 106 (л. 228–229)] (см. также л. 235об., 290, 333об.). Эти книги, к сожалению, не сохранились⁴⁷.

В посольской книге по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 гг. имеется запись о приезде от астраханского царя посла Халкомана «лета 7058». При этом отмечено, что его приезд «писан в астороханских книгах». Следовательно, исчезли эти книги позднее [Рогожин 1994: 53]. Еще два упоминания «астраханских книг» в описи Царского архива [Описи 1960: 20, 30], видимо, относятся к более поздним документам. Очевидно, до правления Василия Ивановича никаких «астраханских книг» не было: существовали «ордынские» тетради, или книги, в которых отражалось развитие отношений с Большой Ордой. Так, 11 июня 1508 г. из Москвы был отпущен посол ногайского мирзы Ян Магмета (Джан-Мухаммеда) Исенъ Бахты, «а отпустил князь велики того Ян Магметева человека Исенъ Бахтыа вместе с азороканскими послы, а толмача с ними послал одного до Новгорода до Нижнего». Если послы были отпущены из Москвы в начале июня, следовательно, прибыли они в нее скорее всего в конце весны. Это — первое зафиксированное источниками *астраханское* посольство в Москву. Интересно, что пропускная грамота послам через русские города и Казань была записана в канцелярии великого князя в «ордынских татратех» [Посольская книга 1984: 76]. Возможно, это — косвенное свидетельство того, что отдельных астраханских тетрадей тогда еще не было. С другой стороны, в архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го» (см. выше), т.е. начальным их годом был все тот же, 1508 г. Таким образом, вполне вероятно, что специальные книги, отражавшие развитие отношений

⁴⁷ История ханства вообще скудна текстами. В Государственном архиве Астраханской области, судя по опубликованному оглавлению путеводителя по фондам, не сохранилось ни одного документа эпохи XV–XVI вв. [Brown 1994: 895–906].

Москвы и Астрахани, появились именно в 1508 г. (возможно, после июня).

Именно после 1502 г. — в материалах несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею от февраля 1503 г. в наказе послу И.Н.Беклемишеву — появляется сам термин «астраханский царь» [Рио 1884: 462].

Именно в начале XVI в. в Москве начинают расценивать Астрахань как самостоятельное государство. В двух сборниках Софийского собрания Российской национальной библиотеки сохранилась статья, начинающаяся словами: «Татарским землям имена...» и являющаяся перечнем различных мусульманских стран. Источником статьи была «Повесть о Темир-Аксаке» (начало XV в.), где приводится список земель, завоеванных Тимуром. Список «Повести...» был переработан с учетом политических реалий начала XVI в., когда создавалась статья «Татарским землям имена...». Список был дополнен рядом названий «татарских» земель, которые отсутствовали в источнике статьи. В число этих названий наряду с Большой Ордой, Крымом, Азовом, Казанью, калмыками, ногаями, Сараем и «Шибанами» (Сибирью) была включена и «Васьторокан» [Казакова 1979: 253–254], т.е. Астрахань⁴⁸.

Наконец, еще одно свидетельство в пользу образования ханства именно в начале XVI в., а не ранее — духовная грамота Ивана III. Иван умер 27 октября 1505 г., оставив завещание, в котором среди ордынского выхода, оцененного в 1000 рублей, наряду с Крымом, Касимовом и Казанью числилась и Астрахань [Духовные 1950: 362; Соловьев 1960: 144–146]. Духовная Ивана III датируется временем не позднее 16 июня 1504 г. по dokonчанию великого князя Василия Ивановича с князем Юрием Ивановичем, в котором также упоминается о выходе и проторах в Астрахань [Духовные 1950: 365, 367, 369; Карамзин 1998: 313, примеч. 564]. Как показал С.М.Каштанов, проект завещания был составлен в начале ноября 1503 г. (до смерти князя Ивана Борисовича Рузского), а окончательный вариант появился после смерти последнего, наступившей 28 ноября [Каштанов 1967: 200]. Безусловно, в это время Хаджи-Тархан был самостоятельным юртом и как наследник Орды имел право на свою долю выхода. Какова была эта доля, сказать трудно. Рядовые поминки начала века могли составлять

⁴⁸ А не Тмутаракань, как предполагала Н.А.Казакова [Казакова 1979: 254]. Надо добавить, что книжность, как и канцелярия не сразу реагировали на изменение внешне-политической обстановки. Например, несмотря на многолетний опыт контактов с несколькими постзолотоордынскими государствами (прежде всего с Казанью, Касимовом и Крымом), первый актовый документ, в котором появляется множественное число от слова «Орда» («Орды»), — договор Ивана III с его братом волошским князем Борисом, заключенный в 1473 г. [Горский 1997: 27–28; Горский 2000: 165]. То, что Астрахань появляется в книжных памятниках как самостоятельное царство не в самом начале XVI в., а, вероятно, в 10-х годах, неудивительно.

и меньшую сумму (например, 500 рублей). Можно попытаться сопоставить размеры этой суммы, учитывая колебания курса, с надбавками к наибольшему размеру поминок, на которые согласилась крымская сторона после завоевания Москвой Казани и Астрахани (как бы в уплату за согласие на переход ханств под московскую юрисдикцию) [Фаизов 1994: 53].

Ни в одном из документов предшествующего времени, регулирующих взаимоотношения великих и удельных князей с Ордой, Астрахань как самостоятельный агент отношений не выступает (хотя, например, Казань и Касимов упоминаются именно в этом качестве). Неясной в связи с этим выглядит позиция Ч.Гальперина, который, видимо, считал Астрахань получателем великокняжеской дани после убийства Ахмеда ногаями [Halperin 1985: 59–60]. Астрахань появляется в духовной Ивана (вероятно, именно в 1504 г.), потому что до 1502 г. Астраханского ханства просто не было.

Таким образом, из изложенного можно сделать несколько выводов:

1. Говорить о создании Астраханского ханства в 50–60-е годы XV в. (1459, 1466 гг. и др.) неправомерно.

2. В 50–70-х годах XV в. город представлял собой один из центров Большой Орды.

3. Не ранее начала 80-х годов в Астрахань перемещается столица Большой Орды. Город продолжал оставаться ею до разгрома Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем.

4. Не ранее 1502 г. Астрахань становится политической наследницей разгромленной Большой Орды [Zaitcev 2000b: 37]. При этом не происходит ни смены династии, ни изменения внутреннего строя государства: старая столица Большой Орды становится столицей Астраханского ханства.

Эта преемственность власти между Большой Ордой и Астраханским ханством была отмечена еще В.Н.Татищевым. Повествуя о событиях 1520 г., историк писал: «Хан крымский прислал иного посла, прося у князя великого помочи на *Большую орду хана астраханского*» (курсив мой. — И.З.) [Татищев 1966: 121]. В летописной заметке об этом событии упоминания о Большой Орде нет: Мухаммед-Гирей «просил у великого князя Василья Ивановича силы в помочь, ходил на Астрахань» [ПСРЛ 1965: 145]. Таким образом, В.Н.Татищев либо обладал источником, в котором содержалась именно такая формулировка, либо предполагал наличие преемственности власти между Большой Ордой и Астраханским ханством⁴⁹. Вероятно, так воспринимал эту преемственность между Золотой (Большой) Ордой и Астраханским ханством турецкий историк И.Беркок, когда писал, что остатки золо-

⁴⁹ Хотя, возможно, что историк имел в виду не государство Большая Орда, а столицу или главную ставку (аналогичное значение понятия «большая орда» практиковалось в 1530-х годах у ногаев).

тоордынского государства сохранились исключительно в Астрахани [Berkok 1958: 214].

Возможно, что единственным отличием в этом континуитете власти стало изменение границ: можно предположить, что Астраханское ханство было несколько меньше по территории [Zaitsev 2000a: 172–174].

Как следует из источников, о самостоятельном существовании Астрахани как отдельного государственного образования можно говорить лишь со времени не ранее 1502 г., т.е. времени разгрома Большой Орды Менгли-Гиреем. До этого Астрахань представляла собой часть юрта Большой Орды и не выступала как самостоятельное государство, обладающее собственным правящим домом, границами, самостоятельной внутренней и внешней политикой.

Глава III

АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО В 1502–1514 гг. АБД ал-КЕРИМ

Может быть у находящихся ныне в Астрахани татар, а паче у духовных и ученых их людей, и у других тамошних жителей, сыщутся описания о всех Ханах, которые от Баття, а может быть и прежде, владели Астраханью, и о других знатных приключениях, происходивших в то время, как сие царство Российской державе совершенно покорено.

П.И.Рычков. «Введение к астраханской топографии» 1774 г.

После разгрома в 1502 г. Большой Орды Менгли-Гиреем в ноябре того же года хан пишет своему союзнику московскому великому князю Ивану: «...отца своего цареву Орду достал еси... А ныне из Асторокани человек мой приехал, Шиг-Ахмет в Асторокань приехал, Багатырь царевич, да Аблекеримова брат, а вышед, с ним корешевались; а к Сеит-Махмуту царевичу человека послали. А в нагаи к салтан Ахмат мырзе человека послав, говорили с ними» [РИО 1884: 445]. Необходимо внести поправку в чтение этого отрывка, предложенное публикаторами текста. Вероятно, здесь следует читать: «...Шиг-Ахмет в Асторокань приехал. Багатырь царевич да Аблекеримова братья вышед, с ним корешевались...». «Аблекеримова братья» упоминается после в материалах несостоявшегося посольства Ивана III с И.Н.Беклемишевым к Менгли-Гирею (конец февраля 1503 г.): «...а что тебе сказывал про Шиг-Ахмета царя твой человек, — писал великий князь хану, — что будто содиначили с ним Багатырь царевич и *Аблекеримова братья* (курсив мой. — И.З.) и нагаи, а хотят идти на тебя: и к нам на зиме сей пришли наши люди из Азторокани, Копил с товарищи; и они сказывают, что Шиг-Ахмет царь и Хозяк царевич¹ у Азторокани, тут де им и зимовати; а у них деи их людей мало, толко с пять сот человек; а болшие деи люди у Хозяка у царевича, и Хозяк царевич хочет к нам ехати, а Багатырь деи царевич хочет в Азторокань Сеит Махмута царя, или Шиг-Ахмета царя; а Аблекерима деи не хотят в Азторокани» [РИО 1884: 456].

Перед сыном Ахмеда стояла цель создать коалицию, в которую вошли бы ногаи и представители астраханской династии, зависимой

¹ Брат и калга Шейх-Ахмеда.

от ногаев [Сафаргалиев 1952: 39]. Как доносил в Москву русский посол в Крыму Алексей Заболотский, «а про Ши-Ахмата, государь, весть ко царю к Менли-Гирею, что рекши царь Ши-Ахмат содиначился с своею братьею и с дядею с своим со царем с Аблекеримом, да и с Нагаи; а хочет идти на Менли-Гирея» [РИО 1884: 451]. Однако сил для этого у Шейх-Ахмеда было явно мало [РИО 1884: 456–457]. В этих условиях он, видимо, решает прибегнуть к дипломатической поддержке со стороны Османской империи. «А царь, государь, Ши-Ахмат, кажут, послал своего посла во Царьгород к турецкому», — писал Заболотский в Москву [РИО 1884: 451]. Иван III в ответ на просьбу Менгли обещает ему помощь против Шейх-Ахмеда, однако этим конфликтом он был, по-видимому, озабочен не столь сильно. Гораздо больше его интересовали планы Менгли относительно Литвы.

Астраханцы тем временем не стесняли себя ни в отношении московских послов в Кафу, ни в отношении к послам шахзаде: они были ограблены, а много турок побито насмерть [РИО 1884: 462].

В 1503 г. Шейх-Ахмед, видимо отчаявшись сплотить вокруг себя антикрымские силы, вновь присылал к Ивану с просьбой «достать» ему Астрахань в обмен на отказ от союза с королем. Первый раз он просит об этом у Ивана еще в 1502 г. (до октября) [РИО 1884: 435, 482; Карамзин 1998: 189, 307–308, примеч. 527]. Но дожидаться помощи Москвы Шейх-Ахмед не стал и в начале июля 1503 г. осадил Астрахань вместе с сыном ногайского Мусы Султан-Ахмед мирзой², «а с Багатырем царевичем и с Аблекеримом царем ратны», — писал Иван III в Крым Менгли-Гирею в августе того же года [РИО 1884: 486]. В сентябре 1503 г. в наказе московскому послу в Крым И.И.Ощерину предписывалось говорить Менгли-Гирею наедине: «А яз (т.е. Иван III. — И.З.), аж даст Бог, хочю ему (Шейх-Ахмеду. — И.З.) Азторокани доставати большое твоего для дела, брата моего, чтобы от него тебе и твоему юрту лиха никоторого не было» [РИО 1884: 489].

Перспективе обрести Астрахань с помощью великого князя Шейх-Ахмед предпочел попытку найти понимание у Баязида II. В августе 1504 г. Менгли-Гирей писал Ивану: «Ших-Ахмет царь з братьею своею, с Хозяком и с Халеком со царевичи, оное осени вмести приехали из Нагай в Киев, и от Киева к Белугороду поехали, а от Белугорода хотели к Баазит салтану ехати. И Баазит салтан слышел то, что Ших-Ахмет царь с братиею к нему едут, и он против их пашу послал с тем: коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менли-Гирей царь; кто Менли-Гирею царю друг, и мы тому друзи, а кто Менли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи; вы Менли-Гирею царю недрузи стоите, в нашу отчину вам пути нет, куды вам въехати. Так молвя. И преведчи его в Белгород

² Если это действительно он, то любопытно, что в мае или июне того же года тот же Султан-Ахмед возглавлял ногайское посольство в Крым.

салтановы люди, да из Бела города их выбили. И сее зимы, с первозимья, наши дети были в Новомгородке; и они, послышав Шиг-Ахмета, за ним гонялись... И Шиг-Ахмет, и Хозяк, и Халек, и Алчин³ Тактамыш, восемь их, в Киев прибегли; и киевский воевода князь Дмитрей поймав, их на Вышгород ввел» [РИО 1884: 509].

Бегство Шейх-Ахмеда и его братьев в Белгород за помощью султана было чистой авантюрой. Возможно, братья апеллировали к старинной дружбе, связывавшей их отца и Мехмеда II Фатиха. Вряд ли это растрогало османов. Турция никогда бы не пошла на смену хорошо знакомого и удобного Менгли-Гирея кем-либо из Ахмедовых сыновей, поведение которых было трудно предвидеть. Именно поэтому в Стамбуле решили остаться безучастными к просьбам Шейх-Ахмеда и фактически нейтральными к сложившейся ситуации, не предпринимая резких шагов. Турция предпочла, чтобы события развивались практически без ее участия. Распри Чингизидов ее не интересовали. Авантюра сына Ахмеда закончилась плачевно.

По М.Меховскому, М.Бельскому и М.Стрыйковскому, события развивались несколько иначе: приехав в Белгород, Шейх-Ахмед хотел отправиться морем в Константинополь, чтобы просить у султана помощи против Польско-Литовского государства. Однако, узнав об этом, султан приказал белгородскому *санджакбею*⁴ поймать хана, но тот бежал к Киеву, где попал в плен [Меховский 1936: 65–66; Bielski 1830: 69; Strykowski 1978: 568–569].

Великий князь литовский Александр II пытался оказать давление на Менгли-Гирея, воспользовавшись тем, что дети Ахмеда оказались в его руках. Иван успокаивал хана, напоминая ему судьбу Сейид-Ахмеда: «Ино у Литвы того обычаа нет, чтобы кого поймав, да пустили» [РИО 1884: 552]. Шейх-Ахмед на сейме в 1505 г. в Радоме произнес оправдательную речь перед панами и королем Александром и был отпущен из заключения в «Заволжскую» (Ногайскую) Орду к Каспийскому морю искать помощи против Крыма и Москвы [Bielski 1830: 79; Strykowski 1978: 577–578]. В «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи сказано, что хан вернулся в свой улус — Астрахань («пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан») [Утемиш-Хаджи 1992: л. 41а].

Кто владел городом сразу после 1502 г.? С.Шарафутдинов считал, что Абд ал-Керим правил в Астрахани с 895 по 910 г.х., т.е. в 1489–90–1504–05 гг. [Шеджере 1906]. Видимо, этой же традиции следовал Р.П.Арат [Арат 1940: 680], а позже и М.Сарай, утверждавший, что Абд

³ Это не имя, а родственная принадлежность Тохтамыша. Вероятно, он был зятем хана. Ср. с «Алчиновым местом» в Золотой Орде, аналогичным «Айдарову месту» при крымском хане. См. [Сыроечковский 1940: 36].

⁴ Санджакбей — правитель санджака (военно-административной единицы в Османской империи, подчиненной более крупной военно-административной единице — *йагмату*) и глава его вооруженных сил. Назывался также *мирлива* или позже *мутасаррыф*.

ал-Керим правил до 1504 г. Причем одновременно, противореча себе, писал о том, что после разгрома Большой Орды Менгли-Гиреем в 1502 г. Астраханское ханство было подчинено Крыму, а в дела астраханских ханов часто вмешивались крымцы [Saray 1994: 269–270]. Первым независимым астраханским ханом называет Абд ал-Керима и И.Вашари [Vásáry 1986: 312–313].

А.З.В.Тоган считал, что с 1502 по 1532 г. в Астрахани правил внук Ахмеда, сын Сейид-Ахмеда, Касим. В хранилище рукописей дворца Топкапы в Стамбуле сохранилась уникальная рукопись (№ 2937)⁵, переписанная в конце XV в. или начале XVI в. в Мавераннахре или в Хорасане. Согласно приписке на ее полях, в начале XVI в. она принадлежала Касиму. Это единственный сохранившийся до наших дней манускрипт «Шуаб-и панджгана» — третьего тома «Собрания летописей» Рашид ад-Дина, составленного между 1306–07–1310–11 гг. Сочинение посвящено генеалогии царствующих династий «пяти народов»: тюрок и монголов, мусульман (арабов), евреев, франков и китайцев. А.З.В.Тоган предположил, что рукопись могла быть подарена Касиму его другом ханом Мухаммедом Шайбани после завоевания последним Бухары и Самарканда в самом начале XVI в. [Togan 1946: 370–371; Togan 1962: 68; Стори 1972: 306–308]⁶.

У Сейид-Ахмеда действительно был сын Касим. Более или менее уверенно можно утверждать, что он правил в Астрахани в 1532 г. Править же 30 лет (с 1502 по 1532 г.) в Астрахани Касим не мог: этому противоречат все известные источники. Астраханским ханом после 1502 г. был Абд ал-Керим.

Выяснить точную дату вступления Абд ал-Керима на престол не представляется пока возможным. В архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь» [Описи 1960: 106]. Таким образом, Абд ал-Керим правил в Астрахани с 1508 по 1517 г. М.Г.Сафаргалиев считал, что Абд ал-Керим правил до 1515 г., когда на престол вступил его брат Джанибек [Сафаргалиев 1952: 40]; далее увидим, что хронология эта неправильна.

Мы знаем имя одного из приближенных хана Абд ал-Керима — им был *хытай* Баба-Али-бий: «...некто Хатай (*хытай*) Баба-Али бий (خطای بابا علی بی) был великим беком (*улуз бек*) и наибом хаджитар-

ханского хана Абд-ал-Керима. После смерти упомянутого хана совершил паломничество в Мекку и вернулся хаджи. После этого пришел на службу к Султан Гази-султану» [Утемиш-Хаджи 1992: л. 546] (см. также [Бартольд 1973: 166]). К сожалению, это сообщение Утемиш-хаджи практически ничего не дает для выяснения хронологии правления Абд ал-Керима. Султан Гази-султан, старший сын Ильбарса (по «Фирдаус ал-Икбал» Муниса, — сына Буреке, сына Йадгара, сына Тимур-Шейха, сына Хаджи-Тули, сына Араб-Шаха, сына Фулада, сына Менгу-Тимура, сына Бадакула, сына Джочи-Бука, сына Бахадур-хана, сына Шибан-хана), был убит во время смуты в середине 30-х годов XVI в. Шибанидом Аванешем (сыном Аминика/Имнака) в Шахр-и Вазире [МИКХ 1969: 441; Бартольд 1973: 166], по Абу-л-Гази же это убийство произошло в Ургенче [Абуль-Гази 1906: 195]. Вероятно, *улуз бек* Абд ал-Керима Баба-Али перешел на службу к Султану Гази-султану после смерти астраханского хана (может быть, до 1514 г.; см. ниже), но когда это произошло, можно лишь предполагать.

Племя *хытай*, к которому принадлежал Баба-Али, неоднократно упоминается при описании событий 30–60-х годов XV в. среди племен и родов Узбекского улуса — государства, созданного ханом Абу-л-Хайром. Представители этого племени были сподвижниками основателя державы и остались верны его внуку Абу-л-Фатху Мухаммеду Шайбани во времена его казачества. Племя *хытай* упоминается и среди 92 «узбекских» племен («племена-илатий», т.е. «кочевые племена»), список которых содержится в труде Сайф ад-Дина Ахсикенти «Маджму ат-таварих», написанном в Фергане в XVI в. [Султанов 1982: 8, 15–16, 30]. Племя *иль кытай* имелось в XVI в. и у ногаев: к концу века в документах упоминается совместное пребывание на кочевых стойбищах ногайских китаев и кипчаков, а в начале XVII в. эти два племени-*иль* окончательно слились [Трепавлов 1998а: 111].

Обратимся к титулам и должностям, которыми обладал Баба-Али бий. *Улуз бек* (или «улубий», дословно «великий князь») — официальный полный титул правителя Ногайской Орды, равнозначный золотоордынским формулам *амир ал-умара* и *беклербек* (*беглербег*). Титул «великий князь» сопровождает, как правило, в источниках имя беклербека Эдиге, предка мангыт-ногайских биев [Трепавлов 2000: 359]. Баба-Али занимал при Абд ал-Кериме ту же должность, что и внук Эдиге мангыт Темир б. Мансур при сыне Махмуда Касиме.

Термин *наиб* (заместитель, представитель, уполномоченный) в самом общем смысле прилагался к человеку, назначенному заместителем другого на любой официальной должности. В мамлюкском государстве этот пост имел более специфическую окраску: наибамы назывались уполномоченный султана или его заместитель, вице-султан, а также губернаторы областей. Позднее в персидском и турецком,

⁵ А.З.В.Тоган в одной из своих публикаций ошибочно передавал номер рукописи — 2932 [Togan 1962: 68]. В том, что ее номер в действительности А.П. 2937, убеждает ссылка в статье Э.Есин [Esin 1989: 114–115].

⁶ Шейбани действительно был очень тесно связан с волжскими Джучидами; так, например, он прислал казанскому хану Мухаммед-Эмину двух музыкантов — бывшего придворного Хусейна Байкары Гулям-и Шади, сына декламатора Шади, и Бульбуля [Харави 1966: 26; Validi 1927: 27; Hofman 1969: 167–168]. Хань как будто бы были даже друзьями.

а также в арабском термин приобрел значение должности судьи, назначенного заместителем или уполномоченным кади для отправления правосудия [Gibb, Davies 1987: 837]. Так, должность наиба существовала в Крымском ханстве и дожила до начала XX в. Как писал Ив.Александров, наибы в Крыму избираются «обыкновенно всем обществом без соблюдения каких-либо формальностей из лиц почетных, по преимуществу преклонного возраста, пользующихся уважением и доверием всего общества и хорошо знающих коран и шариат. На обязанности наибов лежит исполнение поручений мухаммеданского духовенства в тех случаях, когда по вопросам, касающимся различных отношений мусульман между собою, возникают споры, могущие быть разрешенными исключительно только на основании шариата. Так, им поручается привести к соглашению наследников... примирить супругов... и т.п.» [Александров 1912: 669–670]. Вероятно, в тексте Утемиш-хаджи должность Баба-Али означала примерно то же, что и пост *улуг бека*. Это подтверждает мысль В.В.Трепавлова, что отдельные элементы ногайского административного устройства имели влияние в Астраханском ханстве [Трепавлов 1995: 37].

Утемиш-хаджи, автор «Чингиз-наме»⁷, был знаком с еще одним астраханцем, которого звали Хаджи Нияз (حاجی نیاز). «В вилайете Хаджи-Тархан был знаменитый своим богатством человек по имени Хаджи Нияз» [Утемиш-Хаджи 1992: л. 42а, 97] (см. также [Бартольд 1973: 166]). К сожалению, Утемиш-хаджи не сообщает подробностей о положении и жизни этого человека. Из его рассказа становится ясно, что Хаджи Нияз был удачливым купцом, видимо связанным торговыми интересами со Средней Азией.

В письме московского дипломата Кубенского (октябрь 1500 г.) упоминается некий астраханец «Хонез». Его брат «Ахмолна» «сидел» в Москве вместе с другими астраханскими купцами («гостями»), вероятно, в заключении. Аблез-бакши (московский приказной деятель, ведавший в Посольском приказе переводами с татарского и других восточных языков, ему московская канцелярия обязана более подробными записями в крымских посольских книгах и усложнением их структуры)⁸ как будто бы написал «Хонезу» письмо, в котором пред-

лагал ему, чтобы хан Абд ал-Керим, выдвинувшись к Дону, стерег московского посла и гостей. Захватив дипломата и купцов, Хонез мог бы обменять их на Ак-моллу [РИО 1884: 333–334]. Во-первых, упомянутый «Хонез» — скорее всего не кто иной, как уже известный нам Хаджи Нияз. Как видим, его брат Ак-молла с другими астраханцами вел торговые операции в Москве, а сам Хаджи Нияз не брезговал работорговлей. Во-вторых, это лишнее свидетельство определенного контроля Абд ал-Керима над городом в 1500 г.

Возможно, что до 1508 г. Абд ал-Керим не обладал властью в городе или же обладал ею лишь формально, будучи зависим от ногайских мирз. В октябре 1504 г. Иван III послал ногайскому мирзе Ямгурчи грамоту, в которой было написано: «Да ваши ж люди азтороканци сего лета наших людей, рыболовей на Волзе, побили и пограбили... И ты бы... азтороканцев, кои наших людей, рыболовей на Волзе, побили и пограбили, велел показнiti... И вперед бы еси своим людем да и азтороканцем заказал накрепко, чтобы нашим людем и нашим украинам лиха никакова не чинили, чтобы другу и недругу было что слышети. А не уймутся ваши люди азтороканци, а учнут наших людей, где приходити, ино нам, ож дасть бог, своих людей от азтороканцев боронити, как нам бог пособит» [Посольская книга 1984: 54] (см. также [Карамзин 1998: 275, примеч. 309]). Таким образом, в это время в Москве какие-то права на Астрахань признавались за ногайскими мирзами, в частности за Ямгурчи. Ямгурчи был тесно связан с детьми Махмуда: его жена была их сестрой [Посольская книга 1984: 53].

В 1505 г., как отмечено в Скарбовой книге Литовской метрики, в Литву пришли послы от «князей Ногайских посполу с тыми, послы заволскими» [Скарбовая книга 1898: 27], т.е. ногайское посольство было отправлено вместе с посольством потомков Ахмеда и Махмуда. Еще ранее, в 1503 г., ногайские послы также приезжали в Литву вместе с послами «царя Заволского» [Акты 1846: 354].

Косвенно о ногайско-астраханском «союзе» свидетельствует и эпизод московско-казанских отношений 1505 г. 24 июня 1505 г. произошел погром русских купцов на ежегодной казанской ярмарке. Московский посол М.А.Кляпик был арестован. Мухаммед-Эмин, правивший тогда в Казани, послал 40 000 казанцев, а также 20 000 ногаев — союзников хана к Нижнему Новгороду. В результате искусной обороны города пленными литовскими солдатами натиск на город был отражен, а ногайский князь — союзник Мухаммед-Эмина погиб в бою [Худяков 1991: 61–62]. Союзнические отношения Казани с ногаями объяснялись родственными связями хана: его женой была дочь мирзы

с Крымом». Автор предположил, что большая полнота книг после 1491 г. связана именно с работой во внешнеполитическом «ведомстве» Абляз-бакши (с 1489 г.), который как первоклассный специалист смог на должном уровне выполнять переводы документов [Бережков 1894: 15].

⁷ Об этом произведении см. одну из последних сводных работ [Gülensoy 2002: 15–20]. О рукописи «Чингиз-наме» А.-З.Валидова см. [Салихов 2001: 44, 98–99, 103].

⁸ Как заметил М.Бережков, до 1490 г. включительно в первой из крымских посольских книг упоминаются одни только отпуски в Крым, и хотя говорится о крымских посллах, приезжавших в Россию, но подробного изложения нет. С апреля же 1491 г. излагаются попеременно и одинаково подробно то крымские приезды, то русские отпуски. М.Бережков связал это явление с первоначальным отсутствием намерений включать в книгу переводные документы, «очень многочисленные, очень не легкие для перевода и для чтения... впоследствии же времени посольские речи крымские и ярлыки, как видно, показались более важными и нужными для записывания в книгу в подробном, даже дословном виде, на случай справок при дальнейших сношениях

Мусы. Как свидетельствует Холмогорская летопись, некоторые русские, попавшие в плен в Казани летом 1505 г., были разосланы Мухаммед-Эмином «во Асторокан и в Нагаи» [ПСРЛ 1977: 134]. Таким образом, в это время, вероятно через ногайское посредство, Казань была связана с Астраханью.

О возможности контроля ногаев над Астраханью и позже свидетельствует обращение русского правительства к Алчагир-мирзе (сыну Мусы) в 1507 г.: в памяти русскому посланнику в Ногайскую Орду Чюре содержалась просьба найти и вернуть в Москву некоего Мелеха, находившегося в плену в Астрахани «у Мустофарова Салтанова человека у Абдулы» [Посольская книга 1984: 64].

Видимо, до 1508 г. в Астрахани вообще не было какой-либо стабильной власти (по крайней мере какого-то одного конкретного правителя). В материалах второго несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею с И.Н.Беклемишевым (февраль 1503 г.) содержалась запись наказа послу. И.Н.Беклемишеву следовало говорить, что в тот год «царевича и азтороканских царей люди» на Дону «посла нашего Александра, которого есмя посылали к кафинскому салтану, да и его посла Алакозя пограбили и людей наших торговых да и турков многих до смерти побили, а иных поймав, свели, а рухляди у них много поимали. И где было тебе за то на азтороканских царей и царевичев со мною стояти содинова, и ты их людей у нас просишь, а яз их держу того деля: хочу свое взяти» [РИО 1884: 462]. В этом документе потомки Ахмеда и Махмуда впервые названы астраханскими царями. Через несколько лет, в октябре 1508 г., Менгли-Гирей писал великому князю Василию, называя их так же: «И нынеча кто мне недруг, то и тебе недруг: астороханские Ахметевы и Махмутовы дети цари, Бог даст, как весна станет, поискать нам их...» [РИО 1895: 19].

Таким образом, мы весьма условно относим начало самостоятельного правления хана Абд ал-Керима в Астрахани к 1508 г.

Планы завладеть Астраханью не оставляли Менгли-Гирея вплоть до его смерти. Астрахань как наследница Большой Орды продолжала оставаться смертельным врагом Крыма. В сентябре 1508 г. Менгли-Гирей в письме великому князю Василию просит у него 10 труб («да поделаны бы были к ним и ножны») для будущего астраханского похода [РИО 1895: 26].

Для окончательной победы над Астраханью Менгли-Гирей нуждался в помощи Москвы, прежде всего для блокирования города с Волги судами. Именно при Менгли-Гирее в Крыму возникает идея использовать московскую судовую рать для борьбы с Астраханью. Важность участия Москвы в этой акции оценивалась очень высоко. Один из крымских сановников, Баба-ших, в октябре 1508 г. писал Василию о Менгли: «Толко азастараханское дело учинишь, и он тебя и до смерти не оставит, на том роту и правду учинил, тои речи прямы... Воевав

Асторохань, и после и наш и твой недруг король, оба нас вместе, молвит царь, учнем его воевати, как жито поспеет» [РИО 1895: 38–39].

Москва и Крым фактически ставили друг другу взаимно невыполнимые условия. Великий князь пытался склонить хана к борьбе с Литвой, обещая взамен помощь в войне с Астраханью, тогда как хан условием совместного ведения этой войны видел осуществление астраханского похода. После событий 1502 г. Москве было невыгодно поддерживать Крым в его борьбе с волжскими Чингизидами. Это грозило ненужным военным и политическим ростом Крыма, усилением его влияния на Казань, которую великие князья начинают рассматривать как «свой юрт», а также осложнением волжской торговли. Ситуация «рассредоточения» власти в джучидском пространстве в принципе устраивала Москву. Думать же о собственных планах относительно волжского устья в Москве было еще рано. Отстраняясь поначалу от участия в борьбе за Астрахань, великие князья тем самым пытались не допустить резкого перевеса сил в одну из сторон. Военно-политический паритет, сложившийся в регионе в начале XVI в., грозил резкими переменами, но до них было еще далеко.

Князья отговаривались от участия в астраханском походе, ссылаясь прежде всего на невозможность ведения войны на два фронта — с Литвой и Астраханью. В качестве доводов приводились и другие причины, иногда весьма надуманные. В.Г.Морозову, посланному с дипломатической миссией в Крым в марте 1509 г., следовало говорить царю: «А к Азтаракани, господине, государю нашему рати своей ныне и посылати не мочно, как судов там в тех местах и при отце его не делывали, да и ныне не делают и наряду служебного ныне допроводити туды не мочно, и государю нашему ныне рать своя на Азтаракань не лзе послати» [РИО 1895: 64]. В.Г.Морозову следовало всеми силами отказываться от «правды», по которой великий князь должен был бы по приказу Менгли-Гирея принимать участие в походе на Астрахань или Литву [РИО 1895: 65].

Уклончивая политика великих князей не находила понимания в Крыму. Отчаявшись получить помощь Москвы, Менгли-Гирей предпринимает попытку расправиться с врагом своими силами. В конце июля 1509 г. он пишет письмо великому князю московскому Василию Ивановичу, в котором объясняет причины своего похода на Астрахань и ногаев: «...от нагай от нашего недруга весть пришла, что Ямгурчиев сын Агыш мырза, да Ахмет-Ала мырза, да Ширяк-мырза в головах, да с ними сорок мурз содиначився с Абдыл-Киримом царем, да захотели нас воевати» [РИО 1895: 70]. Крымский вельможа Баба-ших также называет зачинщиком похода ногайского мирзу Агиша; тот будто бы «царя нашего (т.е. Менгли-Гирея. — И.З.) ни за што поставил» [РИО 1895: 80]. Против Менгли-Гирея выступала коалиция ногайских мирз и астраханского хана Абд ал-Керима, вероятно зависимого от ногаев.

Менгли-Гирей собрал 250-тысячное войско, во главе которого встал его сын Мухаммед-Гирей. Хан собрал «и иных своих детей и всех уланов своих и князей и Мангыта Азику князя⁹, и Ширина Агъша князя, и Барына Довлет-Бахтия князя в головах». Поход закончился победой крымских сил: «...мурз пограбили, улусы и куны, кони и верблюды, овцы и животину, ничего не оставив, взяв, привели. А недруги наши, кто же свою голову взяв, побежал, и нынеча наша рать над нашим недругом учинилась», — писал Менгли-Гирей в июле 1509 г. в Москву [РИО 1895: 70]. Пленных ногаев гнали через Перекоп будто бы целых двадцать дней [РИО 1895: 80].

Однако на этот раз Менгли-Гирей Астрахань не взял. Возможно, осада города не входила в планы похода 1509 г. или крымские войска не смогли справиться с этой задачей в одиночку. У Менгли-Гирея «только то и есть чаяния на Астрахань, — писал Баба-ших великому князю Василию Ивановичу в конце лета 1509 г., — как ты ему брат его князь великий помочь учинишь» [РИО 1895: 80]. Этого не скрывал и сам Менгли-Гирей. В письме Василию он, ссылаясь на договоренности о присылке судовой рати, прямо писал: «И ныне ты князь великий Василей Иванович, брат мой, на нашего недруга на Абдыл-Керима мне своему брату пособлять ти надобе...» [РИО 1895: 71].

Сведения о походе 1509 г. сохранились и у польского хрониста Мартина Бельского, однако, согласно его изложению, хан потерял в битве двух сыновей и едва ушел сам [Bielski 1830: 123].

Глава IV

ДЖАНИБЕК Б. МАХМУД

Как полагал М.Г.Сафаргалиев, Джанибек вступил на престол в 1514 г. [Сафаргалиев 1952: 40]. Ш.Марджани передавал его родословную так: «Затем [правил] Абу-Сайид Джанибек-хан, бин Барак-хан, бин Куюрчак-хан, бин Урус-хан» [Марджани 1885: 134; Марджани 2003: 125]. Так же излагают его генеалогию С.Шарафутдинов и М.М.Рамзи [Шеджере 1906; Рамзи 1908: 5]. Ш.Марджани, а вслед за ним С.Шарафутдинов и М.М.Рамзи, видимо, путали Джанибека, сына Махмуда, с казахским Джанибеком (действительно третьим сыном Барака, внуком Куюрчака, четвертого сына Уруса). Он родился не позднее 1429 г. и ненадолго пережил своего брата Гирея (последний раз упоминается в источниках под 1473-74 г.) (см. [Султанов 1993: 25-29; Абусейтова 1998: 76-77]), следовательно, его правление в Астрахани в указанное время более чем сомнительно¹.

С.Шарафутдинов пишет о вступлении Джанибека на престол в 915 г.х. (1509-10 г.) [Шеджере 1906]. Опись архива Посольского приказа дает другую дату. В приказе хранились «Книги астороханские с лета 7029-го по лето 7042-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси и после его при сыне его при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси до царского имянованья (т.е. до венчания Ивана IV на царство в 1547 г. — И.З.), как был в Асторохани Яныбек царь» [Описи 1960: 106]². Следовательно, согласно Описи, Джанибек правил в Астрахани с 1521 по 1534 г.

Джанибек, сын Махмуда и брат Абд ал-Керима, в действительности вступил на престол Астрахани не позднее лета 1514 г. В этом убеждает письмо московского посланца Василия Коробова из Азова, доставленное в Москву 19 июня 1515 г. По дороге в Азов «за полтора днища Донцу Северского» В.Коробов поймал нескольких татар. Один из них, Кара-Чура (из рода Кыят Большой Орды), за пять лет до этого с грамотой Менгли-Гирея ходил жениться в Ногайскую Орду [Сыроечковский 1940: 32]. Кара-Чура сообщил Коробову: «...посылал

¹ Его родословная также приводится на знаменитом эрмитажном футляре для Корана, изготовленном в 1002 г.х. (1593-94 г.) и принадлежавшем его потомку (праправнуку), касимовскому хану Ураз-Мухаммеду [Земное 2000: 150-151, № 67].

² Эти книги не сохранились.

⁹ Знакомый нам Хаджике б. Мансур.

Зенебек (т.е. Джанибек. — *И.З.*) царь человека с грамотою к Чагир мурзе³, да к Шийдяку, да к Мамаю, да к Келмамаю, чтоб пошли с ним воевати Шигим мурзу, и Чагир с братьею в Азторохань к нему пришли, а Зенебек царь, да Мустофар царевич с детми, да Хозяк солтан, их не дожидаясь, шод, летось Шигим мурзу побили и улус у него взяли десять тысяч человек, а он у них утек сам-двадцать» [РИО 1895: 144].

В.Коробов писал это письмо в мае 1515 г., следовательно, события о которых рассказал ему Кара-Чура, не могли относиться к лету 1515 г., а скорее происходили прошедшим летом 1514 г. По словам Кара-Чуры, оскорбленный мирза Чагир «с братьею» осадил Астрахань и предъявил Джанибеку требование отнять военную добычу у Мустофара «с детми» и «Хозяка солтана, да и отбей от себя прочь» [РИО 1895: 144].

Если личность Хозяка не вызывает сомнений (это брат Шейх-Ахмеда, сын Ахмеда), то кем был Мустофар-салтан, можно лишь догадываться. Впервые Мустофар упоминается именно в связи с Астраханью: в 1507 г. в памяти Чюре — русскому послу в Ногайскую Орду содержалась просьба найти и вернуть в Москву некоего Мелеха, находившегося в плену в Астрахани «у Мустофарова Салтанова человека у Абдулы» [Посольская книга 1984: 64]. Мустофар вместе с семьей другими султанами был убит в конце 1520 или начале 1521 г. ногайским мирзой Шийдяком [РИО 1895: 675]. Вероятно, он был братом Джанибека, скорее двоюродным (т.е. сыном Ахмеда), чем родным, или его племянником.

Джанибек не согласился с требованием мирзы Чагира: не стал делиться добычей и выгонять из города Мустофара с Хозяком. Чагир «с братьею» отправился на Яик, куда к нему пришел разбитый Джанибеком Шигим. Шигим пытался примириться с Чагиром, но последний заковал его и посадил под арест в Сарайчике. По словам Кара-Чуры, узнавший об этих событиях мирза Мамай, с которым были 50 человек, отбил Шигима и выпустил его. Тем временем Хозяк и двое сыновей Мустофара «от царя (Джанибека. — *И.З.*) отступили» и покинули Астрахань, «взяв с собою ту десять тысяч человек, что взяли у Шигима, пошли на поле кочевать» [РИО 1895: 144–145]. Вскоре к ним присоединился сам Шигим. Хозяк, Шигим и сыновья Мустофара направились к Тюмени (Дагестан), где Муртаза (сын Ахмеда) и «тюменские салтаны» посадили на царство Хозяка, а Шигим стал его эмиром. Муртаза будто бы добровольно отказался от престола, ссылаясь на свою старость.

Возможно, предложение трона Муртазе и его отказ объяснялись порядком ритуала престолонаследия, который сформировался еще во

³ Ногайский мирза Алчагир.

времена сложения чингизидской державы. Монгольские правители, вступая на престол, также формально предлагали трон старшим родственникам, которые должны были ритуально от него отказаться в пользу реального кандидата [Трепавлов 1993: 103–106]. Отказ от власти как культурно-политическое явление был рассмотрен С.В.Дмитриевым [Дмитриев 1995: 114–122].

Видимо, в Тюмени между детьми Мустофара и Шигимом и Хозяком произошел раскол. Хозяк и Шигим одного из сыновей Мустофара, «огранив, отбили прочь, а другого Мустофарова сына Муселем-салтана поймал Шигим князь» [РИО 1895: 145].

В этих условиях Джанибек задумал нанести удар по коалиции Хозяка, Шигима и «тюменских салтанов». Он решает вновь обратиться к Чагир-мурзе. В конце зимы 1515 г. Чагир «с братьею, приход под Азторохань по синему льду (т.е., видимо, накануне ледохода. — *И.З.*), да царю говорил: „Яз тебя для вдругие прихожу на своего брата, а ты доспей меня для, ограби Мустофара салтана с детми да отшли его от себя прочь“. И Зенебек их не послушал; и Чагир мурза с братьею со царем розбранив, да подступил под город, да стоял под городом день, да побився и пошли прочь в свои места к Яику». Осада Астрахани Чагиром закончилась неудачно: Джанибек произвел вылазку и пленил около 300 человек у отступающего Чагира. После этого, по словам Кара-Чуры, «и Волга прошла» [РИО 1895: 145], т.е. начался ледоход.

Возможно, отголоски этих событий нашли отражение в ногайском шеджере, найденном в Казани и опубликованном М.Ахметзяновым. Согласно этому источнику, «Альсагир-хан» (т.е. Алчагир), сын Мусы, «покорил крепости Саратов и Астрахань. Обложил налогом. Был хан удивительно похож на Александра Македонского. Проживал в Надынске⁴» [Ахметзянов 1991: 84].

Джанибеку удалось отстоять город в борьбе с ногаями, но главным врагом Хаджи-Тархана по-прежнему оставался Крым.

В борьбе мирз Шигима и Алчагира (Чагира из сообщения В.Коробова) верх одерживает Шигим. Весной 1516 г. Алчагир-мирза с приверженцами бежит в Крым [РИО 1895: 297; Исин 1985: 42].

Крымско-ногайское сближение было не в интересах астраханцев. «Астраханские дипломаты, — пишет А.И.Исин, — сделали все, чтобы ногайские мурзы не вступили в союз с крымским ханом, а заключили союз с Астраханью» [Исин 1985: 43]. В условиях заключения ногайско-астраханского мира крымские улусы были уведены «с поля в Перекоп» [Исин 1988: 18].

⁴ Что это за город, мне неизвестно. Возможно, это испорченное «Нарын» (цитадель Дербента), или Рын-пески. Урочище Нарын-Пески в ногайской степи упоминается, например, в отписке астраханского воеводы Б.Репнина в Посольский приказ (конец 1645 или начало 1646 г.); см. [Русско-монгольские 1974: 265]. Есть также р. Нарын (в пределах совр. Киргизстана и Узбекистана, приток Сырдарьи), но вряд ли она имеет отношение к Алчагиру.

У Менгли-Гирея были особые причины ненавидеть Джанибека. Скорее всего именно этот Джанибек был непосредственным участником гражданской войны, вспыхнувшей на полуострове в середине 70-х годов XV в.

После декабря 1475 г. Менгли-Гирей был вывезен в Турцию. Официально правили его братья, Нурдевлет и Айдар, а Джанибек, поддерживаемый Ахмедом, находился в оппозиции к ним. Вероятно, в конце 1476 г. Джанибек подавил сопротивление соперников и захватил власть в ханстве. Ахмед, видимо, пошел на превентивное сближение с Венецией, имея в виду перспективу заключения союза, может быть направленного против Османской империи, скорее всего отрицательно оценивавшей победу крымского ставленника Ахмеда — Джанибека.

Косвенным образом о крымско-османских противоречиях свидетельствует автор, именуемый Константином из Островицы. В 1459 г. он принимал участие в походе Мехмеда II на Трапезундскую империю и в 31-й главе своих записок оставил описание этого похода: «Трапезунд, как и Синоп, лежит по эту сторону Черного моря, Трапезундская земля гориста и обширна, со всех сторон она окружена погаными, все татары, такие, как Великий Хан и Узунхасан, Джанибек Гирей; эти татарские властители предпочитали иметь соседом трапезундского императора, нежели турецкого султана, хотя он и был их поганой веры» [Записки 1978: 82]⁵. Комментаторы записок Константина справедливо отмечают, что в указанное автором время (1459 г.) в Крыму правил не Джанибек, а Хаджи-Гирей [Записки 1978: 130, примеч. 3 к гл. 31]. Вопрос о том, к какому крымскому хану в действительности относил свои слова Константин, остается тем не менее открытым. «Записки янычара» были написаны между 1497 и 1501 гг. [Записки 1978: 22], когда время правления Хаджи-Гирея и Джанибека было уже в прошлом, а личности этих ханов в сознании Константина из Островицы могли быть совмещены. Вполне возможно, что имя Джанибека возникло в этом сочинении не случайно: у Джанибека, утвердившегося в Крыму с помощью своего дяди — хана Большой Орды Ахмеда, видимо, в конце 1476 г. и пребывавшего на престоле, вероятно, до осени следующего, 1477 г. [Григорьев 1987: 71–75], также были причины отрицательно относиться к османскому присутствию на берегах Черного моря [Зайцев 1999: 11]. Так случилось, что Джанибек был старым врагом Менгли-Гирея, из-за которого тот потерял трон в Крыму в результате нашествия Ахмеда.

Но осуществить свою мечту и захватить Астрахань Менгли-Гирею было не суждено: перед Пасхой весной 1515 г.⁶ он скончался. На крым-

ском престоле утвердился его сын Мухаммед-Гирей. Смерть Менгли-Гирея нарушила сложившиеся мирные отношения Московского государства с Крымом. Крымское ханство времен Мухаммед-Гирея перестает смотреть сквозь пальцы на растущие аппетиты Москвы. Отныне хан сам озабочен собиранием земель улуса Джучи.

Для Крыма главным вопросом оставалась борьба с Астраханью, «и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве» [Сыроечковский 1940: 50, 70]. Уже летом 1515 г. (вероятно, в июне–июле) Мухаммед-Гирей организует большой поход на ногаев и Астрахань. В письме от 3 августа он писал Василию III: «...сего году на своего недруга на Асторохань были есмя пошли... да сами есмя до Дону были дошли, и встретили нас люди, кони гонят, и те нам сказали, что деи послышев про нас весть, астороханский царь да Шыгим мурза на ту сторону Волги перелезли. И мы с уланы и со князми подумали, и уланы и князи говорили: ныне они хотя и полезли за Волгу, а на зиме на сей стороне будут, а у нас тогда кони тучны будут, а сами мы опочинем» [РИО 1895: 150]⁷. Мухаммед-Гирей решает отложить поход до конца осени⁸. Уже 30 августа в Москве получили новые письма из Крыма. Посол хана сообщал, что в результате похода ногаи ушли на другую сторону Волги (левую), но в доставленном тогда же письме Аппака, приближенного Мухаммед-Гирея, сообщалось, что «Шыгим на ону сторону перелез, и Асторохань на ону сторону перелезла...» [РИО 1895: 151, 169].

В письме Мухаммед-Гирея от 3 августа хан Астрахани по имени не назван. Если это был Джанибек, можно предположить, что он примирился с Шигимом, поскольку бежали за Волгу они вместе. Однако источники позволяют прийти к выводу, что ханом в Астрахани во время похода Мухаммед-Гирея летом 1515 г. мог быть и Абд ал-Керим.

Из сообщения В.Коробова (со слов пленного Кара-Чуры) следует, что по крайней мере с лета 1514 по весну 1515 г. в Астрахани правил Джанибек. Вместе с тем, как указывалось выше, в архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь» [Описи 1960: 106]. Получается, что Абд ал-Керим правил в Астрахани с 1508 по 1517 г. В таком случае

А.В.Виноградов [Виноградов 1999: 60]. В год смерти — 921 г.х. (1515–16 г.) — хану был от роду 71 год [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 6.40), л. 5]. Х.Иналджик на основании крымских материалов смерть Менгли и восшествие на престол Мухаммеда датировал началом 1514 г., что, как видим, неверно [Inalcik 1948: 355, примеч. 20].

⁷ Уход Шигима на левый берег, возможно, был вызван не страхом перед Мухаммед-Гиреем, а соперничеством с казаками.

⁸ Московский посол Михаил Тучков сообщал из Крыма в Москву 6 августа 1515 г., что Мухаммед-Гирей пошел в поход, однако точные планы хана были неизвестны — действительно ли он пойдет на ногаев или вернется в Перекоп [РИО 1895: 147].

в описи архива Посольского приказа, очевидно, не учтен перерыв в правлении Абд ал-Керима (по меньшей мере с лета 1514 по весну 1515 г., когда правил его брат Джанибек), или же В.Коробов был дезинформирован (что менее вероятно).

Москва продолжала хитроумно избегать заключения союза против Астрахани и старалась связать астраханские интересы Крыма с собственными — литовскими. Главной задачей было ни в коем случае не обременять себя обязательствами воевать с Астраханью и пытаться сначала нацелить Крым на Литву. В наказе И.Г.Мамонову (покинул Москву 15 ноября 1515 г.) ему строжайше запрещалось вписывать Астрахань в качестве общего врага в шерть. При этом главным аргументом была ссылка на договоры, подписанные с Менгли-Гиреем, где Астрахань действительно не фигурировала (потому что большую часть времени его правления такого государства просто не было), а общими врагами назывались «Ахматовы и Махмутовы дети». В Крыму пытались скорректировать текст договора в соответствии со своими интересами и изменившейся ситуацией. Москва, исходя из своих задач, старалась как бы не замечать анахронизм шерти, настаивая на сохранении прежней формулировки. Правда, у московских дипломатов был один весомый довод, который предписывалось использовать и И.Г.Мамонову: «Ино, господине, в Астарахани Махмутовы дети... ино, господине, чего деля Астарахань писать имянно?» [РИО 1895: 207]. Посол ни в коем случае не должен был говорить при дворе хана о позиции Москвы по отношению к Астрахани в присутствии сторонников Литвы, в частности лидера литовской партии князя Абд ар-Рахмана [РИО 1895: 204–205], — настолько тесно астраханский вопрос увязывался Москвой с литовским. И.Г.Мамонову следовало отказаться от совместного похода на Астрахань весной 1516 г., а вместо этого предложить сначала идти на Литву [РИО 1895: 196].

В момент отъезда И.Мамонова в Крым в Астрахани находился посол Василия Ивановича — «человек молодой, Иваном зовут, Федоров сын Елизарова». Тогда же в Москве был и астраханский посол. В случае прямого вопроса И.Г.Мамонову следовало говорить об этом в Крыму. Однако о целях обмена посольствами должно было отвечать: «...ездят... из Астрахани и из Нагаи во государя нашего земли торговые люди, а государя нашего люди в Астарахань и в Нагаи ездят, ино... из Астарахани и из Нагаи послы ко государю нашему ездят тех для людей торговых, а у государя нашего люди молодые в Астарахань и в Нагаи тех же для людей торговых ездят» [РИО 1895: 209–210]. В Москве подробности переговоров с Астраханью тщательно скрывали.

Вдогонку И.Г.Мамонову был отправлен еще один циркуляр, напрямую касавшийся московско-астраханских и астраханско-крымских отношений. Наказ послу предусматривал такой ответ на прямой вопрос крымских дипломатов об Астрахани: «А в Астарахани был государя

нашего молодой человек Иван Голова Федоров сын Елизарова о тех же обидных делах. И меня, господине, государь мой и твоих послов к тебе отпустил, и нас, господине, и твоих послов та весть пришла на дорозе, что государя нашего человек Иван из Астарахани вышел, а с ним, господине, вместе ко государю нашему пришел из Астарахани царев посол».

Следовательно, московский посол Иван Федорович Елизаров покинул Хаджи-Тархан тогда же, в ноябре (или конце октября) 1515 г.; весть об этом была доставлена в Москву гонцами, упреждавшими обычное визиты послов сопредельных государств в столицу и возвращение московских дипломатов. Это известие было оперативно сообщено И.Г.Мамонову, выехавшему в Крым 15 ноября. «Обидные дела», о которых следовало говорить как о причине московско-астраханских контактов, — торговые конфликты (дела о зауморщинах, конфискациях и обидах купцам). «А ведомо, господине, и тебе, что из всех земель ко государю нашему послы ходят и гонцы гоняют, — должен был сообщить И.Г.Мамонов Мухаммед-Гирею. — А ныне, господине, и твой человек в Астарахани есть. А о болшом деле, о котором есть ли послы великого князя в Астарахани... опричь того, господине, послов государя нашего нет в Астарахани» [РИО 1895: 222–223]. Из этих слов наказа можно сделать вывод, что, вероятно, вскоре после неудачного похода летом 1515 г. Мухаммед-Гирей послал в Хаджи-Тархан своего посла, который еще находился там в начале ноября 1515 г. Более подробной информацией о его миссии мы не располагаем.

5 декабря 1515 г. в Москву прибыли гонцы из Кафы с грамотой азовского «диздера»⁹, в которой он сообщал, что «Магмед-Кирей царь на Ногаи ходил; близко был Азова; до Миюша¹⁰ доходил и Ногаи за Волгу пошли и он ся воротил» [РИО 1895: 230]. В феврале 1516 г. в Москве получили грамоту Аппака, написанную в январе, где снова говорилось о намерении хана идти с войском на Астрахань: «А царев слово то: на Асторохань хочет итти» [РИО 1895: 243]. Аппак, вероятно, был основным источником сведений о планах Мухаммед-Гирея относительно Астрахани, поступавших в Москву. С его слов И.Г.Мамонов в своем письме (доставлено 10 апреля) передавал великому князю, что хан намеревается идти конницей в астраханский поход весной, причем хочет одновременно задействовать и московскую судовую рать [РИО 1895: 271].

Между тем в апреле 1516 г. в Москву было доставлено письмо самого Мухаммед-Гирея, в котором он сообщает, что в Крым прибыли ногайские мирзы, братья Алчагир, Шейдяк и Ян-Махмет (всего

⁹ Диздар — в османской военной иерархии комендант крепости, стоявший во главе гарнизона и пользовавшийся за это доходами с *тимара* — военного лена, «кормления».

¹⁰ Река Миус (в современных Донецкой и Луганской областях Украины и Ростовской области РФ или же Кальмиус в Донецкой области).

12 ногайских аристократов), «бив нам челом, слугами ся учинили»¹¹. Одновременно в Крым приезжает посол от их родного брата Шигима с письмом, в котором он просит крымского хана примирить его с братьями [РИО 1895: 291, 297]. Сам Шигим уверял Мухаммед-Гирея в своей преданности и готовности идти на Астрахань, если хан помирит его с Алчагиром. «И то ся нам все от Асторокани стало в улусех наших людей не стало, а межи нас правды не стало» [РИО 1895: 311]. О разрыве ногаев с Хаджи-Тарханом И.Г.Мамонову говорил Аппак: «А царю нынеча перебогатись толко с одною Азтороканью, а Ногаи против царя не стоят» [РИО 1895: 291]. Эти слова Шигима и Аппака позволяют предположить, что ногайско-астраханский конфликт имел место в феврале–марте 1516 г. Победителями из него вышли астраханцы. Конфликт, вероятно, вызвал распрю среди ногаев.

Картина пребывания Алчагира и Шийдяка в Крыму не была столь идиллической, какой хотел ее видеть хан. В своем последнем письме в Москву (лето 1517 г.) И.Г.Мамонов сообщал, что Мухаммед-Гирей уже не рад их «службе»: Алчагир и его окружение тратили огромные суммы на свое содержание (1000 алтын за 10 дней), «и царь не домыслится, как им путь и место учинити» [РИО 1895: 364]. По словам «царицы большой» (т.е. Нур-Султан), в то же самое время «недрузи наши хастараканцы того и глядят», чтобы крымцы пошли за Перекоп походом на Украину, «а говорят: ведаем мы, крымцы ходят на Русь, а ходу их вперед и назад три месяцы, а мы в те три месяцы что учинив у себя будем. А уж нам сего лета хастороканцы явились, Асан-мурзу¹² топтали и ограбили, толко что сам ушел» [РИО 1895: 364–365, 361]. Как видно, тактика астраханцев сводилась к тому, чтобы выждать, когда крымцы уйдут на Русь, а потом напасть: трех месяцев отсутствия рати вполне хватало для того, чтобы, ограбив крымские улусы, спокойно удалиться.

Отказ Москвы от похода на Астрахань был причиной охлаждения отношений Крыма и Москвы в 1517 г. После смерти в Крыму И.Г.Мамонова Мухаммед-Гирей говорил Д.Иванову: «А сего лета добре докучали хастороканцы, яз их незамал, а они меня зазамали... нынеча от меня побежал Ал-Чагир мурза с братьею и с детьми; почув то, был у меня сего лета тайно от Шыгим-мурзы человек, с тем, чтоб яз к нему прислал хотя одново своего сына¹³, и он мне ялся Азторокань взяти. И Ал-Чагир, почюв того Шыгимова человека, да от меня побе-

¹¹ Согласно донесению И.Г.Мамонова, «Ал-Чагир, а с ним два сына, Мамай да Урак, да Шийдяк мурза Ал-Чагиров брат, а с ним два сына, Келмай да Евгаший, да Ал-Чагиров же брат Ян Махмет мурза, да Шых-Мамай мурза, а оприче того их четыре молодые мурзы, а со всеми с ними со сто человек» [РИО 1895: 292]. Их прибытие в Крым было вызвано распрей и неурядищами в Ногайской Орде («Нынеча есми в безверемьяне юрта своего остал», — говорил Алчагир И.Г.Мамонову).

¹² Сын Тимура, зять Мухаммед-Гирея.

¹³ В помощь или, что менее вероятно, в качестве заложника.

жал, того не ведаю, чего заблюлся, а у меня здумано взять мне Азторокань с братом своим с велики князем обема нам Хасторокань надобе» [РИО 1895: 377–378].

В июне 1517 г. в Москву была доставлена грамота Мухаммед-Гирея, написанная 10 мая (923 г.х.). В ней хан вновь предлагал Василию III совершить совместный поход к низовьям Волги и между прочим сообщал: «А в преидущий год и с братом своим и с сыном со мною своею ратью и с пушками и с пищалми на Асторохань пошел есми» [РИО 1895: 444]. Следовательно, хан совершил поход на Хаджи-Тархан в 922 г.х. (5 февраля 1516 — 23 января 1517 г.). Это означает, что планировавшаяся экспедиция на город, о которой в январе 1516 г. писал в Москву Аппак, а весной с его слов — И.Г.Мамонов, все-таки состоялась.

В сентябре 1517 г. Мухаммед-Гирей пишет в Москву, что казанцы присылали в Крым делегацию для разрешения вопроса о престолонаследии в Казани: тяжело больной Мухаммед-Эмин не имел сыновей и братьев. «И ты б знал, — писали казанцы крымскому хану, — а мы в Асторокань пошлем, да одново царевича возмем, да царем его учиним, а опричь того у нас надежи нет» [РИО 1895: 388]. Возможно, план казанцев взять царя в Астрахани был своего рода провокацией против Мухаммед-Гирея, с тем чтобы ускорить его решение прислать крымского царевича. Во всяком случае, идея пригласить в Казань астраханца не могла не задеть крымского хана. Не случайно Мухаммед-Гирей хотел привлечь к походу против Астрахани и Казань. По информации Д.Иванова (запись была сделана уже после смерти в Крыму И.Г.Мамонова), Мухаммед-Гирей хотел отпустить И.Г.Мамонова в Москву, а с ним своего посла, Авлеяр-мурзу и «Берючаку князя». «Авлеяр-мурзе с Москвы с великого князя ратью и с пушками и с пищалми в судех идти под Астрахань. А Берючеку князю идти было с Москвы в Казань ко царю, чтоб царь казаньской свою судовую рать послал на Асторокань, а Берючеку было с тою ратью с казанскою идти в судех под Асторокань» [РИО 1895: 372].

Таким образом, Мухаммед-Гирей разработал план широкой коалиции (Крым–Москва–Казань) против Астрахани, причем этот план предусматривал и обсуждение «послевоенного» статуса Хаджи-Тархана. Хан говорил Д.Иванову, что после взятия города в нем «великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищалми, и рыба и соль, что надобное, то брату моему великому князю, а моя толко бы слава была» [РИО 1895: 377]. Едва ли эти обещания впоследствии были бы осуществлены: Мухаммед-Гирей прекрасно понимал стратегическое и торговое значение города и никогда бы не согласился потерять его.

Между тем отношения Москвы и Астрахани вряд ли касались только вопросов торговли. Великий князь Василий Иванович мог заключить

с астраханским князем договор о военно-политическом союзе в обход Крыма. Косвенным образом об этом свидетельствует эпизод с походом сына Мухаммед-Гирея, его калги Бахадыра с войском на Рязань. Крымский посол в Москве оправдывал действия султана так: Бахадыр будто бы намеревался идти на ногаев, однако по дороге встретил мещерцев (т.е. касимовских служилых татар). Взятые калгой Мухаммед-Гирея языки сообщили, что Василий Иванович соединился с ногаями и Астраханью. Обманутый Бахадыр повернул войска на Рязань [РИО 1895: 386]. Трудно сказать, насколько истинным или надуманным было это оправдание. Логика международных отношений того времени не оставляет нам шанс для правильного выбора: и Крым, и Москва часто вели друг с другом двойную игру, лавируя и виляя, отрицая очевидные истины и стремясь убедить противника в заведомой дезинформации.

В 1518 г. Мухаммед-Гирей и его сын царевич Бахадыр (Багатырь) вновь дают шерть Москве на условиях помощи Василия Крыму против Астрахани, а также передачи хану трех «украинных городов» и ежегодных поминок [Сыроечковский 1940: 54; Смирнов 1948: 28–29].

Отношения Астрахани с Крымом продолжали оставаться очень сложными и в 1518 г. В июле этого года сын Мухаммед-Гирея Бахадыр, а также его племянник (сын его брата Ахмеда) Геммет (или Уметь, как его иногда называют посольские документы) в своих письмах в Москву сообщают, что на Крым из Астрахани идет походом «Бебей солтан» [РИО 1895: 516–517]. Кто был этот Бебей? Может быть, это один из семи астраханских царевичей, убитых ногайским мирзой Шийдяком в конце 1520 или начале 1521 г. [РИО 1895: 675]? Вероятно, он был племянником Джанибека.

Мухаммед-Гирей и в следующем году продолжает напрямую связывать успех «астраханского дела» с участием в нем Москвы. Илья Челищев в своем письме из Крыма (прибыло в столицу в марте 1519 г.) сообщал: «И говорил, государь, нам царь: брат мой князь великий дает мне помочь на Астарокань, и Астарокани от нас негде ся деть» [РИО 1895: 631].

В это время астраханско-крымские и астраханско-ногайские отношения начинают испытывать влияние экспансии казахов в юго-восточное Поволжье. Ногайско-казахский конфликт поначалу развивался для казахов успешно. В 1519 г. ногайские мирзы, под натиском хана Касима вытесненные из Западного Казахстана, были вынуждены оставить междуречье Волги и Яика и уйти на правый берег Волги [Исин 1985: 43–44]. До этого в промежутке между 1509 и 1515 гг. крымцы трижды совершали крупные походы на ногайские улусы, заставив ногаев уйти на левый берег Волги [Исин 1985: 41]. Это не могло не сказаться на крымско-ногайских и крымско-астраханских отношениях.

По свидетельству «Владимирского летописца», в 7028 г. (1520 г.) в Москву приходили послы Мухаммед-Гирея, который «просил у великого князя Василья Ивановича силы в помочь, ходил на Астрахань. И князь великий дал ему в помочь 7 городов силы судовой» [ПСРЛ 1965: 145].

Поход Мухаммед-Гирея на Москву летом 1521 г., который он начал «советом посла своего беззаконного Апака-мурзы»¹⁴, означал окончательный поворот крымской политики в сторону большего сближения с Литвой. Военные действия были прекращены ханом в августе. Одной из причин возвращения хана было известие о нападении на Крым астраханцев.

В 1521 г. в Казани произошел переворот и на престоле вместо русского ставленника Шах-Али оказался брат Мухаммед-Гирея — Сахиб. Специальным письмом Мухаммед-Гирей уведомил султана о посольстве из Казани в Крым с просьбой прислать нового хана, об отъезде Сахиба в Казань и занятии им престола в 1521 г. ([Lemercier-Quelquejay 1971: 488–489]; см. также [Le Khanat 1978: 113]; поправку к переводу и дополнения к описанию см. [Ostapchuk 1987: 262, 269]; Тахсин Джемиль опубликовал также румынский перевод этого документа [Gemil 1972: 137–138]). Это письмо содержит ряд выпадов против великого князя и его политики по отношению к Казани. Хан сообщал султану и о политике Астрахани по отношению к Крыму. «На земле, которая была населена племенем ногаев и которую мы недавно завоевали, обосновались разбойники, называемые казахами, под предводительством своего хана. Они пришли как изгнанники и расположились там и смотрят на нас с алчностью. Если мы предпримем войну против короля Польши, они объединятся с ханом Хаджи-Тархана, который также наш старый враг, и разрушат нашу страну» [Lemercier-Quelquejay 1971: 489].

Публикатор письма Ш.Лемерсье-Келькеже считала этим астраханским ханом Хусейна [Lemercier-Quelquejay 1971: 484], но, как будет видно из дальнейшего, им мог быть и Джанибек.

То, что в тексте имеются в виду именно казахи, а не «казаки», как думала Ш.Лемерсье-Келькеже, показал А.Исин [Исин 1988: 18].

Сама по себе мысль о возможности объединения Астрахани и казахов крайне интересна. Если такой союз действительно имел место, то он, вероятно, был направлен прежде всего против ногаев. В конце зимы 1521 г. умер казахский хан Касим, и некоторое время престол оставался пустым. В условиях непрекращающихся казахско-ногайских войн казахам был выгоден союз с Астраханью.

Видимо, такое же уведомительное письмо Мухаммед-Гирей послал и в Астрахань хану Джанибеку. Об этом мы узнаем из донесения

¹⁴ Недавнего сторонника Москвы, сменившего ориентацию на пролитовскую [Сыроечковский 1940: 52].

некоего Зани Васильева Зудова, бывшего, по его собственным словам, в плену в Астрахани четыре месяца. 10 мая 1521 г. в Москву прибыло его письмо, в котором Зудов писал: «Ино при мне, государь, приходил посол ис Крыма к Азстороканскому царю. А молил так Зяныбеку царю: меж собою есмя брат[ь]я, что был есми в дружбе с Московским, и он передо мною изменил: Казан[ь] была юрт наш, и ныне он посадил салтана из своей руки, а Казанская земля не хотели того, опроч[ь] одного сеитя, да прислали ко мне человека просити у меня салтана, и из им салтана и отпустил на Казан[ь], а сам иду на Московского со всею своею силою. А хочеш[ь] со мною дружбы и братство держати, и ты б сам пошел на Московского или салтанов послал. И азстороканской, и князи, и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, все, государь, хотят с тобою дружбы» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 141–141об.; РИО 1895: 678–679]. И.И.Смирнов расценивал это сообщение как свидетельство крутого поворота, произошедшего в 1519–1520 гг. в отношениях Крыма с Астраханью, который заключался в «переходе от резко враждебных отношений и многолетней борьбы за захват Астрахани к попытке втянуть Астрахань во враждебный Русскому государству блок и использовать ее для борьбы против Русского государства... Эта попытка союза между Крымом и Астраханью, однако, не увенчалась успехом и не отразилась ни на отношениях между Астраханью и Русским государством, ни на крымско-астраханских отношениях» [Смирнов 1948: 36; ср. Pelenski 1974: 34].

Переворот в Казани, в результате которого к власти пришел Сахиб-Гирей, состоялся, по внушающим доверие вычислениям И.И.Смирнова, в апреле 1521 г. [Смирнов 1948: 38]. Принимая во внимание, что письмо Зудова в Москву прибыло 10 мая, он должен был написать в Москву о посольстве Мухаммед-Гирея в Астрахань к Джанибеку сразу же после прибытия этого посольства, а значит, состоялось оно скорее всего в феврале–марте 1521 г.¹⁵

Я не склонен видеть в донесении Зудова намеренной дезинформации, несмотря на то что личность Зудова не внушает доверия. Рязанец Зудов, живший постоянно в Азове, еще в 1514 г. получил от московского дипломата М.Ивашова весьма нелестный отзыв: «...по Давидову, двуедушен муж: ухо и око Камалово»¹⁶ [РИО 1895: 90]. Смысла в подобной дезинформации практически не было. Антикрымская и дружественная Москве политика Джанибека была Василию III известна.

Тот факт, что Зудов был в Астрахани в плену, подтверждается письмом азовского *бургана* (диздара) и *кади* (судьи) Юсуфа. Его письмо в Москву было доставлено 17 июня. Согласно этому документу, Зудов был кем-то вроде постоянного московского представителя в Азове и

был сознательно послан туда Москвой. «Заню Василева послал еси сюда, — писал Юсуф, — и азстороканские беззаконники переимав поном оучинили, и после он, время оусмотрив подобно, бежал от них, да се к нам пришел в Азов...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 141об.].

Азовский кади сообщает и еще одну интересную деталь: «Да посыла еси Хандывендикерю¹⁷ свою грамоту, возвещая ему про Азсторокан, чтоб меж вами дорога ся отворила и мирно б было». Он увещевал великого князя: «...да еще тебе вспоминаем, штобы еси Хандывикерю о том написал, о своих послех и о поминках, как азстарханские люди чинят, зан[е]же Хандывькер о том может помыслити и по твоей воле учинити» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 143]. Речь шла о препонах, чинимых астраханцами посольскому обмену между Москвой и Стамбулом. Московское правительство не замедлило последовать совету азовского судьи. В наказе Третьяку Губину, который отправлялся в Стамбул, чтобы поздравить Сулеймана (Кануни, или, как его принято называть в европейской литературе, Великолепного, 1520–1566) с восшествием на престол, была предусмотрена следующая ситуация: «А учнут говорити: „послом и гостем ходити на обе стороны меж нас — и на Дону многие люди азъстороканцы, ино послом и гостем ходити нелзе, ино как тог[о] беречи?“ И Третьяку говорити: „Коли меж государей учнут послы ходити, и государь наш оустроит своих людей в судех, а велит им на Дону быти, а салтан бы так же устроил людей в судех, колких пригож, на Дону же. Да учинят место на Доноу, где тем людем сходитися: пойдет посол от салтана ко государю нашему, и салтановы люди проводят его посла до государя нашего людей, а государя нашего люди его возьм да проводят его до государя нашего оукраины“. Аналогичная процедура должна была осуществляться и в отношении московского посла к султану [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 159–160об.]. Губину следовало также договориться о месте встречи послов с высланным на встречу сопровождением и говорить следующее: «А зде[с] казаки великого князя сказывали, что Доном половина от Азова до украины великого князя — Переволока. Ино на Переволоке прибой людем азстороканским, и тут сходитися людем нелзе. Ино быти съезду на Медведице... И нечто учнут говорити, чтоб людем стречатис[ь] у Переволоки, и Трет[ь]яку говорити: „На Переволоке приход болшим людем азстороканцом, и тут как людем ставити?“» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 160об.–161]. Самым предпочтительным местом, по мнению московских приказных дипломатов, был Хопер, в случае отказа турецкой стороны Третьяку Губину следовало соглашаться на Медведицу.

Были ли препятствия, чинимые астраханцами, сознательным желанием помешать дипломатическим связям Османской империи (сюз-

¹⁵ И.И.Смирнов считал, что переговоры Мухаммед-Гирея и Джанибека состоялись в конце 1520 или начале 1521 г. [Смирнов 1948: 36].

¹⁶ Имеется в виду Камал Феодорит, посол Селима Явуза к Василию III.

¹⁷ Испорченное османско-персидское *Худавендигяр* (Hudavendigâr) — так именовался османский султан. О титуле см. [Бартольд 1966: 61].

рена Крыма, а значит, врага Астрахани) с Московским государством или же диктовались интересами наживы (посольские миссии часто выполняли торговые поручения и нередко сопровождались купеческими караванами либо примыкали к ним)? Скорее всего в политике Астрахани имели место оба момента.

22 апреля 1521 г. в Москву прибывают письма азовских чиновников — кади, «*коючного*» *канудан-аги* (начальника корабельной части) и *бурган-аги* (диздара, т.е. коменданта). В одном из писем сообщались астраханские известия: «Шигим мирзу убили да и орды его взяли, и опят[ь] брат его ногайской Шийдяк мурза Мусофар салтана убил да и семи салтанов с ним, а не осталось ни одного в Азторокани, да и все свое взяли назад, да и азтороканской улоус поимали, а нынеча толко один город остался» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 135об.-136; РИО 1895: 675]. Из письма следует, что Шийдяк (Сайид-Ахмед б. Муса) вновь овладел потерянными некогда землями и обрел контроль над астраханским улусом. Фраза «...а нынеча толко один город остался», вероятно, означает, что хан, если он остался в живых (убили ведь как будто бы лишь султанов) контролировал только сам город, даже без окрестностей. Вероятно, конфликт Шигима и Шийдяка (двух братьев) разгорелся именно из-за Астрахани. Если эта интерпретация верна, то в городе остался скорее всего Хусейн, а Джанибек погиб в распре. В источниках есть один не вполне ясный намек на то, что Джанибек оставил астраханский трон далеко не мирным путем.

Много позже описываемых событий, в 30-е годы XV в. посол все того же ногайского князя Шийдяка, Кудояр, в Москве передавал речь своего патрона мирзам. Шийдяк, призывая мирз к союзу с Иваном, ссылаясь на примеры из прошлого: «А вы ведаете сами... азтороканской царь Яныбег неправду учинил, и что над ним ся учинило» [Посольские книги 1995: 98]. Эти слова как будто свидетельствуют в пользу того, что Джанибек поплатился за какое-то предательство, «неправду» по отношению к Шийдяку. Вероятно, Шийдяк имел в виду именно катастрофу конца зимы или ранней весны 1521 г., когда погибли Джанибек и его сыновья-султаны, а на престоле оказался ногайский ставленник, причем ставленник именно Шийдяка, скорее всего Хусейн (см. ниже). Потому что до этого контроль над городом осуществлял, видимо, Шигим. Вспомним: во время похода Мухаммед-Гирея на Астрахань в 1515 г. астраханский царь (может быть, и Джанибек) и Шигим бежали за Волгу вместе. Вероятно, именно Шигима имеет в виду русская родословная ногайских князей: «А Мусин сын большой Ашикидьяк княз[ь] (т.е. Шийдяк, Сайид-Ахмед б. Муса. — *И.З.*), а Шиев (т.е., вероятно, его брат Шигим. Можно прочитать и как Шиед. — *И.З.*) княз убит в Астарахани» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 84, л. 52].

В Крыму Третьяку следовало «пытать» о хане: «И он как ныне с азтороканцы, и нагаи все ли у него, и проч[ь] от него куде не идут

ли. И будут идут, и они куде идоут. И бывал ли у него кто из Асторокани или от него кто в Азторокан, и не чаят ли походу из Асторокани х Крыму» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 179]. Астраханская угроза, как видно, была для Крыма в это время весьма реальной, так как осознавалась даже в далекой Москве. Нужно отдать должное информированности московских приказных деятелей: поход этот состоялся.

Таким образом, по крайней мере в начале 1521 г. (вероятно, до марта-апреля) в Астрахани продолжал править Джанибек, и посольские связи с Крымом у него имелись. В этом же году Джанибек умер, свидетельство об этом сохранилось в Посольских книгах по связям с Турцией. 8 октября 1521 г. в Москву прибыли грамоты из Азова, в том числе и письмо Губина. Его информатор — турок Мустафа, прибывший из Кафы в Азов накануне Господина дня, сообщил Губину об астраханском походе и смерти астраханского хана. «А сказывает тот же турчанин, как пошел цар[ь] крымской из Крыма з брат[ь]ею и з детми и со всеми людьми за месяц до оспожина дни. А в Крыме оставил Халиля князя да мурзу ногайского Кушмерденя. И после того пришли азтороканцы многие люди на крымского улусы и поимали улусы и полону имали много. А иные многие люди из улусов в Кафу прибежали. А царя азтороканского не стало, а царя у них нет. А метят на царство Муртозу царя да Усейна царевича, которой ис тех ни будет» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 191]. «Оспожин день» — 15 августа, день Успения Пресвятой Богородицы. Поскольку информатор Губина Мустафа прибыл в Азов накануне, то смерть Джанибека следует датировать временем до 15 августа.

Несколько уточненные вести сообщал и азовский *бурган*: «И как, государь, на Рус[ь] пошел цар[ь] крымской, и после того, государь, пришло на Крым азтороканцов три станицы: в станице, государь, триста человек, а в другой станице двесте человек, а в трет[ь]ей — восьмидесят человек. И те, государь, азтороканцы крымских улусов поимали есырю¹⁸ и верблюдов и иного животу несть числа. А царя, государь, азтороканского Ченибека не стало, а иного, государь, в Азторокани по се места царя еще не ведаем, хто у них цар[ь]...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 192об.] (см. также [Смирнов 1948: 44]).

Астраханцам хватило всего лишь 580 человек, чтобы в отсутствие основных военных сил Мухаммед-Гирея, занятого походом на Русь, произвести на полуострове погром. По всей видимости, процедура поставления нового «царя» (либо Хусейна, либо Муртазы) в Астрахани затянулась: 24 октября 1521 г. в Москву прибыло еще одно письмо от азовского *бурмана* (составленное приблизительно тремя неделями ранее, учитывая время на дорогу из Азова в Москву). Он писал: «А из Асторокани, государь, ко мне весть не бывала никакова» [РГАДА,

¹⁸ То есть пленных: «ясырь» — полон (см., например, [Веселовский 1910]).

ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 194об.]. Из грамоты Губина, датируемой 17 октября 1521 г., следует, что к этому времени и в Крыму все еще ничего не было известно о том, кто занял пустующий астраханский престол: «...ино по се места никакова весть не бывала из Асторокани» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 204об.].

Павел Иовий в шестой книге «Описания мужей, прославленных ученостью» (1545 г.) писал, что в походе на Москву летом 1521 г. вместе с Мухаммед-Гиреем участвовал со своим войском некий «Абша, который правил в эмпории Цитраха — там, где Волга впадает в Гирканское [море]». Иовий называет Мухаммеда и Абшу родными братьями. Пленных «москов» продавали «и в Таврии туркам, и в Цитрахе — разным обитателям берегов Каспийского моря» [Иовий 1997: 354–355]. В описании этих событий Иовий следовал С.Герберштейну. Однако если, по Герберштейну, в набеге принимал участие брат Мухаммед-Гирея Сахиб-Гирей, правивший Казанью [Герберштейн 1988: 173], то у Иовия появляется некий Абша — брат Мухаммеда и правитель Астрахани.

Поход Мухаммед-Гирея и Сахиб-Гирея в 1521 г. на Москву был связан с Астраханью. По словам С.Герберштейна, всех захваченных в Московии пленников Сахиб-Гирей продал на рынке в Астрахани [Герберштейн 1988: 175]. А если учитывать сведения З.Зудова о посольстве Мухаммед-Гирея в Астрахань к Джанибеку весной 1521 г., можно предположить, что сообщение П.Иовия могло иметь под собой реальную почву, хотя вряд ли стоит пытаться представлять имя Абша как испорченное Джанибек или Шийдяк. Попытаемся сопоставить это свидетельство Иовия с другими источниками.

В тюркском дастане «Чора-Батыр» один из героев, отец Чора-батыра и слуга крымского (или дагестанского) хана Нариг, после убийства (Казы-)Хан-мурзы бежит с женою на Волгу в Астрахань [Радлов 1896: 168; Ананьев 1908: 27; Фалев 1915: 200; Паксой 1994: 43–44]. По некоторым (ногайским) версиям сказания, в Астрахани в это время правил Акша(Ахча)-султан [Ананьев 1908: 27; Фалев 1915: 200]. Акша(или Акса)-хан упоминается и в других тюркских сказаниях (см., например, [Эпос 1999: 27–28, 237]). Д.М.Исхаков справедливо отождествил эпического Чора-батыра с историческим Чурой (сыном Нарыка), который впервые упоминается русскими летописями в 1526 г. В 1546 или 1547 г. Чура был убит казанским ханом Сафа-Гиреем [Iskhakov 1997: 147] (см. также [Ибрахимова 2000: 167–169]). Таким образом, султан Акша (или Ахча), упомянутый в ногайском дастане, вполне мог править в Астрахани именно в начале 20-х годов XV в., когда к нему бежал отец Чора-батыра — Нарык. Можно предположить, что «Абша», «который правил в эмпории Цитраха» и о котором сообщал П.Иовий, и есть тот самый астраханский Ахша (Ахча), к которому, спасаясь, бежит Нарык в дастане «Чора-батыр». Трудно проверить достоверность

сообщений дастана и П.Иовия о правлении этого хана в Астрахани. Доводился ли он в действительности братом Мухаммед-Гирею, неизвестно.

Как указывалось выше, во время похода Мухаммед Гирей на Москву, воспользовавшись отсутствием хана, на Крым напали астраханцы. Был угнан крымский скот и захвачено множество пленных. Спасаясь от нашествия, крымцы бегут в Кафу [Сыроечковский 1940: 57]. По возвращении из похода на Русь Мухаммед-Гирей решил отомстить Астрахани за причиненный ущерб¹⁹.

Крымский хан явно хотел собрать разрозненные части улуса Джучи (Крым, Казань, Астрахань, ногаев) в руках одной династии [Halim-Geray 1909: 33; Фэхретдин 1995: 89; Pelenski 1974: 34]. Османы вряд ли могли поощрять территориальные притязания Мухаммед-Гирея, который вел достаточно независимую от Стамбула политику, склоняясь к чингизидским традициям своеволия, с одной стороны, а с другой — симпатизируя заклятым врагам турок — кызылбашам. В этом нас убеждает письмо представителей влиятельнейшего крымского клана Ширинов, возможно адресованное принцу Саадет-Гирею, заложнику в Стамбуле, написанное скорее всего в начале 1523 г. — незадолго до астраханского похода Мухаммед-Гирея (в оригинале письмо не датировано). Документ хранится в архиве музея дворца Топкапы (шифр — Е.6474). Письмо не подписано, а три печати, приложенные в конце, малочитаемы. Но они, безусловно, принадлежали кому-то из основных глав клана Ширинов. В одном из шертных списков 1524 г. приводится состав рода крымских Ширинов, многие из персонажей которого упомянуты в письме [Малиновский 1863: 412]. Фактически письмо перечисляет 14 имен лиц, высказывавших свою готовность восстать против хана. В основном речь идет о хорошо известных деятелях крымской истории. Их идентификация во вступлении к публикации письма принадлежит Эдварду Кинану. Авторы публикации предположили, что автор письма мог быть один из перечисленных в нем представителей Ширинов — Мамыш Бей, сын Девлетека или скорее его брат Бахтияр-Мирза [Bennigsen, Lemerrier-Quelquejau 1972: 332–333] (см. также [Зайцев 1998: 29–30]). О возможности отождествления автора письма с мирзой Бахтияром говорит тот факт, что именно с Бахтияром, сторонником партии Саадет-Гирея, в 1519 г. вел переговоры посланник царевичей Саадета и Геммета Аллакул; об этом в самом конце лета сообщал в Москву из Крыма русский посол Б.Голохвастов: «...от Сады-Гирея да от Уметя, сее зимы к Бахтияр мырзе и ко всем Ширином с тем, что царь их турской жалует и юрта нашего хочет нам доставати» [РИО 1895: 670]. Как видно, у Бахтияра были длительные и

¹⁹ Г.Ахмеров называет «автором» астраханского похода Менгли-Гирея, что совершенно невозможно. Вероятно, это следует воспринимать как опечатку в издании [Ахмеров 1998: 99].

прочные связи с крымскими царевичами в Турции [Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay 1972: 321–337].

Главы рода Ширин писали царевичу: «Он (Мухаммед-Гирей. — И.З.) проводит дни и ночи в компании персидских еретиков²⁰, их отношения обратились к разврату, и он не прекращает пьянствовать... Он (Наш господин) отправил двух послов к Кызылбашу. Мы одни знаем об этом. Он желает также заставить все население выйти из Крыма через Ор, ибо он желает овладеть Хаджи-Тарханом, овладеть тронном (т.е. Престолом, Престольным владением. — И.З.) и двинуться к Кызылбашу. Мы никогда не согласимся на это: наши отцы и деды никогда не ходили в этом направлении» [Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay 1972: 335–336]²¹.

М.Г.Сафаргалиев считал причиной похода на Астрахань (который он почему-то, видимо следуя информации С.Герберштейна, датировал 1524 г.) нежелание астраханцев принимать участие в войне Крыма с Москвой, что не находит подтверждения в источниках [Сафаргалиев 1952: 40].

В 1523 г., как сообщает Никоновская летопись, «безбожный Магмед-Кирей царь подвижеся из Перекопи, с своею братьею и со своими детми пришед, Азтаракань одолев, взгордесе зело» [ПСРЛ 1904: 43].

По словам «Владимирского летописца», «царь Ахмут Кири Кримский Азторохань взял, и там на него стал князь Мамай, и уби царя Ахмута Кириа и сына его Богатыря Салтана²². А тот князь Мамай у

²⁰ В оригинале: *روافض عجم لر* (*ревафиз-и аджемлер*).

²¹ Ср. с оценкой Н.А.Смирнова: «...вряд ли Мухаммед-Гирей сам, по своей инициативе, решился предпринять далекий и трудный астраханский поход. Правильнее будет считать, что он выполнял задание турецкого султана, которого, безусловно, интересовали Астраханское ханство и его столица на устье Волги. Ведь это был удобный плацдарм для турецкого движения на Восток» [Смирнов 1946: 79]. Понятно, что Н.А.Смирнов переносил реалии 60-х годов XVI в. на время правления Мухаммед-Гирея. Как видим, отношения хана с султаном были далеко не радужными. Противоположную точку зрения высказывал И.Б.Греков: Порта не допустила в 1523 г. поглощения Крымом Астраханского ханства, санкционировала выступление ногаев, и новый крымский хан Саадет-Гирей «сразу же признал независимость астраханского хана Хуссейна» [Османская 1984: 158]. В действительности оба автора приписывают османам политические шаги, которых те никогда не совершали, поскольку оставались достаточно сдержанными, если не сказать равнодушными, к далеким астраханским событиям.

²² В источниках и литературе существует некоторая путаница относительно того, являлся ли Бахадур-султан сыном или же братом Мухаммед-Гирея. Русские, польские и часть крымских источников единодушны в том, что Бахадур был сыном хана (помимо русских летописей см. также [Аста 1857: 102]). Вместе с тем часть крымских источников (например, анонимное сочинение без названия из собрания СПбФ ИВ РАН) называет его братом Мухаммед-Гирея — одним из восьми сыновей Менгли-Гирея (но называет, правда, не всех — Мухаммеда, Бахадюра, Фетха, Бекташа (بكتاش) и Мубарека), а среди сыновей Мухаммед-Гирея перечисляет только Гази-Гирея, Баба-Гирея и Ислам-Гирея [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 6.40), л. 5, 6]. Среди сыновей Менгли Х.Ортекин знает только Сахиб-Гирея, Саадет-Гирея (будущих крымских ханов), а также Мубарека и Махмуда [Ortekin 1938]. Думается, что имя Бахадур могли носить и брат Мухаммед-Гирея, и его сын. Погиб же под Хаджи-Тарханом, без сомнения, сын, калга хана.

того же царя служил, убил государя своего, а родом князь Нагайский. И поспе к нему брат его Агишь с Нагайскою силою и много князей побил Татарских, и шол в Крым Агишь и Мамай и поплени весь Крым, а городов ни единого не взял» [ПСРЛ 1965: 146].

В.Е.Сыроечковский называет среди руководителей заговора, приведшего к убийству Мухаммед-Гирея и его сына, ногайского мирзу Шигима (Шихима), князя Мамай и мангыта Темеша (Тениша) [Сыроечковский 1940: 57]. Исследователь, по всей видимости, доверился информации Сайида Мухаммеда Ризы («Ассеб о-ссейяр») и ошибочно включил в список ногайских заговорщиков Шихима (Шигима), который на самом деле погиб еще за пять лет до этого. Вероятно, вместо Шихима в тексте Ризы следует читать Агиш.

Обращают на себя внимание слова Никоновской летописи о том, что против Мухаммед-Гирея «согласившеся во Азторокани сущии Ногаи и убиша царя и сына его проклятово и прочих крымских врагов избиша» [ПСРЛ 1904: 43]. Здесь, вероятно, имеются в виду те ногайские князья, которые жили в городе. «Степенная книга» также свидетельствует об убийстве Мухаммед-Гирея и его калги Багатыря (Бахадюра) ногаями, сообщая при этом интересную деталь: «И тамо царь Магмед-Гирей посади на царство сына своего, Калгу Багатыря. Сам же Крымских Татар не любити начат, но паче начат любити Ногайских Татар, их же баше множество у него, и близь себе держаше их и яко доброхоты себе вменяя их; от них же тогда и убыен бысть вскоре и дети его и мнози татарове Крымстин побыени быша» [ПСРЛ 1908: 603].

Получается, что после победы астраханский престол занял Бахадур. В этом «Степенная книга» очень близка «Ассеб о-ссейяр». Согласно последнему источнику, Мухаммед-Гирей имел намерение переселить в Крым большое число астраханцев, чтобы справиться с малолетством собственных владений (не исключено, что малолетство это стало следствием эпидемий начала 20-х годов в Крыму, случавшихся регулярно и раньше — см. [РИО 1884: 120–121, 127, 152; 1895])²³. Причиной неудачи астраханского похода Мухаммед-Гирея стало предпочтение, которое хан оказывал оставшимся в покоренной Астрахани ногайским мурзам перед крымскими эмирами. Последние начали сеять рознь между ханом и ногаями. Непосредственным поводом к выступлению послужила реакция хана на оскорбление, нанесенное астраханцам людьми из окружения сыновей Мухаммед-Гирея, Гази-Гирея и Бахты-Гирея. Хан наказал виновных, а сыновей подверг осуждению. Царевичи и недовольные эмиры ночью бежали из города. Хан со своим

²³ Может быть, именно это время имел в виду Хюсейн Хезарфенн в своем сочинении «Телхис эль-бейан фи каванин-и Ал-и Осман» (70–80-е годы XVII в.). Повествуя о крымских ханах и бийских родах, он пишет: «...они вместе пришли в Крым, оторвавшись от центра своего обитания, называемого Джаджитархан» [Орешкова 1990: 267]. См. [Hezarfen 1998: 171].

сыном-калгой и трехтысячной верной гвардией оказался добычей ногайских мирз. Во главе с Мамай-беком и Шигим-мирзой они предложили хану помочь наказать обидчиков, а сами ночью истребили хана и все его окружение [Асеев о-ссейяр 1832: 87–88; Смирнов 1887: 392].

По С.Герберштейну (который ошибочно относил поход Мухаммед-Гирея к 1524 г.)²⁴, Мамай уговорил хана вывести воинов в степь, так как пребывание в городе якобы плохо сказывалось на их дисциплине. Вслед за этим Мамай и Агиш напали на пирующих крымцев и перебили их; лишь части войска удалось бежать [Герберштейн 1988: 184]²⁵.

По М.Бельскому, Мухаммед-Гирей желал привести заволжских татар (т.е. ногаев) под свою власть, но они, сговорившись с другими, которые живут над Гирканским (Каспийским) морем (т.е., вероятно, астраханцами), завели хана в теснину, где Волга впадает в море, и убили его в битве [Bielski 1830: 219]²⁶. Ш.Марджани считал, что Мухаммед-Гирей похоронен был в Астрахани [Марджани 2003: 126].

События 1523 г. нашли отражение в эпосе поволжских народов. «Сказание о хане Мамае», бытовавшее среди ногаев и башкир, повествует о том, как Мамай, считая, что ему недостаточно тех земель, которыми он владеет в Поволжье и на Урале, собрал войско и вместе с Ураком (сыном его старшего брата, Алчагира) двинулся на Крым. Там они убили крымского султана и его наместников и овладели страной. Мамай назначил в Крыму своих людей «султанами и ханами» и вернулся на Волгу, по пути завоевывая новые земли. Потом Мамай умер от болезни [Харисов 1973: 71–72] (см. также [Хусанов 1996: 55]).

В другом ногайском варианте Мамай, сын Мусы, захватил «золотой трон великий ханов Золотой Орды». Стан его был на Эдили (т.е. Волге. — И.З.). Как бельмо на глазу стали для Мамаея владения крымского хана Батыр-хана. Взяв племянника своего Орака, по прозвищу «Делли» (тур. *deli* — «безумный», в смысле храбрый. — И.З.), он отправился в Крым к Батыр-хану просить союза и помощи против московского «Ювана». Батыр-хан согласился и выступил к Волге, чтобы соединиться с Мамаем. Вместе с ним был его единственный брат и наследник Паливан-султан. После пышной встречи и угощения Батыр-хан и Мамай сели играть в шахматы. Когда Мамай сделал ход (условный знак), Орак отсек голову сначала Батыр-хану, а затем Паливан-

²⁴ В латинском издании своего труда С.Герберштейн уточнял, что поход состоялся в январе [Герберштейн 1988: 183].

²⁵ Анонимная история ханов Крыма сообщает, что Мухаммед-Гирей погиб, когда ему было 58 лет, после восьмилетнего правления. Виновниками смерти хана автор истории также считает ногаев (*ногай таифеси*, т.е. племя ногаев), но называет 928 год, который закончился 19 ноября 1522 г. [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 6.40), л. 6]. См. также [Münnesimbasi 1285: 695], где тоже говорится о «гневе ногайских татар» на Мухаммед-Гирея.

²⁶ Б.Ваповский также не упоминает название города и ничего нового не добавляет [Wapowski 1874: 190].

султану, после чего Мамай захватил Крым [Семенов 1895: 392–393]²⁷. За эпическими наслоениями нельзя не увидеть обстоятельства гибели Мухаммед-Гирея хана. Даже имена убитых крымчан — как бы намека на Мухаммед-Гирея и его калгу: если имя Мухаммед было заменено в фольклоре на Батыр-хан, то реального Бахадыр-султана можно сопоставить с Паливан-султаном дастана (Паливан — вариант персидского слова *пахливан*, которое тоже значит «богатырь, герой», т.е. фактически является калькой имени Бахадыр-Гирея).

Как следует из письма азовского «беккула»²⁸ Мухаммеда, написанного великому князю Василию Ивановичу в июне 1523 г., ногаи бросились в погоню за отступающими крымцами через три дня после того, как город был оставлен. В опустевшую Астрахань без боя вошел Хусейн: «Усейн цар[ь] в Азсторокань въехал и сел на своем юрте без нагаи. А нагаем было... хотелось Азсторокань и город розкопать» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 261об.; Дунаев 1916: 58]. Видимо, до похода Мухаммед-Гирея Астрахань была связана с ногаями какими-то обязательствами, скорее всего вассального характера, иначе бею не стоило бы подчеркивать в своем послании, что Хусейн воцарился «без нагаи». По С.Герберштейну, напротив, царь вступил на престол после бегства крымцев именно благодаря ногаям — Мамаю и Агишу [Герберштейн 1988: 184]. По Ш.Марджани и С.Шарафутдинову, Хусейн вступил на престол в 923 г.х. (1517–18 г.) [Марджани 1885: 134; Шеджере 1906]. М.М.Рамзи писал, что в 928 г.х. он был еще жив [Рамзи 1908: 5], т.е. в 1521–22 г. Й.Озтуна и М.Сарай предлагали в качестве дат правления Хусейна 1523–1525 гг., считая, очевидно, что Хусейн первый раз взшел на престол в 1523 г. [Öztuna 1989: 553; Saray 1994: 270]. Ризаэтдин Фахретдинов полагал, что поход Мухаммед-Гирея на Астрахань относился к 1522 г., а ханом в городе был Хусейн, который заключил союз с Москвой [Фэхретдин 1995: 89, 94]. Халим-Гирей, османский историк XIX в., сам представитель крымской династии Гиреев, относил поход к 929 г.х. (1522–23 г.) и также считал ханом, правящим в тот момент в Астрахани, Хусейна [Halim-Geray 1909: 33]²⁹.

²⁷ В одной из записей башкирского сказания о Мамай-хане Мамай, младший сын Мусы, вместе со своим верным спутником Ураком, который стоял во главе конницы, круша и уничтожая все на своем пути, добрались до городка Киф. Там они перебили всех жителей и убили хана. Но в конце концов Мамай был разгромлен, схвачен, приговорен к смерти и казнен (см. [Башкирское 1999: 204]). Каф — в данном случае это Кафа.

²⁸ *Бей-кулу* — командир отряда янычар, который исполнял гарнизонную службу в крепости.

²⁹ Труд Халим-Гирея («Розовый куст ханов») был закончен им в 1811 г., но впервые увидел свет в 1870 г. Сочинение переиздано относительно недавно еще раз (Halim-Geray. *Gülün-i Hanan yahud Kırım tarihi*. M.Sadi Çögenli — Recep Toparlı (eds). Erzurum, 1990). О Халим-Гирее см. [Kellner-Heinkele 2001].

Хусейн был сыном Джанибека, сына Махмуда³⁰. Было ли его воцарение в Астрахани после ухода оттуда ногаев вторичным, или же он впервые начал править в городе в конце весны или в начале лета 1523 г.? Именно о вторичном восшествии астраханского царя на престол после разгрома Мухаммед-Гирея писал С.Герберштейн, однако он не называл его по имени, Хусейном [Герберштейн 1988: 184]. А.Малиновский также считал, что ханом в Астрахани до похода Мухаммед-Гирея был Хусейн («Усеин») [Малиновский 1863: 234].

Сопоставляя сообщение З.Зудова и сведения письма азовского бей-кулу Мухаммеда, можно сделать вывод, что Хусейн мог взойти на престол между летом 1521 г. (упоминание о смерти Джанибека) и весной 1523 г. (поход Мухаммед-Гирея), т.е. сменить Джанибека еще до похода крымского хана. Азовский бей Мухаммед в июне 1523 г. писал в Москву: «Царя, государь, нагаи потеряли», — вероятно, он имел в виду, что в результате крымского нашествия хан погиб. Кем был этот «царь»? Хусейном он быть не мог, Джанибек умер еще в 1521 г., следовательно, остается либо допустить ошибку в информации азовского бей-кулу (что маловероятно), либо предположить кратковременное (между смертью Джанибека (1521 г.) и крымским нашествием 1523 г.) правление в Астрахани неизвестного нам хана. Скорее всего он опирался на ногаев, иначе Мухаммед не стал бы подчеркивать, что Хусейн воцарился «без нагаи»³¹.

При отступлении от Астрахани крымские войска несли жесточайшие потери. Московские казаки, ехавшие во второй половине июня 1523 г. в Москву из Азова от И.С.Морозова, стали свидетелями последствий крымского разгрома и небывалого бегства войск из-под Астрахани. Казаки видели, как «крымские татарове из Асторокани бежали от нагайских мырз и за Дон возились» и «на Дону топли» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 194об.; Дунаев 1916: 56; Сыроечковский 1940: 57]. Вероятно, они были свидетелями этого бегства еще весной. Московский посол в Турцию И.С.Морозов, прибывший в Азов 19 мая 1523 г., сообщал: «Да и мы, государь, видели по перевозом, к Азову идучи, днищ за пят, и за шесть, и за десет³², по которым местом крымцы Дон возились, ино, государь, лежит теплых лошадей и верблюдов по берегу и по полю, и телег метано добре много. Да и татарове ден, государь, крымские по перевозом многие топли» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 257об.—258; Дунаев 1916: 56; Сыроечковский 1940: 57].

³⁰ Ш.Марджани и С.Шарафутдинов также считали его сыном Джанибека, но, как указывалось выше, путали двух разных Джанибеков.

³¹ По Мюнеджим-баши, ханом во время похода Мухаммед-Гирея был Ягмурджи, который бежал к черкесам (?). Возможно, спутав имена ханов, историк верно указал направление бегства [Müneccimbaşı 1285: 695].

³² То есть 10–14 мая [Сыроечковский 1940: 57].

«Постниковский летописец» сообщает цифры потерь Мухаммед-Гирея: крымцы будто бы потеряли 130 000, «от двух тысяч ногай побеген бысть окаанный гордый мучитель» [ПСРЛ 1978: 14].

Части крымских войск удалось добраться до Перекопа. По сообщению И.Колычева из Крыма (его письмо прибыло в Новгород Северский в марте 1524 г.), после того как ногаи форсировали Дон, «те перекопские татарове учили от нагай бежати от петрова... дни до Рождества Христова на всяк ден[ь] в Перекоп ехали, а иные пеши шли» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 48], т.е. бегство крымцев продолжалось до конца 1523 г.

В «Лазареву субботу»³³ 1523 г. в Перекоп прибежали сыновья Мухаммед-Гирея — «Казы-Гирей да Бибей, а с ними... Бахтеяр мырза да Идешко Берчак князь да иные уланы и мырзы, а всех их человек с пятдесят» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 2об.]. Преследуя сыновей Мухаммед-Гирея, к Крыму двинулись ногаи и Шейх-Хайдар (сын Шейх-Ахмеда). В «четверг... на страстной неделе» Шейх-Хайдар с ногами подошел к Перекопу и, видимо, не встретив сопротивления, двинулся в глубь полуострова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3]. Азовский бек Мухаммед сообщал о трехдневном сражении Казы(Гази)-Гирея и Бибей-Гирея с ногами у Перекопа и победе, одержанной ногами [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 260]. Ногайско-астраханское войско разделилось надвое: одна часть осадила Кыркор (Чуфут-Кале, старую резиденцию ханов на плато под Бахчисараем), а вторая — опору Ширинов, город Крым (Солхат). По словам московского посла в Крым Ивана Колычева, ногаи «что было улусов и, став вокруг Крыму и Кыркора, лошадиных и всякой животины, то все выпили и вывели» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3–3об.].

Через неделю после Пасхи 1523 г. («в другую субботу после велика дни») от Астрахани к Перекопу пришли «Мемеш, Девлет Бахты»³⁴ да Мамыш Зезевуды и иные князи и мырзы и чки³⁵, двор царев тысяч з двененатцат, т.е. остатки крымского войска, разбитого у Астрахани. По дороге к Крыму они разбили мирз Кушума³⁶ и Удема³⁷ (первый бежал, а второму отрубили голову). У Перекопа произошла битва между вернувшимся из-под Крыма Шейх-Хайдаром и крымскими князьями, в которой крымцы потерпели поражение [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3об.].

³³ То есть накануне Вербного воскресенья (праздника Входа Господня в Иерусалим).

³⁴ Князь Мемеш и Девлет-Бахты — два разных человека, а не один, как можно понять из текста. См., например, письмо князя Абд ар-Рахмана Василию III [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 13]. Мемеш — Ширин, а Девлет-Бахты — Барын.

³⁵ То есть *ички* — «внутренние» слуги.

³⁶ То есть Кошума (Хаджи-Мухаммеда), одного из рядовых заволжских князей.

³⁷ По Литовской метрике, это сын Тимура б. Мансура б. Эдиге [Скарбовая книга 1898: 21].

Поведение турок во время битвы у Перекопа наглядно продемонстрировало их нежелание активно помогать крымчанам в борьбе с ногаями и Астраханью: после битвы Шейх-Хайдара с крымцами у Перекопа крымские «князи... и мурзы утварились пеши к каменному городу, и турки их взволочили ужищем на город, а воротец им малых не отперли, да и никакова... татарина в город не пустили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 4].

Шейх-Хайдар с ногаями около двух недель простоял в 10 верстах от города, опустошая окрестности, угоняя людей и скот. Ногаям удалось захватить в плен четырех крымских царевичей: Ислама (сына Мухаммед-Гирея), Шах-Гирея и Шах-Ислама («Магметевы дети»³⁸) и Мерет-Гирея «Бете-Киреева сына»³⁹. Шах-Гирей и Шах-Ислам были убиты, Мерет-Гирей отпущен в Перекоп, а Ислам взят в заложники [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 4]. Шейх-Хайдар «с мангыты и с нагаи оттоле пошли к Дону».

Царевич Ислам заложником был недолго: уже в октябре 1523 г. («за десят ден... дмитриева дни») он «приехал из Нагаи к Саидету царю в Перекоп... а с ним человек з десят» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 49]. Ногаи грабили полуостров «месяц равен... из гор, из лесов волочили жены и дети и живот вес[ь] выгнали» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 260].

Скудные указания летописей и Посольских книг, а также некоторые крымские документы [Inalcik 1948: 357] позволяют предположить, что инициаторами расправы над Мухаммед-Гиреем и его калгой были хаджи-тарханские мангыты — один из илей-ногаев, представители которого жили в Астрахани, и которые, возможно, действовали вместе со своими крымскими родственниками (см. [Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay 1972: 334, n. 1]).

Астраханская катастрофа 1523 г. и смерть хана на некоторое время погасили амбиции Крыма в отношении Астрахани. Внутренние неурядицы и борьба за власть на полуострове мешали проводить активную политику: Крым на время переходит к обороне.

По Джебдет-паше, о кончине Мухаммед-Гирея стало известно в Стамбуле в мухарраме 930 г.х. (ноябрь–декабрь 1523 г.) [Cevdet 1889: 18]. По русским источникам, в начале июля 1523 г. («уговев... петрова говейна неделю», т.е. через неделю после 29 июня) Саадет-Гирей, назначенный преемником Мухаммед-Гирея, уже приплыл в Кафу из Стамбула. Его сопровождало около 200 янычар. Сначала новый хан решил устранить своего племянника «Казы»(Гази)-Гирея, после смерти своего отца Мухаммед-Гирея провозгласившего ханом себя (он был задушен), и царевича Бибей, ставшего при Гази калгой (посажен

в тюрьму, а потом отослан в Стамбул). Расправившись с соперниками, Саадет через 10 дней приехал в Перекоп.

По сообщению И.Колычева, вместе с новым ханом в Перекоп прибыло «турков и янычен, и крымских татар всех человек с пясот». В крепости было организовано строительство четырех новых башен («стрельниц»). «А блюдутся, — писал И.Колычев, — мангытов и нагаев, занеже... ко царю (Саадет-Гирею. — И.З.) весть пришла: мангыты и нагаи с Агышем содиначили[сь], а Саидету-Кирею... царю противу их стояти неким. Мы... крымских людей видели: хотя Сайдет-Кирей царь со всеми людьми зберетца, ино... его пятацати тысяч не будет, да и тут... трет[ь] их будет на конех, а два жереб[ь]я на кобылах да на жеребятых» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 40б.–5].

По-видимому, вскоре Сулейман все же прислал крымскому хану некоторую помощь (20 тыс. конных и 500 пищалей): «...побережи нового царя доколе укрепится», как писал в Москву азовский бек Мухаммед [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 261].

³⁸ Скорее всего также сыновья Мухаммед-Гирея.

³⁹ Думаю, это сын Фетх-Гирея.

Смерть Мухаммед-Гирея позволила туркам утвердить в Крыму более покладистого хана — Саадет-Гирея. При нем турецкое влияние сильно возросло [Сыроечковский 1940: 59]. «А тому нашему царю счастливой хандикер¹ как бы родной отец. Там у него жил и выросл, и что тамо видел, которой у турецкого обычай, и у него тот же обычай», — писал один из крымских вельмож, Девлет-Бахты [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 60об.]. Однако никакого поворота во внешней политике Турции по отношению к Московскому великому княжеству не произошло. Более того, Саадету был, видимо, дан наказ поддерживать дружбу с Москвой. Он сам пытался помирить Москву с Казанью. Имела место и попытка реставрации союза Московского государства и Крыма по образцу договора Ивана III с Менгли-Гиреем. Основой этого соглашения должны были стать два условия: московский заем Крыму в размере 60 000 алтын и осуществление общей враждебной политики по отношению к Польско-Литовскому государству [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 11об.].

Едва вступив на престол, Саадет-Гирей пишет великому московскому князю письмо, в котором делится с Василием планами похода на ногаев: «И яз ныне и землю свою и рат[ь] свою в руки взял, на своего недруга на нагаев борзо хочю идти» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8об.].

Саадет-Гирей избегал писать об официальной оценке событий зимы-весны 1523 г. Однако делать это все-таки приходилось. В недатированном письме радным панам Литовского великого княжества новый крымский хан писал: «Брат наш старший Богатыр-Солтан, з великим войском подышодшы и Хазьтарокань воземьши, Ногайскии мурзы, холопья и слуги были, ино здрадь не такь вчинили: ведьже бесмертное земли нет, Адамовы сыны вси мают умерети. Вамь лихоты не дилать, на правде своей перед Бога пошол, з Божее ласки великого гедря царя Турецького щастем, от Бога надею тую маю, же хочю брата своего и Богатыр-солтана кровь помьститимши. Царя и Богатыр-солтана ни один тамь не вмер, вси добры здоровы...» (цит. по: [Малиновский 1901: 180, № XXXIX]).

¹ См. сноску 17 к гл. IV.

«Речи» посла Саадета Кудодара, привезшего упомянутое выше письмо великому князю в Москву, также отражают официальный крымский взгляд на астраханский поход Мухаммед-Гирея. Мухаммед-Гирей «здумал: пошли юрта своего достовати Асторокани, да шод, и взял был Асторокан, а царя азстороканского згонил, и люди его, которых он кормил, пожаловал, учинили над ним лихое дело: его и сына его Багатыря убили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 10–10об.].

В этом же письме хан заявлял: «И как салтан Сюлеймен Шаг таков у меня брат есть, так же и астороканской Усейн-царь, то мне брат же. А и в Казани Саип-Гирей цар[ь], и то мне родной брат, и с ыную² сторону — казатцкой³ цар[ь], то мне брат же, а Агыш княз[ь] мой слуга. А с сю сторону черкасы и тюмени мои же, а король холоп мой, а волохи — и то мои нутники и стадники» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8об.–9].

Саадет-Гирей рисовал явно неправдоподобную картину своих отношений с главными политическими силами, окружавшими Крым. Пытаясь произвести на великого князя впечатление, он преувеличивал собственные значение и силу.

Из письма можно сделать и еще один вывод: астраханским ханом летом 1523 г. продолжал оставаться Хусейн. Видимо, Шейх-Хайдар не правил в Астрахани в 1523 г., как можно было бы подумать, исходя из того что именно он руководил ответным походом на Крым. В том, что в Астрахани правил тогда именно Хусейн, убеждает и наказ И.С.Морозову, посланному в Турцию (отпущен из Москвы 30 марта 1523 г.). На вопрос: «А с Азсторокан[ь]ю как ныне княз[ь] великий?» — Морозову следовало отвечать: «Присылал Усейн цар[ь] азстороканской государю нашему своих послов, чтоб государь наш был с ним в дружбе. И государь наш учинился с ним в дружбе. А и ныне у государя нашего от Усейна царя люди его есть» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 242; Дунаев 1916: 49].

В Стамбуле узнали бы об астраханских послах в Москве по рассказам собственного османского посла Скиндера (Искандера). Такая возможность предусматривалась в наказе И.С.Морозову. По московской версии, пьяные люди Скиндера (среди которых, судя по всему, были и янычары из его охраны) покинули отведенное им подворье без приставов. И.С.Морозову следовало говорить в Стамбуле: «И приставове государя нашего говорили Скиндерю, чтоб его люди без пристава с подвор[ь]я не ходили. И люди Скиндеревы приставов не слушали и с подвор[ь]я ходили без приставов, и ехали пияни азстороканског[о] посла люди, и Скиндеревы люди, пияни ж, с ними побранили. Да уча-ли их Скиндеревы люди бити, а они противу с ними уча-ли битис[ь].

² То есть Волги.

³ То есть казахский. Вероятнее всего, имеется в виду хан Тахир, сын Адика, четвертого сына Джанибека [Султанов 1993: 53–54].

И Скиндеревы люди их же били да, переимав, и перевязали, и сказали государя нашего приказчиком, кому те дела приказаны. И они послали да тех азстороканског[о] посла людей велели пустити. Ино было Скиндеревых людей боронити, а они ж азстороканцов били и перевязали[...]. А спросите о всех делех янычан Асана да Усейна и иных янычан, как там честь была Скиндерю, и как там дела делались: толко бы вам сказали правду» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 246об.–247; Дунаев 1916: 51]. Скиндер пробыл в Москве с мая 1522 по 29 марта 1523 г., значит, астраханские послы находились какое-то время между этими датами в столице.

Из наказа И.С.Морозову следует, что послы Хусейна заключили в Москве соглашение о дружбе с великим князем: «И государь наш (Василий Иванович. — И.З.) учинился с ним (Хусейном. — И.З.) в дружбе». Причем имелось в виду посольство, которое уже покинуло Москву. В момент отпуска Морозова в столице находилось еще одно посольство Хусейна.

Сразу же после восшествия на престол Саадет-Гирей прислал Хусейну послов. В письме азовского «беккула» Мухаммеда московскому великому князю Василию Ивановичу об этом говорится так: «Послал Саидет-Гирей цар[ь] Бабиш бия азстороканскому царю Усейн Салтану о смирении и о братстве. А молвит так, чтоб еси нагайских мурз не перепустил за Дон на свою сторону, на азстороканскую. Да Агыш бию послал Девлет Келдеем зовут татарина с теми ж речьми, чтоб Агыш бий нагайских мурз не перепустил за Волгу». Оба посла Саадет-Гирея были отправлены кораблями из Крыма в Азов: «...подем... не смели ехати: от нагаи не проехати» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 261; Дунаев 1916: 57]. Поскольку дорога подем была блокирована ногаями, Саадет-Гирей решил послать дипломатов через Азов, а далее вверх Доном до Переволоки.

Видимо, предпринятые меры безопасности возымели действие, и послы Саадета дошли до Астрахани. Тот же Мухаммед в письме, датированном 1 августа 1523 г., писал великому князю: «Месяца, государь, июля 26 дня пришел, государь, посол Усейна, царя азстороканского, а зовут, государь, посла Аджи Холи бий. А идет, государь, к Саидет-Гирею, царю крымскому. А говорил, государь, царь Усейн крымскому царю: „Похоцеш[ь] с нами быти в братстве и в дружбе, а похоцеш[ь] своего тушмана⁴ доставати, — и ты б со мною заодин шел на своего недруга, а Агыш бий нас не оставит же: пойдет с нами на Мамаю и на ег[о] брат[ь]ю заодин. Кой час наш посол к тебе придет, а похоцеш[ь] свое дело делати заодин с нами, и ты б в борзе немедля на конь пошел с своею силою, а к нам бы еси гонца отослал. А Усейн

цар[ь] готов есми с своими людьми, и Агыш бий готов же с своими людьми. Да коего есми дни послал к тебе Аджи Холи бия, да того же дни послал есми гонца х Казанскому Царю, что и казанской царь с нами заодин пошел на Мамаю и на его брат[ь]ю. А не пойдеши[ь] ты, Саидет-Гирей цар[ь], на Мамаю, ино и нам с Агышем не бывати на Мамаю: нам одним с ним неким стати“» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 263–263об.; Дунаев 1916: 58] (см. также [Смирнов 1946: 87]). Я склонен рассматривать это письмо Хусейна Саадет-Гирею как ответ на послание крымского хана, отправленное из Крыма, видимо, в начале июля.

Эти сведения азовского *бей кулу* подтверждаются письмами барынского князя Девлет-Бахты и князя Абд ар-Рахмана московскому великому князю Василию. Девлет-Бахты, в принципе повторяя то, что написал Василию хан, сообщал: «Ино ныне отовселе к нам грамоты пришли: из Асторокани и от Агыша князя, и от казаков, и от черкасов люди пришли, а короля, что и говорити, то у него в руках, а волохи нутники его и стадники» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 120б.]. Очень похоже писал об этом и Абд ар-Рахман [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 130б.]. А Ширин Мемеш, перечисляя страны, которые «добрым братом ему (Саадет-Гирею. — И.З.) учинились», передавал: «Азсторокан в головах да и Агыш князь, и казанская земля, и корол, и черкасы, и тюменская земля, татарове, и туретцкая земля» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 140б.].

В Москве не верили заверениям Саадет-Гирея. В наказе И.Колычеву и О.Андрееву специально оговаривались варианты обсуждения в Крыму союза против Астрахани и ногаев, который будет предложен крымцами: «А нечто взмолвят Ивану и Остане, чтоб написати в шертную грамоту Азсторокан[ь] и нагаи, что быти на них заодин, и Ивану и Остане говорити: нам, господине, государь наш того не наказал, и нам, господине, то в грамоту как писати. А наперед того, господине, в грамотах отца твоего и брата твоего⁵ то было не написано, и нам... то в грамоту как писати?» Послам был дан категоричный наказ — «Азсторокани и нагаи в шертную грамоту однолично не писати» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 290б.–30].

Если во времена Менгли-Гирея неперенным компонентом шертных грамот, заключавшихся с Крымом, было совместное ведение боевых действий против Ахмедовичей, то после его смерти этот пункт в вариантах, предлагаемых Москвой, постепенно исчезает.

О.Андрееву было дано два варианта шерти. Первый, наиболее выгодный Москве, упоминал как общего врага только Сигизмунда⁶ и его

⁵ То есть Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея.

⁶ Сигизмунд (по-польски — Zygmunt) I Старый Казимирович (1467–1548) — с 6 декабря 1506 по 1545 г. король польский из династии Ягеллонов, великий князь литовский (с 20 декабря 1506 по 1544 г.).

⁴ То есть врага (*düşman*). Чередование t-d в начале слова — одна из часто встречающихся особенностей крымских документов [Ivanics 1975: 219; Ivanics 1975-76: 262, 259].

сыновей. Второй — помимо польского короля включал и Ахмедовичей. Второй список шерти следовало предложить только в случае неподписания крымской стороной первого [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 41–44об.].

Колычеву и Андрееву следовало также говорить, что московско-ногайские отношения носят сугубо торговый характер. Московское правительство не верило Саадет-Гирею и предполагало, что одной из важнейших целей нового крымского хана станет заключение союза с Москвой против Астрахани и ногаев. О.Андрееву было приказано «пытати» в Крыму, «как крымской с нагаи, с Азсторокан[ь]ю и где нагаи кочуют» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 34об.]. В случае если ни Колычева, ни Андреева не отпустят, им следовало писать через доверенных лиц в Москву «о нагаех, где кочуют, и что их дело с Азсторокан[ь]ю» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 35об., 36]. Вопрос отношений с Астраханью и ногаями после крушения похода Мухаммед-Гирея и воцарения Саадет-Гирея, видимо, стоял в Крыму чрезвычайно остро.

Руководители внешней политики в Москве предусмотрели возможность прямого вопроса со стороны крымских дипломатов. «А нечто взмолвят: как ныне князь[ь] великий с Азсторокан[ь]ю и Ивану и Остане говорити: С азстороканским царем государь наш учинился в дружбе и в братстве, так и ныне с ним в дружбе и в братстве». Если же к моменту разговора Астрахань окажется захваченной ногаями, послам следовало говорить: «Государь наш того не ведает, а со царем как был в дружбе и в братстве, так и ныне с ним в дружбе и в братстве» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 36об.–37]. Видимо, в Москве не исключали возможность захвата Астрахани ногаями.

Таким образом, при переговорах Москва стремилась обойти вопрос о своем отношении к ногайскому контролю над Астраханским ханством, подчеркивая при этом дружественные отношения с астраханским ханом (вероятно, с Хусейном). Если принимать во внимание указание Посольской книги на преемственность дружественных отношений Москвы и Астрахани, можно сделать вывод о том, что эти отношения, видимо, были оформлены до похода Мухаммед-Гирея. Москва видела в Астрахани прекрасный противовес Крыму, и в этом следует искать корни нежелания великих князей принимать участие в крымской агрессии против Астрахани.

Из письма азовского бея Мухаммеда, написанного великому князю Василию Ивановичу в июне 1523 г., становится ясно, что великий князь посылал своего посла в Астрахань осенью 1522 г. (вероятно, еще Джанибеку): «Да в Азсторокани, государь, посол твой осенешний добр здоров. Царя, государь, нагаи потеряли, а посла твоего ополонили, да в Азсторокани оставили». «И царь Усейн ныне, — писал Мухаммед Василию, — посла твоего вельми чтит, да и хотел к тебе, государю,

отпустит: ин, государь, побоился, что... не проехати» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 261об., 263об.; Дунаев 1916: 58]. Учитывая время нахождения в Москве посольства Скиндера (стычку его людей с людьми астраханского посла) и время отправки московского посла в Астрахань, можно предположить, что астраханский посол был отпущен из Москвы осенью 1522 г. в сопровождении московского посла. Неясно, кем был астраханский посол в Москве, мы не знаем его имени. Можно лишь предположить, что целью его миссии в Москве было заручиться поддержкой великого князя в грядущей войне с Крымом. Может быть, именно этим объясняется и столь враждебное отношение представителей астраханского и османского посольств в Москве друг к другу.

В цитированном письме Мухаммеда, привезенном в Москву в октябре 1523 г., сообщалось, что в Астрахань прибыл Чобан-султан, сын Мухаммед-Гирея, бежавший из Крыма. После прибытия в Крым Саадет-Гирея Чобан вместе с братом Бибеем был «окован», т.е. взят под арест. Вероятно, ему удалось совершить побег. В Крыму у него осталась мать — «царица Магмед-Гиреева». Султан желал попасть в Казань, однако боялся ногаев, перекрывших дороги полем. Через Астрахань Чобан-Гирей стремился перебраться в Тюмень (дагестанскую) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 260об., 263об., 270], однако ему пришлось задержаться в городе.

В марте 1524 г. московские казаки М.Тферитин и С.Небольсин (служилый татарин) сообщали со слов крымского татарина, ушедшего в Астрахань вместе с царевичем Чобаном и вернувшегося за пять дней до их отъезда, что мирза Мамай семь дней осаждал город, «а с ним был Юсуп мырза, ходил опричным полком. А Кошум мырза с Мамаем под Азсторокан не пошел, с Мамаем в розни. И выходил из Азсторокани Чебан царевич крымской с астороканцы да Юсуп мырзу побил, да и самого... Юсупа убил. И Мамай мырза от Асторокани пошел проч[ь], а кочует... на сей стороне Волги» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 270об.]. Таким образом, исходя из даты отъезда московских казаков из Крыма и времени прибытия туда слуги Чобана, осаду Астрахани мирзой Мамаем и Юсуфом (а также смерть последнего) можно отнести ко времени не позднее начала февраля 1524 г. Эту дату можно существенно уточнить.

В марте 1524 г. в Москву прибыли гонцы с письмами от И.Колычева из Крыма. Русский посол сообщал, что за пять дней до Рождества к Саадет-Гирею в Перекоп приехал «из Нагаи Тиниш мырза, а сказывал царю: Стояли, деи, нагаи под Асторокан[ь]ю семнатцат ден, да Азсторокан не взяли, да пошли за Волгу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 49об.]. Хотя И.Колычев и Тферитин с Небольсиным указывали разное количество дней осады (17 и 7 дней соответственно), речь скорее всего идет об одном событии. Значит, осада Астрахани Мамаем и Юсуфом состоялась осенью 1523 г. Можно сделать и еще

одно уточнение: в октябре 1523 г. («за десят ден... дмитриева дни») сын Мухаммед-Гирея, Ислам-Гирей, бежав от ногаев, где был заложником, прибыл в Перекоп к Саадет-Гирею [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 49]. М.Тферитин и С.Небольсин сообщили в Москве, что Ислам «утек» от Мамаю, когда тот пошел к Астрахани [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 272об.]. Значит, астраханский поход Мамаю следует датировать концом сентября—октябрем 1523 г. Причиной этой осады Астрахани ногаями, вероятно, была независимая политика Хусейна, взошедшего на престол «без ногаев». Любопытно, что город защищал сын Мухаммед-Гирея, Чобан-Гирей: убив Юсуфа, он отомстил Мамаю за отца.

По мнению Д.Мустафиной, мирза Мамаю совершал походы на Астрахань также в 1538 г. [Послание царя 1997: 37].

Противоречия собственным уверениям в дружественных отношениях с Астраханью, Саадет-Гирей весной 1524 г. в проекте шерти, присланном в Москву, прямо называет Астрахань своим врагом. «А кого станеш тебе недругом держати, и яз тому недругом буду. Оприч казанские земли, и нагаем, и Азсторокани твоим недругом недружба ми чинити, а на сей роте крепко ми стояти. А учнеш Азсторокан воевати, Волгою суды запроважу, а полем конную рат[ь] пошлю, так же и на нагаев, недругов твоих рат[ь] пошлю, а водою будет суды надобе, и яз суды пошлю» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 57–57об.]. Саадет-Гирей вновь, как до этого Менгли-Гирей и Мухаммед-Гирей, пытался заручиться поддержкой Москвы в войне с Астраханью и ногаями.

Василий отказывается подписывать этот вариант шерти. Главной причиной было нежелание Москвы вступать в конфликт на крымской стороне. К тому же московский вариант шерти, уже подписанный к тому времени Саадетом, был им изменен и неправильно заверен (отсутствовали печати) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 69об.–70]. И.Колычеву была дана инструкция, как подписывать шерть перед ханом: «А учнет говорити, чтоб написати в грамоту Азторокан или Нагаи или Казан, и ты б того в грамоту однолично не писал и в том бы еси не имался и правды не давал» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 76–76об.]. И.Колычеву следовало ссылаться на шертные договоры, подписанные между Москвой и Крымом во времена Менгли-Гирея: «И в тех... грамотах Азторокан и Нагаи, и Казан не писана... А Азторокан... и Нагаи, и Казан и наперед того в грамотах были не писаны, а и ныне их писати непригожо» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 76об.].

В начале марта 1525 г. в Крым из Ногайской Орды приехали люди, «а сказали... царю: нагайская, деи, животина вся на сей стороне Волги, да и мурзы, деи... мелкие многие на сю сторону Волги перелезли. А оттоле, деи... теснят их казаки. А нагаи, деи... с Азторокан[ь]ю в од[и]начестве» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 84об.]. Таким образом, союз, который хотел заключить Саадет-Гирей с Хусейном, не

состоялся. Теснимые казаками, ногаи вновь установили контроль над Астраханью, а астраханский хан (вероятно, Хусейн) не смог сдержать их напора и не пустить на правый берег Волги. Однако, по совершенно справедливому предположению В.В.Трепавлова (устное сообщение автору), информация о казахском натиске 1525 г. — недоразумение. К тому времени казахи были полностью разгромлены ногаями и оттеснены далеко на восток. Вероятно, в этом месте шестой крымской Посольской книги оказалась переписана грамота 1519–1520 гг., когда массы ногаев действительно хлынули на правобережье Волги, спасаясь от казахского хана Касима.

Политический кризис в Крыму на исходе 1524 г. на некоторое время снизил актуальность астраханского вопроса во внешней политике Крыма. В начале октября 1524 г., после возвращения четырех царевичей из похода на Литву, Саадет-Гирей задумал устранить Ислам-Гирея. Предупрежденный о замысле хана, Ислам бежит «на поле». В этой распре крымские «улары, мырзы и князья» отступились от Саадета и встали на сторону Ислама: вскоре его объявили ханом в г. Крым (Солхат; уже из этого факта становится очевидно, что его поддерживали Ширины), а Саадет-Гирей оказался в Перекопе в осаде. Вместе с ним осаждены были турки (вероятно, чиновники из окружения Саадета, прибывшие с ним из Стамбула), а также янычары. Однако ситуация в корне изменилась после того, как в игру вступил Сахиб-Гирей. Обманув Ислам-Гирея, Сахиб-Гирей поддерживает Саадет-Гирея, который учреждает его калгой. Ислам-Гирей вновь вынужден был бежать «на поле» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 80об.–82]. Зимой он провел с несколькими крымскими князьями-Ширинами в кавказской Тюмени⁷ [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 132, 135].

Ввиду той роли, какую суждено было сыграть Ислам-Гирею в судьбе Астрахани, его фигура заслуживает пристального внимания.

В условиях внутренней нестабильности, ногайской опасности и угрозы со стороны Ислам-Гирея Саадет-Гирей решает заключить с ногаями союз. В Орду отправляется крымский посол Кулдай Шукур. Его целью было посватать хану дочь мирзы Кошума [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 84]. Ситуация в Крыму вызвала крайнюю обеспокоенность в Стамбуле. По информации Н.В.Мясного, московского посла в Бахчисарае, «приходил... посол Чеуш⁸ от турецкого Кунду-керя⁹ мирити царя с Ысламом, да не помирил. Меж себя не веритца и не виделися. А на то... посол Ислама привел: куда цар[ь] пошлет,

⁷ Ислам был женат на дочери ширинского князя Мемеша [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 164об.].

⁸ Здесь должность спутана с именем: *чауш* — чин личной гвардии султана и янычар; *чауши* часто выполняли роль посланников.

⁹ См. сноску 17 к гл. IV.

и Исламу слушат[ь]» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 158об.]. Помирить Ислама с Саадетом не удалось: в марте 1528 г. вернувшийся из Крыма Н.В.Мясной сообщил, что Саадет-Гирей разбил Ширинов, которые поддерживали Ислама. Сам Ислам в очередной раз был вынужден бежать из Перекопа, вместе с ним удалось уйти лишь 20 соратникам [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 164об.].

Однако и положение Саадет-Гирея оставалось крайне шатким. Он не доверял крымскому окружению и боялся его: «И ты б татаром не верил их правде, — писал он московскому великому князю Василию Ивановичу. — Татарове Бога ся не блюдут, и правды в них нет, на правде не стоят. Коли бы ся они Бога блюли да на правде стояли, яз сам Божию милостию на царстве стал, и ты то гораздо слышели, что они на меня трижды и четыри войско подымали» [РГАДА, ф. 123, ед. хр. 6, л. 166]. В результате ожесточенной борьбы Саадет-Гирею удалось обескровить брата и выдать его в Очаков. Ислама сопровождал Евстафий Дашкович. Об этом Саадет писал в Москву в письме 1529 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 200об.]. В конце концов, как писал Саадет, Ислам «повинился», и «мы ему Днепрской свой город дали, а он нам и сыном и холопом ся учинил» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 202об.]. В 1529 г. Ислам находился в Очакове, что подтверждают польские источники (см. [Литвин 1994: 68, 116]). В конце концов Исламу удалось захватить власть в Крыму. Это произошло в 1532 г., однако вскоре он уступает престол Сахиб-Гирею, а сам становится калгою при хане [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1об.—5об.]¹⁰.

Между тем отношения Астрахани с Москвой, видимо, не прерывались: можно предположить, что в начале 1525 г. в Москве были астраханские послы. В письме Саадет-Гирея Василию хан просит великого

¹⁰ Согласно анонимной истории крымских ханов, Ислам-Гирей правил в Крыму в 938 г.х. (1531–32 г.) всего пять месяцев [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 640), л. 7–8]. По Ибрахиму Печеву, Ислам-Гирей пришел к власти в Крыму 10 раби II 939 г.х. (9 ноября 1532 г.) после смещения Саадет-Гирея [Pečevi: 171]. Сразу же по восшествии на престол Ислам присылает посольство Сигизмунду с уведомлением об обретении трона и требованием подарков [Аста 1957: 510–511; Малиновский 1901: 206–208, № L] (возможно, что в документе Сигизмунда от 25 июля 1533 г., опубликованном в Аста Tomićana, под «новым перекопским императором» подразумевается уже Сахиб-Гирей, а не Ислам-Гирей).

Особый интерес вызывает указание анонимной истории Крымских ханов о правлении Ислам-Гирея в Казани в 921 г.х. (1515–16 г.) по приказу Мухаммед-Гирея после смерти какого-то хана Иджима (ایچیم خان) [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 640), л. 4–4об.; с. 7–8]. Насколько мне известно, «Эджим-хан» упомянут еще только в «Ассеб ос-сейар» Мухаммеда Ризы в рассказе о поставлении крымским ханом Сахиб-Гирея. Это якобы произошло в 949 г. (нужно — 939, т.е. 1532 г.). Сахиб-Гирей в юных летах был избран казанским ханом будто бы после смерти «Эджим-хана», но, чувствуя тяжесть правления, передал трон Сафа-Гирею [Ассеб 1832: XVI]. Речь здесь идет, безусловно, о казанском Мухаммеде-Эмине, который был известен под своим прозвищем (*лакабом*) «Иджим» (см., например, [Рамзи 1908: 71]).

князя отпустить к нему «Зенахмат»¹¹ Азея, а живет, деи, ныне у азтороканцов» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 91]. Вероятно, этот человек жил в Москве у астраханских купцов или послов. Это подтверждает и память московскому послу в Крым Никите Васильевичу Мясному: «А про Азторокан и про нагаи вспросят и Миките говорити: из Азторокани и из нагаи послы есть у государя нашего. И вспросят о каких делех послы из Азторокани и из нагаи. И Миките говорити: яз паробок молодой, как мне то ведати, о которых делех послы приходят ко государю нашему, яз того не ведаю» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 157]. Астраханские послы, безусловно, регулярно посещали Москву, но московское правительство упорно не желало обсуждать в Крыму цели их пребывания.

Ситуация повторилась и в случае с наказом московскому посланнику Б.С.Блудову, отпущенному из Москвы в мае 1528 г. Блудову следовало узнать в Крыму, «как крымский с Азторокан[ь]ю и с нагаи... и из Азторокани кто у них бывал лы, и из нагаи. И будут бывали, ино, о чем присылали». Про московско-ногайские и московско-астраханские отношения посланнику нужно было говорить: «Из нагаи приходят, быют челом, чтоб им государь ослободил торговати. А из Азторокани также ходят торговые люди, а с ними присылает цар[ь] посла о торговых же делех. И ныне яз поехал, а от Ши-Ахметя царя пришел человек его, а ото князя и от мырз от всех люди их, да и гости с ними многие с торгом пришли. Присылали бити челом, чтоб гостем государь наш ослободил торговати в своей земле, и государь наш их пожаловал, торговати им ослободил» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 197об.—198].

Есть большой соблазн сделать вывод о том, что Шейх-Ахмед в это время был астраханским ханом. Действительно, память Б.С.Блудову перечисляет «князя» и «мырз», т.е. ногайского беклербек и мирз (традиционные титулы в Ногайской Орде). Употребление термина «царь» может относиться к Астрахани. Убеждает в этом и тот факт, что в памяти Байкулу (московский гонец в Крым, вернулся в марте 1528 г.) имя Шейх-Ахмеда употреблено после ногаев, в том месте, где обычно в подобных документах ставили Астрахань, а название города при этом не упомянуто [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 163]. Наконец, очевидна связь потомков Шейх-Ахмеда (особенно Дервиш-Али) с Астраханью (см. ниже). Возможно, что Шейх-Ахмед при поддержке ногаев действительно пришел к власти в городе после правления Хусейна. Однако данных слишком мало, чтобы утверждать это наверняка.

Б.С.Блудову было приказано говорить в Крыму, что Шейх-Ахмед прислал к великому князю своего посла «без государя нашего посылки... А дружбы между государя нашего и Ши-Ахметя царя нет»

¹¹ Джан Ахмеда.

[РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 198]. Московское правительство, таким образом, дистанцировалось от врага Крыма — сына Ахмеда, Шейх-Ахмеда, и пыталось убедить крымскую сторону, что Шейх-Ахмед первым прислал послов великому князю. Если это так, то послы Шейх-Ахмеда могли прибыть в Москву для того, чтобы сообщить о вступлении его на астраханский престол. Если Шейх-Ахмед и занимал престол после Хусейна, то отношения его с Москвой не были столь враждебны, как пытались убедить в этом Крым. В памяти С.И.Злобину (отпущен из Москвы в Крым в феврале 1530 г.) говорилось: «А взмолвит про Асторокан, чтоб мне (т.е. Саадет-Гирею. — *И.З.*) княз великий на Азсторокан пособ учинил, дал бы мне пушки и пищали. И Степану говорити: что, господине, со мною к моему государю накажеш[ь], и яз то до своего государя донесу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 253]. Москва по-прежнему уклонялась от участия в военных замыслах Крыма против Астрахани.

Глава VI

ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ЧЕХАРДЫ» в 30–40-е годы XVI в.

**(Касим б. Сейид-Ахмед, Ислам б. Мухаммед-Гирей,
Аккубек б. Муртаза, Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим,
Дервиш б. Шейх-Хайдар, Ямгурчи б. Бирдибек)**

Ханом, правившим после Хусейна, Ш.Марджани называет некоего Алака или Алика (آلى) [Марджани 1885: 134]. С.Шарафутдинов, видимо следуя Ш.Марджани, также указывает, что после Хусейна правил Алак, называя его сыном Хусейна [Шеджере 1906]. Алак, по С.Шарафутдинову, правил всего около двух лет в 924–925 гг. х. (1518–1519 гг.), что маловероятно. Этот Алак мог быть одним из султанов, дававших шерть ногаям зимой 1534/35 г. (см. ниже). Имя Алак довольно необычно. Известен, например, аталык Шайх-Алак-бек, ходатайствовавший о выдаче ярлыка Мухаммед-Гирея некоему Кадыр-Берди и другим в начале июля 1502 г. [Усманов 1979: 36]. Но М.А.Усманов справедливо сомневался в правильности написания имени и предполагал, что «Шайх-Олак-бек» может быть искаженным от Шайхуллах-бек [Усманов 1979: 268]. Понятно, что быть астраханским ханом он никак не мог.

С другой стороны, в это время действовал некто Алик, а именно Алик(Али)-Гирей¹, сын Ямгурчи (брата Менгли-Гирея). Этот Алик неоднократно (например, в 1515 г.) воевал московские «украины» вместе с Алп-Гиреем (сыном Мухаммед-Гирея) [РИО 1895: 147, 272]. Московский посол в Крыму И.Мамонов сообщал весной (до начала апреля) 1516 г. в Москву, что Алик «понял силою за себя цареву Менли-Гирееву царицу, что дети ея у турецкого, и она присылала ко царю (Мухаммед-Гирею. — *И.З.*) жаловатись, и царь послал сына своего Алпа, велел Алика убить». На Вербной неделе Алик с 70 преданными людьми бежал из Крыма. За ним погнался «Богатырь» царевич «о обиде»², «а того... неведомо, — писал И.Мамонов, — куда его будет погнать» [РИО 1895: 294–295]. Маловероятно, чтобы каким-то образом

¹ Если действительно считать имя Алик вариантом имени Али, то этого царевича следует исключить из числа возможных кандидатур, так как имя Али имеет другое написание.

² То есть за причиненную им царице обиду, а не «о обеде», как предложили исправить составители сборника Русского исторического общества.

Алик попал в Астрахань: в последней своей грамоте в Москву в 1516 г. И.Мамонов (он умер в Крыму за 10 дней до Петрова дня, т.е. до 29 июня) писал, что Алик бежал в Белгород, который находился тогда под властью турок, Мухаммед-Гирей просил его выдачи, но «турки не дадут Алика, берегут, чтоб его не убили татарове, а о нем послали к турецкому, где ему турецкой велит быть» [РИО 1895: 370].

В действительности мы не знаем, когда и как Хусейн покинул престол Хаджи-Тархана. Вероятно, это произошло вследствие его смерти. Й.Озтуна, как и М.Сарай, считал, что Хусейн правил всего два года — с 1523 по 1525 г. [Öztuna 1989: 553; Saray 1994: 270]. А.Н.Курат назвал концом правления Хусейна, вернее, датой последнего упоминания о нем 1532 год [Kurāt 1972: 276]. Очевидно, он, как и Б.Ишболдин [Ischboldin 1963: 84], путал Хусейна с Касаем (Касимом, сыном Сейид-Ахмеда)³. М.Г.Сафаргалиев обошел этот вопрос, назвав 1532 год датой смерти Джанибека [Сафаргалиев 1952: 41], что вообще маловероятно. 30-е годы в Астрахани — непрерывная череда переворотов, осуществлявшихся в основном силами извне — ногаями и черкесами.

В нашем распоряжении есть косвенное свидетельство того, что и в 1530 г. Астрахань контролировалась ногаями. Летом 1530 г. великий князь московский Василий Иванович предпринял поход против Казани. Казанский хан Сафа-Гирей со своими подданными защищал город. По сообщению Никоновской летописи, «к ним же прииде на помощь из ногай Мамай, Мырзин сын болшей, со многими людьми, да Яглыч князь»⁴ со многими людьми и Азтороканские люди» [ПСРЛ 1904: 47; Kurāt 1954: 233; Атласи 1993: 290]. Заметим попутно, что скорее всего это место прочитано публикаторами, а вслед за ними и некоторыми исследователями неправильно. Вместо «Мамай, Мырзин сын болшей» следует читать «Мамай-мырзин сын болшей», т.е. старший сын мирзы Мамае, без указания его имени. Для сравнения можно привести аналогичный пассаж: «Мамай-мырзины люди» в описании событий 1538 г. [ПСРЛ 1904: 120]. Упоминает об астраханцах и ногаях — защитниках Казани и «Степенная книга» [ПСРЛ 1908: 605]. Поскольку ногаи пришли помогать Казани вместе с астраханцами, то, видимо, их влияние в Астрахани не ослабевало.

Несмотря на дружественные отношения с Москвой, Астрахань продолжала оставаться для великих князей одним из адресатов ордынского выхода. В докончании великого князя Василия Ивановича с дмитровским князем Юрием Ивановичем 24 августа 1531 г. в части, касающейся отношений с Ордой, Астрахань наряду с Казанью, Крымом и Касимовом продолжает упоминаться среди получателей выхода. Может быть, в реальности сумма, отпускаявшаяся на Астрахань,

была минимальна. «Ордынская» статья докончания почти дословно повторяет аналогичное место в докончании Василия с Юрием 1504 г. Вероятно, без изменений внесенное в докончание 1531 г., это место отражало реалии начала века и могло не вполне соответствовать действительности начала 30-х годов.

Ввиду намечавшегося в Казани переворота Шейх-Али, будущий касимовский и казанский хан, в декабре 1530 г. был отправлен в Нижний Новгород. Однако 29 июня 1531 г., после произошедшего в мае переворота, на престол в Казани вступил хан Джан-Али, брат Шейх-Али, занимавший до этого касимовский трон. Как отмечал Г.Ахмеров, «изгнанный из Казани Шейх-Гали в отместку своему сопернику Джан-Гали вступил в секретный сговор с предводителями Астраханского и Ногайского ханств, за что и был по приказу московского князя сослан в Белоозерскую крепость» [Ахмеров 1998: 104]. Исследователь, очевидно, имел в виду сообщение летописи о том, что Шейх-Али, недовольный тем, что ему не досталась власть ни в Казани, ни в Касимове, «учал ссылатися в Казань и в иные государства без великого государя ведома», за что и был сослан на Белоозеро в начале 1533 г. [Худяков 1991: 106]. Это сообщение летописи не дает возможности однозначно утверждать, что Шейх-Али ссылался именно с Астраханью и ногаями, однако такое предположение Г.Ахмерова весьма вероятно.

К этому времени относится интересное свидетельство существования осmano-ногайских связей: видимо, именно на их основе впоследствии возникнут связи астраханско-османские. В письме Сулеймана Кануни королю Сигизмунду I, написанном в Константинополе в третьей декаде рамазана 937 г.х. (16–25 мая 1531 г.), султан сообщал королю, что о своей приязни с ним он написал также крымскому хану Саадет-Гирею. Султан писал, что ногайский хан Абугай отдал свою дочь в жены Саадет-Гирею, а также предался под опеку султана, поэтому король должен быть в такой же дружбе и приязни с этими двумя ханами, как и с султаном [Katalog dokumentow 1959: 41, № 27; Matricularum 1915: 346, № 5914] (см. также [Османская 1984: 171]). Абугай, о котором идет речь в письме Сулеймана, по-видимому, является мирзой Абу-л-Хайром, сыном Мухаммеда-Али. «Абдельгаер царевич» упоминается в Посольских книгах по связям Московского государства с Ногайской Ордой под 1508 г. В этом году он кочевал за Волгой и провожал русского посла князя Темира Якшенина, посланного из Москвы к ногайским «князем и мурзам з грамотами для литовского дела» [Посольская книга 1984: 64, 76]. В июне 1508 г. Абу-л-Хайр прислал Василию Ивановичу грамоту со своим послом Якшеем с предложением дружбы [Посольская книга 1984: 76–77]. Чем объяснялся поворот политики Абу-л-Хайра в конце 20-х годов XVI в. в сторону сближения с Крымом и османами (как следует из письма Сулеймана

³ Б.Ишболдин считал, что Касай правил еще до похода Мухаммед-Гирей (1523 г.) [Ischboldin 1963: 84].

⁴ Неясно, кто такой князь Яглыч. Может быть, один из астраханских карачи-беев?

Сигизмунду, он даже принял османское покровительство или, быть может, вассалитет), сказать трудно. Поскольку Аbugай назван ханом, возможно, это один из подставных, марионеточных монархов, которых бии Ногайской Орды иногда короновали для придания своему правлению легитимности (для получения от такого марионеточного хана титула «беклербек»).

По предположению В.В.Трепавлова (устное сообщение), логика предшествующих событий 1520-х годов позволяла бы подразумевать здесь ногайского князя Кошума (Хаджи-Мухаммеда б. Мусу), если б не полное несоответствие имен. Как раз у него просил Саадет-Гирей дочь в жены. Целый год крымский посол Кулдай Шукур жил в ставке потенциального ханского тестя, изучая обстановку. В начале января 1525 г. он вернулся в Крым с ногайскими спутниками, требовавшими калым («калыи») за невесту. Саадет-Гирей был согласен платить его только после прибытия невесты ко двору, и к тому же просил ногайскую кавалерию участвовать в планировавшемся (но несостоявшемся) походе на Московское государство [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 84]. Менее вероятным представляется мне отождествление Аbugая из письма Сулеймана с неким царевичем по имени «Аблал Губии», упоминаемым в письме Д.Губина 1535 г. (см. ниже).

Обращение к латинскому переводу разбираемого письма Сулеймана Сигизмунду вносит еще большую путаницу. Во-первых, Аbugай (Abugayhan) назван в нем вовсе не ногайским ханом, а просто одним из татарских ханов («другим» — «*imperator alterius Tartariae*», наряду с Саадет-Гиреем — *Sade Virayhan*). Во-вторых, текст датирован «годом пророка нашего 936 в конце месяца Рамазана» («*currentibus annis prophetae nostri 936 in fine lunae Ramahan*»), что в письме соответствует «году Иисуса Мессии 1531 XV мая» («*currentibus annis Messiae Jesu 1531 die XV Maji*») [Acta 1915: 152, № 158]. Конец рамазана 936 г.х. никак не может соответствовать 15 мая 1531 г., потому что рамазан в этом году хиджры начался 29 апреля, а закончился 28 мая 1530 г. Пятнадцатому мая 1531 г. соответствует конец рамазана следующего года хиджры — 937-го, потому что в этом году он начался 18 апреля, а закончился 17 мая. Это расхождение не единичное. Подобного рода неточности в переводе дат по хиджре на христианское летосчисление встречаются в опубликованных текстах. Чаще всего неверна дата от Рождества Христова⁵. Разобраться в этих противоречиях можно, лишь обратившись к подлиннику письма.

Включение в титул османского султана Дешт-и Кипчака относится по меньшей мере еще ко второй половине 20-х годов: в письме Сулеймана королю Сигизмунду относительно войны с венграми, датированном

⁵ Ср., например, ошибку в три года в польском переводе (1642 г.) письма султана Баязида: 894 г.х. переведен в христианское летосчисление как 1487 г., тогда как это 1488-89 г. [Codex 1894: 368, № 361].

1527 г., султан назван «господином и султаном кипчакских полей» («*y pol kypczakskich pan y sultan*») [Dziennik Wilenski 1826: 187]. Есть упоминание «Скифии» и «Татарии» и в латинском переводе письма Сулеймана Сигизмунду от 1529 г. [Acta 1901: 144, № 181]. В польском переводе письма султана королю от второй половины января 1533 г. этого титула нет [Acta 1957: 64], однако в его же письме Сигизмунду, датированном 22 декабря 1535 г. (но написанном скорее всего в конце 1536 г.), хранящемся в составе коллекции профессора Александровского Гельсингфорского университета С.В.Соловьева, вошедшей в собрание Археографической комиссии, употреблен титул «землям татарским господарь» [Архив СПбФ ИРИ РАН, Русская секция, коллекция С.В.Соловьева, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 27]. Упоминания о владении «Татарией» включается в султанский титул и в других документах [Acta 1915: 83, № 82, 151, № 158]⁶.

Во французском переводе письма султана 1606 г. есть выражение «*Capitain de la Tartarie*», а в письме Сулеймана Гийому, принцу Оранжскому, 1690 г. (1102 г.х.): «*A sçavoir, des Pais et Roiaumes... de la Tartarie, de Krim, ainsi que de la Grande Tartarie*» (вероятно, без запятой между Татарией и Крымом) [Koloğlu 1971: 18, 306]. Соломон Швайггер (1551–1622), австрийский посол в Стамбуле при Мураде III (1574–1595), так передавал титул султана: «*Sultan Murad, Sultan Selims Sohn, Herr zu Constantinopel oder neuen Rom, König in Aphrica und zu Trapezunto, in Ponto und Bende, in Cappadocia, Paphlagonia, Cicilia (= Cilicia), Pamphilia, Lycia, Caria, Sigia, Scuntia, Armenia und Albania, Herr in Tartarei und in Ungern...*» (выделено мною. — И.З.) [Schweigger 1986: 144].

Однако такие претензии совершенно не означали реального вассалитета Астрахани или Казани по отношению к османам (о чем часто писалось в советской историографии. Ср., например: «Астраханское и Казанское ханства мусульман на Волге, покоренные Иваном Грозным, были всего лишь вассалами султана, и их падение ничего не значило для огромной сверхдержавы» [Ермаков 2001: 151]).

В действительности османы не владели сколько-нибудь значительной частью Дешта, и в документах османской канцелярии, направленных в другие страны, упоминания Дешт-и Кипчака, как правило, нет. Законным носителем этого наименования в титулатуре являлся только крымский хан. И совершенно естественно в 1592 г. титул был почти полностью продублирован ханом Гази-Гиреем II (*Дешт-и Кыпчакнын улуг падишахы* наряду с *Дешт-и Кыпчак ханы*). Османы владели лишь узкой прибрежной полосой полуострова, и их юрисдикция не распространялась за ее пределы.

⁶ Подробнее см.: Зайцев И.В. «Позабыв Бога, и наше жалование, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // Сборник в честь 70-летия академика С.М.Каштанова. М. (в печати).

В данном случае, с османской точки зрения, использование этого титула в переписке с польским королем отражало подчиненное положение крымского хана (соседа Польши, постоянного источника опасности на ее южных границах) по отношению к султану: его титул включался в титул его сюзерена.

Кто бы ни правил в Астрахани в 1530–1531 гг., совершенно очевидно, что ситуация коренным образом не изменилась: Астрахань по-прежнему была враждебна Крыму. В феврале 1531 г. в Москву прибыли гонцы от Сахиб-Гирея, которые сообщили о планах хана Саадет-Гирея относительно похода на Литву. По дороге гонцов «на поле изымали астороканские люди, да ограбили, да ограбив пеших отпустили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 297].

23 июля 1531 г. в Москву прибыло письмо Степана Злобина. Он писал: «Да здесе ж, государь, пришла весть из Азова ко царю от бургана от азовского в ту пору, в которую пору яз был у царя, что в Асторокани Ислама царя на царство посадили, а иной, государь, вести, опрочь тое, не было до сех мест. А про старого, государь, астороканского царя Касима вести нет же, в животе ли он, или куды из Асторокани съехал» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 314–314об.] (см. также [Малиновский 1863: 239, 259]).

У Саадет-Гирея Злобин был в середине июня [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 311об.–312]. Весть о восшествии на астраханский престол Ислама также должна была прийти к крымскому хану в середине месяца; значит, учитывая время на дорогу от Астрахани до Азова и от Азова до Крыма, можно предположить, что Ислам-Гирей начал править в Астрахани на позднее середины мая 1531 г. Эту дату можно уточнить. О бегстве Ислама в Астрахань Салимша сообщил С.Злобину на Николин день, т.е. 9 мая 1531 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 317об.], следовательно, Ислам мог бежать туда еще в конце апреля.

Ислам-Гирей продержался на астраханском троне весьма непродолжительное время. 21 июля 1532 г. в Москву прибыл «из Асторокани от Касима царя человек его Злоба с товарищи з грамотою» [ПСРЛ 1904: 61]. Значит, в начале лета 1532 г. на астраханском престоле сидел Касим (сын Сайид-Ахмеда). (Ш.Марджани связывал правление Касима в 938 г.х. (1531–32 г.) с черкесами [Марджани 1885: 134]). С.Шарафутдинов также считал, что Касим правил в 938 г.х. [Шеджере 1906]. По мнению Й.Озтуна, Касим (или Касай, как он еще его называет) правил в Астрахани целых семь лет — с 1525 по 1532 г. [Öztuna 1989: 553].

В том же, 1532 г. Василий III жаловал Ислам-Гирея по его просьбе «и сыном его назвал»: астраханское фиаско Ислама заставило его искать защиты в Москве. А.А.Зимин предполагал в этом желание Василия III найти замену своему зятю (мужу сестры) — казанскому царевичу Петру (Худайкулу б. Ибрахиму), крещенному в декабре 1505 г., который был наследником московского престола и умер в марте

1523 г. [Зимин 1970: 160, примеч. 78]. Однако вскоре Ислам-Гирей изменил великому князю.

Ислам-Гирей оставил престол Астрахани никак не позже января 1532 г. (а возможно, и ранее): 21 февраля этого года датирован лист короля Сигизмунда «радным» панам, в котором он сообщает, что Ислам пришел под Черкасы и Канев, «к нам ся склоняет, и пишет до нас, жадаючи о помоч напротивку Садет-Кирея, цара Перекопского» [Малиновский 1901: 185, № XLI]. Польский хронист Б.Ваповский именно под 1532 г. помещает известие о перемещении Ислам-Гирея (Osłan Soltanus), «брата цесаря Таврики» от Гирканского моря и устья Волги (или реки Ра — Rhafluminis) к Дону (Тане) и Черкасскому замку [Wapowski 1874: 235].

С воцарением Касима б. Сайид-Ахмеда восторжествовали потомки Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда. До этого ханами были сыновья и внуки Махмуда б. Кучук-Мухаммеда. Вероятно, престол достался Касиму в результате победы в борьбе с «Махмудовыми детьми».

А вскоре после этого касимовские казаки, вернувшиеся с Волги, сообщили великому князю, что «пришед ко Азторокани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь; а на Азторокани учинился Аккубек царевич» [ПСРЛ 1904: 61]. Много позже ногайские мирзы писали в Москву, что «Аккубеку царю было прибежище в Черкасах, и они его деля посрамились, да Астрахань взяв и дали ему»; что «Акобек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт ево взяв дали»; что «Ахкобек царь для своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его взяв дали» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 12, 91; Некрасов 1990: 102]⁷. Поддержка Аккубека «черкасами» (кабардинцами, как считает А.М.Некрасов) объяснялась тесными связями его отца с адыгскими племенами. Согласно М.Г.Сафаргалиеву, Касим при взятии города был убит [Сафаргалиев 1952: 41].

По мнению А.М.Некрасова, свержение Касима в Астрахани и воцарение Аккубека были проявлением враждебности со стороны кабардинцев по отношению к Османской империи [Некрасов 1990: 102].

Астраханские ханы, по-видимому, имели не только дипломатические связи с Москвой, но и прямые контакты с Османской империей. В этом убеждает неподписанное письмо от 938 г.х. (1531–32 г.) Сулей-

⁷ Возможно, что Аккубек и вторично пришел к власти с помощью «черкасов». Одно из упоминаний о помощи ему с их стороны может относиться не к 1532 г., а к середине 40-х годов (см. [РГАДА, ф. 127, ед. хр. 4, л. 91]). Вообще имя Аккубек в ханском ономастике довольно интересно. Это — одно из довольно широко распространенных неосманских имен. В фольклоре ногайцев Ставрополя (а также многих тюркоязычных народов Сибири) Ак-Кобек — огромное чудовище, о внешнем виде которого, правда, ничего не известно (см. [Фалев 1918: 189–192]). Скорее всего у хана было какое-то мусульманское (т.е. арабское по происхождению) имя, которого мы просто не знаем, так как в источниках он упоминается под своим тюркским.

ману Кануни, хранящееся в архиве дворца Топкапы (архивный шифр — E.5292) [Торкарі 1940: 182]. Документ содержит 15 строк на «кипчакском». Послание, согласно помете архивиста, написано ханом Астрахани. Это мог быть Касим (сын Сейид-Ахмеда). По мнению издателей текста, язык послания подтверждает его «татарское» происхождение и полностью исключает связь письма со Средней Азией. С другой стороны, уже со времен Менгли-Гирея слово «брат» (*qarındaş*), как автор послания называет султана, было совершенно невозможно при обращении крымского хана к падишаху. И наконец, последний аргумент в пользу принадлежности письма хану Астрахани — упоминание о «разбойниках», что верно характеризует ситуацию в Астраханском ханстве в этот смутный период его истории [Le Khanat 1978: 118 (текст), 119–120 (перевод, комментарии); Некрасов 1990: 101–102; Зайцев 1998: 26]. Если это так, то послание хана — единственный известный нам документ астраханско-османских отношений. В письме содержится указание на «добрые отношения и торговые связи, которые существовали между нашими предками в прежние времена». «Мы будем управлять тем, что принадлежит нам, — сказано в послании, — и жить в добром согласии с тем, что принадлежит Вам» [Le Khanat 1978: 118–120]. Послание было передано доверенным человеком хана («мы Вам посылаем нашего верноподданного слугу, нашего доверенного человека, выбранного из нашего окружения»), которого звали Таки-Хаджи. Его сопровождали двое слуг (تقی حاجی یکی خدمتکاری برله).

938 год хиджры начался 15 августа 1531 г., а закончился 2 августа 1532 г. Таким образом, если письмо султану действительно написал Касим, то его датировку можно сузить до времени между 15 августа 1531 г. и началом июля 1532 г. (временем отправки посольства Злобы из Астрахани в Москву). Существует вероятность того, что письмо, в качестве уведомления о вступлении на престол, было написано Аккубеком, примерно в середине июля воцарившимся в Астрахани. Тогда дата письма сужается до времени с середины июля до 3 августа 1532 г., и, следовательно, нельзя однозначно расценивать свержение Касима кабардинцами как акт враждебности по отношению к султану.

Письмо 938 г.х. — единственный сохранившийся документ переписки астраханских ханов с правителями соседних государств. Видимо, недоразумением следует считать указание авторов каталога персидских рукописей, хранящихся в библиотеках Италии, на существование документа сефевидско-астраханской переписки от 1609 г. (!). В Национальной библиотеке г. Неаполя хранится копия письма шаха «хану Астрахани относительно возвращения крепостей Tarxu (ترخو) и Kuу (کوی), захваченных турками» [Catalogo 1989: 205, № 235/36]. Tarxu — это, видимо, г. Тарки — столица дагестанского шамхальства, а Kuу — Койсинский острог (Койсы) в устье Койсу-Сулака (основан во время похода А.И.Хворостинина на шамхала в 1594 г.). Турецкие войска

в союзе с силами шамхала овладели Койсы в конце мая — начале июня 1605 г. (уход воеводы В.Т.Долгорукого морем на Терек), после чего острог был сожжен. Русский гарнизон во главе с И.М.Бутурлиным, овладевший Тарками осенью 1604 г., сдал Тарки туркам после 10 июня 1605 г. [Кушева 1963: 283, 287–288; Шмелев 1992: 93–105]. Однако вскоре контроль над значительной частью Дагестана перешел к персам, а в 1610 г. тарковские владельцы уже шертовали Москве.

Таким образом, датировка письма шаха (это мог быть только Аббас) «хану Астрахани» 1609 г. не вызывает сомнений. Астраханское ханство к этому времени уже более пятидесяти лет не существовало. Думается, публикаторы описания копий сефевидских писем из коллекции, собранной представителями кармелитской миссии в Исфахане, ошиблись в определении адресата послания Аббаса. Вероятно, шах посылал письмо не хану Астрахани, а хану *Аштарханиду* (Джаниду), т.е. представителю династии, сменившей Шейбанидов в Бухаре в 1601 г. [Ахмедов 1994: 169]. По-персидски оба эти названия (города и династии) будут писаться одинаково — Аштархани. Этим аштарханидским ханом, очевидно, был Вали-Мухаммед (1606–1610).

В Москве прекрасно знали о связях Астрахани со Стамбулом. В памяти Василию Сергеевичу Левашову, направленному в Крым в 1533 г., ему наказывалось «пытати», «как турской с кызылбашевыми детми, и как с литовским и с волошским и с Асторокан[ь]ю и с нагаи... и из Асторокани и из нагаи хто у него бывал лы и будет бывали, ино о чем приходили...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 7, л. 47–47об.].

Я согласен с А.М.Некрасовым, который вопреки мнению М.Г.Сафаргалиева не считал, что «черкасы» стали хозяевами города. Не случайно летопись говорит о том, что они «пошли прочь» после того, как был учрежден новый хан.

Аккубек недолго правил в завоеванном им с помощью черкесов городе. По мнению М.Г.Сафаргалиева и А.М.Некрасова, он был свергнут ногаями [Сафаргалиев 1952: 41; Некрасов 1990: 102]. Уже в августе 1533 г. в Астрахани правил Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим⁸. Как считает Б.Ишболдин, его посадил на астраханский престол ногайский мирза Кел-Мухаммед (сын Алчагира, дядя Ишболду). Абд ар-Рахман, однако, сразу же ногаев предал [Ischboldin 1973: 84]. Действительно, именно в это время в Москву прибыл посол Абд ар-Рахмана, Кудалыяр, «з грамотою о дружбе и о любви» [ПСРЛ 1904: 61]. «И князь великы с ним во дружбе учинился и отпустил азтороканьского посла Кудоара кь его государю того месяца» [ПСРЛ 1904: 61]. В историографии это событие традиционно рассматривалось как заключение астраханско-московского дружественного союза [Степанов 1970: 339].

⁸ Таким образом, Аккубек правил не два года (с 1532 по 1534 г., как считал И.Оттуна, см. [Öztuna 1989: 553]), а чуть меньше.

Правда, иногда его датировка (1534 г.) вызывает сомнения (см. [Астраханское 1926: стб. 658]).

Несмотря на дружеские отношения с Абд ар-Рахманом, в Москве не переставали интересоваться внешнеполитическими шагами астраханского правительства. Посланному в Крым в январе 1534 г. Ивану Ильичу Челищеву наказывалось узнавать там, имеется ли у Ислам-Гирея «ссылка» с Астраханью, а если отношения между ним и астраханским ханом поддерживаются, необходимо было узнать подробности этих связей [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 19об.]. Такая же «память» была дана и Федору Логинову, отправленному к Ислам-Гирею летом 1534 г. (Ислам-Гирей тогда выехал из Перекопа и жил на Днепре у Очакова): «...и из Асторокани и из нагаи хто у него бывал ли, и будет бывали, ино о чем приходили.» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 78]. Дословно повторяется эта инструкция и Юрию Юматову, посланному к Исламу осенью 1534 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 90].

В «памяти» послу князю Василию Семеновичу Мезетцкому также указывалось на необходимость узнавать о связях Ислама с Хаджи-Тарханом. «А взмолвит царь про Азторокан[ь], чтоб мне княз[ь] великий на Азторокан[ь] пособ учинил, дал бы мне пушки и пищали. И князю Василию говорити: „что, господине, со мною к моему государю накажеш[ь] и яз то до своего государя донесу“» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 128об., 131об.]. Такой уклончивый ответ означал фактическое нежелание Москвы помогать Ислам-Гирею в борьбе за Хаджи-Тархан.

В «памяти» посланнику Даниле Дмитриевичу Загряжскому⁹ (уехал в начале 1535 г., вернулся в Москву в начале августа), отправленному к Ислам-Гирею подписывать шерть, предписание узнавать о связях хана с Астраханью сохранялось [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 193об.–194].

В «памяти» Д.И.Губину, московскому посланцу в ногайские улусы осенью 1534 г., говорилось: «...да про тамошние... дела отписати про все подлинно: ... и как нагаи с Азтораканью, и как Азторокань с нагаи... и ссылка есть ли с Азтораканью...» [Посольские книги 1995: 116]. Д.Губин не замедлил исполнить миссию, и 2 мая 1535 г. его письмо было доставлено в Москву. В нем он сообщал, что зимой 1534/35 г. в ногайские улусы из Крыма прибежал «Бока князь Асанов сын, а сказывал, что Ислам соединявается с Астороханью, а хочет Нагаи воевать». Мирзы Кошум, Мамай, Исмаил, Келмагмат, Урак «и все мелкие мурзы» «не верячи Хастараханскому¹⁰ царю, да взяли

с собою шертью царевичев: Аблеи Салтан¹¹, да Истемир Сальтан, да Аблал Губии, да Ашик мурза, да Сеика¹² Ибулаази, а с ними триста человек. И как... весна стала, ино... все имянные мурзы перевезлися Волгу на Ногайскую сторону. А с Астороканью... послы ссылаютца, сказывают... отманываютьца. А Хасторокань... от них бережетца, они... ее хотят отманкою взять» [Посольские книги 1995: 128]. «Бока князь» — мангыт Баки б. Хасан (внук Темира; подробнее о нем см. ниже). «Истемир Сальтан» — сын хана Муртазы Озтимур; его сын Крым-Гирей потом служил хану Ямгурчи¹³. Остальные упомянутые Д.Губиным царевичи — вероятно, астраханские аристократы, родственники (может быть, даже сыновья) Абд ар-Рахмана (или Хусейна), которые дали шерть ногайским мирзам: последние таким образом хотели обезопасить себя от возможного союза Астрахани с Ислам-Гиреем или крымцами. Вероятно, именно об этих султанах в марте 1535 г. писал в своей грамоте в Москву ногайский бий Сейид-Ахмед: «Слава Богу, Темир Кутлуевы царевы дети нам повинилися, Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарищи и слугами» [Посольские книги 1995: 131].

Важнейшим источником, подтверждающим сообщение Д.Губина, является подлинное письмо Ислам-Гирея османскому султану Сулейману. В оригинале оно не имеет даты. Автор публикации письма О.Гёкбилгин считал, что Ислам написал его между 1534 и 1537 гг. [Gökbilgin 1970: 467]. Вторая дата — год смерти Ислама¹⁴. 22 июля 1537 г. великим князем был послан из Москвы в Крым к Исламу Басалай Никифоров сын Квашнин. «А как шел Басалай к Исламу, и пришед из Нагай Бака князь Асанов сын Темирев внук, Ислама царевича за Перекопью убили, и улус взял, и жены его поимал...» [ПСРЛ 1914: 444]. 27 июня 1538 г. в Москву прибыли послы от «Мамай мырзы и от Кошум мырзы и от Баки князя». «А Бака князь писал в своей грамоте, что пришед из Нагай в Перекоп, Ислама царевича убил, и улус его взял, и жены его поимал» [ПСРЛ 1914: 447]. Однако Баки недолго наслаждался плодами победы: вскоре он и сам был умерщвлен Сахиб-Гиреем [Смирнов 1887: 403].

В письме Сулейману Ислам-Гирей писал, что овладеет Астраханью и в городе будет прочитана *хутба*¹⁵ на имя Сулеймана, если на то будет его воля [Gökbilgin 1970: 467]. Учитывая сообщение Д.Губина, письмо Ислама можно датировать более точно — 1535–1536 гг.

¹¹ О нем см. ниже.

¹² Более вероятно — «Сента».

¹³ См. сноску 32 к гл. VII.

¹⁴ Ислам-Гирей, по одной из рукописных историй крымских ханов, прожил всего 30 лет [ОР СПБФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 6.40), л. 8]. Ибрахим-паша (везир Сулеймана Кануни) в письме Сигизмунду от 3 марта 1534 г. прямо называет Ислама молодым [Acta 1960: 297–298].

¹⁵ Пятничная проповедь, обращенная к мусульманам.

⁹ Это именно Данила Дмитриевич, а не его отец Дмитрий Давыдович, как сказано Н.М.Рогожиным (см. [Рогожин 1994: 139, 190]).

¹⁰ Публикаторы текста здесь и далее неверно разделили одно слово «Хастараханскому» на «х Астараханскому», что не имеет смысла.

Однако есть и другая возможность. Ведь Ислам правил в Астрахани и раньше: в 1531 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 314об.].

По отношению к султану Ислам-Гирей занимал весьма двучинную позицию. За спиной падишаха он радовался его неудачам. В письме, написанном в Москву в конце октября 1535 г., Ислам-Гирей злорадствовал: «Про Хандыкерея вести похочеш уведати, и он как пошел назад, и Кызылбаш его побил и много истомил и мы ся о том порадовали, а ты б ся о том порадовал же» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 227об.].

В феврале 1536 г. к Ислам-Гирею уехал В.И.Беречинский. В Москве ему традиционно наказывали подробно узнавать об имеющихся контактах Ислам-Гирея с Хаджи-Тарханом [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 239об.–240].

Не прекращались связи Астрахани и с Казанью. В памяти Якову Снозину (Сназину; он уехал из Москвы в Вильну 2 марта 1536 г. с миссией к литовскому князю Ю.Н.Радзивиллу) говорилось, что на вопрос об убийстве казанского хана Джан-Али, которое произошло в 1535 г., следует отвечать: «И которые его убили, те прочь поехали, в Азторокань и в иные места» [РИО 1887: 26, 40, 54, 117, 179] (см. также [Pelenski 1974: 71]). Дословно это повторялось и в наказе Федору Васильевичу Наумову, отправленному к Ислам-Гирею в июне 1536 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 267об.]. В Казань был вновь приглашен хан Сафа-Гирей.

Джан-Али был женат на дочери ногайского князя Юсуфа Сююнбике, однако, по сообщениям Д.Губина из Ногайской Орды, их отношения были довольно сложными. Хан будто бы не любил жену, а та сообщила об этом отцу. Юсуф, недовольный таким отношением к дочери, подстрекал казанцев к низложению Джан-Али [Худяков 1991: 98]. Можно предположить, что после убийства казанского хана в Астрахань отъехали именно проногайски настроенные казанцы, неудовлетворенные восшествием на престол Сафа-Гирея.

Хотя возможен и иной вариант развития событий: позже в письме Сигизмунду Старому сам Сафа-Гирей писал о помощи, оказанной ему Абд ар-Рахманом (см. ниже). Тогда отъехавшие в Астрахань после убийства Джан-Али могли быть союзниками Сафа-Гирея, которые помогли ему утвердиться на троне. Казанские посольства в Крым, а также в Польско-Литовское государство проходили через Астрахань. В памяти Тимофею Хлуденеву, направленному к Сигизмунду (уехал 3 сентября 1536 г.), говорилось: «А из Асторокани шли послы казанские, которые были в Крыме, а иные из Крыма у короля были...». Это посольство было перехвачено касимовскими («городецкими») казаками и частично перебито. Захваченные в плен (около 50 человек) были доставлены в Москву [РИО 1887: 54, 117].

На вопрос о после из Астрахани в Москву Т.Хлуденеву следовало говорить: «из Асторокани от царя и от царевичев у государя нашего

были послы о том, чтоб государь наш с ними был в братстве и дружбе; и государь наш со царем и со царевичи в братстве и в дружбе учинился, и послов их к ним отпустил, и своего посла в Асторокань ко царю и ко царевичем послал; а также царь и царевичи государю нашему хотят дружити, на всех недругов хотят быти со государем заодин» [РИО 1887: 55]. Ранее, в памяти Ивану Тарасову (уехал из Москвы к Ю.Н.Радзивиллу 11 июня 1536 г.), об астраханских послах говорилось почти так же: «...из Асторокани от царя и от царевичев ко государю нашему пришли послы, чтоб государь наш с ними был в братстве и в дружбе; и государь со царем и со царевичи в братстве и в дружбе учинился, и послов их отпускает, и своего посла государь наш в Асторокань посылает; а также царь и царевичи государю нашему хотят дружити, на всех недругов хотят быти со государем заодин» [РИО 1887: 41].

Таким образом, можно сделать вывод, что астраханские послы в сопровождении московского дипломата отбыли из Москвы в Астрахань между серединой июня и самым началом сентября 1536 г. Это свидетельство посольских книг уникально: в других источниках сведений об этом дипломатическом обмене нет. Только 16 сентября 1536 г. в Астрахань был направлен посланник Ф.Ф.Быков (см. ниже), однако об отпуске астраханцев не упомянуто, статус Быкова был ниже посольского. Видимо, в 1536 г. имел место весьма интенсивный обмен миссиями между двумя государствами.

Едва ли возможность войны с Астраханью всерьез воспринималась в Москве. Однако в конце декабря 1535 г. в Москве были получены грамоты ногайских мирз, один из которых, сын Алчагира Келмагмед, изъявлял московскому великому князю полную готовность предупредить его о готовящихся нападениях своего отца и дядьев, а также крымцев «на украинны», и если «от Азторхани война будет» [Посольские книги 1995: 136]. Судя по ответу Федора Карпова ногайским гонцам, не только Келмагмед, но и другие мирзы сообщали, что у них «ушники в Крыме и в Азторакани есть», и изъявляли готовность предупредить Москву о нападениях [Посольские книги 1995: 138].

По мнению М.Г.Сафаргалиева, Абд ар-Рахман вскоре после вступления на трон изменил свою политику по отношению к Москве и ногаям: удалил из Астрахани ногайских мирз и стал ориентироваться на Крым. Именно этим объясняется продолжавшаяся почти год (1536) война Астрахани и ногаев [Сафаргалиев 1952: 42]. Г.С.Губайдуллин (Г.Газиз) писал, что в 1535 г. («когда Сахиб-Гирей занял казанский трон») крымский хан (имени которого он не называет) захватил Астрахань. «Однако ногайцы начали против него войну и изгнали из Астрахани» [Газиз 1994: 102]. Данная точка зрения полностью лишена оснований, поскольку не находит подтверждения в источниках.

В конце сентября 1536 г.¹⁶ в Москву доставили новое донесение Д.Губина из Ногайской Орды. 9 марта 1536 г. к бию Сейид-Ахмеду (Шейдяку) б. Мусе, правителю Ногайской Орды, пришел астраханский посол Тонабай Дуван. Д.Губин сообщал, что в результате раскола между Сейид-Ахмедом и семьями мирз Агиша и Алчагира в Астрахань из Орды выехали несколько мирз: «Алач мирза да Колыват мирза, да Сююнч Алей мирза, да Сарый мирза Агишев сын, Айван мирза Алачев сын. А все... мирз их семьи — с тритцать и з женами» [Посольские книги 1995: 146]. Все перечисленные Губиным мирзы — потомки (сыновья или внуки) Агиша и Алчагира. «А князь (Сейид-Ахмед. — И.З.) всю весну и по ся места от них бережецся. А по братью... многожды посылал, чтоб к нему на съезд приехали думати. А хочет... идти под Асторокань. А из Саранчика¹⁷... все люди выбежали, блюдяся Агишевых детей. А от астароканцов пришла ему весть: майа 31 дня приходили два царевича астороканские, да Агишевы дети — Саранчика воевати».

Таким образом, в результате раскола потомки Агиша и какая-то часть семьи Алчагира заключили союз с Астраханью, видимо с целью совместной борьбы с Сейид-Ахмедом за власть в Ногайской Орде. Сейид-Ахмед в это время был бием (князем, по русской терминологии), т.е. верховным правителем Ногайского государства. Шейх-Мамай, вероятно, сначала выступал на стороне Сейид-Ахмеда: узнав, что приходили «азстороканские царевичи и Агишевы дети», он «за ними пошел». Сейид-Ахмед же «послал к Ших-Мамаю своих яртулов¹⁸» [Посольские книги 1995: 146]. Вскоре Шейх-Мамай «воротился, азтороканским царевичем и Агишевым детем не учинили ничево» [Посольские книги 1995: 149]. Эта неудача вынудила Сейид-Ахмеда самому взяться за оружие. Он собирался в поход еще весной, однако поход так и не состоялся: «А князь... сказывают, нарядяетца на Астарахань, и кош того дни отпустил, июля 1 день», — писал Д.Губин. Отправиться в поход он смог только 17 июля [Посольские книги 1995: 150–152]. Как видно из донесения Д.Губина, Шейх-Мамай и Сейид-Ахмед к этому времени уже враждовали [Посольские книги 1995: 151].

23 ноября 1537 г. в Москву было доставлено письмо Басалая Квашнина из Крыма, в котором он сообщал: «Большая, деи, государь, нагай-

ская орда вся кочует на той стороне Волги, на Ордынской стороне, а Шийдяк... князь[ь] со всеми мурзами нагайскими и со всею ордою с нагайскою под Асторокан[ь]ю, а просят у астороканцов выходу штидесять¹⁹ тысяч алтын» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 413–413об.]. Далее Квашнин писал: «А про Бел[ь]ского, деи, государь, про князя Семена Изсен Кипчак ширинским мурзам сказывал²⁰, з Бакою князем в Асторокани у царя. А Бакый, деи, государь, князь[ь] служит у царя в Асторокани ж, а в нагаи, деи, государь, ему пути нет, боитца итти исламовых шуринов²¹. Мангыт Баки, который был внуком уже хорошо знакомого нам Темира б. Мансура (сыном его сына Хасана), вероятно, служил астраханскому хану как беклербек. В Крыму он служил Ислам-Гирею, а затем Саадет-Гирею [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 204].

Также 23 ноября 1537 г. в Москву из Крыма приехал служилый казак великого князя, который и сообщил, что царевич Ислам-Гирей убит Баки, «а князя Семена Бел[ь]ского изымали и з собою взяли в Нагаи» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 403; Посольские книги 1995: 265–266]. Это значит, что Исламу удалось выполнить свое обещание великому князю — вернуть мятежного князя Семена в Москву: незадолго до нападения Баки Бельский был у Ислам-Гирея (но кем — пленником или гостем?). Поскольку Ислам-Гирей был убит Баки приблизительно в августе, следовательно, Бельский мог оказаться в Астрахани как раз осенью. Возможно, его приезд туда в качестве пленника Баки и совпал с переменой там власти. Или же это совпадение мнимое?

Интересно, что гонцы сыновей Алчагира, Шигима и Мусы, прибывшие в Москву в декабре 1535 г., не захотели останавливаться на одном дворе с послом Шейдяка Кудояром²², вероятно вследствие все той же распри [Посольские книги 1995: 135]. Политические группировки в Орде втягивали Астрахань в борьбу за власть. Астраханские ханы выступают теперь в роли союзников соперничающих ногайских семей. Сейид-Ахмед в своей борьбе за Астрахань с сыновьями Агиша и Алчагира решает прибегнуть к помощи Шейбанидов. Однако Д.Губин доносил в Москву, что посол Сейид-Ахмеда в Бухару вернул-

¹⁶ Текст второй Посольской книги по связям с Ногайской Ордой в принципе оставляет сомнения в том, что грамота от Д.Губина пришла в Москву именно в сентябре 1536 г. Поскольку ее изложение следует за описанием отъезда в Орду ногайских гонцов, приехавших в конце 1535 г., и московского посла П.Левского (уехали 9 февраля 1536 г.), логично предположить, что письмо Губина пришло в сентябре того же, 1536 г. Однако запись о прибытии казака с грамотой гласит: «...и тог[о] ж лета сентября 26 день». Учитывая, что год начинался в сентябре, в книге должен был бы стоять уже 7045 год.

¹⁷ То есть Саранчика.

¹⁸ Яртуол — авангард, передовой отряд.

¹⁹ В тексте сначала было написано: *иттинатцат[ь]*, т.е. 16, но потом переписчик зачеркнул *натцат[ь]* и написал над строкой *десять[ь]*, получилось, таким образом, 60.

²⁰ Крымские Ширинь совершили тогда большой набег на ногайские кочевья, чтобы отогнать лошадей (пригнали около 30 000). В этом набеге они захватили пленного, некоего «Изсена» из рода кипчак, который и рассказал Шириням об обстановке в Астрахани и у ногаев (см. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8 (1533–1539 гг.), л. 412об.–413]).

²¹ Там же, л. 413–413об. То есть боялся он родственников убитого им Ислам-Гирея — братьев его жены. Стало быть, жена Ислама была из ногаев. Хотя в источниках есть сведения, что Ислам был женат на дочери ширинского князя Мемеша [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 164об.]. Жен у него, конечно, было несколько.

²² Может быть, именно он был ранее послом Абд ар-Рахмана в Москве?

ся ни с чем: Бибей, «царь бухарской», ответного посольства к Сейид-Ахмеду не послал, а ногайским купцам (видимо, сопровождавшим посольский караван) не разрешил купить «ни луков, ни сабель и всякого железа» [Посольские книги 1995: 146]. «Бибей» Посольской книги — это, вероятно, Шейбанид Убайдаллах: в Бухаре правил тогда именно он [Давидович 1992: 302–305]. Можно предположить возможные контакты Убайдаллаха с Астраханью (по принципу «враг моего врага — мой друг»), если иметь в виду, что Сейид-Ахмед в это время враждовал как с Шейбанидами, так и с Астраханским ханством.

Д.Губин писал, что какие-то планы в отношении Астрахани вынашивали и «мелкие мурзы», кочевавшие по Волге: Келмагмед, Урак и некоторые другие. Они собирались на собственных судах перейти Волгу, «а идти по той стороне Волги под Астрахань» [Посольские книги 1995: 147]. В следующем своем письме Д.Губин писал о том, что Урак, Келмагмед и Уразлы кочевали у города [Посольские книги 1995: 162].

Обстоятельства планируемого похода Сейид-Ахмеда подробно описаны Д.Губиным. По его словам, князь «выехал на Астарохань славы деля. А посрочил, деи... съехатся з братьею на Чагане²³». План Сейид-Ахмеда состоял в том, чтобы отпустить к хану (который не назван Д.Губиным по имени) его посла (имеется в виду, очевидно, Тонабай Дуван; см. выше) вместе со своим послом. Задача миссии заключалась в том, чтобы выяснить, «похочет с ними астраханский царь в дружбе быти, как было преж сего?» В этом случае хану предлагалось выдать Алача б. Мусу (брата Агиша) и всех Агишевых детей и «всех мурз, кои в Асторохонь отъехали». «А не отдаст, и он бы их со князем и мурзами помирил, чтобы Агишевы дети и мурзы из Асторохани опять к ним приехали. А не похотят мурзы с ними помириться, опять к ним не придут, и астраханский царь их у себя не держал». В случае отказа хана примирить князя с засевшими в городе Агишевыми детьми и их дядей Сейид-Ахмед обещал: «...любо де и тобя и с Астороханью возьмем, а любо — де и сами все под Астороханью помрем». По информации Д.Губина, астраханский хан заключил с Алачем и его племянниками шерт, а также послал двух сыновей Агиша в Крым. И хотя Д.Губин писал, что не ведает, «о чем у них ссылка», можно с уверенностью сказать, что целью посольства было обращение за помощью против Сейид-Ахмеда. Актуальность похода на Астрахань определялась еще и тем, что Сейид-Ахмед был фактически заперт среди враждебного окружения: «со все де и стороны недрузи нагаем». Поход должен был состояться поздней осенью 1536 г., «как Волга станет» [Посольские книги 1995: 153]. Однако по какой-то причине

его отложили до зимы. Астраханский посол Тонабай Дуван отпущен из Орды не был [Посольские книги 1995: 155]. Его отпустили только 17 августа, причем в сопровождении посла Сейид-Ахмеда, мангита Байгадыра [Посольские книги 1995: 159].

Осенью 1537 г. ногайские мирзы не оставляли планов завоевания Астрахани. Мирза Урак писал в Москву, что «князь (т.е. Сайид-Ахмед. — И.З.) и мирзы все на Волгу прийти думали, астарканские войны для и крымского для обереганья» [Посольские книги 1995: 204].

Д.Губин не только собирал информацию среди ногаев Сейид-Ахмеда, но и вел беседы с астраханским послом (тот, как писал московский дипломат, «многжды со мною разговаривал»). По словам Тонабай Дувана, «азтораханский царь с великим князем хочет жыти дружно» [Посольские книги 1995: 153].

Как сообщал Д.Губин, посол Сейид-Ахмеда к казанскому хану Сафа-Гирею (зятю бия) Алча не попал в Казань: «...прибежал из Асторохани душою да телом, хане его не пропустили» [Посольские книги 1995: 147]. Особенно интересным здесь представляется употребление множественного числа («хане... не пропустили», — неужели в городе правили несколько ханов одновременно?). Однако обращение к подлиннику убеждает в том, что в тексте описка: «хане» вместо «зане», т.е. «потому что; так как»²⁴. Примечательно то, что Астрахань препятствует казанско-ногайским контактам. Видимо, это было связано с прокрымской ориентацией Сафа-Гирея. Любопытно, что «Казанская история» называет одну из жен Сафа-Гирея уроженкой Астрахани. После смерти хана она якобы была отпущена на родину к астраханскому царю [Казанская история 1985: 382]. Это свидетельство единственное и ничем не подтверждается (как, впрочем, многое из того, что написал автор «Казанской истории»).

В своем письме, датированном июлем 943 г.х. (1536 г.)²⁵, Сейид-Ахмед сообщал великому князю: «А только похотите, и мы с Астарханью помирились» [Посольские книги 1995: 165].

По мнению А.Б.Кузнецова, в 30-е годы XVI в. «противники Москвы предпринимают попытки перетянуть на свою сторону Ногайскую Орду, рассчитывая тем самым создать нечто вроде крымско-казанско-ногайского союза, с тем чтобы в дальнейшем попытаться дополнить его Астраханью и создать единый антирусский фронт в Поволжье». Однако «в противовес крымско-казанскому блоку в Нижнем Поволжье складывается союз России и Ногайской Орды, который может быть расширен за счет Астрахани» [Кузнецов 1997: 42].

В действительности отношения дружбы между Астраханью и Москвой продолжались в течение всего времени правления Абд ар-Рахмана.

²³ Река, один из протоков волжской дельты, позднее там кочевал мирза Исмаил [РГАДА, ф. 127, оп. 4, л. 36об.; ПСРЛ 1904: 242; ОР РНБ, Собр. Погодина, № 1419, л. 82об.].

²⁴ На эту ошибку мне любезно указал В.В.Трепавлов.

²⁵ Странно, что грамота Шейх-Мамая, привезенная тогда же в Москву, датирована началом июля 942 г.х.

В сентябре 1536 г. (16-го числа) Василий отправил к Абд ар-Рахману посланником «своего сына боярского Феодора Феодорова сына Быкова з грамотою о братстве и о дружбе» [ПСРЛ 1904: 115; ПСРЛ 19656: 28]. Ф.Быков вернулся 30 августа 1537 г., «а с ним вместе прислал царь (Абд ар-Рахман. — И.З.) к великому князю на Москву послов своих добрых людей Ишима князя с товарищи, чтобы князь великий был с ним в дружбе и в братстве, и другу великаго князя хочет быть другом, а недругу недругом, и на недругов великого князя с великим князем заедин» [ПСРЛ 1904: 120; ПСРЛ 1914: 444]. Об этом посольстве Абд ар-Рахмана сохранилось упоминание в Посольских книгах по связям с Польско-Литовским государством. В памяти Савину Михайлову сыну Омельянова, который поехал из Москвы к королю Сигизмунду Казимировичу 23 декабря 1537 г., говорилось: «...из Асторохани ныне Абдыл-Рахман царь и калга Абли-Салтан присылали ко государю нашему своих болших послов, Ишима князя Коурата с товарищи, чтоб государь наш был с ними в дружбе и в братстве» [РГО 1887: 137].

Кто был калга Абд ар-Рахмана «Абли-Салтан»? Скорее всего это сын Хусейна. Основанием для этого служит русская родословная запись «Цари Болшие Орды» (XVII в.), в которой сказано: «А у Сейна царя один сын Аблек-Салтан» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 84, л. 52]. Вероятно, это тот самый Алик (или Алак), о котором как о сыне и преемнике Хусейна писал Марджани. Этот «Абли» («Аблек») — султан приходился Абд ар-Рахману племянником, правда, троюродным: его дед Джанибек был родным братом отца Абд ар-Рахмана — Абд ал-Керима. Скорее всего именно он («Аблеи Салтан») среди других астраханских царевичей в 1534 или начале 1535 г. давал шерть мирзам Кошуму, Мамаю, Исмаилу, Келмагмеду, Ураку и другим (см. выше сообщение Д.Губина весны 1535 г.).

Той же осенью (17 октября) Ишим «с товарищи» был отпущен из Москвы в Астрахань. Вместе с ним к Абд ар-Рахману был послан сын боярский Иван Иванов Клушин «з грамотою». «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» содержит упоминание еще об одном участнике московского посольства к Абд ар-Рахману — спутнике И.Клушина Никифоре Дыдылдине [ПСРЛ 19656: 31].

«И пришед на поле Нагайские Татарове, Мамай-мырзины люди, Азстороханских послов Ишима-князя с товарищи разгоняли и Ивана Клушина; а Азсторохан, пришед, Нагайские мырзы взяли и Абдыл-Рахмана царя с Азсторохани съслали, а на Азсторохани посадили царем Дервешелея» [ПСРЛ 1904: 120; ПСРЛ 1914: 444]. И.Клушин вернулся в Москву, а Ишим с сопровождающими был отпущен снова, но уже Волгой мимо Казани. Вместе с Ишимом в Астрахань были посланы казаки Бараш Тулуйгозин «с товарищи з грамотами» [ПСРЛ 1904: 120; ПСРЛ 1914: 445; ПСРЛ 19656: 31].

Таким образом, в результате произошедшего в Астрахани переворота ханом вместо дружественного Москве Абд ар-Рахмана стал враждебно настроенный Дервиш-Али. В первой и второй пространных редакциях первого послания князю А.Курбскому Иван IV, подробно излагая свою биографию (с момента смерти отца в 1533 г.) и одновременно историю бед и трудностей государства в те годы, среди других врагов Москвы (Литва, Польша, Крым, ногаи и Казань), ведших «брани непремерительныя» против великого княжества, упоминает «Тархан», или «Адчитархан» (разночтения по спискам первой редакции послания: «Чадчитархан», «Ядчитархан», «Надчитархан», «Адчитархан») [Переписка 1981: 27, 75, 360]. К.Штелин совершенно справедливо предположил, что «Читархан» (как читается в ряде списков второй пространной редакции) — это Астраханское ханство (Хаджи-Тархан) [Stählin 1921: Anm. 40; Переписка 1981: 389, примеч. 74]. Иван IV пишет о том, что Астрахань как будто бы была враждебной Москве во время его малолетства, когда царю было три года (родился 25 августа 1530 г.), но до смерти матери (умерла 3 апреля 1538 г.). Либо ему изменяла память, либо Иван Грозный имел в виду не события осени 1538 г., а период правления Аккубека (лето 1532 — лето 1533 г.), когда пришедший с помощью ногаев к власти в Астрахани хан действительно мог быть настроенным к Москве враждебно.

Как писал Ш.Марджани, в 944 г.х. (1537–38 г.) Абд ар-Рахмана в Астрахани сменил сын Шейх-Ахмеда, Шейх-Хайдар²⁶ [Марджани 1885: 135]. Это утверждение скорее всего ошибочно. В примечаниях к публикации письма Сафа-Гирея Сигизмунду I Д.Мустафина отмечает, что Абд ар-Рахман на короткое время был вытеснен из города Шейх-Хайдаром в декабре 1542 г. [Послание царя 1997: 37]. Это сообщение Д.Мустафиной никакими другими источниками не подтверждается. М.Сарай без ссылок на источники относил время правления Шейх-Хайдара в Астрахани к 946–948 г.х. (1539–1541 гг.). По мнению турецкого исследователя, Шейх-Хайдар вынужден был бежать из страны и нашел убежище при дворе московского царя. Причиной бегства было нежелание крымцев видеть его на астраханском престоле [Saray 1994: 270]. Й.Озтуна писал, что Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед правил в Хаджи-Тархане три года — с 1538 по 1541 г. [Öztuna 1989: 553]. Как будет видно из дальнейшего, эта информация ничем не подтверждается и является ошибочной. Видимо, Ш.Марджани, а за ним и М.Сарай путали Шейх-Хайдара с его сыном — Дервишем. Й.Озтуна ошибочно полагал, что Дервиш был сыном Шейх-Ахмеда, т.е. считал Шейх-Хайдара и Дервиша братьями [Öztuna 1989: 553].

Дервиш-Али, так же как и Аккубек, занимал престол недолго. По мнению М.Г.Сафаргалиева, против нового хана, «слишком зависящего

²⁶ Отец Дервиш-Али.

от ногайцев, началось новое движение, организованное черкесами и крымскими татарами» [Сафаргалиев 1952: 42]. Дервиш вынужден был бежать к своему родственнику (дяде по матери), ногайскому мирзе Исмаилу, а от него в Москву, где был пожалован и стал жить в Темникове.

Ко времени правления Дервиш-Али относится интересное свидетельство астраханско-ногайских связей. В июле 1538 г. в Москве было составлено письмо мирзе Исмаилу с просьбой вернуть на родину Андрея Константиновича Лобанова (сына московского казенного подьячего). Он выехал из Рязани в Азов, однако «на поле» был захвачен в плен астраханскими казаками, а от них попал в улус Исмаила [Посольские книги 1995: 230]. Эти сведения говорят о тесной связи ногайского мирзы и Дервиш-Али в период его первого правления в городе.

20 сентября 1539 г. Иван IV послал в Астрахань к «Абдыл-Рохману царю Андриа Степанова сына Повадина з грамотою; а писал князь великий в грамоте о царевом здравии; а с ним вместе отпустил и царева человека Епѣболду с товарищи» [ПСРЛ 1904: 120; ПСРЛ 1914: 451; ПСРЛ 1965б: 35]. Выражение «отпустил» говорит о том, что Епѣболда (Епѣболда) какое-то время находился в Москве в качестве посла Абд ар-Рахмана. Следовательно, временные рамки пребывания Дервиш-Али астраханским ханом необходимо сузить: октябрь 1537 — лето 1539 г.²⁷

В период своего нахождения у власти в городе Дервиш-Али, безусловно, был связан вассальными обязательствами с ногаями. Обязательства эти, видимо, заключались прежде всего в выплате ежегодной дани или податей. Кошум (Хаджи-Мухаммед б. Муса) в 1538 г. (т.е. в период правления Дервиша) писал великому князю: «Да прислали ми сорок тысяч алтын денег из Астарохани... А спросишь своих старых старцов: Нурадын мирзины пошлыны не ведают ли с Астархани? И ныне бы ту пошлыну мне дали...» [Посольские книги 1995: 208; Трепавлов 1993: 48]. Поскольку Кошум делал ссылку на времена Золотой Орды (время Нур ад-Дина), то, вероятно, подразумевались регулярные отчисления, которые разные улусы государства (в том числе и Русь) направляли в ханскую казну в XIII–XIV вв. Действительно, при Тимур-Кутлуге в пользу сына Эдиге Нур ад-Дина с Астрахани взималась подать (*караснап*) в размере 40 000 алтын: «...со всякие избы по алтыну, а с ногайских продажных лошадей с лошади по алтыну, с коровы по три денги, с овцы по денге» (цит. по [Посольская книга 2003: 47, 80–81]).

Источники донесли до нас иную сумму податей, получаемых ногаями с Астрахани. В конце 1535 г. в Москве «Чемаш мырзин чело-

век Куртка и иных мырз люди говорили: „Государей наших приказ: похочет князь велики ко государем нашим добро свое и любовь держати, и наперед того, которая братья наша тут кочевали, и они имали с Асторокани шестьдесят тысяч алтын, а с московские земли — сорок тысяч алтын“» [Посольские книги 1995: 139]. О каком времени идет речь, неясно. Думается, что ногайские гонцы говорили о начале века, когда ногайский контроль над городом мог быть особенно жестким. Это еще раз свидетельствует об искусственности предположения М.Г.Сафаргалиева об астраханской выплате ногаям в начале века в 40 000 алтын (см. выше). Бросается в глаза разница в размерах сумм, получаемых с Астрахани и с Москвы. Более близкая ногаям и известная своей торговлей Астрахань платила в полтора раза больше. Вероятно, астраханский и московский выходы²⁸ все же сильно завышены. В 1519 г. в запросе Мухаммед-Гирея на поминки фигурировала сумма в 30 000 алтын московских денег (около 1000 рублей) [Фаизов 1994: 52]. Получается, что Астрахань должна была платить в два раза больше чрезмерного запроса Мухаммед-Гирея.

Вопрос об астраханских выплатах ногаям довольно сложный. Л.Ш.Арсланов и В.М.Викторин считают, что город платил дань Ногайской Орде с конца XV в. [Арсланов, Викторин 1995: 339]. В 1518 г. (т.е. во время борьбы в Ногайской Орде Алчагира с Шейх-Мухаммедом) итальянец Франческо да Колло слышал в Москве, будто для того, чтобы утихомирить воинственных ногаев (которые «благодаря их большому числу и потому, что они между собою объединены, мало считаются со своими ближними соседями и нападают то на одного, то на другого»), «соседи их платят им дань, как делают многие князья с гелветами²⁹, чтобы иметь их на собственной службе, вместо того чтобы быть принужденными к таковой дани» [Итальянец о России 1996: 67]. Татарское шеджере приписывает обложение Астрахани «налогом» ногайскому «хану Альсагиру» [Ахметзянов 1991: 84]. Когда в 1562 г. мирза Исмаил требовал отдать ему некоторые участки волжской дельты как «наврузовское княжое место» (подразумевая бека Науруза б. Эдиге), то из Москвы отвечали, что «про те есмя места сыскати не могли. И то есмя не слыхали ж, чтоб нагайские мурзы были в Асторохани» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 115]³⁰. В Астраханском ханстве, вне всяких сомнений, проживали мангыты, которых возглавлял бек, но о присутствии ногайской аристократии, владевшей какими-либо землями или получавшей часть неких астраханских доходов, сведений нет.

²⁸ О соответствии арабского *харадж*, тюркского *тыш* и славянского *выход* см. [Golden 1991: 96–97].

²⁹ То есть швейцарцами, которые весьма часто находились на службе европейских дворов в качестве наемников, гвардейцев или личной охраны монархов.

³⁰ На эту фразу мне любезно указал В.В.Трепавлов.

Из цитированного письма Кошума (1538 г.) мы узнаем и об условиях приема ногайских послов в Астрахани: «Мы посылаем в Асторахань к Темир-Кутлуеву цареву юрту, ко царю, своих послов. И ныне им дают по волю на день корму, oprичь конского корму» [Посольские книги 1995: 208]. Интересно сравнить размер этих выдач с данными, которые приводил в своем письме из Крыма в 1523 г. И.Колычев. «А почести, государь, — писал московский дипломат великому князю Василию, — мне от нево (т.е. от крымского хана. — И.З.) не было никакие, толко, государь, мне корм прислал две овцы, да два кувшина шорапу³¹, а после того, государь, три дни спустя прислал ко мне яловицу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 7]. Видно, И.Колычеву давали несколько меньше «корму», чем его ногайскому коллеге в Астрахани. Д.Губин в Ногайской Орде в конце 1534 г. получал по приказу бия Сейид-Ахмеда «корм яловицу да подводы» [Посольские книги 1995: 125]. Довольствие ногаев при астраханском дворе выглядит достаточным и при сравнении его с аналогичными выдачами московского правительства иностранным дипломатам в XVI–XVII вв. (см. [Юзефович 1988: 80–84]).

Посланник великого князя А.С.Повадин благополучно достиг Астрахани, и 6 июля 1540 г. в Москву прибыл посланник Абд ар-Рахмана, Кайбула, «с товарищи з грамотою; а писал царь (Абд ар-Рахман. — И.З.) в грамоте о своем здравии». Кайбула был отпущен из Москвы 20 сентября, «а с ним вместе послал князь великий к царю своих казаков з грамотою Иванчю Давидова с товарищи» [ПСРЛ 1904: 133]³².

4 октября 1540 г. в Москву из Астрахани от Абд ар-Рахмана приходит «болший его посол Ярмагмет князь Коуратов с товарищи»³³. Вместе с Джан-Мухаммедом из Астрахани вернулся Андрей Повадин. Посол говорил от имени хана, «чтобы похотел князь великий к государем нашим быти в крепкой дружбе и в братстве по тому же, как был отец твой с отцем моим и со мною, и ты бы ныне с нами был по тому же в крепкой дружбе и в братстве, другу бы еси нашему другом был, а недругу недругом, и на всех недругов наших был с нами заодно». Союз с Астраханью был, конечно, выгоден Москве. Борьба с Крымом — это тема, которая, безусловно, представляла взаимный интерес. Поэтому реакция Ивана IV выглядит вполне ожидаемой: «...великий князь с царем похотел дружбы, цареву бакшею велел грамоту дружбную написати, и правду послы на той грамоте великому князю дали, что и царю на той грамоте правда дати и печати свои к той

³¹ То есть вина.

³² «Летописец начала царства» приводит дату отпуска Кайбулы и Давыдова — 20 августа [ПСРЛ 19656: 37].

³³ Уникальное свидетельство об этническом составе населения Астраханского ханства: Ярмагмет (т.е. Джан-Мухаммед) возглавлял племенную общину — *иль*, являлся беком *кунгратов*.

дружбной прикласти и правда своя царю держати» [ПСРЛ 1904: 133; ПСРЛ 1914: 455; ПСРЛ 19656: 38]. О содержании достигнутых договоренностей можно лишь догадываться. Вероятнее всего, союз предусматривал борьбу с общими врагами, причем наверняка астраханская сторона настаивала на вписании в текст и Крыма как стороны-противника, а Москва уклонялась, верная ставке на лавирование между ханствами.

Астраханские послы были отпущены из Москвы 28 мая следующего, 1541 г. С ними вместе в Астрахань отправился русский дипломат — посланник Федор Невежин. Направлен он был «о братстве и о крепкой дружбе, на чем царев посол дал великому князю правду Ян-Магмет князь с товарищи, что царю быти с великим князем в крепкой дружбе, и шертную грамоту дал, и на той шертной грамоте царю правда дати перед великаго князя послом» [ПСРЛ 1904: 133; ПСРЛ 1914: 457; ПСРЛ 19656: 39–40]. Ф.Невежин поехал, таким образом, с целью привести к шерти Абд ар-Рахмана, чтобы полностью оформить московско-астраханский союз.

Возможно, именно этот посольский обмен упоминал в своем сочинении о Московии Исаак Масса. Согласно его труду, после покорения Иваном IV Казани астраханцы, страшась возрастающей силы московского монарха, «отправили в Москву великолепное посольство с дорогими подарками царю и великому князю и просили о милости не вспоминать о том, что они совершили по необдуманности (имеется в виду упомянутый ранее И.Массой отказ жителей города давать дань Москве. — И.З.), но предать это забвению, обещая впредь не только не делать ничего неправого и предосудительного, но во всякое время вести себя так, как надлежит верноподданным. Их царь Абдыл-Рахман (Abdilrogman) от своего имени также отправил посольство Московиту с тем же... Когда послы вручили прошение и изустно изложили свое пожелание, им оказали милость и дали много подарков, а сверх того роскошно угостили, и они получили дружеские письма к своему помянутому королю и к народу» [Масса 1937: 24]. Понятно, что отсылка автора ко временам после завоевания Казани противоречит упоминанию Абд ар-Рахмана в качестве правящего хана в Астрахани. В этом отрывке из книги голландца много неясностей: так, непонятно, почему в Москву было послано два посольства — от хана и от горожан, имели ли в действительности место попытка подчинить город Москве и заставить платить дань... Последнее событие более соответствует реалиям начала 50-х годов XVI в., нежели времени правления Абд ар-Рахмана.

Больше года пробыл русский дипломат в Астрахани, и скорее всего миссия его увенчалась успехом. 8 июля 1542 г. Ф.Невежин вернулся в Москву, а вместе с ним прибыл посол Абд ар-Рахмана «Ишим-князь с товарищи о крепкой дружбе». Это почти наверняка тот же кунграт-

ский бий Ишим, что уже бывал в Москве. Ф.Невежин сообщил также, что один из астраханских царевичей, «Идехер» (т.е. Ядгар/Едигер³⁴), «идет служить к великому государю» [ПСРЛ 1904: 142–143; ПСРЛ 1914: 461; ПСРЛ 19656: 43].

Ядгар был сыном Касима б. Сейид-Ахмеда (правил в Астрахани до лета 1532 г.). Тот факт, что сын Касима был астраханским «царевичем» в период правления Абд ар-Рахмана (потомка Махмуда), говорит о том, что Абд ар-Рахман, видимо, не проводил репрессий по отношению к Ахмедовичам. Ядгар более известен как последний хан Казани: после восьми лет службы в России он уехал в Ногайскую Орду, а оттуда в Казань³⁵ (см. [Худяков 1991: 147–154; Ахмеров 1998: 117; Pelenski 1974: 262; Kurat 1954: 237]).

В том же, 1542 г. (12 августа) Ишим был отпущен из Москвы, а с ним к Абд ар-Рахману отправлен казак Таиш Токсубин «с товарищи з грамотами». Иван IV писал, что «хочет с ним имети крепкую дружбу» [ПСРЛ 1904: 143]. Гонец великого князя вернулся 23 декабря, «а с ним вместе царь прислал своего человека Куслубек-мырзу, а от калгы-царевича Калькаманъ, з грамотами, а писали в грамотах, чтобы князь великий был с ними в дружбе. И князь великий аьсторханьского посла Кайбула-князя с товарищи отпустил к их государем» [ПСРЛ 1904: 144]. Это сообщение летописи полностью исключает возможность правления в Астрахани Аккубека начиная с 1541 г., о чем писали М.Сарай [Saray 1994: 270] и Й.Озтуна [Öztuna 1989: 553]. Вероятно, «Калькаманъ», приезжавший в Москву послом от калги в конце 1542 г., — тот же человек, что и «Халкоман» (астраханский посол в Москве в 1549 г., см. ниже)³⁶. В таком случае мы имеем дело с постоянным профессиональным дипломатом, который к тому же находился на службе у двух ханов (Абд ар-Рахмана и Ямгурчи): то ли имела место преемственность администрации двух ханов, то ли дело в личных качествах отдельного чиновника?

Это сообщение летописи интересно еще и тем, что является одним из немногих свидетельств существования должности калги при хане Астрахани. Первое свидетельство относится к 1537 г. (см. выше). Еще одно упоминание о должности калги в Астрахани относится к более позднему времени (1552 г.). В грамоте московского посла в Астрахани Севастьяна сказано: «А в Астарахани, государь, царь с калгою с Такбилди царевичем промежи собою у них рознь великая, промеж собою не сходятца» [РГАДА, ф. 127, ед. хр. 4, л. 100об.]. Не был ли Такбилди сыном Ямгурчи? Хотя при столь близком родстве они слишком яростно ссорились.

³⁴ Об имени см. [Pelliot 1949: 194].

³⁵ О его отъезде из ногаев в Казань см. также [Бурдей 1956: 193].

³⁶ Имя посла, вероятно, следует реконструировать как «Халк-Аман». Его тезка (секретарь крымской канцелярии) упоминается, например, в двух ярлыках Сахиб-Гирея (мая и июня 1550 г.) [Усманов 1979: 41–42].

Этот институт достаточно хорошо известен на крымском материале [Смирнов 1887: 350–361], но гораздо менее изучен применительно к другим ханствам и Ногайской Орде [Вельяминов-Зернов 1864: 416–417; Григорьев 1985: 175–176]. Если правило, что калга был младшим братом правящего хана, верно, то в таком случае у Абд ар-Рахмана должен быть младший брат. Имени его мы не знаем.

«Астраханские царевичи и мурзы имели большие права и порой мало зависели от хана. Особое положение занимал калга — главный начальник армии и астраханской крепости. Звание калги носил ханский престолонаследник» [Вереин 1958: 12]. Откуда почерпнул эти данные Л.Е.Вереин, он не пишет.

По свидетельству Мартина Броневского, который дважды был посланником Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед-Гирею в 1578 г., калга (halga), «или наследник престола из братьев или старших сыновей, самых способных к делу, в руках которых во время мира и войны находится высшая власть», в Крыму избирался «по древнейшему обычаю народа» [Броневский 1867: 353].

Османский дидактик второй половины XVII в. Хюсейн Хезарфенн в своем трактате «Изложение сути законов Османской династии» дал весьма точное определение поста калги в современном ему Крымском ханстве: «Брат, который младше самого хана, является калгой. Он наследник престола. Тот, который младше калги-султана, — нуреддин. Каждый из них имеет свою резиденцию. Калга-султан пребывает в касаба, называемой Акмесджит... Нуреддин-султан обитает вблизи от деревни, называемой Качи... У каждого из них имеется свой везир, дефтердар, кадий. Их (ханов) распоряжения по значимости не отличаются друг от друга. Однако право хутбы и чеканки монет имеет только его величество хан. Если калга и нуреддин становятся сераскерами (командирами войск), то они из военных трофеев получают одну десятую... Каждый из них самостоятелен в проведении своей политики, и на своих приказах, которые называются „ярлыки“, они ставят свою тугру и миндалевидную печать. Во время трапезы, так же как другие правители, вкушают еду в одиночестве. Если только появится какое-либо значительное лицо из султанской семьи или прибудет муфтий Кафы, то тогда сидят вместе...» (см. [Орешкова 1990: 266]; см. также [Matuz 1970: 102; Зайончковский 1969: 20]).

Османский путешественник и писатель Эвлия Челеби, лично побывавший в Крыму, пояснял (1666 г.): калга-султан назывался sağ veziri, т.е. «правым» везиром (везиром «правой руки»), и управлял восточной частью Крыма, а нуреддин-султан являлся везиром «левой руки» и осуществлял власть над левой (западной) частью полуострова. В походе калга и нуреддин с беями также занимали соответственно правую и левую позиции относительно центра войска [Книга 1999: 44, 45, 16–17].

Так или иначе, связь калги с престолонаследием выступает во всех источниках, на основе которых можно судить об этой должности. По-видимому, пост калги в кризисные моменты позволял сгладить противоречия внутри правящей верхушки, являлся своего рода компромиссом, который правящие ханы часто предлагали своим оппонентам. Так было, например, в случае назначения на должность калги Ислам-Гирея в момент восшествия на престол Сахиба: Ислам получил титул калги в Перекопе [Tarih-i Sahib 1973: 21]. О реальных властных функциях, которые осуществлял калга, и о полномочиях, которыми он обладал, судить трудно.

В утвердительных грамотах — ими султаны подтверждали вступление того или иного калги в должность — говорилось, чтобы «калга, исполняя и осуществляя то, что относится к священным обязанностям службы, не уклонялся от твердого пути закона и не сбивался с истинной дороги... исполнял обязанности службы по усмотрению хана, и чтобы они с полным единодушием тщательно пеклись о делах веры и державы и усердствовали в истреблении врагов государства и народа» [Смирнов 1887: 351]. Эпитеты, применявшиеся к калге, также мало что дают для уяснения его полномочий: «наследник великих султанов, слава почтенных хаканов» (*халиф ас-салатин аль-ассам, шараф аль-хаукин аль-акрам*).

Доход калги в Крыму состоял из части поступлений с кафинского порта (540 000 акче в год). Калга и нуреддин (как и хан) получали также части так называемой великой казны (*uluğ hazine*), ежегодных поминков в их пользу, состоявших из ценных мехов, а также денег (4000 рублей для хана, 500 — для калги, 100–200 — для нуреддина). В 1633 г. общая стоимость мехов и денежных средств составила для хана 4935 рублей, для калги — 903 и для нуреддина — 115,5 [Ivanics 1994: 109].

Османские историки XIX в. Халим-Гирей в «Гюльбун-и ханан» и Джевдет-паша в «Тарих-и джевдет», имевшие достаточно подробную информацию о крымских порядках, связывали возникновение должности калги с Менгли-Гиреем: «Когда Менгли-Гирей отправлялся на войну и в набег на страны гяуров, и его спрашивали о том, кого же он оставляет своим наместником для охраны Крыма, то он выражал свою волю, отвечая на татарском языке: „Пусть останется... сын мой Мухаммед-Герай“. Таким образом, Мухаммед-Герай до благополучного возвращения своего отца из похода вкушал от сладости властительства. А потом, по возвращении, уже отцу казалось неловким, несправедливым испортить вкус этой сладости солью отставки: он, вместе с его титулом калги-султана, учредил новую должность, отчислив на нее определенный оклад из доходов с таможен и соляных озер, указал город Ак-Мечеть и местности, принадлежавшие к его округе. А с падишаховой стороны ему дана была грамота на бытие его наследником

престола» [Смирнов 1887: 353] (см. также [Cevdet 1889: 15–16]). В.Д.Смирнов также связывал возникновение должности с Менгли-Гиреем: хан, «убедившись в ненадежности коренного тюркского порядка престолонаследия для прочности строя, решился изменить его» — передать право наследования власти не старшему в роде, а старшему сыну властвующего хана. Менгли-Гирей ввел сан калги, «которым он думал, вероятно, гарантировать правильную после себя преемственность верховной власти в Крымском ханстве» [Смирнов 1887: 353, 350].

Представление об учреждении поста именно Менгли-Гиреем кажется не более чем легендой, родившейся в среде самих Гиреев. Титул «калга» существовал и ранее, причем не только в Крыму. В.В.Вельяминов-Зернов указывал, что у бухарских Шибанидов это звание отмечено в 1512 г., причем как старинное [Вельяминов-Зернов 1864: 416–417] (см. также [Matuz 1970: 103]). Первое время при Менгли эту должность занимал его брат Ямгурчи, потом — сын Мухаммед-Гирей, который и стал впоследствии ханом. Его смерть (вместе с калгой Бахадыр-Гиреем) вывела на арену Саадет-Гирея. Саадет не стеснял себя сменой родственников на посту калги. Так, он пошел на некоторый компромисс с Ислам-Гиреем, калгой при нем стал Сахиб-Гирей (брат), однако и он был смещен, сослан за море, т.е. в Стамбул, а должность эту занял Девлет-Гирей (племянник).

Должность калги (впрочем, так же как и должность нуреддина) существовала не только при ханах, но и при главах наиболее влиятельных крымских родов: Ширинском [Лашков 1889: 98] и Мангытском [Matuz 1970: 103; Некрасов 1997: 98]. Сами Ширины, по всей видимости, пытались придать этим должностям право принадлежать исключительно ханским родам и собственному роду. Так по крайней мере утверждается в родословной Ширинов («О дворянстве мурз Ширинских», 1862 г.) из Архива Таврического дворянского собрания, опубликованной Ф.Ф.Лашковым [Лашков 1889: 98; Сборник 1895: 124].

Поскольку представители рода Мангыт (как и представители Киятов/Кыятов, Коуратов/Кунгратов и др.) жили в Крыму, Казани, Ногайской Орде, а также в Астрахани [Некрасов 1997: 98], мы вправе предположить, что структура деления астраханской ветви Мангытов была аналогичной: имелся калга, нуреддин, а также простые беи и мирзы. Мангытом, например, был беклербек Большой Орды Темир, принимавший в Астрахани активное участие в событиях, связанных с внуками Абу-л-Хайра (см. выше). Его внука Баки мы также встречаем в городе в 1537 г. (см. выше).

Однако есть и еще более ранние свидетельства существования этой должности в джучидских государствах. Так, в 1377 г. Арабшах — калга при Каганбеке, в Большой Орде в 1491–1504 гг. калгой был Хозяк (Коджак), брат Шейх-Ахмеда и Сейид-Махмуда.

Должность калги существовала, как представляется, во всех Джучидских государствах. Несколько особняком стоят Сибирское и Казанское ханства. В первом случае недостаток источников не позволяет выяснить, существовал ли этот институт там. Казанский случай сложнее. Отсутствие упоминаний о существовании должности калги в Казани, на мой взгляд, вызвано характером там престолонаследия, марионеточным характером власти хана. Первая половина XVI в. представляла собой сплошную череду смены ханов — ставленников разных политических партий, сторонников прокрымской или прорусской ориентации. Ханам, утверждаемым из Москвы или даже Москвой прямо навязанным, трудно было бы сохранять должность престолонаследника: реальная кандидатура преемника хана часто определялась вне зависимости от их воли. В известном смысле это предопределило и размытый характер должности калги в Крыму. Мало кто из занимавших этот пост в XVI в. в действительности оказывался на престоле после смерти хана. Как правило, вмешательство внешних сил (например, османское) и внутренние противоречия существенно корректировали ситуацию.

Известия русских источников об отношениях Москвы с Абд ар-Рахманом в период его второго правления в принципе противоречат утверждениям М.Г.Сафаргалиева о том, что вся политика хана была направлена на сближение с Крымским ханством и Османской империей [Сафаргалиев 1952: 42]. В памяти Борису Иванову сыну Сукина (уехал с посольской миссией к Сигизмунду в сентябре 1543 г.) декларировались дружеские отношения Абд ар-Рахмана и Ивана IV: «...государь наш с астраханским и с Нагаи мирен и послы промеж их ездят» [РИО 1887: 227]. В 1544 г. эта декларация была повторена в памяти Василию Иванову сыну Веречинского [РИО 1887: 263].

Хотя в свете некоторых документов отношения Астрахани с Крымом и особенно с Казанью в это время действительно видятся более дружескими, нежели раньше.

В письме казанского хана Сафа-Гирея польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду I Старому, написанном между 1539 и 1544 гг.³⁷, упоминается о военной помощи, оказанной Абд ар-Рахманом Сафа-Гирею: «А поведаю те же вашей милости отцу своему, што же Мамай мурзин сын приехал до нас з десяти тысячами людей, хотячи мне послугу вчинити напративку неприятеля вашей милости московского, и очтарханский Аврагман царь прислал тысячу людей мне на помощь; тыи те же и вси люди теперь при нас есте... А и те [же] теперь рачи ваша милость так мыслити, яко бы добре было, а с пожи-

точным вашей милости отца моего, бо я теперь, сын вашей милости, млю все войско нагаиское и оштарфанское у своей мощи, ваша милость рачи о том ведать» [Послание царя 1997: 33–34]. Насколько правдив был Сафа, когда писал о военной помощи Абд ар-Рахмана, оказанной в набегах на Московские земли, судить трудно.

Есть еще одно свидетельство участия астраханцев в военных действиях против Москвы — это информация, сохранившаяся в Шумиловском списке Никоновской летописи. В мае 7049 г. (1541 г.) со слов двух полоняников из Крыма в Москве становится известно о готовящемся походе Сахиб-Гирея на Русь. Среди его участников были как собственно крымцы — подданные хана, так и азовцы, белгородцы (аккерманцы), кафинцы, турки «с пушками и пищальми», ногаи («Бакий-князь из ногай»), а также астраханцы [ПСРЛ 1904: 101; Соловьев 1960: 444]. Поход закончился для хана неудачно. Если сведения летописи верны, можно предположить, что Абд ар-Рахман заключил с Сахиб-Гиреем некое соглашение, которое, в частности, предусматривало и совместные военные операции против Москвы.

Дружба Сафа-Гирея и Абд ар-Рахмана объяснялась тем, что оба хана были самым тесным образом связаны с ногаями: Сафа был женат на дочери Мамай. Вероятно, именно ее «Казанская история» называет уроженкой Астрахани. После смерти хана она якобы была отпущена на родину к астраханскому царю [Казанская история 1985: 382]. Вторая жена хана была дочерью мирзы Юсуфа (знаменитая Сююн-бике) [Худяков 1991: 114]. Хотя есть сведения, что Сафа-Гирей взял ее силой: об этом писали в Москву ее братья Юнус и Али [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 44об.]. Абд ар-Рахман же скорее всего был ногайским ставленником.

По мнению М.Г.Сафаргалиева, именно Абд ар-Рахман в 1546 г. дал убежище изгнанному из Казани Сафа-Гирею. Последний, «у астраханского царя и у царевича силу взяв, пришед Казань облегал». Однако его поход при поддержке Астрахани закончился неудачей, и Сафа вынужден был вернуться в Сарайчик, где зимовал его тесть Юсуф [РГАДА, ф. 127, ед. хр. 4, л. 43–43об.; Сафаргалиев 1952: 42; Худяков 1991: 105]. Сыновья Юсуфа — Юнус и Али были посланы отцом вместе с Сафа к Казани. Братья так писали об этом в Москву: «И мы, дорогою идучи, подумали с своими людьми. С Ази-Гиреевыми царевыми дет[ь]ми³⁸ наши отцы и дяди колкижды меж себя голов секали и кров[ь] проливали. А Сафа-Гирей царь времени для ныне к нам таков, а изначала в братстве есмь с государи своими с Темир-Кутлчевыми царевыми³⁹ дет[ь]ми. Да еще брата нашего Яналия царя убил, да сестру нашу в полон за себя взял. Таков он нам недруг» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 44–44об.].

³⁸ То есть с сыновьями Хаджи-Гирея, крымскими ханами.

³⁹ Слово «царевыми» написано над строкой.

³⁷ «Нижняя» дата письма Сафа-Гирея Сигизмунду — это не апрель 1538 г., как считал его публикатор, а лето 1539 г., когда в Астрахани вторично воцарился Абд ар-Рахман, потерявший престол в октябре 1537 г. Этот хан упоминается в письме как правящий, следовательно, письмо не могло быть направлено Сигизмунду до сентября 1539 г.

Однако у меня имеются большие сомнения в том, что помощь Сафа-Гирею, бежавшему из Казани, оказал именно Абд ар-Рахман. По мнению М.Г.Сафаргалиева, после того как Абд ар-Рахман скончался, место хана занял Ямгурчи [Сафаргалиев 1952: 42]. У этой точки зрения есть определенные основания: Исаак Масса указывал, что после смерти Абд ар-Рахмана «на его место избрали Ямгурчея [Imgoeretz] из Морзии, страны, лежащей у Каспийского моря» [Масса 1937: 24]. Однако другие источники (как русские, так и восточные) определенно называют астраханским ханом в 1545 г. Аккубека (см. [Некрасов 1990: 108]). Учитывая, что Сафа был изгнан из Казани в самом начале 1546 г., можно утверждать, что астраханским ханом, оказавшим ему военную помощь, был Аккубек. Об этом недвусмысленно свидетельствует московский посол в Крыму В.П.Борисов. В своей грамоте, датированной 16 ноября 7054 г. (1545 г.), он писал: «А про Казан[ь], государь, zde слух, что людей казанцы у Сафа-Гирея царя, что с ним было крымских людей, и они, деи, их ис Казани выбили, а после и самого царя выбили вон, а взяли, деи, на Казан[ь] царя Шигалея ис твоей государевы руки». Крымский хан Сахиб-Гирей говорил московскому послу, что «Сафа-Гирей царь ис Казани выехал, за токое у него казанцы крымских людей отослали, а ему, деи, били челом, чтоб ся воротил. И он, деи, их не послушал. А встретил, деи, его, выехав из Астрокани, Мансыр сеит да взял в Астрокан, и хотят будто его учинит[ь] царем в Асторокани, Аккубека согнат[ь]» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 9, л. 27об.]. А вот как много позже (в 1551 г.) об этом вспоминали сыновья Юсуфа — Юнус и Али: казанцы выбили из города крымцев, «а Сафа-Гирея царя с немногими людми оставили. И в то время из Астарахани пришел Мансыр сеит. И после того не[с]колько ден спустя Сафа-Гирей царь с Мансыр сеитем побегал в Астарахан[ь], да у астараханского царя и у царевича силу взяв, пришед Казан облегал». После неудачной осады Сафа-Гирей вынужден был бежать к Юсуфу [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 43–43об.].

«История хана Сахиб-Гирея» Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, более известного под именем Реммал-ходжа⁴⁰, также свидетельствует о том, что в это время ханом в Астрахани был Аккубек. Однажды Сахиб-Гирею, пишет Реммал, принесли весть о событиях в Астрахани. На Аккубека напал султан Ямгурчи и занял престол [Tarih-i Sahib 1973: 97]. В нашем распоряжении есть сведения о том, что Ямгурчи пришел к власти в результате насильственного переворота. Ногайский мирза Белек-Булат писал в Москву

о том, что Ямгурчи с «черкасами» «в свойстве учинился, и ему братство учинили. Юрт его взяв, дали ж, добр деи» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 91; Сафаргалиев 1950: 42; Некрасов 1990: 108]. Напрашивается аналогия с Аккубеком (которую проводил и Белек-Булат): оба хана были Ахмедовичами, оба пришли к власти в результате вмешательства в астраханские дела «черкасов». Этих данных, безусловно, недостаточно, но все же любопытным кажется факт поддержки Ахмедовичей кабардинцами, а Махмудовичей — ногаями: две династии опирались на разные этнополитические силы и были тесно связаны с ними родственными узами⁴¹.

У Аккубека были достаточно хорошие отношения с Москвой, причем, возможно, еще в период его первого правления. В июне 1552 г. Иван IV писал мирзе Исмаилу: «А с Аккубеком царем преж сего нам было слово и дружба, и мы того для сына его к себе взяли» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 108]. Речь в письме Грозного шла о сыне Аккубека, Абдаллахе, — Кайбуле, как его называли в русских документах. Он выехал на Русь в мае 1552 г., вскоре женился на дочери Джан-Али⁴² (казанского хана и брата Шах-Али, московского ставленника в Казани) и получил от Ивана IV город Юрьев «з данию» [ПСРЛ 1904: 177, 476; Ischboldin 1963: 84]. Потом Абдаллах неоднократно принимал участие в войнах Москвы с соседями (см. [ПСРЛ 1904: 263–264, 270, 340, 347]). В 1554 г. московские казаки схватили среди астраханских цариц и царевен «царевичеву жену Айбулатову Мергивана, да царевичеву дочь Баибиче-царевну» [ПСРЛ 1904: 243]. Была ли это другая жена Абдаллаха или же та самая дочь Джан-Али, уехавшая с дочерью в Астрахань, сказать трудно. Да и отождествление «Айбулата» с Абдаллахом недоказуемо. Им мог быть другой астраханский царевич, даже сам Ямгурчи. Один из списков, восходящий к тексту летописи «Сказания о взятии Астрахани», дает другую картину: в плен взяли «Мергивану» — пятую царицу, т.е. скорее жену Ямгурчи, и «Ямгурчея царя дочь ево Балбиче царевну» [ОР РНБ, Собрание Погодина, № 1490, л. 83–83об.].

По Реммал-ходже, поход был вызван тем, что Ямгурчи («Ягмурджи»), занявший астраханский трон, захватил торговый караван на пути из Казани в Крым. Обиженные купцы пожаловались Сахиб-Гирею, и тот, возмущенный вмешательством в торговлю Казани с Крымом (ведь он занимал казанский престол в первой половине 20-х годов и со столь важной для Казани торговлей с Крымом был хорошо знаком),

⁴⁰ Автор, по происхождению турок, из семьи медиков, служил у Сахиб-Гирея с 1532 г. (поступил на службу при отъезде хана из Стамбула в Бахчисарай). «Историю» написал после убийства Сахиба в 1551 г. по просьбе дочери хана Нур-Султан. Закончил труд в конце реджеба 960 г.х. (13 июня — 12 июля 1553 г.) Умер в 975 г.х. (1567–68 г.) или 976 г.х. (1568–69 г.) [Дмитриева, Муратов 1975: 48 (№ 21); Inalcik 1980: 445–447].

⁴¹ Фируз Каземзаде пишет, что русские на нижней Волге унаследовали от Астраханского ханства его конфликт с шамхалом Тарку, в то время как конфедерация кабардинских племенных вождей, врагов Тарку, почти автоматически стала союзником Москвы [Kazemzadeh 1974: 240]. Таким образом, подразумевается статичность внешней политики Астрахани, неизменность ее целей и ориентиров. Действительность была, как видим, несколько сложнее и динамичнее.

⁴² О нем см. [Вельяминов-Зернов 1863; Худяков 1991: 96–100].

стал готовить полномасштабный поход на город. Для астраханской экспедиции была объявлена полная мобилизация; в ярлыке, изданном ханом, было сказано, «что никто не может остаться на земле, весь народ, или армия (*халк*) должны привести себя в боевую готовность (*сефер айагын эдюб*), и если есть кто-нибудь, кто не станет рядом с ханом сразу после Ор Агзы (Перекопа), то его собственность должна быть разграблена, а голова сражена». Диван хана был отложен, а во все уголки страны отправлены послания о том, что если какой-либо мужчина от 15 и до 70 лет не успел присоединиться к походу, то он столкнется с жестоким, смертельным наказанием (*мюхкем сийасет*). Крымские войска в походе насчитывали от 200 до 1000 *тюфенкчи* (воины, вооруженные по османскому образцу ружьями — *тюфенк*), силы хана достигали 10 000 (включая подразделения беев), племенное ополчение насчитывало будто бы 250 000. После того как крымские войска в течение суток форсировали Дон (единственное крупное препятствие на пути), судьба города была решена. Астрахань была захвачена благодаря полевой артиллерии и отрядам *тюфенкчи*. Ямгурчи бежал, а часть его свиты и окружения была взята в плен и доставлена в Крым с обещанием, что им не будет причинен вред [Tarih-i Sahib 1973: 97–105; Остапчук 2002: 399–405].

В результате крымского набега город был разорен, а жители угнаны в Крым. В письме Ивану IV (получено в Москве в декабре 1547 г.) Сахиб-Гирей писал: «А ныне на недруга своего на Астраханского ходили есмь, и Бог милосердые свое учинил, взяли есмь юрты его, хотели есмь держати, да затем покинули, что место недобро. И мы того для людей их и улусов их там не оставили, все пригнали к себе. Ож даст Бог, хотим тот юрт устроити и держати его. Коли есмь Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 9, л. 57] (см. также несколько усеченную цитату [Некрасов 1990: 109]). Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, Сахиб-Гирей, «победив астраханского хана Ямгурджи, разсеял его подданных, а избежавших смерти мужчин и женщин, со всем имуществом и богатствами переселил в Крым» [Негри 1844: 384]. История ханов Крыма из собрания СПбФ ИВ РАН также называет Сахиб-Гирея победителем хана Хаджи-Тархана «Ягмурджи» (*يغمورجي*) [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (II. 6.40), л. 9].

Разгром Астрахани вызвал недовольство ногаев⁴³. В декабре 1547 г. из Крыма в Москву пришли вести, посланные еще в ноябре. Ногайские мирзы посылали к Сахиб-Гирею гонца с упреками в адрес крым-

ского хана: «Про што деи еси Астрохан[ь] разорил? Мы деи и преж тебе Астрохан[ь] взяли, да не разорили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 9, л. 53; Кушева 1963: 188; Некрасов 1990: 109]. Это упоминание о взятии Астрахани ногайцами «преж» Сахиба позволяет предположить, что Аккубек занял престол именно с их помощью [Некрасов 1990: 109].

Ногаи, однако, не ограничились словесными упреками, но предприняли ответные меры: через некоторое время по возвращении Сахиб-Гирея в Крым они, как сообщает Реммал-ходжа, совершили большой военный поход на полуостров, но были отбиты [Tarih-i Sahib 1973: 106–113; Некрасов 1990: 109].

У Реммал-ходжи отсутствует указание года военной операции Сахиб-Гирея. А.М.Некрасов весьма убедительно датировал астраханский поход Сахиб-Гирея 1546 г. [Некрасов 1990: 109]; ср. [Ischboldin 1973: 84]. Когда же состоялся поход ногаев на Крым? Х.Иналджик полагал, что этот конфликт произошел в 1546 или 1547 г. [Inalcik 1980: 458], а А.М.Некрасов относил его к началу 1547 г. [Некрасов 1990: 109]. Согласно сведениям Реммал-ходжи, смерть казанского хана Сафа-Гирея (которая произошла в марте 1549 г.) наступила в 956 г.х. (1549–50 г.) — третьем году «ногайской бойни»: «nogay kurgunun üçüncü senesinde» [Tarih-i Sahib 1973: 119], которая, таким образом, приходится на 953 г.х. (1546–47 г.). Ногайско-московская переписка позволяет уточнить эту хронологию. В октябре 1548 г. в Москву вернулся служилый татарин Девлет-Ходжа Хусейнов, который побывал у ногайского бия Шейх-Мамай. Узнав, что Сахиб-Гирей посылает в Астрахань пушки и пищали, Шейх-Мамай отправляет своего племянника Али б. Юсуфа с 10-тысячной ратью на Перекоп. Али терпит там сокрушительное поражение от четырехкратно превосходящих его крымских сил, о котором сам сообщает в Москву в письмах, доставленных в августе и октябре следующего, 1549 г. [Посольские книги 1995: 240, 296, 298, 311]⁴⁴. Иван IV, в свою очередь, писал в Орду в августе 1549 г., чтобы мирза «как сеи зимы, на Крым однолично пошел» [Посольские книги 1995: 303], следовательно, ногайский поход состоялся именно зимой 1548–49 г., а датировка Реммала ошибочна.

Какие-то действия предпринимали ногаи (Юсуф и его братья) под Астраханью и в 1547 г.: сыновья Юсуфа писали в Москву, что через год после реставрации власти Сафа-Гирея в Казани их отец «и дяди наши ходили к Астарахани» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 45об.].

Сахиб-Гирей, видимо, сильно обескровил город. Пленные астраханцы еще очень долго возвращались на родину. В апреле 1551 г. мирза Исмаил говорил московскому казаку Тафкею Тимееву о речах османского посла Чауша Ахмета: «Из Астарахани присылали жо ко

⁴³ Завоевание Астрахани вовсе не обеспечивало Сахибу господства над Ногайской Ордой, как пишет Л.Подгородецкий, однако поставило ногайские интересы в городе под угрозу [Podhorodecki 1987: 101].

⁴⁴ Пленные «Алимрзиньы» были выпущены из тюрем только после смерти Сахиба новым ханом — Девлет-Гиреем [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3].

мне царя просить. И я часа того посылаю царя на Астрахан. Которые люди полонены были в Крым из Астрахани, и яз тех людей в Астрахан поотпущал, а иных часа того отпускаю» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 40].

«Кто правил Астраханью сразу после разгрома 1547 г., неизвестно, но около 1550 г. там вновь воцарился Ямгурчи», — писал А.М. Некрасов [Некрасов 1990: 109]. Как видно из источников, Ямгурчи (Й.Озтуна сообщает, что у него было прозвище Гаази (Gaazi) (см. [Öztuna 1989: 553]) вернул себе престол даже несколько раньше. В посольской книге по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 гг. имеется запись о приезде от астраханского царя «Емгурчя» посла Халкомана 14 октября «лета 7058» (1549 г.). При этом отмечено, что его приезд «писан в астароханских книгах» [Посольские книги 1995: 312–313]. Халкоман приехал вместе с ногайскими послами⁴⁵.

Видимо, в результате разрушения города Сахиб-Гиреем какое-то время Астрахань оставалась лишенной власти. Б.Ишболдин считал, что Ямгурчи (женатый на дочери мирзы Кел-Мухаммеда) получил власть от черкесов и ногаев после смерти Сахиб-Гирея, однако, как увидим далее, это не так [Ischboldin 1973: 84–85, 86]⁴⁶.

В том же, 1549 г., по мнению Х.Иналджика, Ямгурчи ограбил купеческий караван крымчан, шедший из Казани. Большая часть торговцев была перебита. Уцелевшие бежали в Крым с жалобами на астраханского хана и пытались убедить Сахиб-Гирея объявить ему войну [Inalcik 1948: 359].

В конце 1549 или начале 1550 г. на какое-то время город был захвачен московскими казаками. В 1551 г. московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев писал: «Да присылал, государь, турецкой царь к Исмаил мирзе посла своего, Чевушем зовут, сее весны. А сказывают, государь, с тем присылал: в наших, деи, в бусурманских книгах пишется, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уже, деи, и мне от нево обида великая. Поле, деи, все да и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнял, да и Озов город упуст у меня доспел, поотымал всю волю. В Азове казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пит[ь] не дадут... Да ево же, деи, казаки Астрахан[ь] взяли и какую грубость учинили. Да царя же, деи, Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отняли, и ваши улусы воюют, да у вас же, деи, пришел

⁴⁵ До 1551 г. астраханцы, приезжавшие в Москву, появлялись здесь вместе с ногаями. В 1552–1557 гг. упоминается уже и отдельный Астраханский двор, но о его местоположении ничего не известно. Вероятно, после взятия города он был ликвидирован: доставленный из Астрахани в 1558 г. царевич Ибак «поставлен был» на Рождественской улице «на крестьянском дворе» [Хайретдинов 2003: 53].

⁴⁶ Г.Д. Бурдей считал Ямгурчи крымским ставленником в Астрахани, что, как видим, неверно [Бурдей 1956: 189].

городетцкие казаки в улусы ваши, воевали, да Дервиша царя Астраханского полонили. И то, деи, вам не сорому ли учинили, как, деи, за то стать не умеете» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 39–40; Соловьев 1960: 481–482].

Стало быть, до 1551 г. московские казаки брали Астрахань, учинив там какую-то «грубость». Они же взяли в плен Дервиша, который назван астраханским царем. С.М. Соловьев считал, что в других источниках об этом ничего не сказано [Соловьев 1960: 695]. Думается, что эти же события были отражены и в сеунче (т.е. известии о победе) об астраханском взятии 1554 г., направленном в Литву. В этом документе сказано: «Дербыш царь жил в Нагаех, и Нагаи были погубили государю нашему, и государь наш посылал на Нагаи рать тому лет с шесть, и государя нашего люди нагайские улусы многие поимали, да тогда ж и Дербыша царя полонили». Пожив с год в Ногайской Орде, Дервиш по своей воле пришел служить великому князю, служил он три года, за что ему был дарован Звенигород [РИО 1887: 450]. Если учесть, что сеунч был направлен Сигизмунду в сентябре, т.е. когда начался новый год, цифра «6» (шесть лет) не выглядит противоречием. Следовательно, поход должен был состояться в 1549 г. Если о нападении на Азов в 1549 г. московских (донских) казаков в союзе с «черкесами» ранее было известно [Inalcik 1948: 361], то захват казаками Астрахани в историографии не отражен. Х.Иналджик, на основании сообщения Абд-ул-Гаффара Кырымлы («Умдет ут-теварих») и Г.Ховорса, пишет, что в 1549 г. крымский хан (Сахиб-Гирей) с помощью янычар и 20 османских пушек снова овладел Астраханью [Inalcik 1948: 361]. Мне кажется, что последнее замечание Х.Иналджика (равно как и Г.Ховорса) относится не к 1549 г., а уже ко времени упомянутого нами похода Сахиб-Гирея 1546 (или 1547) г. [Howorth 1880: 353–354].

Информация о взятии казаками города подтверждается еще одним источником. Московскому послу в Литву Никите Семеновичу Сушеву, прибывшему к великому князю литовскому в начале 1553 г. (из Москвы он уехал 15 января), был дан наказ сообщить: «Тому три годы минуло, как Астрахань взяли государя нашего казаки; а царь астраханской Ямгурчей из Астрахани ушел был в Черкасы, да из Черкас присылал государю нашему бити челом, чтоб ево государь пожаловал посадил опять на Астрахани. И государь его пожаловал, посадил опять на Астрахани, и ныне на Астрахани сидит царь из государя нашего руки и смотрит во всем на государя нашего» [РИО 1887: 375–376].

Посольство от Ямгурчи с просьбой посадить его в Астрахани в качестве вассала Ивана IV прибыло в Москву осенью 1551 г. [Некрасов 1990: 109]. Летопись, однако, не дает точной даты: «Того же 59-го году пришли к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси послы из Асторохани от Емгурчи царя Ишим-князь с товарищи,

а били челом царю и великому князю от Емгурчиа царя, чтобы его царь и великий князь пожаловал, велел себе служить и с юртом, и жаловал бы его, как и Шигалеа царя и иных царей, которые ему служат» [ПСРЛ 1904: 170]. Бегство Ямгурчи к черкесам в 1550 г. (очевидно, в Кабарду) подтверждает, что именно они помогли ему свергнуть Аккубека в 1546 г. (ср. [Некрасов 1990: 109]).

Если буквально понимать сообщение Н.Сущева, то московские казаки взяли город еще в начале 1550 г., при этом ханом там был Ямгурчи. Вскоре он вновь оказался в городе, но уже как вассал Москвы. Скорее всего взятие города в 1550 г. не было спланировано московским правительством, а являлось грабительским набегом казаков, считавшихся московскими и формально подчинявшихся Москве, но в действительности не подконтрольных ей. Исходя из наказа Н.Сушеву, можно было бы думать, что в Астрахани тогда правил Дервиш, коль скоро в послании султана Сулеймана ногайскому Исмаилу (вернее, в его пересказе) он назван астраханским ханом. Однако это определение явно относится к первому правлению Дервиша в Астрахани (как мы уже знаем, это октябрь 1537 — лето 1539 г.). В рукописной родословной «Род Астраханских царей» об этом сказано так: «А у Идаря царя другой сын Дервиш царь, а был на Астрахани, а вдругоред посадили его на Астрахани ж царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, а посылал с ним на Астрахань рат[ь] свою» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 84, л. 80].

В декабре (28-го числа) 1550 г. к Сигизмунду Августу в Польско-Литовское государство был послан Яков Остафьев⁴⁷. Ему велено было говорить: «Государь наш с Астароханским и с нагаи мирен, и послы промеж их ходят» [РИО 1887: 343]. Если считать, что казачий набег состоялся в начале 1550 г., то естественно предположить, что в конце этого же года там правил какой-то хан, с которым у Ивана IV были дружественные отношения, причем этим ханом вряд ли был Ямгурчи, так как своих послов с просьбой посадить на престол он прислал в Москву только осенью 1551 г. Остается лишь гадать, кем был этот хан. Отношения Астрахани со своим соседом — Крымским ханством и тогда продолжали оставаться крайне напряженными. В 1550 г. Великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду II Августу был подан трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян». Его автор, некий Михалон Литвин, писал, что к востоку от «перекопских» (т.е. крымских) татар находятся другие сильные орды, «враждебные перекопским. Одни — ногаи, другие — астраханы [Chastorakani]...» [Литвин 1994: 62].

Хотя есть известие о вполне дружественных связях Крыма и Астрахани в это время (направленных против ногаев). Московскому послу

в Ногайской Орде Ивану Федцову (он уехал из Москвы 5 февраля 1550 г.) следовало говорить бию Шейх-Мамаю: «слух наш дошел, что крымской царь ныне недружбу вам делает великую: астраханскому царю на вас пушки подавал и людей ему на помощь посылал» [Посольские книги 1995: 285]. Означает ли это, что Сахиб-Гирей оказал помощь Ямгурчи?

Астраханская экспедиция 1550 г. была, вероятно, сродни казачьему набегу на нижнюю Волгу, о котором московское правительство предупредило мирзу Исмаила в октябре 1551 г. (поход уже был в самом разгаре): «Послали есмь на Волгу своих многих казаков тем мирзам недружбу чинити, которые нам лихо мыслят. Ты б своим улусом блиско Волги зимовати не велел» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 70–70об.].

Возможно, в связи с казачьим набегом 1550 г. изменились планы Ивана IV относительно Казани. Тот же Яков Остафьев должен был сообщить в Литве, что царь хочет посадить на Казани кого-то из астраханских царевичей. Еще Я.Пеленски писал, что это желание Ивана IV трудно объяснить. Несмотря на то что общая неприязнь к Крыму часто делала Астрахань и Москву союзниками, в Москве старались держать султанов из других независимых джучидских юртов, в том числе и Астрахани, подальше от Казани. Наиболее удобными кандидатурами на казанский трон, с точки зрения московского правительства, всегда были касимовские ханы. Как предполагал Я.Пеленски, русское правительство уже предчувствовало те изменения, которые должны были произойти в астраханской политике: в 1551 г. Ямгурчи изъявил желание принять московский протекторат. Возможно также, что Москва хотела упредить самих казанцев в их стремлении взять царевича из Астрахани [Pelenski 1974: 83]. Однако эти предположения, при всей их правдоподобности, все же не объясняют до конца, почему астраханские царевичи оказались среди московских кандидатур на казанский престол. Взятие же Астрахани в 1550 г. московскими казаками помогает несколько иначе оценить ситуацию. Вероятно, город после взятия был дан во владение хану (имени которого мы не знаем), причем победители как-то оформили его обязательства, в результате чего Астрахань стала рассматриваться в Москве как владение с правами, близкими к вассальным. Можно предположить, что именно поэтому Ямгурчи в 1551 г. просил Москву о протекторате. Таким образом, в 1550 г. астраханские царевичи по статусу могли приближаться к касимовским, а значит, устраивали Ивана IV в качестве казанских кандидатур.

В первой половине XIX в. П.Небольсин записал в Астрахани предание о хане Ямгурчи: «...он происходил от другой отрасли Ногайских Мурз. Воспользовавшись внутренними беспорядками Астраханских татар, теснимых Казанцами, он успел захватить владычество над Усть-Волжскими Ногаями и усвоил себе титул Хана. По преданиям

⁴⁷ Яков Остафьев сын Андреев. Это скорее всего сын Остани Андреева, т.е. потомственный дипломат.

Юртовцев, Ямгурчей или Ямгурчи был первым и последним ханом так называемого Астраханского царства» [Небольсин 1852: 55]. О связях Астрахани с ногаями сообщали позднейшие путешественники. Так, Я.Я.Стрейс писал, что «в прежние времена Астрахань была местопребыванием царя ногайских татар, но союз, который они заключили с крымскими и казанскими татарами, привел их под власть России» [Исторические путешествия 1936: 102].

В ящике 203 Царского архива находились «грамоты и списки черные астраханские присылки; приезд Кайбулы царевича, и приезд Дербыша царя, и как его пожаловал Звенигородом, и грамоты шерстные, как его государь учинил на Астарахани царем; и посылка князя Юрия Шемякина⁴⁸ к Асторохани» [Описи 1960: 39]. Это были последние документы, касающиеся «независимой» Астрахани. В 1556 г. ханство окончательно вошло в состав России. Завоевание Астрахани — особая тема, которая неоднократно привлекала внимание исследователей. Попробуем рассмотреть ее заново.

Глава VII

ЗАВОЕВАНИЕ ГОРОДА И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ХАНСТВА К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

...И потом достиже рекою, Волгою зово-
мою, до Астраханского царства. / И по бо-
жью изволению великой государь царь Иван
Васильевич прослави свое самодержавство, /
Царя и князи и вся люди астраханския от
купели крещения освяти / И вся веси Астра-
ханского царства от их злодеяния очисти.

Анонимное стихотворение
первой половины XVII в.
«Летопись История Козанская»

В 1552 г. Иван IV отправил в Астрахань «посла своего Савастияна, а Емгурчеева царева посла с ним же отпустил, видети царевы Емгурчеевы правды, на чем от него послы его били челом, и его землюх правде привести» [ПСРЛ 1904: 171]. Севастьян Авраамов поехал в Астрахань подписывать шерть, судя по тону летописного сообщения, некое вассальное обязательство Ямгурчи по отношению к Москве. Однако вскоре выяснилось, что Ямгурчи «на чем присылал послов своих Ишима-князя бити челом, в том во всем изменил и царева великого князя посла Савастияна ограбил» [ПСРЛ 1904: 235]. Это событие нашло отражение в сочинении Исаака Массы. Иван Васильевич послал в Астрахань «ученого мужа, по имени Севастиана, родом из Валахии, с подарками Ямгурчею и чтобы утвердить его в царском достоинстве.

С прибывшим туда помянутым послом обошлись весьма дурно, даже хуже, нежели с посланцами царя Давида, отправленными к Аннону, царю аммонитов¹, а сверх того с насмешками выгнали из Астрахани» [Масса 1937: 25]. В сентябре 1552 г. Севастьян был выслан на каспийские острова.

По дороге к Ямгурчи на купеческий караван, с которым плыл посол, напали казаки (князь Василий Мещерский и Пичюга Хромоу Путивлеу) и взяли «Ямгурчеево царево судно, да и людей на судне

⁴⁸ Имеется в виду Ю.И.Шемякин-Пронский.

¹ Библия, II Царств, X, 4: «И взял Аннон слуг Давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их напополам, до чресл, и отпустил их».

всех побили Аксантая с товарищи... а сказывают, что в судне том было живота рублей з две тысячи» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 100] (см. также [Сафаргалиев 1952: 43]). Это не лучшим образом сказалось на московско-астраханских отношениях и отразилось на судьбе Севастьяна. Судя по письму московского дипломата, волжский путь был далеко не безопасным: купцы боялись казаков, разбойничавших на реке. Севастьян писал из Астрахани Ивану Михайлову Висковатому: «А гости, государь, многих земел[ь] хотели с нами к Москве и в Казан[ь] ити. И они, государь, блюдутца государя нашего казаков... И ныне, государь, многие гости к нам хотели ехати, да блюдутца казаков. И ты б, государь, о том государю помянул, чтоб государь казаков велел уняти, чтоб они гостей не замали» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 100].

Однако не только казаки создавали препятствия для купцов, торгующих по Волге: и ногаи, и астраханцы также были не прочь поживиться за их счет. В конце мая 1552 г. в Москву была доставлена грамота Исмаила, в которой он просил отпустить из Москвы дочь Юсуфа, Сююн-бике, и между прочим писал: «Да из Астарахани люди выехали да пристали к Казы-мирзе. И учинилось их четыреста человек. А того не ведаем, на вас ли будет пойдут, или на промежке гостей ли будет им стеречи. Волгу до Переволоки вы ловити, а ниже того мы и ловили» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 103–103об.].

Севастьян застал в городе «рознь великую» между ханом и его калгой Такбилди, в Астрахани между тем всерьез опасались наступления московских войск. В это время в город прибывают посланцы из Османской империи и Крымского ханства («Турского салтана посол Агмет ага да крымсково Хозяш») [Бурдей 1956: 192; Комиссаренко, Моисеев 2004: 204]. Содержание переговоров неизвестно, возможно, главной темой было привлечение Астрахани к османско-крымской политике на юге Восточной Европы. Попытки подобного рода предпринимались османской и крымской дипломатией и в Ногайской Орде: весной 1551 г. крымский посол Тагызекши и османский Ахметчауш побывали в Ногайской Орде у Юсуфа [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 33–33об., 36]. По всей вероятности, тогда у ногаев были и астраханские послы [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 66об.]. Севастьяну был дан наказ просить в Астрахани царевича Бакая — сына Аккубека [Комиссаренко, Моисеев, 2004: 203].

Весной 1552 г. крымские послы вновь пытались уговорить Исмаила идти походом на Москву. Но большая часть ногаев поход июня 1552 г. не поддержала, Исмаил отговорил Юсуфа, а пришедший в Орду от султана и крымского хана посол был посажен в «крепи» [Кидырниязов 1996: 28].

Г.Д.Бурдей предположил, что, когда в 1551 г. Юсуф предлагал Исмаилу переключиться за Волгу и воевать Русь вместе с астраханским калгой Такбилди, причиной договоренности последнего с ногаями была его вражда к Ямгурчи [Бурдей 1956: 193]. Действительно, если

Такбилди избрал союзниками ногаев, то Ямгурчи (видимо, после успешного совместного посольства османского и крымского дипломатов) стал ориентироваться на Крым. Так, в 1552 г. Девлет-Гирей присылает Ямгурчи 13 пушек. Впрочем, если разрыв Ямгурчи с Юсуфом и имел место, то длился он недолго: в 1553 г. Ямгурчи хотел дать Юсуфу в помощь 500 человек для похода на московские «украины». Перевозить Юсуфа через Волгу в районе Астрахани должны были сами астраханцы [Бурдей 1956: 199]. (В дальнейшем союз Ямгурчи с Юсуфом и его детьми не распался.) Тем временем Ямгурчи, стремясь укрепить власть, убирает с дороги неугодных родственников — претендентов на престол. «...С сех мест за год, — писали в Москве в 1554 г., — побил всех Ямгурчей царь и братью и племянников, проча себе юрта, чтоб ему от них помешки не было; да чего Бог не благоволит, то как укрепить» [РИО 1887: 450].

В октябре следующего, 1553 г. в Москву прибыли послы от ногайского мирзы Исмаила, а также от «ыных мырз, Темир с товарищи, а били челом от Смаил-мырзы и от ыных мырз, чтоб их царь и великий князь пожаловал, оборонил от Емьгурчиа царя Астороханьского, отпустил бы на Астрахан Дербыша-царя да рать свою послал и посадил бы на ней Дербыша-царя» [ПСРЛ 1904: 235]². Заинтересованность Исмаила в Астрахани была вполне понятной: например, в 1551 г. его зимние кочевья располагались вблизи города «верст з десять» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2об.]. В своих грамотах в Москву Исмаил подчеркивал преданность и нежелание вступать в союзы с иными, враждебными Москве силами, в том числе и с Астраханью: «А с отцом твоим, — писал он тогда же Ивану IV, — которое слово говорил есми, на том слове и стою, а иных людей речам не потакаю. Хандыкерю и Крыму, и Казани, и Астарохани, и нашим бы нагаям всем содиначитися да твою землю воевати, и о том Хандыкерь салтан к нам посла присылал. А яз говорю, что з белым царем, не розмолвився, мне не воеватися» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 11–11об.]. Фактически Исмаил предлагал в обмен на дружбу и отказ от участия в антимосковском блоке Османской империи, Крыма и Казани завоевать Астрахань, посадив на престол Дервиша. «А Акубеку царю было прибежище в Черкасех, и они его деля посрамились, да Астарохань взял, и дали ему. А Дервишу царевичу пристанище у вас. И вы б Астарохань воевали и, взяв бы, ему дали... И толко взяв, Дервишу царевичу похощ дати. И ты б на сем лете воевал, и будет толко воевати, и ты б Дервишу царевичу срок учинил» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 12–12об.].

² В популярной литературе обстоятельства, предшествовавшие московскому походу на Астрахань, часто излагаются искаженно. Так, А.А.Гордеев относил это посольство Исмаила к 1554 г., а астраханским царем, от которого просил защитить его мирзу, называл какого-то «Янучара» [Гордеев 1992: 28].

Сам Дервиш-Али в это время был у мирзы Белек-Булата. Он направил Ивану IV просьбу принять его в Москве: «Дервиш нам бил челом, — писал Иван, — чтобы нам его к себе взяти и пожаловати (так в тексте, т.е. пожаловать. — И.З.) его». На просьбу Москвы отпустить будущего хана Белек-Булат поначалу ответил отказом. В грамоте мирзы Белек-Булата о судьбе Дервиша говорилось: «...да присылал еси брата нашего Дервиша царя звати. И тому твоему человеку, которой приезжал, не поверили есмя. И будет Дервиш царь надобен, и ты пришли доброво боярина...» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 23об., 13–13об.]. В Москве это вызвало раздражение: вероятно, с Дервишем связывали большие надежды. В мае 1551 г. Иван IV ответил Белек-Булату: «И нам о Дервише царя вперед не посылавати. А похочеш тебе нашего добра и прямые дружбы, и ты б Дервиша царя з женою и з детми к нам прислал часа того с твоим болшим послом. И мы Дервиша царя пожалуем своим великим жалованьем и юртом его устроим... А то нашей дружбе и крепость, как Дервиш царь у нас будет» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 24об.].

В ответном письме Исмаилу Иван IV обошел вопрос о возможном походе на Астрахань и статусе Дервиша: мирзе предлагалось обсудить эти проблемы с московским послом Петром Тургеневым, уполномоченным вести такие переговоры, не вступая в переписку [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 21об.–22]. В Ногайской Орде у мирзы Юсуфа П.Тургенев беседовал с Дервишем, и тот говорил ему: «...царя, государя, великого князя жалован[ь]е забыт[ь] не мочно, хочу, деи, добре к нему ехать, да подожди, деи, мало...» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 32]. Во втором письме в Москву П.Тургенев сообщал, что посылал к Исмаилу служилого татарина Тафкея Тимеева с грамотой. Исмаил кочевал «на Чеганех между Волги и Яика», где Т.Тимеев застал его в апреле 1551 г. Исмаил говорил гонцу: «Писал де я царю и великому князю, чтобы он послал воеват[ь] Астарахан[ь], да пожаловал бы, взял Астарахан[ь], да посадил Дервиша царя ис своей руки нашего сестрича, как Шигалея царя на Казани держал, так бы и его. Он бы ему так же служил. А толко не пожалует царь и великий князь, нам на Астарахан[ь] не пособит, и нам ее взяти не мочно: пушек и пищалей у нас нет, ни судов неже. А пожалует, толко пособит нам на Астарахан[ь], куды велит на своего недруга ити, и мы готовы» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 37об.].

Дервиш выехал в Москву, вероятно, еще в сентябре 1551 г. 16 октября он прибыл в Касимов и уже на следующий день был отпущен в Москву [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 87]. В среду 28 октября³ 1551 г. Иван IV принял Дервиша. Его собственное письмо с изложением предыстории его поездки в Москву рисует образ скорее

истинно верующего человека, нежели прагматичного политика (хотя впечатления от писем зачастую бывают весьма обманчивы). Дервиш писал Ивану, что он решился на приезд только после убийства сейида ханом Ямгурчи. «Да молвил сеит: живи, деи, туту. И яз потому измочал, а твою добрую правду и жалован[ь]е видел есми. Хотел есми сеитя не послушати да поити. Да затем есми не пошел, толко не послушати ево, ино как бы вере своей излая[ть]. Коли Ямгурчи салтан убил сеитя и тоды и ево сына доброво убил и тот для сеит бил челом Юсуфу князю, чтоб, деи, еси недруга моево воевал. И Юсуф братства не учинил» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 85–85об.]. Значит, у Дервиш-Али была личная причина ненавидеть Ямгурчи (убийство им сейида⁴), а Юсуф не смог отомстить за его смерть.

Дервиш, как природный Чингизид, будто бы три года просил князя Юсуфа «устроить его юртом», однако Юсуф не пошел ему навстречу [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 90об.]. Скорее всего именно это и являлось истинной причиной отъезда в Москву нового претендента на престол Хаджи-Тархана. Мирза Белек-Булат, заинтересованный в восцарении Дервиша, льстил Ивану IV, называя его «Чингишовым сыном Белым князем, прямословным государем и жалостливым государем», и, ссылаясь на «старину», напоминал, что астраханский престол занимали и менее достойные кандидатуры, чем Дервиш: «Белово князя черкасы беглые холопи были. Акобек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт ево взяв дали. И Ямгурчей царевич в свойстве учинился, и ему братство учинили, юрт его взяв, дали ж» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 91].

В начале 1552 г., несмотря на ногайские интриги по поводу будущего астраханского хана, отношения ногаев с Астраханью оставались мирными [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 98об.]. В начале 1552 г. московский посол у Ямгурчи Севастьян Авраамов сообщал, что из Астрахани хочет «ехать на государя нашего имя служити со мною ж вместе Крым-Гирей царевич Устемирев сын царевичев, внук же Муртозе царю» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 99об.]. То есть, при дворе Ямгурчи жил племянник Аккубека, Крым-Гирей.

Взятие Казани существенно изменило расстановку сил в постзолотоордынском пространстве Восточной Европы. В Москве решили, что настала пора вспомнить об Астрахани, а значит, и о Дервише. К настойчивым просьбам Исмаила посадить его «сестрича» ханом на нижней Волге в Москве отнеслись с большим вниманием и приговаривали «царю и государю великому князю послати Дервиша-царя на Асторохан да воевод своих в судех Волгою многих и с нарядом, а Исмаилу быти полем или детей и племянников своих прислати ко Асторохани, и нечто, даст Бог, възмут Астороханский юрт и царевым

³ А не 10 ноября, как считал М.Г.Сафаргалиев [Сафаргалиев 1952: 43]. См. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 88об.].

⁴ Не того ли самого Мансура, который так помог Сафа-Гирею?

и великого князя воеводам посадить на Асторохань царя Дербыша, а Исмаилу сына или племянника» [ПСРЛ 1904: 235]. Вероятно, в случае успешного взятия города сын или племянник Исмаила должен был стать при Дервиш-Али беклербеком.

В апреле 1554 г. Дервиш-Али был послан в Астрахань, а с ним отправился воевода князь Юрий Иванович Пронский-Шемякин «с товарищи». Как совершенно справедливо утверждал Б.Ишболдин, война Дервиша с Ямгурчи «была в действительности братоубийственной, так как оба астраханских царя были троюродными братьями и правнуками Ахмеда» [Ischboldin 1963: 85].

Поход был организован традиционно: к городу шли три полка. Большим командовали сам Пронский и Михаил Петров сын Головин⁵, передовым — постельничий Игнатий Михайлович Вешняков и Ширяй Васильев сын Кобяков, сторожевым полком — Стефан (Степан) Григорьев сын Сидоров и князь Андрей Булгак Григорьев сын Барятинской⁶. Вместе с Ю.И.Пронским шли также вятчане с князем Александром Ивановичем Вяземским [ПСРЛ 1904: 236; Разрядная 1966: 144].

Общая численность войска составляла, по мнению А.А.Гордеева, 3000 человек [Гордеев 1992: 29]. Это ошибка. Московское войско насчитывало в 10 раз большее число воинов [Газиз 1994: 106; Сафаргалиев 1952: 45; Широкоград 2000: 30–31]. Цифра кажется вполне реальной. Такое войско было весьма грозной силой.

Ю.И.Пронский первым отправился в Нижний Новгород, где все силы должны были собраться воедино. Оттуда воевода, «сождався... со всеми людми», выступил во главе объединенного войска в Петров пост [Разрядная 1978: 467], т.е. до 29 июня — Петрова дня.

В московской рати были уроженцы и жители многих русских городов — казанцы, пермичи, вятчане, нижегородцы [РИО 1887: 449].

29 июня войска на судах подошли к району Переволоки — предположительной границе ханства⁷. Рать опоздала: в этот район намечено было выйти 1 июня. Ногаев, с которыми намеревались соединиться, там не оказалось. Виной тому была непрекращавшаяся вражда Исмаила и Юсуфа: первому, как сообщал московский посол в Ногайской Орде Н.Бровцын, тогда было «не до Астрахани — до себя» [Сафаргалиев 1952: 45].

⁵ В Разрядной книге 1550–1636 гг. его фамилия приводится неверно как «Половин» [Разрядная 1975: 35].

⁶ Между Барятинским и Вешняковым с Сидоровым разгорелся спор: «И князь Ондрей на Игнатия и на Степана бил челом. И государь велел им быть без мест» [Разрядная 1975: 35].

⁷ Переволока, место, где Волга более всего сближается с Доном и где в 1589 г. был основан Царицын [Бурдей 1962: 37], вообще выступает в источниках как граница между Луговой/Ногайской и Горной/Крымской сторонами средней и нижней Волги [Трепавлов 1997: 105]. Часто Переволоку сближают с районом станицы Качалинской [Еманов 1995: 67], или местом между Дубовкой и Кагальницкой [Houtmaire de Hell 1844: 331].

Вперед были посланы князь А.И.Вяземский, а также «Данила Чулков» с казачьими атаманами (вероятно, казаки присоединились к армии по дороге) «азстороханьских людей поискать и языков подождать» [ПСРЛ 1904: 241]. Однако Д.Чулков, вероятно, не сразу стал принимать участие в действиях передового отряда или же действовал отдельно от А.И.Вяземского, поскольку упоминается в дальнейших событиях среди голов, приставленных к князю. Если бы он с самого начала был заодно с А.И.Вяземским, летописцу не имело бы смысла упоминать об этом вновь. Встреча А.И.Вяземского с первым астраханским отрядом произошла выше Черного острова⁸: астраханцы гребли в *ушкулех* (или *ушкрях*) «проведывати про рать царя и великого князя». Во главе отряда стоял Сакмак (в разночтениях — Сакман, Сакаман). В рукописи РГАДА его имя читается как Салман, что скорее всего и является верным [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 60б.]⁹. Астраханский отряд был разбит, а его предводитель взят в плен. Пойманные языки сообщили, что Ямгурчи находится ниже города в 5 верстах¹⁰, а все люди «сидят по островом по своим улусом». Воеводы оставляют большие суда и спускаются ниже на малых. Между тем информация языков подтверждается сведениями новых пленных (на Черном острове). Двигаясь далее, войска достигают «Больших Сараев, где была Большая Орда»; и там языки говорят то же [ПСРЛ 1904: 241]. Тогда решено было разделиться. К отряду А.И.Вяземского были прибавлены выбранные головы (командиры) — князь Давид Гундоров, князь Тимофей Кропоткин, Григорий Желобов, Данила Чулков, а с ними дворяне, царевы жильцы и дети боярские. Этот отряд был направлен непосредственно на лагерь Ямгурчи — «царев стан». Вероятно, московским войскам все-таки помогали ногаи, по крайней мере об их помощи пишет И.Масса [Масса 1937: 25].

Оставшаяся часть войска двинулась к городу. 2 июля (в день Положения пояса (риз) Пресвятой Богородицы Влахернской) Хаджи-Тархан был взят без боя, «в городе в то время были люди немногие»: после того как воеводы пристали к берегу выше по реке, вышли из судов и направились к городу, жители из него выбежали [ПСРЛ 1904: 242]¹¹. Свидетельство И.Массы о том, что город был многолюден,

⁸ Район нынешнего Волгограда [Широкоград 2000: 30].

⁹ Л.Е.Вереин называет его почему-то «Сакмаки» [Вереин 1958: 20].

¹⁰ Или в двух верстах ниже [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 79об.].

¹¹ Я (вслед за летописцем) не случайно упомянул о церковном празднике этого дня. Служба 2 июля на Положение ризы Богородицы развивает идеи милосердной защиты Богородицей людей и мира. На русской почве это выразилось в символе Покрова и связывалось с защитой русской земли от татар [Плюханова 1995: 23–62, особенно 39–40]. Взятие города именно 2 июля может быть умелой конструкцией автора летописного известия, «подогнавшего» действительное событие (астраханский триумф) под символический праздник. Реальная победа могла произойти и позже. Например, И.Масса указывает на 3 июля как день взятия города [Масса 1937: 25].

снабжен оружием и взят приступом после нескольких дней осады, вероятно, ошибочно [Масса 1937: 25], хотя и Разрядная книга 1475–1605 гг. упоминает, что город взяли «осада» [Разрядная 1978: 467].

Интересно сообщение А.Олеария, имеющее прямое отношение к хронологии похода 1554 г. По словам дипломата, в 1638 г. «1-го августа русские в Астрахани торжествовали великий радостный праздник, начав его множеством выстрелов из больших пушек и полукартаун. Торжество это праздновали русские по тому случаю, что в 1554 году в этот день они взяли город Астрахань у ногайских татар» [Исторические путешествия 1936: 89]. Хронология А.Олеария не подтверждается летописями и «Сказанием о взятии Астрахани», но заслуживает внимания. Возможно, путешественник спутал реальный день взятия города с праздником Спаса и Пресвятой Богородицы Марии, который действительно приходится на 1 августа и посвящается также воспоминанию о победе, дарованной одновременно греческому императору (Мануилу) и русскому князю (Андрею Боголюбскому). Идеологическая нагрузка праздника Спаса 1 августа настолько близка пафосу антитатарской борьбы в Поволжье вообще и астраханской победы в частности (подробнее см. [Плюханова 1995: 124–131]), что перепутать эти праздники иностранцу было совсем несложно.

А.И.Вяземский, вероятно отпущенный чуть ранее основной части войска, прибыл в «царев стан» тогда же — 2 июля, однако Ямгурчи он там не нашел. Узнав о взятии города, хан бежал на конях, а цариц с детьми пустил на судах к морю. Спасаясь, астраханцы бегут от московской рати на судах и пешие. Уйти удалось не всем: казачий атаман Федор Павлов захватил «ушкул с девками царевыми, да и набаты царицы и пищали в нем были многие». Того же дня Ю.И.Пронский сажает на астраханский престол Дервиш-Али¹². Хотя ногаи Исмаила не участвовали во взятии города, Пронский посылает к Исмаилу служилого татарина Ямбулата, а также приближенного Дервиша Айдеяра (Аиндеяра), с тем чтобы ногаи шли к Астрахани [ПСРЛ 1904: 242; ПСРЛ 1914: 549]. Из города воеводы выходят несколькими отрядами, а по всем островам отпускаются головы — главной задачей теперь становится поимка Ямгурчи: куда он бежал спасаясь, было неизвестно.

В Астрахани с Дервишем остаются князь А.Барятинский и Петр Тургенев («годоватъ», как сказано в разрядах [Разрядная 1978: 469]) с небольшим гарнизоном — детьми боярскими, стрельцами и казаками¹³. Ю.И.Пронский и М.П.Головин, а также воевода сторожевого

¹² Как курьез следует воспринимать сведения Разрядной книги 1550–1636 гг., что в городе посадили «царей Дербыша и Алея». Составитель разряда (или переписчик) посчитал имя Дервиш-Али именами двух разных людей [Разрядная 1975: 35, 36].

¹³ Разрядная книга 1550–1636 гг. передает события несколько иначе: «...а в Астрахани оставили Левонтия Мансурова, да голову с стрельцами Петра Туренева (т.е. Туренева. — И.З.)» [Разрядная 1975: 36].

полка С.Сидоров выдвигаются в «Осорочь», И.М.Вешняков и Ширяй Кобяков — «в Чаган да в Казань на море», князь Василий Кольцо-Мосальский и Яков Кузмин — в «Баллы» [ПСРЛ 1904: 242]. А.И.Вяземский с нижегородским отрядом и Ф.Павловым направляется, вероятно, ниже, к самому побережью, голова Полуэкт Тимофеев — в «Ываньчук», князь Давид Гундоров — «в Большой Иванчук на море же» [ПСРЛ 1904: 243]. Пойманные языки сообщили, что Ямгурчи с астраханскими людьми побегал в «Мочак». Воеводы бросились вдогонку, однако, придя на «Бело-озеро», получили от новых языков такие сведения: царю на Бело-озеро не бежать, «а бежати ему в Тюмень и всем Азстороханьским людям бежати было за царем» [ПСРЛ 1904: 243].

И.Масса в своем сочинении подтверждает эти летописные сообщения: «Ямгурчей бежал с небольшим обозом и направился к Тюмени (Tumen), но за ним тотчас снарядили погоню, однако захватили только часть поклажи и всех его жен и наложниц, ему же самому удалось спастись» [Масса 1937: 25]. Бежавшие к Тюмени с Ямгурчи были «переиманы» там же. Тюменцы бросили город и «выбежали на лес» [РИО 1887: 450]. Ямгурчи не нашли, «токмо людей ево астароханских находя, многих рубили, а иных живых мали. Взяли Богатыя князя с товарищи...» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179; ОР РНБ, Собр. Погодина, № 1490, л. 83; ПСРЛ 1914: 550]. Бегство Ямгурчи в северокавказскую Тюмень неудивительно: он был связан с тюменским шамхалом (или «тюменским шавкалом», как называли его русские источники либо переводы ногайских грамот — см., например, [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 12, 21об. и др.]) родственными узами (см. ниже).

Разобраться с некоторыми названиями местностей, упоминающихся в летописном сообщении, помогает текст «Сказания о взятии Астрахани». Это произведение сохранилось в многочисленных списках XVII–XVIII вв. (например, [ОР ГИМ, Собр. Барсова № 1841; ОР РГБ, Собр. Г.М.Прянишникова, ф. 242, № 150; ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490 и др.]). Кроме упомянутых С.О.Шмидтом экземпляров ОР ГИМ и ОР РГБ, а также указанных И.Токмаковым в МГА МИД [Токмаков 1887: 8] приведем еще несколько: РГАДА, ф. 181 (Рукописный отдел МГА МИД), оп. 1, ед. хр. 49; ф. 187 (Коллекция рукописных книг XIV–XIX вв. ЦГАЛИ), оп. 2, ед. хр. 124 (Сборник «История о взятии Астрахани», XVIII в.). В том же фонде хранится рукопись XVII в. под названием «Летопись о взятии Казанского и Астраханского царства» [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 98], фактически являющаяся списком Казанской истории (отсутствует начало и конец), но запись на полях листа 11 почерком XVIII в. («Сия тетрадь о Казани, о Астрахани») позволяет предположить, что «Сказание о взятии Астрахани» в этом манускрипте было.

Текст «Сказания» восходит к официальной летописи XVI в., однако в нем имеются пропуски и добавления, различия в деталях, а события

изложены в иной последовательности. Как справедливо предположил С.О.Шмидт, протографом «Сказания» мог быть первоначальный вариант официального летописного текста (так называемые летописные заготовки). Переписчики (или даже составители) «Сказания» пользовались сведениями, почерпнутыми не только из летописи, но и, возможно, из устных преданий [Шмидт 1963: 395–396]. Подтвердим это предположение примерами списка «Сказания» из собрания М.Н.Погодина, хранящегося в РНБ, и экземпляра МГА МИД [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 178]. Эти списки дают довольно много разночтений с текстом летописи.

Согласно летописи, в 1554 г. московские полки пришли на Переволоку 29 июня [ПСРЛ 1904: 241]. Погодинский список дает дату 19 июня, при этом неправильно называя год 7063 вместо 7062 [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 79]. Ту же дату, 19 июня, приводит и один из списков РГАДА [ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 178]. При этом оба списка указывают, что воеводы подошли к городу 29 мая (!) (л. 80 и 178об. соответственно). В летописи воеводы догнали бежавших астраханцев у «Уского Мочака» «на Карабулаке» 7 июля [ПСРЛ 1904: 243], по «Сказанию» — 4 июля того же, 7063 г. [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 83об.] или даже 3-го числа того же месяца [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179об.].

Весьма существенны разночтения «Сказания» и летописи относительно имен участников похода. Так, вместо летописного Савы Жердинского в Погодинском списке фигурирует Сава Жедриков, а вместо Ф.Рыжкова — Ф.Рошков (или Рышков) [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179–179об.]. В летописи служилый татарин, посланный к мирзе Исмаилу, назван Ямбулат [ПСРЛ 1914: 549], в «Сказании» — то Акбулат [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 81об.] или Булатка [Шмидт 1963: 396], то Ямбулатка [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179]. По версии летописи, в 1554 г. среди взятых в плен астраханских цариц и царевен московские казаки поймали «царицу болшую Тевкель Кел-Магметеву-мурзину дочь, другую царицу Крым-Шавкалову цареву дочь Каньдазу¹⁴, да цареву Емгурчееву дочь Ертугану¹⁵, да цареву

¹⁴ В сеунче в Литву жена Ямгурчи названа «Тевкель Салтана Келмаматова дочь», там же упомянута «Кандаза Крым-шавкалова дочь» [РИО 1887: 448, 463]. Ее не следует путать с другой Хандазой (Кандазой) — дочерью ногайского бия Сейид-Ахмеда и старшей женой Дин-Ахмеда [Посольская книга 2003: 28].

¹⁵ Имя в форме «Артугань» встречается и в других русских источниках. Так, например, звали жену Саадет-Гирея (сына хана Мухаммед-Гирея II) — брата московского кандидата на крымский престол Мурад-Гирея. От Саадет-Гирея у нее был сын — Кумак-Гирей. После смерти Саадет-Гирея («что согнан был из Крыма в Бухарех») ее, по обычаю левирата, взял в жены Мурад-Гирей [Разрядная 1976: 45]. Она, вероятно, погибла вместе с ним в Астрахани в 1591 г. от «ведовства». Возможность того, что речь идет об одной женщине (т.е. женой Саадета и была как раз дочь Ямгурчи) достаточно призрачна. Ведь в 1555 г. Тевкель с дочерью и «Кандаза» были отпущены в Астрахань из Москвы (см. ниже).

же Емгурчееву меншицу Ельякши биримину, — и взята родила сына Ярышты-царевича¹⁶, — да царевичеву жену Айбулатову Мергивана, да царевичеву дочь Баибиче-царевну» [ПСРЛ 1904: 243].

Возможно, Айбулат, упоминаемый в летописи, — это Абдаллах, сын астраханского хана Аккубека (Кайбула, как его называли в русских документах). Он выехал на Русь в мае 1552 г., вскоре женился на дочери Джан-Али (казанского хана и брата Шах-Али, московского ставленника в Казани) и получил от Ивана IV город Юрьев «з данию» [ПСРЛ 1904: 177, 476]; о его желании выехать из Астрахани сообщал Севастьян Авраамов [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 99об.]. В июне 1552 г. Иван IV писал мирзе Исмаилу: «А с Ахкубеком царем преж сего нам было слово и дружба, и мы того для сына его к себе взяли» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 108]. Абдаллах неоднократно потом принимал участие в войнах Москвы с соседями [ПСРЛ 1904: 263–264, 270, 340, 347]. У него было два сына — Муртаза-Али (Михаил Кайбулович во крещении) и Араслан-Али. Умер Абдаллах (Кайбула) в 1570 г. [Кобеко 1901: 077–080] (см. также [Ischboldin 1973: 86]). Была ли Мергивана другой женой Абдаллаха или же той самой дочерью Джан-Али, которая уехала с дочерью в Астрахань, сказать трудно. Да и отождествление «Айбулата» с Абдаллахом недоказуемо, тем более что Погодинский список дает другую картину: в плен взяли «Тэфкел Магметеву мурзину дочь, другую царицу Крым-Шафкалову дочь Кандусу, третью царицу Ямгурчееву дочь Ертугану, четвертую царицу меньшую Елюкши тиримину, а взяв, та родила сына Яршим царевича, пятую царицу Мергивану, да Ямгурчю царя дочь ево Балбиче царевну» [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 83–83об.]. Таким образом, по «Сказанию», Мергивана — скорее жена Ямгурчи, а Балбиче — его дочь.

Еще больше путаницы вносит список РГАДА. Дочь Крым-шевкала названа там «Наидиса». Помимо нее захватили также «царицу Ямгурчееву дочь Наидусу меншицу Ельякши Тиримию и, взяв, та родила сына Яршит царевича, да царевичеву Ямбулатову жену Мергивану, да царевичеву дочь Балбичей царевну» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179об.]. Налицо явное непонимание переписчиком исходного текста.

Наверняка можно утверждать, что женой Ямгурчи была дочь *крым-шамхала*, наследника (сына или двоюродного брата) шамхала, кумыкского владетеля в Дагестане. Резиденция кумыкских шамхалов находилась в ауле Кумух в горах, а позже была перенесена на равнину в Тарки. Поскольку русские источники часто путали *шамхала* с *крым-шамхалом*, в тексте мог иметься в виду сам кумыкский владетель. Вероятно, именно он (отец Кандузы/Кандусы) присылал посольство в Москву в 1557 г. Через шесть лет после первого взятия Астрахани,

¹⁶ Жена Ямгурчи (младшей женой называет ее Б.Ишболдин) Ельякши была вскоре крещена под именем Ульяния и выдана замуж за Захария Ивановича Плещеева. Ее сын Ярышты получил во крещении имя Петр [Кобеко 1901: 080; Ischboldin 1973: 86].

в 1560 г. воевода И.С.Черемисинов ходил из города «на Шевкал и на Тюмень морем». Шамхалом тогда был скорее всего Бугдай-шамхал, сын Амаль-Мухаммеда [Кушева 1963: 42–43, 230, 237] (о шамхале см. [Шихсаидов, Айтберов, Оразев 1993: passim]; о его связях с османами см. [Kırzioğlu 1998]). В таком случае становится понятным и бегство Ямгурчи в Тюмень: вероятно, он пытался укрыться у своего тестя¹⁷.

В литературе встречается утверждение, что женой некоего астраханского царевича «Бекбулата», который после падения ханства жил в Касимове, была старшая дочь кабардинского князя Темрюка Айдаровича, Алтынчач (сестра Гошаней/Кученей, более известной в русской истории под именем Марии Темрюковны¹⁸, жены Ивана IV) (см. [Мальбахов, Дзамихов 1996: 28]). Если этот Бекбулат — Кайбула/Абдаллах, сын Аккубека, значит, у него была еще, как минимум, одна жена.

Летопись свидетельствует о том, что казачий атаман Ф.Павлов захватил «ушкул с девушками царевыми, да и набаты царевы и пищали в нем были многие» [ПСРЛ 1904: 242]. «Сказание» говорит, что Павлов взял «ушкур с царевыми древки и знамены, и с набаты, и с пищальми» [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 81]. Другой список дает следующее: «...ушкур с царевыми древки и с набаты и с пищальми» [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 178об.] Именно последние варианты, вероятно, более правильны.

«Сказание» в большинстве случаев приводит верные «астраханские» названия рек и местностей: «Булда» вместо «Баллы», «Кизан»¹⁹ вместо «Казан», «Бастыш» вместо «Базыже» [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 81об.]. Ф.Брун отождествлял последнее название с летописным Бездежем [Брун 1872: 18]. «Базыже» можно было бы сопоставить с озером Башсыз (в 50 верстах от Белого Озера) Книги Большому Чертежу или Бешкиз, в 90 верстах выше Астрахани [Книга 1950: 145, 146; Брун 1872: 18; РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 98об.].

Между тем к воеводам прибывает делегация бывших подданных Ямгурчи «от князей и от мурз и уланов и от мулл и от всего астраханского царства людей» во главе с князем «Ираклешем»²⁰ «с товари-

¹⁷ Стоит отметить, что шамхал имел весьма тесные родственные связи и с ногаями. Так, в начале 1552 г. мирза Исмаил именно в шамхальстве женился «пятой женой» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 98].

¹⁸ Гошаней была младшей дочерью Темрюка. Средняя его дочь, Малхурб, была замужем за сыном ногайского мирзы Исмаила, Дин-Ахмедом [Мальбахов, Дзамихов 1996: 28; Посольская книга 2003: 28].

¹⁹ Совр. Башмаковка. Татарское название — Кызан [Арсланов 1976: 4].

²⁰ Форма имени, которая встречается чаще всего в источниках. В Львовской летописи этот князь назван «Кураткеш». Думается, что это — искажение исходного имени князя из племенного объединения *курат/кунграт*. В Никоновской летописи его имя не искажено — «Коурат-Клеш-князь» [ПСРЛ 1965: 243]. Если наша реконструкция верна, то мы опять встретили кунгратского бия (см. также [Исхаков 2001: 115]). Не тот ли это князь Кара (Курат), которого присылал в Москву Ислам-Гирей в августе 1537 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 8, л. 364об., 369]? В 1537 г. упоминается князь из астра-

ханских *Кунгратов* Ишим, бывший и потом послом в Москве. В 1540 г. кунгратским князем был Джан-Мухаммед (см. сноску 33 к гл. VI). Если сопоставить эти отрывочные данные с традицией, связывающей Астрахань с беглербегами (*амир аз-умара*) Золотой Орды, происходившими из *Кунгратов* (она нашла отражение, например, у Муниса) (см. [Bregel 1982: 369]), получается, что именно *Кунграты* составляли при астраханских ханах главенствующую клановую группу. Помимо них в ханстве жили представители клана Мангыт. Высказанное мною ранее предположение о представителях клана Алчин в астраханском ханстве, скорее всего, ошибочно. Подробнее см. [Зайцев, 2006].

Существование в Астраханском ханстве института беев-карачи не вызывает сомнений. Скорее всего структура властной элиты ханства была организована традиционным для джунгидских государств XV–XVI вв. образом: четыре правящих клана (при различиях в наборе конкретных кланов), к которым позже добавился еще один — Мангыты (см. [Исхаков 2001: 117; Мухамедьяров 2002: 159]).

По другим спискам и летописной версии, черных людей пришло 7000 [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179об.; ПСРЛ 1914: 551].

Простой подсчет показывает, что в Астрахань вернулось около 20 000 человек (точнее, 20 500: 17 000 «черных и кочевных»²¹, 3000 духовенства и 500 князей, мирз и уланов). Проверить эти цифры невозможно, но вполне вероятно, что они реальны. Однако, учитывая различия в количестве «черных и кочевных» людей, принимаем число возвратившихся жителей города в 10 500.

Вернувшиеся в город сообщили о судьбе хана. Он бежал в Азов. Поймать его так и не удалось. Официальная Москва распространяла информацию, что хан будто бы утонул в Волге при бегстве [РХО 1887: 448, 450]. Есть свидетельства, что на самом деле ему удалось, бежав в Азов, найти убежище в Османской империи [Öztuna 1989: 553], но это скорее относится к более поздним событиям

²¹ По другим спискам и летописной версии, черных людей пришло 7000 [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179об.; ПСРЛ 1914: 551].

(правда, Азов/Азак ведь являлся частью собственно османских земель). Ямгурчи бежал в Азов всего лишь с 20 слугами [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 179об.; Карнович 1896: 5; Ischboldin 1973: 85]²².

В конце августа (29-го числа, в день рождения царя)²³ 1554 г. в Москву от Пронского прибывает с сеунчем князь Василий Иванович Барбошин²⁴. Вместе с ним были посланы князь Иван Гвоздь Федорович Приимков-Ростовский (от И.Вешнякова), князь Никита Григорьевич Гундоров (от М.Головина), Савва Матвеев сын Товарыщов (от Ш.Кобякова) и сын воеводы сторожевого полка Степана Сидорова, Дмитрий [Разрядная 1966: 144; Разрядная 1975: 36; Разрядная 1978: 469]. Царицы и царевны были доставлены в столицу 18 октября [Карнович 1896: 6], в сентябре они находились в дороге. «...А цариц к нам ведут», — говорил Иван IV в этом месяце [РИО 1887: 447]. В Литву к Сигизмунду Августу с сеунчем был послан Федор Вокшерин (уехал из Москвы 14 сентября). В царском титуле впервые появляется эпитет «Астраханский» [РИО 1887: 447] (подробнее см. ниже).

Борьбу с Астраханским ханством в 1554 г. Иван IV мотивировал нарушением Ямгурчи достигнутых договоренностей и обидой московского посла. «Тмутараканская» легенда служила лишь подспорьем в оправдательной идее. Окончательное присоединение объяснялось изменой Дервиша. Наиболее ярко московская позиция отразилась в дипломатических документах по связям с Османской империей. «Азстороханский юрт в руки государю нашему бог дал тем обычаем: Емгурчей царь присылал ко государю нашему царю и великому князю бити челом своего посла, Ишима князя, чтоб государю нашему потому ж его держати, как и Казаньской юрт государь наш держит в своем имяни. И государь наш посылал с своим словом своего посла Севастьяна Адрамова. И он (Ямгурчи. — И.З.) государя нашего посла безчествовал. И за те его неправды государь посылал на него рать свою. А у государя нашего в те поры был того ж юрта Дервиша Алея (sic!) царь. И государь наш в своей ж рати послал его. И государя нашего люди Азсторохань взяли. И Дервиш Алея на Азсторохани по государя нашего велению царем учинили. И Дервиш Алея государю нашему не учал прямити. И государь потому на него и рать свою послал и в Азсторохани воевод своих учинил. И потому так стало» (цит. по [Бурдей 1956: 199]). Почти дословно эти пассажи были повторены в конце XVI в. в материалах посольства В.В.Тюфякина и С.Емельянова к сефевидскому шаху Аббасу [Памятники 1890: 365]. Много позже москов-

ские приказные деятели рисовали картину полной зависимости астраханских ханов от великого князя: «...бывали на Астрахани цари из рук государей наших» [Памятники 1898: 196].

Безусловно, в идеологии завоевания присутствовали и религиозные мотивы. В сеунче, посланном в Литву с Федором Вокшериным, говорилось, что царь послал воевод «мстити прежние обиды и крови христианские. И Бог нам и всему христианству милосердие свое учинил, город Астрахань и всю орду Астараханскую наши воеводы взяли, и лутчих людей всех побили...» [РИО 1887: 448].

О внутренней политике Дервиш-Али известно не так много. В фонде Г.Я.Кера в РГАДА сохранились оттиски и описания серебряных монет, чеканенных ханом Дервишем в Астрахани (три типа, см. [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, оттиски]). Тип первый (один экземпляр) — с легендой «Султан великий Дервиш-хан». Оборот — «Чекан Хаджи-Тархана». Тип второй (три экземпляра) — «Султан великий хан Дервиш». Оборот — «Чекан Хаджи-Тархана». Тип третий (один экземпляр) — «Султан великий Дервиш-хан». Оборот — «Дервиш-хан». Г.Я.Кер предполагал, что данные экземпляры — чекан Дервиш-Али, выпущенный в 1554 г. (960 г.х.). Еще один тип серебряных монет Дервиша, описанный и скопированный Г.Я.Кером: «Султан великий Дервиш-хан». Оборот, по чтению Г.Я.Кера, — «Монета царица» (تنگ داریزه). На оттиске сохранились две последние цифры года — 95 [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, оттиски, № 18 на отдельном листе]. Возможно, что чекан осуществлялся в Астраханском ханстве и ранее, при ханах, правивших до Дервиш-Али. Поскольку Г.Я.Кер работал с нумизматической коллекцией Кунсткамеры, позволительно предположить, что оригинал хаджи-тарханской монеты Дервиша, если он уцелел за более чем 260 лет, прошедших со времени описания, хранится там до сих пор. Однако у меня есть большие сомнения в верности прочтения легенды этого экземпляра. Хотя другие экземпляры чекана Дервиша, например его сарайчукская (سراچوق) монета [РГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 167, оттиски, № 17 на отдельном листе], таких подозрений как будто бы не вызывают. Г.Я.Кер мог приписать московскому ставленнику чекан хаджи-тарханского хана начала XV в. Приходится признать, что рассуждения на эту тему следует считать беспочвенными до обнаружения оригиналов указанных экземпляров.

Несмотря на формальную независимость Астрахани, в Москве с этим уже не считались. В 1555 г. (10 апреля) Иван IV «пожаловал кадомьскаго Исенея мурзу Мокшева сына Бутакова княжением над Рязновскою мордвою Кирдяновского беляка, как было княжение за Сумором князем Муратовым сыном Телеймьшейкова». Исней получил право судить Рязновскую мордву и собирать с нее ясак. В обширном царском титуле, помещенном в этой грамоте, уже имеется определение «царь Астраханский», хотя Астрахань еще не была окончательно

²² Сведения Пискаревского летописца о том, что, когда царь бежал к морю, «за ним послали и там его взяли, и привели к воеводам, и оне его послаша к государю» [ПСРЛ 1978: 189], — недоразумение.

²³ См. [ПСРЛ 1914: 548]. Эта дата тоже вызывает некоторые сомнения: если городом овладели 2 июля, почему же сеунч пришел в Москву почти через два месяца?

²⁴ Его связь с Астраханью не прервалась и позже: в 1565 г. он был в городе воеводой [Разрядная 1966: 213; Разрядная 1974: 26].

присоединена. Возможно, как логично предположил С.М.Каштанов, Иван IV уже с июля 1554 г. (т.е. с момента возведения на трон Дервиш-Али) считал себя астраханским царем. Показательно, что в одной из грамот марта 1554 г., где царский титул тоже подробный, такого определения нет [Каштанов 1970: 170–171]. Это предположение С.М.Каштанова находит подтверждение и в материалах посольского обмена Москвы с Польско-Литовским государством. 14 сентября 1554 г. из Москвы с сеунчем о взятии Астрахани к Сигизмунду-Августу уехал Ф.Вокшерин. В документах этого посольства полный титул Ивана IV также включает определение «царь Астраханский» [РИО 1887: 447]. Сигизмунд титул признал: его посол в ответе произносит слово «Астраханский». Это означало, что права Ивана IV на город и земли ханства были признаны легитимными. Присоединение Астрахани было принято на международном уровне.

Стоит сказать, что и некоторые мусульманские авторы (в частности, крымский историк Ибрахим Кефели, *диван кятиби* хана Фетх-Гирея II, правившего в 1736 г.) также относили завоевание Астрахани (Аждархана — *اژدرخان*) Иваном Васильевичем именно к 1554 г. (961 г.х.) [Kefeli 1933]²⁵.

Таким образом, практически сразу же после взятия Астрахани наименование «царь Астраханский» было включено в полный титул Ивана IV. Из материалов миссии Ф.Вокшерина можно сделать вывод о статусе оставленного при Дервише Петра Тургенева: он называется наместником. С независимостью Астрахани было покончено. Возможно, что монета Дервиша с легендой на обороте «Монета зариза» действительно, как указывал Г.Я.Кер, говоря о других типах монет Дервиша (возможно, другого хана), относится к этому времени и является, следовательно, двуязычной, если интерпретировать эту надпись как «царская монета»²⁶. Легенды с двуязычными надписями к тому времени полностью исчезают из обращения. Насколько мне известно, последней эмиссией подобного рода были монеты Ивана III (двух типов), которые В.А.Калинин убедительно датировал временем после 1487 г., когда в ханствование Мухаммед-Эмина Москва установила контроль над Казанью [Калинин 1981: 111–116]. Тогда же Иваном III была предпринята попытка включить в свой титул наименование «князь болгарский» как отражение протектората над Казанью и даже

²⁵ Правда, относительно этого произведения существуют определенные сомнения, касающиеся его подлинности.

²⁶ Прецеденты подобного рода были. Так, по литературе известно о существовании серебряной монеты («величиной с двугривенный») «с татарской надписью „Шах-Али царь Касимовский. 1553 год“». Экземпляр этой монеты имелся у касимовского историка Н.И.Шишкина. Касимов уже тогда долгое время был в почти полном подчинении Москвы, и ни о какой независимости его не могло быть и речи [Шишкин 1891: 25]. Может быть, в данном случае мы имеем дело со схожим явлением: правом чеканить собственную монету в Астрахани, несмотря на зависимый статус города.

присвоить себе царский или королевский титул [Хорошкевич 1973: 115–116]. Ситуация 1554 г. в Астрахани была полностью аналогична казанской 1487 г.: зависимое ханство с наместником из Москвы.

На город была наложена дань, которая должна была собираться ежегодно. Сведения о ее размерах разнятся. В шерти астраханцев фигурируют: 1000 рублей деньгами²⁷, 3000 рыб, «а собирать им тое дань меж себя самим и по вся годы присылать к нему великому государю и ево государским детям и наследником их к Москве, докележе благоволит господь Бог вселенной стояти со своими послы и полон российского царствия из кого ни есть купленной или взятой весь отдать безо всякого остатку и ухоронки» [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 86–86об.; РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 49, л. 180]. Московские рыболовы получили право ловить рыбу без всякого контроля и пошлин на всей акватории Волги, от Казани вплоть до самого Каспия.

В другом источнике о дани сказано иначе: «...по десети тысяч лошадей на год, да по дватцети тысяч овец, да по тритцати тысяч рыб осетров и белуг» [РИО 1887: 450]. Даже учитывая, что размеры выплаты могли быть сознательно завышены (по рыбе ровно в десять раз) для того, чтобы произвести впечатление на литовскую сторону (эти данные сохранились в материалах московско-польско-литовского посольского обмена), объем дани впечатляет. Перед нами традиционные продукты астраханской экономики, сочетавшей в себе скотоводство и добычу рыбы. Удивляет полное отсутствие упоминания соли. Вероятно, соль была оставлена за ханом как основной источник доходов его казны.

Шерть предусматривала в случае смерти Дервиша прямое обращение астраханцев в Москву к великому князю. Тогда он «пожалует на Астрахань царя, тот им и царь будет вечен и люб, а от иных стран ни откуда им астраханцем царя себе не искать никоторыми дель» [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 86об.]. Московские воеводы покинули город 29 июля [ПСРЛ 1914: 551]. Для подтверждения своих полномочий Дервиш послал в Москву к великому князю уже известных нам «Караиклеша» (Курат-Иклеша?) и «князя Курлая-мурзу»²⁸ — бить челом на жалованье Астрахани. Гонцы в Москву были отосланы также и от астраханских князей, мирз, уланов и «черных их людей»: шерть, подписанная ими в Астрахани, должна была быть скреплена великим князем в Москве.

Как показал В.В.Трепавлов, в XV–XVIII вв. шерть не являлась межгосударственным соглашением, а была персональным договором между правителями [Трепавлов 1997б: 153]. С восшествием на престол

²⁷ Или 40 000 алтын (по три копейки), т.е. 1200 рублей [ПСРЛ 1914: 551; Широко-рад 2000: 31].

²⁸ По Д.М.Исхакову, это Курьян (Коурзя/Курмлен/Курлен), который упоминается в 1561 г. князем Исмаилом среди знатных «астраханских людей» [Исхаков 2001: 115].

нового монарха ее нужно было продлевать. Московско-астраханские отношения подтверждают этот вывод. Нарушение условий шерти могло рассматриваться как личная измена одной стороны.

Между тем Ямгурчи не смирился с потерей города. 13 апреля 1555 г.²⁹ сын Дервиш-Али, Янтимер (т.е. Джан-Тимур, бывший скорее всего на первых порах калгой хана) присылает в Москву письмо со своим гонцом Тинбулатом (Дин-Булат). В послании сообщалось, что Ямгурчи приходил к городу с сыновьями мирзы Юсуфа — Юнусом, Алеем и Ак-мирзой³⁰, «да и вси те мырзы, которые выбиты из Нагай, да Казы мырза да Крымской царь прислали с ними вместе, Шигаь Багатырь Айтулов³¹, да с ним крымцы и янычяне; и приступали к городу, и Дербыш царь и все астороханьцы, наряд на горе исправя и казаков с пищальми царя и великого князя приготова, с ними билися и побили у города многих ис пушек и ис пищалей и прогнали их». Дервиш послал вдогонку за бежавшим неприятелем самого Джан-Тимура, который и отправил своего человека в Москву «с погони» [ПСРЛ 1914: 551; ПСРЛ 1965: 245].

Как сообщал из Крыма Ф.Загряжский, Девлет-Гирей с Ямгурчи и детьми Юсуфа «хотят на весну Астрахани доставати». Да и сам Дервиш стал склоняться на крымскую сторону: вскоре калгой себе он взял крымского «царевича» Казбулата, сына Девлет-Гирея [Сафаргалиев 1952: 48; Бурдей 1956: 200; Ischboldin 1973: 86].

В феврале 1555 г. в Москве принимают представителей влиятельного в Ногайской Орде Арслан-мирзы, поддерживавшего Исмала и его промосковский курс. Получив известия о волнениях среди ногаев и готовящейся измене Дервиша, внешнеполитическое ведомство Ивана IV выслало летом к Исмаилу Игнатия Загряжского и Мясоеда Вислого. В их задачу входило уговорить ногайскую знать оставаться лояльной Москве и добиться согласия на совместные военные действия против Крыма весной 1556 г. Взамен из Москвы обещали посадить на крымском престоле сына Дервиш-Али Янтемира. Миссия не удалась: дипломаты приехали в Орду как раз тогда, когда власть там временно захватил Юнус, сын недоброжелателя Москвы Юсуфа [Граля 1994: 202].

В мае 1555 г. П.Тургенев доносил из Астрахани о нападении Ямгурчи и детей Юсуфа на город. Дервиш-Али вошел в переговоры с Юсуфовыми сыновьями и сумел переманить их на свою сторону:

²⁹ По Никоновской летописи — апрель 7063 г. В Львовской — сентябрь 7063 г., т.е. 1554 г. Следуя хронологии Львовской летописи и учитывая дорогу до Москвы с поля, можно заключить, что попытка Ямгурчи отвоевать у Дервиша власть относится приблизительно к середине — второй половине августа 1554 г., т.е. когда до Ивана IV еще даже не дошла весть о взятии Хаджи-Тархана. Более вероятно хронология Никоновской летописи: тогда осада, предпринятая Ямгурчи, относится к марту 1555 г.

³⁰ О детях Юсуфа подробно см. [Трепавлов 1997а: 55–57].

³¹ «Шигаь багатырь Айтулов» — в Никоновской [ПСРЛ 1965: 245].

они разбили Ямгурчи («и з братьею, Нагайлы царевича и брата его Крым-Гирей царевича побили»³²), а Дервиш перевез их за это на левую сторону Волги [ПСРЛ 1914: 560; ПСРЛ 1965: 255; Ischboldin 1973: 86]. Хан обладал плавательными средствами и контролировал волжские переправы. На левобережье сыновья Юсуфа напали на Исмаила. На короткое время братьям удалось захватить Сарайчик, а с ним и власть в Ногайской Орде.

Летом 1555 г.³³ «по Исмаилеву челобитью» на Волгу был послан стрелецкий голова Григорий Кафтырев с отрядом стрельцов и казачий атаман Федор Павлов. В задачу группы входили контроль за волжскими переправами, охрана их от сыновей Юсуфа. Кафтырев должен был войти в контакт с Дервишем и в случае необходимости прийти к нему на помощь [ПСРЛ 1914: 560].

Вскоре Г.Кафтырев сообщил в Москву, что по дороге он встретил на Волге П.Тургенева, которого «отпустил» в Москву Дервиш-Али. Если мы вспомним фразу Разрядной книги о том, что П.Тургенев был оставлен в Астрахани «годовать» [Разрядная 1978: 469], тогда его отпуск (ровно через год после взятия города в 1554 г.) становится вполне объяснимым. Своего посла к великому князю хан с Тургеневым не послал. Стрелецкий голова решает вернуть П.Тургенева в город: «Григорей Петра воротил и сам погреб в Асторохань с стрельцы и со всеми казакы» [ПСРЛ 1914: 560; ПСРЛ 1965: 255].

В августе 1555 г. в Москве были получены новые известия из Астрахани: от Г.Кафтырева приехал гонец, его подчиненный стрелецкий сотник Степан Кобелев. Голова с П.Тургеневым и Ф.Павловым подошли к городу, но он вновь был пуст: жители и хан бежали, «потому солгали им, что на них царь и великий князь рать послал и побити их велел всех, и они от страха выбежали». Крымский хан посылает Дервишу трех царевичей, князя Чегилека «с пушками и пищали», вероятно для обороны города. Г.Кафтырев не стал обострять положение: сославшись с Дервиш-Али, он объявил о том, что Иван IV пожаловал хана и послал к нему своего посла Л.Мансурова. Кроме того, из Москвы вместе с ним были отпущены захваченные в плен в 1554 г. астраханские царицы, отпущен посол Дервиша «Клеш»³⁴, а также задержанный в столице посол Ямгурчи «Тонотар» (или «Тонотор», «Тонатар») [ПСРЛ 1914: 562–563; ПСРЛ 1965: 259]; (см. также [Граля 1994: 204]). Я полагаю, что это руководитель (или член) не зафиксированного

³² Это, без сомнения, тот самый Крым-Гирей (сын Озтимура, внук Муртазы и племянник Аккубека), который хотел выехать с московским послом Севастьяном из Астрахани в 1552 г. служить великому князю. Из летописного сообщения узнаем имя его брата — Ногайлы, а также то, что оба султана не покинули Ямгурчи.

³³ Летопись упоминает о посылке стрелецкого головы летом, а о присылке его письма с Волги — в мае. Вероятно, послан он был все-таки весной.

³⁴ Такое написание подтверждает мысль о том, что в сочетании «Кара (Кура) клеш» содержится не только имя, но и указание на родовую принадлежность (*курат/кунграт*).

в источниках посольства Ямгурчи к Ивану IV, предположительно в 1552 или 1553 г.

В Москве понимали, что более действенной в Нижнем Поволжье окажется не политика силы, а стратегия уступок и компромиссов: Г.Кафтырев объявил Дервишу, что великий князь «дань... на сей год пожаловал отдал» [ПСРЛ 1914: 563]. Дервиш-Али с детьми и «вся земля» астраханская снова вернулись в город.

Леонтий Мансуров выехал из Москвы в сопровождении князей «Клеша» и «Корлена», посла бывшего хана Ямгурчи князя «Тонотара» и цариц 24 мая 1555 г. Путь по Волге они должны были преодолеть на судах. Летопись прямо указывает, что цариц («Тевкель царицу и з дочерию да другую царицу Гандазу цареву Шавкалову дочь») Иван IV отпустил «по Дербышеву челобитью»: вероятно, эта просьба содержалась в документах его посольства в Москву с князем «Клешем». Царицы вернулись не все: Ельякши (Ульяния), родившая сына Ямгурчи Ярышты (Петра), как мы уже знаем, осталась в Москве и вышла замуж за З.И.Плещеева.

Мансуров «поздорову» добрался до Астрахани. К периоду его пребывания на нижней Волге относится весьма любопытное известие Разрядной книги 1550–1636 гг. Согласно этому источнику, московские отряды столкнулись не с одним укреплением города, а с двумя: «А как государевы воеводы... на Астарахань приходили, и было в Астарахани два города плетены в комышу да насыпаны землею». Эти укрепления не пострадали в результате военных действий. После ухода основных московских сил в регионе произошло своего рода этнополитическое размежевание: Дервиш-Али со своими приверженцами стал жить в одном городе, московский представитель Леонтий Мансуров — в другом («И в одном городе учал жить царевич Дербыш с татары, а в другом городе сел Левонтей Мансуров з государевыми людьми» [Разрядная 1975: 36]).

Это свидетельство помогает разобраться в целом ряде проблем: прежде всего в сложном вопросе поисков дорусского города — Хаджи-Тархана XV–XVI вв. Теперь понятно, что укрепления подобного рода (камышовые плетни, засыпанные землей) просто не могли сохраниться до наших дней. Уничтожить такую степную крепость с помощью артиллерии и огня было очень легко. Понятно, почему на городище Шареный Бугор отсутствуют слои конца XV–XVI вв.: к тому времени Хаджи-Тархан существовал в виде непрочного земляного городка или даже ряда таких временных ставок хана. Ясно, почему астраханские «взятия» давались так легко как ногаям, крымчанам (Мухаммед-Гирею, Ислам-Гирею, Сахиб-Гирею), так и казакам и московским регулярным частям: никакой осады попросту не было, жители убегали, а завоеватели довольствовались оставленной добычей и выгодным стратегическим положением в дельте великой реки.

Астрахань, по меньшей мере в первой половине XVI в., вообще могла быть не одним городом, окруженным каменными стенами и рвами, а достаточно примитивной, ежегодно возобновляемой (причем не обязательно даже на одном и том же месте) крепостцой, служившей резиденцией хана зимой, а в другое время представлявшей собой рынок. Русская каменная крепость — Астраханский Кремль — не имела в дельте предшественников подобного масштаба. В связи с этим уместно вспомнить сообщение П.Небольсина о существовании в окрестностях современного города ряда древних укреплений. Так, он писал о городке на правом берегу Волги, «на седьмой версте выше селения Солянки, в том самом месте, где находится теперь так называемая Стрелецкая Ватага... Татарское название этого места — Куюк-Кала³⁵, что значит Горелый Городок. Говорят, что Ямгурчей имел здесь свое летнее пребывание». При размыве берега в этом месте находили кости, монеты, а также кирпичи [Небольсин 1852: 58]. Весьма заманчиво было бы отождествить этот городок с тем, в котором поселился Л.Мансуров. И вот почему.

Фактическое двоевластие (Мансуров–Дервиш) в низовьях Волги, выраженное к тому же столь явно в существовании двух резиденций — двух Астраханских городков — хана и московского наместника (в своем письме в Москву, привезенном 5 марта, он назвал эту крепостцу «Малым городом у Волги»; стало быть, «большой город», где сидел Дервиш, был не у Волги?), не могло не вылиться в открытое противостояние.

Первые военные столкновения сторонников Дервиша и московских «государевых людей» произошли, согласно Разрядной книге, в том же, 1554 г., сразу после ухода основных московских сил. Однако скорее всего это ошибка, и события следует сдвинуть на год вперед. Осенью Дервиш-Али, «сослався с ногайскими людьми, чтоб им приступить к государевым людям, Левонтию Мансурову. И татаровя ногаи пришли к Астарахани все и повели гору поленну, и как ветер потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и гору зажгли. И государевы люди от дыму из города побежали к судом, и суды все просечены. А Левонтей ушел с семью человеки в плотке на верхней острог» [Разрядная 1975: 36] (см. также [Трепавлов 2001а: 284]). Ногайская тактика весьма остроумна и, что самое главное, традиционна. Позднее, в 1587 г. посол ногайского князя Уруса в Османской империи, прося султана организовать поход на Астрахань, говорил: «...а мы все Нагайскою ордою станем приступить к Асторохани, лес и камыш станем возити» [Судаков 1891: 67]. Не утвердилось ли за этим укреплением название «Горелый Городок» именно после осады в нем Л.Мансурова?

³⁵ Коек действительно по-татарски означает «горелый», что в сочетании со словом *кала* — «крепость» значит «Горелый Городок».

Несмотря на соблазн сделать такой вывод, с категоричным ответом следует повременить.

Помимо этого городка С.Гмелин, а за ним и П.Небольсин упоминают о существовании еще одного, который назывался Чунгур и находился в полуверсте от селения Машаик, в 7 верстах от Астрахани, за Казачьим Бугром. Там также находили серебряные и золотые «тагарские» монеты, украшения и др. [Небольсин 1852: 59].

Можно себе представить, какого размера была крепостца Л.Мансурова, если людей оттуда можно было просто выкурить дымом. Интересно упоминание еще одного укрепления в пределах завоеванного ханства — «верхнего острога». Вероятно, имеется в виду промежуточный плацдарм, созданный Пронским, например, в районе Переволоки.

В ноябре 1555 г. в Москву вернулись Г.Кафтырев и П.Тургенев. Вместе с ними прибыл и посол Дервиша, Темир. По сведениям Кафтырева и Тургенева, Дервиш не «прямил» великому князю, ссылаясь с Крымом и детьми Юсуфа, враждебными Исмаилу.

В начале 1556 г. из Москвы в Ногайскую Орду к Исмаилу предполагалось послать Андрея Тишкова, который должен был сообщить о готовности Москвы к наступлению на Астрахань. Главной целью посольства было заключение новой шерти. В наказе А.Тишкову говорилось, что Иван IV «измену его (Дервиш-Али. — И.З.) сыскал как он с крымским царем ссылался и дружился, и как с мирзами ис Казани шертью уверился» [Бурдей 1956: 200; ПСРЛ 1914: 568]. Измена Дервиша иногда объяснялась «неволею». По словам Г.Перетятковича, это кажется совершенно справедливым: «Свыше сил его было удержаться при подобных условиях в известных отношениях к Москве и наблюдать интересы русского царя среди магометанских общественных союзов и между своими мусульманскими подданными» [Перетяткович 1877: 229].

Гонец Исмаила, Бигчура, приехавший в Москву 1 марта 1556 г., сообщил, что Дервиш в союзе с Юсуфовыми детьми и Крымом выбил Л.Мансурова из города. 5 марта пришла грамота от самого Л.Мансурова. Он сообщал, что Дервиш «изменил» великому князю «и тех князей, кои сложились прямо царю и великому князю, Бегулу с товарищы, побили и к нему приступали три дни со всеми людьми, а он сидел в малом городе у Волги и отбил от Астороханцов». Мансурову удалось уйти на судах вверх по Волге. Из 500 человек его отряда в живых осталось 350 (или 308): остальные либо были убиты, либо утонули и умерли от голода во время бегства [ПСРЛ 1914: 568; Ширококорд 2000: 32–33].

Исмаил сообщал о своей готовности взять город и просил помощи. Он предлагал Ивану IV заменить Дервиша каким-либо другим татарским царевичем, так как «Астрахани без царя и без татар быть нельзя, а ти Кайбулу царевича царем учинив одново отпусти. А похочеш татар, ино татар мы добудем» (цит. по [Сафаргалиев 1952: 48]).

В марте же гонец Исмаила Бигчура был отпущен из Москвы, а с ним на подмогу послано 50 казаков с пищальми («в головах Уланка с товарищы»). Полею на лыжах («на ртах») на Волгу было послано «для Исмаила и Астороханского дела казаков 500 человек, атамана Ляпунка Филимонова и иных атаманов с товарищы». Тогда же, в марте на Астрахань были отпущены стрелецкая рать под командованием головы Ивана Черемисинова «с его стрелцы» и Михаил Колупаев «с казаки». Отрядом вятчан, по летописи, командовал Федор Писемский. «В прибавку» к войску был также послан стрелецкий голова Тимофей Пухов сын Тетерин, а также «атаманы казаки многие» и все тот же «Феодор Посемский» (?). Разрядная книга добавляет: «...а письменных голов с ними было: Федор Писемский да Тимоха Тетерин, а с казаки, с вятченны голова Федор Черемисинов» [Разрядная 1975: 36]³⁶. Войску предписывалось идти на Астрахань в судах и «промышляти своим делом, как его милосердый Бог поможет» [ПСРЛ 1914: 568].

Ляпун Филимонов, отпущенный раньше, успел к городу первым. В августе 1556 г. в Москву от него привели «два мурзы Крымские Курати Шидяка з братом»³⁷. Они были захвачены атаманом «в языках», когда Ляпун приходил на Дервиша, «побил многих людей и поймал многие в полон». Языки сказали, что помощь Крыма выразилась лишь в присылке 700 татар и 300 янычар под командованием «Атман-Дувана», которых Девлет-Гирей с «пищальми, да и пушки прислал на бжежение Асторохани» [ПСРЛ 1914: 574–575; Бурдей 1956: 200; Ischboldin 1973: 86]. Подойдя к городу (здесь скорее всего имеется в виду крепостца Дервиша), воеводы И.Черемисинов и М.Колупаев опять никого не обнаружили: «...царь из Астрахани побегал, а город выжег»³⁸. И Иван и Михайла сели в Астрахани и город зделали земляной, а жили в Астрахани два годы» [Разрядная 1975: 37].

В сентябре 1556 г. («у Троицы») в Москву прибыли гонцы от руководителей астраханского похода: «сын боярской Онтонко Потулов да атаман казачей Архипко да Вятчанин Шелом». Головы писали, что «пришли они в Асторохань, а град пуст, царь и люди выбежали; и головы в городе в Асторохани сели и город зделали крепок, и утвердив совсем, за царем ходили пять ден от Асторохани в Мачаки к морю; и нашли суды все Астороханские, посекали и пожгли, и людей не дошли: пошли на берег далече»³⁹; а в другие ходили плавные головы Феодор Писемской да Тимофей Тетерин и сошли царя от берегу верст

³⁶ Таким образом, объясняется ошибка Львовской летописи, два раза называющей Ф.Писемского. Вятчанами командовал Черемисин. Разрядная книга, видимо, ошибочно называет последнего Федором.

³⁷ То есть опять два представителя клана Кунграт. Хотя, может быть, вероятнее другое прочтение: «Курат и Шидяка з братом».

³⁸ А может быть, Горелый Городец это крепость Дервиша?

³⁹ То есть к Каспию.

з дватцать, и пришли ночью на царя и побили в улусех у него многих людей; и на утро собрався Дербыш царь с мурзами Нагайскими и с Крымцы и со всеми Астороханцы, и бились с ними, до Волги идучи весь день; и отошли головы со всеми людьми, дал Бог, здорово; а прежде их приходил на царя Ляпун отоман с товарищи и поймал многие улусы, княгини и девки, жонки и робята, а людей побил многих: потому Астороханцы и выбежали из города» [ПСРЛ 1914: 576].

Таким образом, Ляпун не брал город, а довольствовался грабежом, поэтому утверждение А.А.Гордеева, что атаман передал город стрельцам и отошел с казаками на Переволоку для ее охраны от нападений ногаев [Гордеев 1992: 29], следует признать ошибочным. И.Черемисинов снова ссылается с Дервиш-Али, который заявляет о своей лояльности Москве и готовности дать «правду» великому князю. Все его измены происходили будто бы «неволею». Головы выменивают у астраханцев московского посла Андрея Тишкова, посланного к Исмаилу и попавшему в плен: за него отдали 15 «жонок Астороханьского полону» [ПСРЛ 1914: 576].

Астрахань была взята на этот раз навсегда. Черемисинов и Колупаев укрепляются в городе, «как им безстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрелцов роставили и отняли всю волю у Нагай, у Астороханцов рыбные ловли и перевозки все» [ПСРЛ 1914: 576]⁴⁰. Дервиш, однако, не приехал к московским представителям: 23 сентября головы прислали новое письмо, в котором говорилось, что хан «шерть свою изменил, а крепит его, от государя отводит от нашего Атаман Дуван»⁴¹, крымского царя воевода» [ПСРЛ 1914: 576].

Осенью 1556 г. Исмаил помирился с Юсуфовыми потомками, и они вместе начали военные действия против Дервиша. Ногаи дали шерть астраханским воеводам. Юнус, преследуя Дервиша, отбил у него артиллерию, присланную из Крыма, и отправил ее в город И.Черемисинову и М.Колупаеву. Потеряв всех своих союзников, не имея никаких надежд на возвращение престола, преследуемый ногаями, Дервиш бежит в Азов, под османскую защиту, а оттуда в Мекку.

Воеводы тем временем были заняты налаживанием отношений с немногочисленным и рассеянным долгими неурядицами населением ханства — черными «улусными» людьми, т.е. не горожанами, которых, вероятно, к тому времени почти не осталось (в том числе и в живых), а с жителями ханских и бийских земель⁴². И.Черемисинов им «велел жити по старому у города у Асторохани и дань давати» [ПСРЛ 1914: 578–579].

⁴⁰ Важнейшим перевозом был так называемый «Ханский брод» между Сентовкой и Ак-Месджидом [Небольсин 1852: 108].

⁴¹ Это тот самый «Атман», т.е. Осман-дуван, присланный Девлетом на помощь Дервишу.

⁴² О социальной структуре ханства подробнее см. [Исхаков 2001: 117–118].

Любопытное легендарное воспоминание о завоевании Астрахани сохранилось у кундровских татар. Некий Това-батыр, храбрый и смелый воин, воевал с русскими. Когда они пришли в город и заняли его, Това-батыр был в Царицыне и «оттуда стрелял в русских из пушек. Когда русские стали одолевать, Това не хотел им поддаться, бросился в Волгу и утонул. Возле Астрахани есть на небольшом бугре кладбище, называемое Сарай. На этом кладбище похоронен Това-батыр. Говорят, что когда Тажал⁴³ пророет гору и выйдет на наш свет, то Това-батыр встанет из земли и будет с ним воевать» [Мошков 1894: 65].

Имя предпоследнего хана, Ямгурчи, сохранилось в топонимике современного города: это Ямгурчиев мост через реку Кутум у главного городского базара Большие Исады, а также Ямгурчиева (Огурчиева) слобода за этим мостом⁴⁴. Еще С.Г.Гмелин считал, что Ямгурчиев городок (слобода) — стан Ямгурчея, который он оставил при приближении московских войск [Гмелин 1777: 71].

В российской историографии существует точка зрения, согласно которой завоевание Астрахани не входило в планы Ивана IV, присоединение города произошло как бы случайно. «Таким образом покорение и удержание Астрахани было вначале делом интриг степных князьков, и хотя оно удовлетворяло тщеславию названием Царства, но не было и не могло тогда казаться нужным „Московии“, занятой борьбою на Западе, с трудом удерживавшей бунтующую Казань, и особенно устрашаемой со стороны Крыма» [Соколов 1845: 44–45, 46]. Мнение о зависимости астраханских ханов от ногаев, Большой Орды, а также от ханов Казани и Крыма было очень распространено в российской и зарубежной историографии (см., например, [Соколов 1845: 44; Степанов 1970: 339]). Падение Астраханского государства часто объяснялось распадом Ногайской Орды и последовавшим переселением так называемых Малых ногаев со средней Волги: вакуум власти был немедленно заполнен донскими казаками [Kortepeter 1974: 27]. Роль города в судьбе ногаев ярко выражена в словах посла ногайского бека Уруса «Аллагула Омилдеша» в Стамбул, сказанных И.Судакову в 1587 г.: «...а меня Урус князь послал к турецкому салтану, чтобы турецкой салтан на Уруса князя и на всех мурз не пенял, что учинились в государя московского воли, чья будет Астрахань и Волга и Еик, — тово будут вся Ногайская Орда» [Судаков 1891: 62]. Как видим, завоевание Астрахани не случайность, а результат вполне продуманной, поэтапной политики Москвы.

⁴³ Ад-Даджал («обманщик») — персонаж мусульманских эсхатологических сказаний, аналогичный христианскому Антихристу. Отсутствует в Коране, но часто упоминается в хадисах и сказаниях о грядущем конце света (см. [Ислам 1991: 55–56]).

⁴⁴ Среди ногайцев-юртовцев городского поселка Машаик живет семья Жингуриных, по семейному преданию, связанная происхождением с Ямгурчи [Арсланов, Викторин 1995: 339].

Стремление Москвы овладеть землями Джучиева улуса и таким образом стать наследницей этого государства достигло своего апогея к середине XVI в. Взятие Казани в 1552 г. и подчинение Астрахани (в два этапа) не остановили московское правительство. На очереди стоял Крым [Курбский 1914: стб. 238–240; Кушева 1963: 196–198]. Проект царского правительства предусматривал смещение хана и замену его московским ставленником Янтемиром (сыном астраханского хана Дервиш-Али). Однако столкновение с Крымским ханством было чревато конфликтом с Турцией. Московская политика поддержания мира с султаном, проводившаяся с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами, не изменилась и в 50-е годы. Турция следовала той же тактике. Две державы не вступали в открытые конфликты. В 1554 г. Иван официально отклоняет просьбу черкесских князей дать им помощь против султана, так как «турской салтан в миру с царем» [ПСРЛ 1906: 259]. После удачного набега на Крым А.Ф.Адашев освободил всех захваченных турок, потому что «с Турским государь в дружбе и воевати его не велел» [ПСРЛ 1906: 318]. Проект так называемой «антитурецкой» коалиции Московского государства и Литвы в 1555–1559 гг. [Флоря 1979: 71–83] в действительности не предполагал совместной борьбы с Османской империей (в документах, относящихся к попыткам Москвы сколотить этот блок, Турция не называется), а предусматривал наступление только на Крым. Вопрос возможного участия Турции в судьбе ханства в случае нападения на него московских и литовских сил в консультациях двух сторон был обойден.

Завоевание Казани и Астрахани вызвало крайне негативную реакцию в Крыму, однако реальная реакция Турции на эти события нам неизвестна. Никаких враждебных Русскому государству действий Стамбул не предпринял. Османская империя осталась абсолютно безучастной к судьбе этих государств. Вместе с тем в Крыму, видимо, были склонны винить Стамбул в том, что его позиция не позволила и крымским ханам противопоставить что-то русским завоеваниям. Данных об этом для 50-х годов XVI в. у нас нет, но по крайней мере значительно позже, в XVIII в., настроения, отражающие стремление Крыма к гегемонии среди джучидских государств, существовали. В так называемой Исторической справке последнего крымского хана, Шахин-Гирея, русскому резиденту Константинову, источником для которой послужили какие-то крымские исторические сочинения, не дошедшие до нас, было сказано: «И как заведение и низложение ханов крымских зависимо стало от Порты Оттоманской, то сие принесло великий ущерб татарским делам и умаление их сил, почему в 960 г. царь Василий Иванович Гаджи Тархан городом завладел, а в 970 царь (имя в подлиннике пропущено. — И.З.) казанскую крепость присоединил к российскому государству» [Дубровин 1887: 482]. Несмотря на

неверную хронологию и ошибочное имя русского «царя», это сообщение, видимо, отражает реальную позицию ханов по отношению к завоеваниям Москвы и недовольство Крыма турецкой позицией в данном вопросе.

Благодаря умелым действиям московских дипломатов к концу 50-х годов XVI в. значительное число ногаев было привлечено к планам царя по завоеванию Казани и Астрахани. Фактический нейтралитет большинства ногайских мирз при взятии Казани и их действенная помощь в решении «астраханского вопроса» сыграли на руку Москве. Попытки турок обратить ногайских мирз против Московского государства (посольство Чауша Ахмеда) [РГАДА, ф. 127, оп. 4, л. 11–11об., 33, 36, 39–40об., 53 и др.] успеха не имели.

В записках османского адмирала египетского флота Сейди Али Реиса, совершившего беспрецедентное путешествие по странам Азии с 1554 по 1557 г. [Haji Khalifeh 1831: 72–77; The Travels 1899], содержатся интересные сведения о положении в прикаспийских степях в начале 1557 г., т.е. сразу же после взятия московскими войсками Астрахани. Еще в Хорезме адмирала и его спутников предупредили: «...мангиты даже хуже, чем узбеки, и, когда они видят чужеземцев, они непременно захватывают их для русских», которые поощряли эту практику [The Travels 1899: 80]. В Шаме (между Хорезмом и Волгой) путешественники встретили нескольких мусульман, возвращавшихся после хаджа. По их словам, все пути в степи были перекрыты, «Астрахань взята русскими, Ахмед чауш сражался с ними», а турецкий ага был взят в плен мирзой Арсланом. Сейди Али вынужден был повернуть [The Travels 1899: 81].

Таким образом, ногаи в это время придерживались прорусской ориентации. По данным документов из «Реестров важных дел», в 1559 г. ногаи принимают активное участие в осаде Азака и военных операциях в Приазовье [Üçüncü 1993: 41, № 79]. Среди ногаев были и настроенные протурецки, на рубеже 1550–1560-х годов бежавшие в Бессарабию, в Буджак [Трепавлов 1998: 135]. Ногайская аристократия еще очень долго выбирала между Москвой и Стамбулом [List 1964: 450]. Однако судьба большей части улуса Джучи уже была предопределена: нейтралитет Османской империи в решении внутриджучидских проблем позволил Московскому государству выиграть спор с Крымом и захватить к середине 50-х годов XVI в. значительную территорию бывшей Золотой Орды.

В Европе завоевание Астрахани прошло практически незамеченным, да по-другому и не могло быть: о существовании Астраханского ханства там было попросту неизвестно. Европейские умы питались старыми сказками о Великом хане, или императоре Татарии, который правит где-то чуть ли не на границе с Китаем и к тому же, может быть, христианин. В 1554 г., например, Доменико Тревизан писал в своей

реляции об Османской империи о главе, или императоре, Татарии, которого зовут *Gran Cane di Tartaria* и который правит страной, простирающейся севернее Каспийского моря, частью граничащей с провинцией Кафы [Trevisano 1842: 135]. Да и в Московском государстве взятие Астрахани не вызвало почти никакого отклика, как будто после московского триумфа 2 октября 1552 г. это было уже делом вполне заурядным [Huttenbach 1988: 65].

О потомках астраханских ханов известно не так много. Сведения о Дервиш-Али ограничиваются его уходом в Мекку. А.Н.Курат считал, что Дервиш и Ямгурчи со своими приближенными жили после падения города в Турции [Kurat 1961: 12]. Й.Озтуна полагал, что Дервиш вместе со своим наследником бежал в Азов и нашел прибежище в Османской империи [Öztuna 1989: 553]. Действительно, в реестре № IV *Mühimme Defterleri* (*hüküm* n° 281) имеется краткая запись в 3 строки от 23 джумада I 967 г.х. (20 марта 1560 г.) о выплате 30 акче сыновьям Дервиша-Али, укrywшимся в Турции (см. [Bennigsen 1967]). Имя одного из них известно — Мухаммед. Он находился на содержании султана. Как сообщал И.П.Новосильцев в 1570 г., «у Турского ж салтана астороханской Дервиш Алеев сын Магмет-царевич, а живет в Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают, а ест Турского олафу, а к себе ему Турской ездити не велит» [Путешествия, 1954: 89 (389)]. В том же источнике упомянуты и некие «астороханский Семен-мурза да Тенимом зовут Тербердеев с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов» [Путешествия 1954: 67].

В Стамбуле оказались и сторонники Ямгурчи. В мухарраме 976 (июнь-июль 1568 г.) был написан ответ Селима II на послание Девлет-Гирея, в котором хан сообщал, что он готов начать военную кампанию для отвоевания Астрахани. В первой части султанского письма речь шла о подготовке астраханского похода. Вторая часть послания посвящена больше вопросу сложных отношений хана Девлет-Гирея с другими ханами из династии Гиреев. Падишах обещает ему, в частности, изгнать в Алжир некоторых особенно ярых сторонников астраханского хана Ямгурчи (*hüküm* n° 2745) (см. [Bennigsen 1967]). Эвлия Челеби в своем сочинении упоминает среди хешдеков каких-то займов и падишах-заде, которых комментаторы его труда считают «потомками астраханских ханов» (см. [Эвлия 1979: 133, 234, примеч. 10]). В данном случае это скорее не так. Займами в Османской империи назывались владельцы крупных ленных владений — зеаметов (с годовым доходом от 20 000 до 99 999 акче). Этими займами могли быть представители ногайской или башкирской знати. Кто такие падишах-заде, сказать труднее, но вряд ли это потомки астраханских Джучидов. Отдельные представители хаджи-тарханской аристократии выбрали путь служения России. Так, например, в 1565 г.

«астраханские мурзы» участвовали в боевых действиях с Литвой на московской стороне [Разрядная 1974: 20]. Прибывавшими в столицу и Подмоскovie выходцами из джучидских ханств занимался Посольский приказ. Для второй половины XVI в. имеется такое указание источника: «...да в том же приказе ведомы донские казаки, татарова крещенные и некрещенные, которые в прошлых годах взяты в полон из Казанского, Астраханского, Сибирского и Касимовского царств, и даны им вотчины и поместья в подмосковных ближних городах...» (цит. по [Хайретдинов 2003: 55]).

Вероятно, некоторые астраханские Джучиды бежали в Крым и принимали участие в набегах на московские земли. Так, 30 июля 1572 г. какого-то астраханского царевича московские войска взяли «жива» между Молодями и Лопасней в ходе Молодинской битвы (26 июля — 3 августа 1572 г.) [Бурдей 1963: 71–72]. В грамоте Девлет-Гирея, направленной тогда в Москву, говорилось: «Казань и Асторохань дашь и с ротною своею грамотою и ключи астороханские и казанские одному своему олпауту на руки дашь и с любовною своею грамотою, своих детей и князей и веременников ротные грамоты взяв...». Однако вскоре после поражения под Молодями крымский гонец Шигаи передавал слова Девлет-Гирея Ю.Темирову: «И царь бы и великий князь дал мне Казани и Асторохани. А не даст Казани и Асторохани, и он бы дал одну Асторохань для того, что ему соромно от брата своего от Турского, что он со царем и великим князем воюетца, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет, и ничего с ним не учинит». В обмен на это Девлет-Гирей обещал не нападать на Московское великое княжество [Бурдей 1963: 75–76].

Несмотря на призыв к ногаям продолжать кочевание, какая-то часть их после завоевания города все же ушла в крымские владения. По мнению Тунманна, крымские ханы, преемники Мухаммед-Гирея, во время войн с астраханскими ногаями переселяли пленных, а также добровольно покинувших Волгу на Кубань. Особенно много ногаев переселилось туда во время и после «разрушения астраханского государства» [Тунманн 1991: 62]. Если основная часть ногаев и татар после взятия города московскими войсками ушла в Крым, то, вероятно, гораздо меньшая часть после бегства оказалась у границ Речи Посполитой на Волыни и Подолии [Baranowski 1950: 133; Borawski 1977: 300].

После присоединения «мурзы и черные татары», оставшиеся в городе, были записаны в службу и должны были платить ясак. Они получили название юртовые, или домовные, а оставшиеся в степях под управлением покорившихся князей — кочевные. Последние очень скоро исчезают с исторической арены. По мнению В.Н.Татищева, среди юртовых татар более ста человек были «мурзами», «они тогда пожалованы всеми учюгами и землями, как они прежде имели, и сверх того по заслугам определено жалованье. Но их и землях, сколько у кого

тогда было подданных, ничего нигде по гисториам и делам не видно» [Татищев 1996: 37]. Ясашные, или черные, татары, которые платили подати при ханах и выполняли ханские повинности, были оставлены в том же положении: размеры ясака не изменились. При Борисе Годунове число таких ясашных татар достигало 25 тысяч «луков»⁴⁵. Земли, которыми владели эти татары до взятия города, были оставлены в их распоряжении (пожалованы вновь), однако опись этих земель не была произведена. Отсутствовала подобная опись и применительно к княжеским землям [Татищев 1996: 37, 39].

Присоединение Астрахани к Московскому государству в 1554–1556 гг. не означало окончательного закрепления в регионе царской власти. По мнению целого ряда историков, русские еще довольно долго не чувствовали себя хозяевами нижней Волги: под контролем Москвы находилась лишь узкая прибрежная полоса великой реки. Возможно, именно в этой неустойчивости, пограничного положения города во второй половине XVI в. следует искать причины активной роли Астрахани в событиях Смуты, а также опасности возможного «отложения» (присоединения к Персии) города от Московского государства в начале XVII в. (см. [Бернадский 1939: 94, 116]). Тема отпадения «государства Астороханского» от Москвы сплошь и рядом звучит в исторических произведениях, повествующих о периоде Смуты [Памятники 1909: стб. 108].

Между прочим, в русских пословицах, записанных в XVII в., тема отдаленности Астрахани и опасности волжского пути еще очень сильна: «Ахтуба пуста, а без караула не гуляй», «Астрахан далеке, а Сибирь и дале того», «Гулял млад в низ»⁴⁶ по Волге, да набрел смерть близ не в долге» [Старинные 1899: 74, 77, 92].

В Крыму очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию — надбавки к наибольшей, имевшей место ранее сумме поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это [Фанзов 1994: 53].

Крымские ханы еще и в середине XVII в. были уверены в том, что ханства удасться отвоевать (или по крайней мере надеяться на это) [Soysal 1939: 35, 41, 56]. В пакте между Польшей и Крымом в 1654 г. специально оговаривалось, что в случае войны Крыма с Москвой, когда Крым с божьей помощью завоеует Эдждерхан, Казань, Терек и Туру, король не будет против этого (а также того, что все другие

исламские земли, народы татарского и ногайского происхождения будут принадлежать крымским ханам) (см. [Inalcik 1986: 188–189]). Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, после завоевания Астрахани московскими войсками Девлет-Гирей «пошел и освободил этот город, но когда возвращался назад, предводительствуя 90 000 войском», на него напал «поселившийся в России и славный отважностью между неверными, выкред из персидских армян Шир-Мердун, ошибочно называемый Шир-Медом»⁴⁷. В ожесточенной битве хан победил врага и вернулся в Крым [Негри 1844: 384]. Возможно, что это свидетельство — отражение событий астраханского похода крымских и османских войск в 1569 г. Даже после поражения 1572 г. (Молодинская битва) Девлет-Гирей продолжал настаивать на своем требовании посадить царем на Казани и Астрахани Адиль-Гирея (его сына). В какой-то момент московская дипломатия согласилась на уступку Астрахани в обмен на обязательства Девлет-Гирея выступить на стороне Москвы в борьбе за Украину. При этом в Москве не строили иллюзий относительно ответственности этих обязательств. Один из сановников в Крыму так говорил московскому дипломату: «...а хотя ныне князь великий и отдаст Казань и Асторохань, а и тем царя не утешит же. А ведь государь бусурманский хотя и правду даст, а князь великий ему Казань и Асторохань даст, царю и тогда воевати ж» (цит. по [Бурдей 1963: 50, 63–64]). В середине 70-х годов XVI в. Москва всерьез допускала возможность нового крымского похода на Астрахань и старалась заручиться поддержкой ногаев на этот случай [Посольская книга 2003: 40].

Османская дипломатия также вынашивала определенные планы относительно низовьев Волги — удобного стратегического плацдарма для удара по сефевидскому Ирану — заклятому врагу османов на востоке. Известный османско-крымский поход на Астрахань 1569 г. — лишь один из эпизодов политики султанов на Северном Кавказе и в Причерноморье. В начале 70-х годов в связи с московским походом Девлет-Гирея Селим II пытался решить астраханскую (и казанскую) проблему в пользу Крыма, однако никаких определенных шагов все же не было предпринято [Bennigsen 1967: 443; Lemerrier-Quelquejau 1972: 556–558]. В конце мая 1593 г. один из крымских вельмож — приближенный хана, аталык Ямгурчи, сообщал московскому посланнику С.Безобразову о планах султана: «...одноконечно на зиму турецкой хочет итти к Терке и наряд весь у него готов в Кафе, а итти... ему на Ливну, да с Ливны поворотить к Астрахани и к Терке». Причиной готовившегося похода были грабительские набеги терских казаков [Безобразов 1892: 81]. Это сообщение — одно из последних свидетельств османской активности в астраханском направлении.

⁴⁵ В.Фукс и М.Куни писали, что всех татар после покорения Астрахани было 25 000 семей [Фукс, Куни 1858: 114]. А.А.Герасимов и Г.Газиз (Губайдуллин) считали, что в Астраханском ханстве было около 500 князей и мирз («белая кость») и около 10 000 «черных» людей, плативших ясак [Герасимов 1923: 91; Газиз 1994: 90].

⁴⁶ В последней пословице раздельное написание «в низ», возможно, имеет глубокий смысл: «низ» — дельта реки, т.е. Астрахань.

⁴⁷ Речь идет о Шереметеве.

Глава VIII

КУЛЬТУРА АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА¹

И войлоком на соли голой
Пестрели ярко города,
Где с диким гиканьем монголы
Пасли косматые стада.

.....
И прели мертвые, густые
Озера Золотой Орды,
Где у становища Батыя
Вершились ханские суды.
И мы по телу рассосали,
Как застоявшийся нарыв,
Кровь орд, что весело плясали,
По трупам доски расстелив.

Михаил Зенкевич.
«На Волге», «Две крови»

Если социально-политическая и экономическая история Астраханского ханства известна нам очень плохо, то еще хуже знакомы мы с культурой Астрахани в XV–XVI вв. Виной тому прежде всего недостаток источников, и лакуну эту восполнить трудно, хотя, возможно, в будущем появятся источники, с помощью которых судить о ней можно будет более объективно. Именно поэтому все, что изложено ниже, следует расценивать лишь как первое приближение к теме.

Видимо, и ханы так называемой Большой Орды, и астраханские ханы обладали каким-то книжным собранием. Этому способствовали тесные связи Большой Орды со Средней Азией, Афганистаном и Турцией. В «Бабур-наме», в повествовании о Тимуриде султани Хусейн-мирзе, правившем в Герате с 1469 по 1506 г., говорится, что «в дни казначества» он отдал свою сестру Бади ал-Джамал Бадке-биким замуж за Ахмеда «хана Хаджи-тарханского» [Бабур-наме 1958: 189–190]. Бадке-биким была старше Хусейн-мирзы, который родился в 1438 г. Женой Ахмеда она, следовательно, могла стать в 50-х годах XV в. У Ахмеда было двое сыновей от сестры Хусейн-мирзы, которые, «придя в Герат... долгое время служили Мирзе», т.е. своему дяде [Бабур-наме 1958: 190]. Для одного из них, Бахадур-султана, Алишер

Навои сочинил так называемое «Саки-наме» («Книгу виночерпия») [Togan 1946: 371; Levend 1965: 217]². В «Хабиб-ос-Сейар» Хондемира (труд окончен около 1524 г.) говорится, что со временем (вероятно, после гибели мужа в 1481 г.) Бадке-биким вернулась к брату в Герат вместе с двумя сыновьями и дочерью, которых родила от Ахмеда [Бартольд 1964: 221; Хондемир 1955: 177]³.

Тесными были связи потомков Ахмеда с североазербайджанскими областями. Один из сыновей Ахмеда, Сейид-Мухаммед, был женат на дочери ширваншаха [Сборник Муханова 1866: 34; Литовская метрика 1910: 352]. Этим ширваншахом скорее всего был Фаррух Йасар [Ашурбейли 1983: 252–257].

В хранилище рукописей дворца Топкапы в Стамбуле есть уникальная рукопись (№ 2937)⁴, переписанная в конце XV или начале XVI в. в Мавераннахре либо в Хорасане. В начале XVI в. рукопись принадлежала внуку Ахмеда, сыну Сейид-Ахмеда Касиму, правившему в Астрахани (1502–1532). Это единственный сохранившийся до наших дней манускрипт «Шу'аб-и панджгана» — третьего тома «Собрания летописей» Рашид ад-Дина, составленного между 1306–1307 — 1310–1311 гг. Сочинение посвящено генеалогии царствующих династий «пяти народов»: тюрок и монголов, мусульман (арабов), евреев, франков и китайцев. А.З.В.Тоган предположил, что рукопись могла быть подарена Касиму его другом, ханом Мухаммедом Шайбани после завоевания последним Бухары и Самарканда в самом начале XVI в. [Togan 1946: 370–371; Togan 1962: 68; Стори 1972: 306–308]. Связи Мухаммеда Шейбани с Астраханью, видимо, были чрезвычайно тесными и, возможно, определялись еще и событиями конца 60-х годов XV в., когда юный Шейбани с братом прятался в Астрахани у Касима и мангыта Темира. По-видимому, эта приязнь Шейбани к астраханской династии послужила причиной его дружественных отношений и с ханом Казани Мухаммед-Эмином [Validi 1927: 27; Hofman 1969: 167].

Вероятно, в Астрахани уроженцем этого города — поэтом и писателем Шерифом Хаджитархани было написано сочинение «Зафер наме-йи вилайет-и Казан» («Победная книга вилайета Казань»), посвященное неудачному походу русских войск на Казань в 1550 г. «Зафер наме» было послано автором османскому султану Сулейману Кануни в 1550 г. Текст «Победной книги» был обнаружен в 1965 г. А.З.В.Тоганом в фондах библиотеки Зейтиногуллары ильчи Таушанлы в области

² Об этом жанре см. [Тезкере 1961]; в частности, об Алишере Навои [Тезкере 1961: 103–104].

³ В «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека сказано, что Ахмед имел от «Бикей» (так сестра Хусейн-мирзы названа в этом произведении) четырех сыновей: Муртазу, Идиг, Хусейна и Девлета [Джами ат-Таварих 1854: 159; Усманов 1972: 80].

⁴ См. примеч. 5 к гл. III.

¹ Глава представляет собой расширенный вариант статьи «К истории книжной культуры в Джучидских государствах» (см. [Зайцев 2000: 80–81; Zaytsev 2001; Зайцев 2003a]).

Кютахья в Турецкой республике⁵. Сочинение сохранилось в сборнике рукописей № 2348 на листах 60а–64б. Без перевода и комментария его текст был опубликован А.З.В.Тоганом в 1965 г. [Togan 1965: 194–195]⁶. По мнению М.И.Ахметзянова, к которому присоединился и Д.Исхаков, Шериф Хаджитархани и поэт, автор поэмы «Кыссаи Хубби хужа», мулла и сеид Кул-Шериф, известный политический деятель Казанского ханства, убитый при взятии города в 1552 г., — одно и то же лицо [Исхаков 1997: 59; Исхаков 1997а: 34–35].

С моей точки зрения, автор поэмы «Зафер наме-йи вилайет-и Казан», некий Шериф с нисбой Хаджитархани — это, возможно, Маулана Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи, известный как автор сочинения «Широкий тракт влюбленных» («Джиддат ал-Ашикин»). Это сочинение основано на труде Маулана Камал ад-Дин Махмуда б. Шайх Али б. Имад ад-Дин ал-Гидждувани «Ключ для ищущих истину» (مفتاح الطالبين), написанном около 950 г.х. (1543 г.), или даже является его переработкой [Собрание 1975: 235]. «Широкий тракт влюбленных» представляет собой житие Шайха Кутб ад-Дина Хусайна, умершего 8 шабана 958 г.х. (21 августа 1551 г.) По мнению Х.Эте, это был Шайх Хусайн Хваразми, умерший в 1549 г. [Ethe 1903: № 1877]. Шарифи присутствовал при кончине своего пира, Шайха Кутб ад-Дина в Алеппо, намного позже написания сочинения ал-Гидждувани, и был хорошо знаком с делами своего муршида.

Сочинение Шарифи состоит из вводной части, 14 глав и заключения. Во вводной части Шарифи пишет о *силсила*⁷ Кутб ад-Дина. В 14 главах излагаются обстоятельства жизни муршида, его передвижения и связанные с ними события в Мавераннахре, Хорезме, Иране, Малой Азии, Мекке, Медине, а также в Астрахани и других местах. В заключении Шарифи поясняет причины написания «Джиддат» и источники, использованные в труде [Собрание 1975: 235]. Рукописи «Широкого тракта влюбленных» сохранились в собрании восточных рукописей АН Узбекистана, а также в библиотеке Индийского офиса в Великобритании [Собрание 1975: 235; Ethe 1903: № 1877].

Возможно, автор трактата — это тот же человек, что и Маулана Шариф, сборник газелей которого сохранился в фонде Института рукописей имени Х.Г.Сулейменова АН Узбекистана [Каталог 1988: 194, № 615]. Ответить на этот вопрос можно будет лишь при тщатель-

⁵ Об этой рукописи А.З.В.Тоган упоминал и раньше, в работе, впервые опубликованной на турецком языке в «Türk Yurdu» (Ankara, 1963, cilt 3, sayı 6) (см. [Togan 1998: 158]).

⁶ Переводы: на татарский — М.И.Ахметзянова [Хаджитархани 1995], а также более новая перепечатка того же татарского перевода с комментарием [Кол Шериф 1997]; на русский — Ф.Хакимзянова в публикации текста А.Мелек Озьетгин [Шерифи 1995: 83–92].

⁷ Цепочка мистической преемственности.

ном анализе всех указанных текстов и их скрупулезном сопоставлении.

Безусловно, в Астрахани существовала и собственная историографическая традиция. Информаторы Утемиш-хаджи, астраханцы Баба-Али и Хаджи Нияз, были образованными людьми своего времени. Последний, видимо купец, «знаменитый своим богатством», рассказывал Утемиш-хаджи об эпохе войн между Берке и Хулагу, причем этот рассказ Хаджи Нияз сопровождал собственными комментариями относительно местностей, в которых происходили эти события [Утемиш-хаджи 1992: 97–98]. Можно предположить, что в ханстве существовали письменные фиксации событий золотоордынской истории, по всей видимости, наличествовала весьма устойчивая устная традиция, связанная с самой Астраханью, как бы включающая ее в общий ход истории. Скорее всего в городе бытовали и имели известную популярность классические произведения мусульманской историографии (например, труд Рашид ад-Дина). Татарские исторические сочинения, специально посвященные истории Астрахани (в существовании которых вряд ли стоит сомневаться), насколько мне известно, не сохранились. Согласно Р.А.Шайхиеву, у астраханских татар периодизация исторических событий по сравнению с произведениями, созданными в Сибири и Среднем Поволжье, начиналась только с периода Ивана Грозного. «Весь древний период истории называется „Ханнар заманы“ или „Хаджитархан заманы“, т.е. „Ханский период“ или „Хаджитарханский период“, без всякого упоминания деятельности каких-либо ханов» [Шайхиев 1990: 46, 42].

При дворе астраханских ханов работали писцы (*бакиш*⁸), ведавшие деловой, дипломатической перепиской, а также, вероятно, перепиской книг. Об одном из таких писцов-бакиш хана Абд ар-Рахмана, входившего в состав посольства в Москву вместе с князем Ян Магметом осенью 1540 г., упоминают русские летописи [ПСРЛ 1904: 133; ПСРЛ 1914: 455; ПСРЛ 1965б: 38].

Знали в ханстве классические произведения арабской и персидской словесности (например, «Шах-наме» Фирдоуси), образцы сочинений по точным наукам, например математике, географии (см. [Шерифи 1995: 87, 89]). Источники свидетельствуют о высокой степени развития в Золотой Орде астрономии и геодезии (см. [Федоров-Давыдов 1998а: 31]). Город Хаджи-Тархан, а позднее и Астраханское ханство не были исключением.

Вероятно, в Хаджи-Тархане работали и искусные ремесленники, строители, кузнецы, керамисты и ювелиры. До нас не дошло ни одного произведения астраханского искусства XVI в. Возможно, что казна

⁸ Употребление этого слова косвенно свидетельствует о том, что астраханская канцелярия еще не была до конца исламизирована (см. [Усманов 1985: 181]). О термине и его употреблении в джучидском делопроизводстве см. [Vásáry 1987: 31–37].

астраханского хана была вывезена в Москву, где растворилась среди богатств великого князя. Сохранилось свидетельство, что во время приема посольства Ер.Бауса (1583–1584) царь сидел, «имея возле себя три короны: Московскую, Казанскую и Астраханскую» [ЧОИДР 1884: 98]. Вероятно, последняя (если это было правильно понято дипломатом-иностранцем) была военным трофеем времен астраханского взятия или же произведением русских ювелиров, созданным в связи с присоединением города. С сожалением приходится признать, что мы еще очень мало знаем о культурной и религиозной жизни города в XV — первой половине XVI в.

Несомненно, Астрахань имела самые тесные культурные связи с Ираном, Средней Азией, Турцией, землями Дешт-и Кипчака. Эти связи обуславливались не только торговыми интересами, но и религиозным единством: город лежал на одном из традиционных путей среднеазиатских паломников в Мекку. Не случайно одной из причин похода крымских и турецких войск на Астрахань в 1569 г. считают стремление османского султана защитить среднеазиатских мусульман, которые с появлением русских на нижней Волге, совершая хадж, вынуждены были проходить через владения неверных [Kurat 1993: 159–160]. В феврале 1564 г. посол Аф.Нагой сообщал в Москву, что крымчане и османы готовят большой поход на Астрахань. Причиной его стало обращение к султану горских черкесов, астраханцев, казанцев и ногаев с призывом отвоевать город. «А большая государь, — писал Нагой, — Турскому досада на тебя то: которые бусурманы ис тюрмен и ис Крым-Шевкалов и из иных государств пойдут на Астрахань к Бахмееву гробу, и твои де государевы воеводы в Астрахани их не пропускают» [Бурдей 1962: 8]⁹. Султан Селим вел переписку по этому поводу с хивинским ханом Хаджи-Мухаммедом.

В 1568 г. в Стамбул прибыло посольство из Хивы с жалобой на то, что русские воспрепятствовали продвижению каравана паломников и купцов, направлявшегося в Азак через Астрахань [Kurat 1961: 14–15; İnalçık 1948: 369] (ср. [Бурдей 1962: 21; Баттал 1996: 32]). Турки требовали, чтобы московское правительство «открыло» Астрахань для прохода купцов и паломников [Martin 1995: 356–357]. Вопрос этот был не только религиозной проблемой: караваны паломников сопровождалась караванами купцов, и наоборот, а зачастую паломники были и купцами (см. [d'Encausse 1970: 402–409]).

Сами астраханцы также совершали хадж, и их связи с Меккой не прерывались даже в первые годы после присоединения города к Московскому государству. Яркий пример тому — Дервиш-Али, истый

⁹ Необходимо внести поправку в текст: сочетание «ис тюрмен» не имеет смысла; здесь, вероятно, описка вместо правильного «ис Тюмени», т.е. «из Тюмени» (северокавказской). «Бахмеев гроб» — Мекка (хотя Мухаммед похоронен в Медине). Бахметом христиане часто называли Мухаммеда.

мусульманин, который в начале 1557 г. уехал в Мекку из Азова, по всей видимости навсегда [Ischboldin 1973: 87]. В 1558 г. англичанин А.Дженкинсон специально отмечал, что один татарин «по имени Ази» (т.е. Хаджи, совершивший хадж), с которым он отплыл из Астрахани, пользовался «славой святого человека, потому что он побывал в Мекке» [Английские 1938: 173]¹⁰. В письме султана Селима II польскому королю Сигизмунду Августу (весна 1569 г.) говорится о том, что султан посылает войска кафинского бейлербея Касима, черкесских князей, а также достаточное количество подразделений из Румелии, Анатолии и соседних земель крымскому хану Девлет-Гирею потому, что русские беспрестанно преследуют и грабят следующих в Мекку паломников из Астрахани (Хаджи-Тархана) [Katalog dokumentow 1959: 194; Veinstein 1992: 409, 417].

Ислам утвердился в Нижнем Поволжье в XIV в. Традиционно принятие этой религии связывается с именем хана Узбека. Так, согласно письму Шахруха китайскому императору, именно Узбек и «Джанихан» (т.е. его сын Джанибек) приняли ислам в «пределах Сарая, Крыму и Дешт-и Кыбчаке» [Аснад 1962: 134].

Видимо, в период независимости мусульманское духовенство города весьма активно вело миссионерскую деятельность в землях к востоку от Астрахани, распространяя и укрепляя ислам и мусульманскую культуру среди казахов. Как писал Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, в начале XVI в. улемы из Хаджи-Тархана (а также из Туркестана, Мавераннахра, Дербента, Хорезма, Хивы, Астрабада, Хорасана и Ирана) ездили к казахам искоренять язычество [Фазлаллах 1976: 106] (см. также [Басилов, Кармышева 1997: 4–5]). Эвлия Челеби упоминает о правоведах-кадиях из среды *хеишдеков* (см. ниже), «многие из них переводят на московский язык книги „Имадуль ислам“, „Безазийе“, „Кази-хан“, „Татарханийе“, „Мухаммадийе“, законоведение и требы...» [Эвлия 1979: 133].

Сочинение под названием «Имад ал-ислам» («Столп (опора) ислама») — это скорее всего перевод на турецкий язык персидского сочинения Маулана Абд ал-Азиза Абу Тахира Фариси «Умдат аль-ислам» («Опора ислама»), посвященного разъяснению пяти столпов ислама. Перевод на турецкий язык сделал Абд ар-Рахман б. Йусуф ал-Аксарайи в 1543 г. (950 г.х.) [Собрание 1964: 367, № 5539]. Списки его перевода довольно многочисленны в хранилищах Турции (см., например, [Türkiye 1984: 163, № 3018]).

Три названных Эвлией произведения являются сборниками фетв — собраниями решений одного или нескольких факихов (мусульманских

¹⁰ Т.Ялсыгулов в своем сочинении упоминает какого-то «Ульмаса-хаджи», умершего в Астрахани в 90-летнем возрасте во время паломничества [Галиутдинов 1998: 166]. Однако крайняя недостоверность и безграмотность этого труда заставляет критически отнестись к этому упоминанию.

законоведов), вынесенных по конкретным вопросам фикха (мусульманского законовещения). Сборники фетв традиционно составлялись в виде вопросов и ответов. Вопросы обычно задавались или гражданскими судебными органами (*урф*), или местными хакимами и правителями шариатскому суду, который возглавлял шейхуль-ислам или муфтий, когда было необходимо уточнить отношение шариата к конкретному случаю или судебной тяжбе. Так, книга «Казихан» — это так называемые «Казихановы фетвы» Фахруддина Хасана б. Мансура б. Махмуда ал-Узджиди ал-Фергани (ум. в 1196 г.); «Баззазийе» — сочинение под названием «Джами ал-ваджиз» («Собрание извлечений (из книг по фикху)») Хафиз ад-Дина Мухаммед б. Мухаммед б. Шихаб Ибн ал-Баззаз ал-Кардари (или Курдури). Сын торговца сукнами (отсюда и имя Ибн ал-Баззаз, т.е. «сын суконщика, торговца бязью»), ал-Кардари жил в Поволжье — возможно, даже был оттуда родом, — потом в Крыму и Малой Азии, где и умер в августе 1424 г. (рамадан 827 г.х.). Сочинение, известное также под названиями «Ал-фатава ал-Баззазийе», «Ал-фатава ал-Кардарийе» или же просто «Ал-Баззазийе», было закончено им в 1409 г. (812 г.х.). Кардари являлся автором жития знаменитого законоведа Абу Ханифы [Собрание 1975: 181, № 6903; Haji Khalfa 1837: 49] (см. также [Рамзи 1908: 39]).

«Татарханийе» — одноименный сборник фетв имама Алима б. Ала ад-Дина ал-Ханафи, созданный в XIV в. [Haji Khalfa 1837: 90–91, № 2039].

«Мухаммадийе» — это, вероятно, религиозные месневи Мехмеда Языджиоглу. Произведение представляет собой изложение и объяснение ислама, базирующееся на Коране и хадисах. Об авторе известно не много: Языджиоглу (или, по-арабски, Ибн ал-Кятиб) Мехмед Эфенди был уроженцем Мальгара (под Адрианополем), являлся учеником, а потом и заместителем шейха Хаджи Байрама, от которого получил благословение в Анкаре, жил в уединении, скончался в Гелиболу в 1451 г. (855 г.х.). Произведение свое закончил в 1449 г. (853 г.х.)¹¹ (см., например, [Rieu 1888: 168; Flügel 1865: 618–619; Karatay 1961: 95–96, № 2270–2275; Türkische Handschriften 1968a: 10–12, № 10–12]).

Таким образом, перед нами классические труды по фикху ханифитского мазхаба и две книги, являющиеся доступным изложением основ ислама. Несмотря на то что это свидетельство Эвлии Челеби — позднее, можно предполагать, что хаджи-тарханские улемы наверняка были знакомы с этими произведениями и до прихода русских. Ибн Баттута, побывавший в Золотой Орде в середине XIV в., также отмечал, что там распространен ханифитский мазхаб, но есть и шафииты [Batṭūta 1962: 472]. Ханифиты в городах Золотой Орды и постзолотоордынских государств, вероятно, численно превосходили шафиитов

и маликитов. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, последние, видимо, преследовались [Федоров-Давыдов 1998a: 30].

Нет сомнения в том, что основная часть мусульман в Нижнем Поволжье исповедовала ислам суннитского толка, однако, возможно, встречались и шииты (может быть, ногаи, обращенные проповедниками из сефевидского Ирана). Так, голландец Я.Я.Стрейс в 70-х годах XVII в. писал, что ногаи — «мухаммедане на персидский лад» [Исторические путешествия 1936: 105]. Действительно, некоторые алидские симпатии, свойственные шиитам, можно найти в источниках, связанных с Астраханью. В «Зафер-наме-йи вилайет-и Казан» Хаджитархани встречаются, например, такие строки: «Муж мужей есть Али, самый острый из сабель есть Зульфикар» [Шерифи 1995: 89]. Шиизм был распространен в городах Золотой Орды [Федоров-Давыдов 1998a: 30]. Хотя некоторые источники можно интерпретировать в том смысле, что шиизм был ненавистен мусульманам Нижнего Поволжья. Так, А.Дженкинсон писал, что жители Персии — заклятые враги татар [Английские 1938: 187]. В целом для Астраханского ханства, вероятно, была характерна ситуация, свойственная Золотой Орде в более ранний период: сам город был оплотом ислама в государстве, а степь и вообще окрестности города были исламизированы очень слабо (ср., например, [Федоров-Давыдов 1998a: 37]).

Знакомы были в Хаджи-Тархане и с суфизмом. Наиболее распространен, вероятно, как и в Казани, был тарикат Накшбандийа [Kurat 1954: 242], но было известно и братство Кубравийа. Так же как и в Средней Азии, Крыму и Казани, существовали шейхи (или ишаны) — особо почитаемые и уважаемые лица, религиозные авторитеты, руководители духовных братств. Один из районов города до сих пор носит название Мошанк, искаженное Машаих (форма арабского множественного числа от слова «шейх»).

Знали в Астрахани и классические труды по мусульманскому законовещению (фикху). В «Зафер-наме-йи вилайет-и Казан» Хаджитархани упоминаются книги «Ал-Кенз», «Ал-Вафи» и «Ал-Кафи». Все они являются произведениями Хафиз ад-Дина Несефи [Kurat 1972: 368; Кол Шериф 1997: 88]. Хафиз ад-Дин Абу-л-Баракат Абдулла б. Ахмед б. Махмуд ан-Несефи (скончался в 1310 или 1320 г.) — автор нескольких трудов по фикху. Основная его работа — «Ал-Вафи фи-л-фору» («Полный (свод) основных принципов (фикха)») вместе с автокомментариями на этот труд под названием «Ал-Кафи шарх ал-вафи фи-л-фору» («Исчерпывающее руководство-комментарий к полному (своду) основных принципов (фикха)»), которые ан-Несефи стал составлять сразу же после ее окончания, — была завершена в Бухаре 22 рамазана 684 г.х. (21 ноября 1285 г.). Сокращенный вариант этого произведения — «Кенз ал-дакаи фи-л-фору» («Сокровище тонкостей основных принципов (фикха)»). Ан-Несефи — автор ряда других трудов по

¹¹ Издание см. [Yazıcı-zade 1881].

законоведению: «Поэмы звезд», где изложены основы ханифитского законоведения, «Блистающий маяк в отношении основ мусульманского законоведения», комментарий на это произведение — «Открытие тайн в истолковании „Маяка“», комментарий на труд ал-Мадини «Полезная (книга по) фикху» и др. (см., например, [Собрание 1957: 260, № 3164; 273, № 3181; 274, № 3182; 277, № 3183; 278, № 3185; Собрание 1963]). Известен нам ученый богослов XV в. Ахмад б. Фадл ал-Хаджитархани [Марджани 2003: 103].

Вероятно, именно из Астрахани происходит сборник, включающий несколько произведений: «Кынийат ал-мунйа ли-татмим ал-гунйа» («Приобретение желанного для пополнения достаточного») хорезмийского законоведа Надж ад-Дина ал-Газмини (ум. в 1260 г.), заметку о хорезмийской монетной системе и три небольших произведения Джалал ад-Дина б. Мухаммеда ал-Имади (первая половина XIV в.; объяснение хорезмийских слов в трактате ал-Газмини, сочинение о разделе имущества и трактат об эпитетах, прилагаемых к ученым). Все три трактата переписаны в 755 г.х. (1354 г.) Али ал-Ауди с автографа автора (см. [Волин 1939: 79–86])¹². Возможно, в Астрахани в 1656–1657 гг. был выполнен и экземпляр «Основы для детей» (арабско-персидского словаря в стихах для детей) автора XIII в. Абу Насра Фарахи [Баевский 1968: 15–16, № 61].

По сведениям Эвлии Челеби, часть хешдеков, живущих в окрестностях Астрахани, «приобщил к исламу Мехмед Бехари (или Бухари. — И.З.) Салтык-бай, или, иначе, Сары Салтык-султан» [Эвлия 1979: 133] (см. также [de Weese 1994: 252]). Салтук — очень известный суфийский шейх XIII в., деятельность которого связана в основном с Крымом и Добруджей. Его называл своим наставником турецкий поэт-суфий Юнус Эмре (1240–1320): «Юнусу пришло... от Салтука... назиданье» [Куделин 1980: 166]. Гробница Сары Салтука находилась на добруджской дороге между Балчиком и Старой Истрией, недалеко от Бабадага (в совр. Румынии): в 1538 г. войска султана Сулеймана, идя походом на Молдавию, поклонялись его могиле [Губоглу 1963: 439]. Трехтомное «Салтук-наме», составленное на основе устных материалов Абу-л-Хайром Руми в Эдирне в 1473–1480 гг. по просьбе османского султана Джема, не повествует об обращении в ислам этим подвижником жителей Хаджи-Тархана, но сообщает несколько эпизодов, связанных с городом, а также Крымом и, в частности, с Кафой, где Сары-Салтук сражается против русских [de Weese 1994: 252].

Согласно этому сочинению, Сары Салтук происходил из рода Сейида Гази, настоящее его имя — Шериф Хызыр. Его отец был

проповедником (хатибом) при эмире Ушака (Западная Турция). Сары Салтук будто бы знал все языки, все христианские обряды и даже крестил людей в храме Св. Софии. Он якобы побывал в Китае и получил дары от императора. Согласно «Вилайет-наме-йи Хаджи Бекташ» (между 1481 и 1501 гг.) и «Вилайет-наме-йи Отман Баба» дервиша Кючюк Абдала (середина XV в.), Сары Салтук был пастухом, мюридом Хаджи Бекташа, который и посвятил его в дервиши. Хаджи Бекташ направляет его в Калиакру (Болгария), по дороге он обращает в ислам целые области, совершает разные чудеса. Умер он между 1290 и 1300 гг. По сведениям А.Гёлпынарлы, Сары Салтук часто отождествлялся в Румынии и Болгарии со Св. Николаем, а в Греции иногда со Св. Георгием и Спиридоном [Gölpınarlı 1961: 28, 41, 260, 362–366, 373–374]. По «Салтук-наме», Шериф (т.е. Салтук) из царства Ширвана через Демир Капы (т.е. Железные ворота — Дербенд) прибывает (дословно «прибегает») в страну (или область) Астрахань (*Эждерхан илине*) [Saltuk-Nâme 1974-81: 59, f. 30a]. Совершив чудо, Салтук ушел к ногаям.

Это сообщение следует отнести к области легенд, причем не местных, астраханских, а османских. По сведениям Эвлии Челеби, Салтук был дервишем Ахмеда Ясеви. Хаджи Бекташ отправил его с 70 дервишами в страны «Москов, Лех, Чех, Добруджу». В Добрудже Салтук убил христианского монаха, переделся в его платье и стал проповедовать, обращая христиан в ислам. У Салтука было семь гробов, в каждом из которых покоилась рука святого. Гробы находились в Москве, Гданьске, Швеции, Литве, Эдирне, на горе Бабадаг в Добрудже и в Килиакре.

Как писал А.А.Герасимов, «есть некоторые намеки на то, что еще в XV в. здесь (в Астрахани. — И.З.) среди жителей попадались и язычники». Однако тут же оговаривался: «В этом случае, по-видимому, наших историков вводит в заблуждение неправильный перевод одного места у Барбаро» [Герасимов 1923: 83]. По мнению П.С.Рыкова, в XVI в., очевидно, уже повсеместно на нижней Волге устанавливается мусульманский способ погребения, а языческий древнемонгольский исчезает, оставляя лишь слабое напоминание вроде миски с костями животного на могиле [Рыков 1936: 121]. Нижневолжские города были одним из двух центров складывания и распространения мусульманского погребального обряда в Золотой Орде (второй такой центр — Великий Болгар) [Яблонский 1975: 83]. Это подтверждается и данными письменных источников: ногайский мирза Джан-Мухаммед в середине 30-х годов XVII в. писал, что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы... мы своево родственнова стариннова корени не покинули и матки своеи Волги, где наша изначала вера зачалась (курсив мой. — И.З.)» [Трепавлов 2001: 179].

Среди кундровских татар бытовала интересная легенда, имеющая отношение к этой теме. Некий ногайский герой Хазрет-Хамет

¹² Стоит упомянуть о том, что еще один (среднеазнатский) список «Кынийат ал-мунйа ли-татмим ал-гунйа» ал-Газмини, датированный 1319 г., происходит из Касимова [Усманов 1972: 54]. Следовательно, это сочинение было читаемо и популярно в пост-золотоордынских государствах.

(Хамат)¹³ построил в Астрахани мечеть, которая впоследствии была превращена в православный собор. Причиной этого стало следующее обстоятельство. Когда она строилась, Хамет велел плотникам схватить первого мальчика, который придет к месту постройки, и зарыть его. Пришел сын самого Хамета. Плотники пожалели его и зарыли вместо него русского мальчика. Узнав об этом от плотников, Хамет сказал: «Ну, теперь постройка пропала» [Мошков 1894: 63; de Weese 1994: 270]. Этот эпизод с позиций его символики был разобран Девином де Визом [de Weese 1994: 270]. Однако с точки зрения источниковедения рассказ едва ли имеет отношение к действительности. Строительная жертва (тем более человеческая) при возведении мечети, даже на такой относительно мусульманской периферии, как Астрахань, — событие в исламе совершенно неправдоподобное¹⁴. Еще более неправдоподобным оно становится после прихода русских и основания нового города.

Если доверять этому рассказу, то мечеть была деревянной, что в условиях нехватки в низовьях Волги вообще и в городе в частности дерева маловероятно. После присоединения города к Московскому государству местного дерева по-прежнему не хватало или даже попросту не было. О ежегодной присылке дерева и припасов в город упоминает во время своего путешествия 1558 г. А.Дженкинсон [ЧОИДР 1884: 40]. В жалованной несудимой грамоте астраханскому Троицкому монастырю от 5 марта 1573 г. упоминается о постройке игуменом Кириллом храмов, трапезной, келий, хозяйственных сооружений, ограды монастыря: «...на все то строенье лес, бревна, и доски и лубье, и тес, проводил (Кирилл. — И.З.) купя из Казани» [Акты 1841: 346]. Более вероятно, что мечети Хаджи-Тархана строились из кирпича (может быть, даже из сырца) или камня¹⁵. Камень скорее всего возили с так называемых меловых гор, выше города по Волге, по крайней мере именно это место упоминается как источник строительного камня в царском наказе астраханским воеводам Сицкому и Пушкину 1591 г. [Акты 1841: 439]. В наказе московскому послу в Иран к шаху Аббасу М.П.Барятинскому (май 1618 г.) предусматривалась такая ситуация, когда шах или «шаховы ближние люди учнут говорить:

¹³ Может быть, это «хан Абат-Хамат», упоминаемый башкирским шеджере под 811 г.х. (1408-09 г.) [Шеджере 1960: 25]. См. сноску 20 к гл. I.

¹⁴ Захоронения под культовыми сооружениями после их постройки не в счет. Так, по сведениям арх. Никанора о башне Сююн-бике в Казани, «татары рассказывают об этой башне, что под нею похоронен благочестивейший мухаммеданин, из черепа которого бьет таинственный ключ. Татары приходят к сему ключу для молитвы и пользования этою водою» [Никанор 1909: 34].

¹⁵ По сведениям П.Небольсина, в 10 верстах вверх от Сеитовки находилось урочище с тремя курганами под названием Ак-Месджид (название говорит само за себя). Там, по преданию, стояла каменная выделенная мечеть, в которой молились «все знаменитые завоеватели» [Небольсин 1852: 108].

...а Астрахань искони век мусульманского закона, и церкви в ней бывали мусульманские веры...» [Памятники 1898: 319].

О главной, соборной мечети судить нельзя никак (можно лишь предположить, что она походила на исследованные к настоящему времени нижневолжские золотоордынские памятники) (см., например, [Зиливинская 1998: 20–26; Федоров-Давыдов 1994: 67–69; Федоров-Давыдов 1998а: 29]), а внешний вид обычной мечети Хаджи-Тархана и окрестности, вероятно, мало отличался от описанных в XVIII в. Тунманном ногайских «джами» [Тунманн 1991: 48]. Возможно, под городом существовали «степные» мечети наподобие сооружений Мангышлака — участки земли с оградами из камней или даже стенами, образованными невысоким кустарником (см., например, [Поляков 1973: 53]).

Вероятно, именно Хазрет-Хамет-ата, строитель мечети в городе, по преданию, был похоронен в его пределах (возле караульного помещения пороховых складов) (см. [Низаметдинова 1992: № 12(23)]).

Мусульманские святилища существовали в городе и его окрестностях со времен проникновения в регион ислама, а некоторые появляются там, вероятно, уже после его завоевания. В панегирике Реммала-ходжи сказано, что некий крымский шейх Абу Бекр-эфенди Кефев (которого автор называет «средоточием эпохи»), возвращаясь из Мекки, говорил окружающим, что Сахиб-Гирею будто бы Богом надлежит совершить три похода, в двух из которых — на Кабарду и Астрахань — шейх будет сопровождать хана. Позже самому Сахиб-Гирею, который получил известие о пророчестве шейха, он сообщил, что это предписание было ниспослано ему самим пророком Мухаммадом. В астраханском походе Абу Бекр-кальфа находился при хане, и, как пишет Реммал, дней за пять пути до города, «в то время как (хан) занимался перечислением войск, шейх отправился прямо на могилу одного святого [bir 'azizin merkad-i şerifi] и до возвращения войск предавался там молитве и чтению Корана. Когда же он уходил, то принес с собою бывший в головах у него (святого) посох ['āsā], так как этот посох, по преданию, остался от друга Божия (Мухаммеда)» (см. [Смирнов 1913: 145–147; Tarih-i Sahib 1973: 83–86, 102]).

Книга Большому Чертежу упоминает пять мечетей в местности Бешкиз, возле Рын-Песков [Книга 1950: 145]. Кристофер Бэрроу в 1580 г. писал своему дяде Уильяму, что, выйдя в начале мая на корабле из Астрахани, 7-го числа мая они «прошли мимо дерева, стоящего по левой руке, если плыть вниз, и называемого „Магомет-Агач“ или „Магометово дерево“», в трех верстах к югу от него находился учуг [Английские 1938: 268]. Один из таких объектов почитания описывает А.Олеарий. В 30 верстах от Астрахани на учуге Иванчуг находилась христианская часовня, а в 15 верстах от Иванчуга на острове Перул (Perul) «стоял высокий деревянный дом, над которым на длинном

шесте насажена была баранья голова. Нам рассказывали, что там погребен один татарский святой, на могиле которого татары и многие персы, отправляющиеся в море или уже счастливо переплывшие его, убивают овцу, часть ее приносят в жертву, а другую едят на жертвенной пирушке и с особыми обрядами при том отправляют свои молитвы. Голова овцы остается воткнутой на шесте до тех пор, пока не будет принесена кем-нибудь новая жертва или пока не свалится с шеста сама собою. Поэтому место это русские называют Татарской моленной (Tatarski molobitza), то есть татарским жертвенником» [Исторические путешествия 1936: 80].

Интересно сравнить усыпальницу, описанную А.Олеарием, с более поздними образцами. Так, например, Н.Рычков в 1771 г. видел близ Троицкой крепости казахское погребальное сооружение: «Поверх деревянного сруба, который служит надгробием умершего тела, воткнут болван, изображающий лицо и шею человеческую. Под него повешено копейное древко, что служит обыкновенным знаком усопших степных рыцарей» (цит. по [Басилов, Кармышева 1997: 37]). Описания почти совпадают (если не считать «болвана» — изображения покойного). Во всяком случае, очевидно, что мы имеем дело с весьма распространенным в Казахстане и Средней Азии обычаем жертвоприношения на могиле мусульманского святого, которым обычно завершался *таваф* — круговой обход и молитва у порога мазара. Длинные шесты, воткнутые в землю, к которым паломники привязывали лоскуты материи, были непременным атрибутом могил святых у казахов и почти повсеместно в Средней Азии. На Мангышлаке охотники клали на могилы святых головы убитых ими диких баранов (архаров), туда же помещались головы верблюдов и лошадей, хорошо и долго служивших хозяевам. Рогами диких баранов украшали и сырдарьинские святыни, и крупные, часто посещаемые мазары Хорезма и Мангышлака [Снесарев 1983: 35–36; Басилов, Кармышева 1997: 39–40; Аджигалиев 1994: 42, 46].

Не исчезли с приходом ислама в город и многие другие языческие пережитки. Так, путешественники XVI–XVIII вв. описывают обряд посвящения детей-первенцев астраханских мусульман местным святым: «Перворожденные, равно как и те из дочерей их, которых родители посвятили богу или какому-либо имаму и святому во время нахождения их еще в утробе матери, носят, в знак того, что они рабы и преданы им, в правой ноздре кольцо с бирюзой, рубином или кораллами» [Исторические путешествия 1936: 70]. Я.Я.Стрейс писал, что такие посвященные дети носят кольца с рубином и бирюзой в ухе, а девочки — в правой ноздре [Исторические путешествия 1936: 104]. Джон Белль, побывавший в городе в 1715 г., также отмечал, что золотые кольца с камнями носили в носу посвященные богу дети; у некоторых было по два таких кольца [Исторические путешествия 1936: 153]. В данном

случае мы, вероятно, имеем дело с обетом посвящения (*назр*), согласно которому родившийся ребенок в известное время поступал в полное распоряжение шейхов какого-либо мазара или семьи ишана. Обычно это происходило с долгожданными детьми в семье или же с теми, которые долго и тяжело болели и которых боялись потерять. Знаком такого обета могла быть косичка, которую срезали в установленный срок (обычно это совпадало с обрезанием) и хранили на мазаре или же в доме родителей. Ребенок поступал к ишану в возрасте 9–10 лет. Поскольку такого вымоленного ребенка чрезвычайно боялись потерять, его часто снабжали всевозможными амулетами от сглаза, браслетами из бусин [Снесарев 1972: 26; Басилов, Кармышева 1997: 30]. Драгоценные камни в данном случае играли роль оберега (см. [Семенов 1912; Борозна 1975: 292–293]).

В 1591 г. «бусурманские ведуны» в городе «испортили» крымского царевича Мурад-Гирея¹⁶. Воеводы привели к нему лекаря-араба. Араб сказал, что царевича нельзя вылечить, пока не съедут ведунов, которые его портили, пошел с русскими людьми в юрты, схватил там ведунов и принялся их мучить. Ведуны сказали: «Если кровь больного не замерзла, то можно пособить». Тогда араб велел ведунам метать из себя кровь в лохань, и они выметали всю кровь, которую выпили из сонного царевича, его жен и других татар и тем их испортили. Ведуны рассказывали арабу по порядку: вот это — кровь царевича, это — жен, это — других татар. Кровь царевича и одной из его жен замерзла, и ведуны сказали, что им не быть живыми, если же чья-то кровь не замерзла и ею помазать больного, то он останется жив. Мурад-Гирей все-таки умер, воеводы донесли обо всем в Москву, ведунов пытали всячески, но ничего не добились. Тот же араб тогда сказал, что такими пытками от ведунов ничего не добиться, и велел вложить им в зубы конские удила, повесить их за руки и бить не по телу, а по стене напротив, и тогда ведуны начали говорить. «А на пытках те Ведуны сказывали, что портили Царевича и цариц и татар, пили из них сонных кровь». После пытки ведунов сожгли (все тот же араб), при этом слетелось огромное количество сорок и ворон [Летопись 1788: 18–19; Соловьев 1960а: 312].

Перед нами целый комплекс весьма архаических представлений и ритуалов, связанных с магией и колдовством и ничего общего не имеющих с исламом (ср. с ногайскими доисламскими пережитками [Трепавлов 2001б: 564]). В связи с этим вспоминается другой эпизод — события московского восстания лета 1547 г. Тогда непосредственным поводом к нему послужил ряд крупных пожаров в Москве.

¹⁶ В 1586 г. он дал шерт царю Федору Ивановичу «за себя и за братью свою, за царя Адет-Кирея и за Сакирея царевича и за мурз, что быти им под государевою рукою в ево государеве жалованье и воле, и жити под Астараханью...» [Опись 1977: 79; Опись 1960: 133].

Виновицей их московские горожане считали бабку великого князя, незадолго перед тем ставшего царем, Ивана IV — Анну. Анна (дочь сербского воеводы Якшича и мать Елены Глинской) будто бы была колдуньей («волховой»), она «волхованием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша, и тою водою кропиша, и оттого Москва выгоре». Бабка Ивана при этом летала сорокой. Избиение теней волхвов (битие по стене напротив) — полная аналогия наказания обидчиков западноевропейских шпильманов (странствующие певцы и музыканты, немецкий аналог древнерусских скоморохов). По швабскому кодексу за реальное оскорбление шпильман мог потребовать и получить лишь «теневую» сатисфакцию: обидчика ставили против солнца у освещенной стены, и обиженному предоставлялось право поколотить тень оскорбителя [Панченко 1984: 97].

Согласно сведениям имама Криушинской мечети Ж.Джаббарова, после Друбиш-хана (т.е. Дервиш-Али) ханская мечеть на Криуше была снесена русскими, а на этом месте построен православный собор [Низаметдинова 1992: № 11(22)]¹⁷.

Город периода независимости скорее всего был очень небольшим по размерам. Так, в 1517 г. крымский хан Мухаммед-Гирей говорил московскому дипломату Д.Иванову, что после будущего взятия города московскими и крымскими войсками в нем «великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищальми...» [РИО 1895: 377]. По малодостоверному рассказу Эвлии Челеби, ко времени похода Тимура «город так разросся и обстроился, что его из конца в конец было не объехать на татарском скакуне» [Эвлия 1979: 131]. В 1586 г. ногайский бий Урус хвастался перед служилым татаринном: «Мы ведаем, как нам Астарахань взяти, и о какову пору в Астарахани людей живет мало... А в осень у вас в Астарахани живет толко тысяча человек стрелцов да тысяча человек казаков, а болши того в Астарахани людей не живет» (цит. по [Посольская книга 2003: 76, примеч. 86]).

Сложно говорить о топографии города накануне его присоединения к Московскому государству. Согласно преданиям, о которых сообщал Ж.Джаббаров, ханские дворы располагались на месте Девичьего монастыря (совр. здание облвоенкомата; см. [Низаметдинова 1992: № 11(22)]), однако эта информация едва ли достоверна. В сочинении крымско-татарского историка второй половины XVIII в. Хурреми-челеби Ахай-эфенди¹⁸ при описании обстоятельств подготовки похода крымской и османской армий на Астарахань в 1569 г. говорилось: «Одновременно

решено было отремонтировать казармы в Астраханской крепости для расквартирования в них войск» [Акчокраклы 1928: 191]. Во-первых, непонятно, какая астраханская крепость имелась в виду — новая (русская) или старая. Скорее всего старая, поскольку казармы предполагалось «отремонтировать». Во-вторых, это может изменить наши представления о размерах старой Астрахани, поскольку крымско-османские войска насчитывали несколько тысяч человек¹⁹.

Хаджи-Тархан — единственный крупный город ханства. Однако помимо него на территории Астраханского государства (и на нижней Волге вообще) в разное время существовали и другие золотоордынские населенные пункты — городища, вероятно, существенно уступавшие Хаджи-Тархану в размерах (о них и их изучении см. [Федоров-Давыдов 1994: 35–36; Шнайдштейн 1970; 1979]). Так, Федор Котов упоминает в 1623 г., что в «Бирюле», в 15 верстах от учуга Иванчуг (который расположен в 30 верстах от города на луговой стороне), «город каменный бывал и тотарская клетка стоять» [Котов 1958: 31].

В окрестностях современной Астрахани, по преданиям, находится довольно много могил мусульманских святых. Так, на Казачьем Бугре (Судоверфь им. Кирова) будто бы похоронен «Хаджи Габдель-Рахим Хазрат (Тэкли-баба), прадед Едигея» [Низаметдинова 1992: № 13(24)]²⁰. Как писал Н.Гулак²¹, «Баба Тукла» похоронен близ «Казачьего Бугра», в полутора верстах южнее Астрахани, «где еще доселе видна его гробница» [Семенов 1895: 474; Викторин 2003]²². В середине XIX в. П.Небольсин отмечал, что татарские «мазарки» (кладбища) были в пределах современного Кремля, а также в полуверсте оттуда, «на круглой площадке главной улицы», где находится храм Рождества Богородицы [Небольсин 1852: 59–60].

По преданиям, на территории Кремля, где-то у Артиллерийской (Пыточной) башни находилась гробница Кара-Даута; под церковью Св. Владимира (или рядом с нею) — могила Чуранты-баба; на территории Криуша, возле православной церкви — Дауда; в районе Татар-базара, к югу от моста через Канаву, во дворе дома (или же на пожарном бугре) — захоронение Утямиш-баба [Низаметдинова 1992:

¹⁹ В 1569 г. кафинский бейлербей Касим, подступив под Астарахань 16 сентября, расположил войска ниже города, «на месте старого городища» [Бурдей 1962: 38]. Какое именно городище имелось в виду, неясно.

²⁰ О действительных и легендарных предках Едигея см. [Трепавлов 2001: 177–182].
²¹ Это, очевидно, тот самый Николай Иванович Гулак, более известный в середине и второй половине позапрошлого века как член Кирилло-Мефодиевского тайного общества, а также переводчик Физули и М.Ф.Ахундова, исследователь творчества Низами и Руставели (см. [Библиографический словарь 1974: 152–154; Зайончковский 1959: 64; 132]). В книге Н.Семенова приводится сделанный Гулаком перевод эпоса «Едигей», записанного Ходзько в 1830 г. Переводы эпоса Едигея не значатся в библиографии Н.И.Гулака [Библиографический словарь 1974: 153]. Вероятно, они не были известны, и впредь их следует учитывать при изучении жизни и творчества ученого.

²² Казачий Бугор ныне в черте города. В середине XIX в. — восточная граница Астрахани [Юхт, Логачев 1958: 21] (см. также [Астарахань 1882: 24]).

¹⁷ Перестройки мечетей в церкви были характерны и для городов средней Волги, в частности Казани (см. [Айдаров 1994: 171–172]).

¹⁸ Ввиду отсутствия названия у этого сочинения В.Д.Смирнов обозначил его как «Краткую историю». Эта работа — своего рода краткая редакция труда Сейид-Мухаммеда Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских» (о рукописях см. [Некрасов 1997: 96]).

№ 12(23)]. Много почитаемых захоронений было и в окрестностях города: в Красном Яру на кладбище сеидов — Сеид-баба, рядом — Букей-хан; в Селитренном городище — «Жукэтэй Ази Хазрят»; в Фунтове — Кунек-баба Хазрят; близ Карагаей на бугре Биязи — «Сары Хуаджи Хазрят»; в Килинчах — Нур-ата Хазрят, Ак-ата Хазрят, Икэт Газиз Хазрят; в Зацарево (Нариманово) — Хаджи Гиз Хазрят и некая Мугульсум-кыз; на Хан-Тюбэ — Нурмухаммед-хаджи; близ Татарской Башмаковки — Мансур-ата Куганны; в Трех Протоках (Джамиле) — трое безвестных святых; в Янго-Аскере — Хаджи Нурмухаммед Хазрят (Урак-хаджи); в Башмаковке на Кош-Тюбэ — Бикэш Ай-Сылу; в Якса-тове — Гульханум (на Ак-бараклы-тюбэ) и Хызыр-ата (Кзыр-ата) [Низаметдинова 1992: №13(24)].

Большинство упомянутых святых являются либо легендарными лицами, либо имеющими отношение уже к эпохе существования русской Астрахани²³. Эвлия Челеби также упоминает об огромном количестве почитаемых святых в городе: «...здесь погребено несколько сот тысяч великих потомков пророка и мужей щедрых. Вот имена великих мужей, могилы коих мы посетили. Мы посетили Бури-бая, Таймаз-хана...» [Эвлия 1979: 134]. В своем описании предместья Бахчисарая Эски-Юрта Эвлия упоминает о гробнице некоего Тамурас-хана, сына Чингиз-хана, который стал мусульманином «раньше отца». Его мусульманское имя — Абу Саид. Он якобы по семь лет правил в разных городах и областях Дешта (Казани, «Балухане», «Идиль-Сарае», Крыму), в том числе и в «Аджерхане» (т.е. Астрахани), а похоронен был в Крыму. Кого имел в виду Эвлия, сказать трудно [Бахревский 1996: 188; Книга 1999: 61–62]²⁴. В другом месте своей книги Эвлия пишет о Тахмурес-хане как о сыне Хушенг-шаха, который был пророком мусульман страны Сарая. И сын, и отец будто бы похоронены возле Сарая (Хушенг — к югу от города, в земляном холмике, в отдалении от Волги)²⁵. Там же, под Сараем находились якобы захоронения Толу-

²³ Л.Ш.Арсланов и В.М.Викторин также упоминают несколько астраханских святых: «ауля» Тукли-Баба Шашлы-аже на кладбище поселка Мошани; Акрам-Баба Машаяклы (Масаяклы) на городском мусульманском кладбище, а также священное озеро и «ауля» Оряк (Урдяк)-аже за селом Янги-Аскер (это Хаджи Нурмухаммед Хазрят, по Низаметдиновой). Их возникновение авторы относят к XII–XV в. [Арсланов, Викторин 1995: 341].

²⁴ Е.В.Бахревский пишет: «Имя Абу Саид напоминает имя Саин, которым называли Бату-хана. В общем, этого персонажа трудно отождествить с кем-либо из реальных исторических деятелей» [Бахревский 1996: 188].

²⁵ В данном случае Эвлия имеет в виду Хушенга — внука и преемника Кеюмарса — родоначальника древней династии *Пишдадидов* (получила свое название от титула Хушенга — *пишдад*, т.е. «основоположник справедливости»). Хушенг, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси, упоминается еще в Авесте (под именем *Хаошйанха Паравата*) как борец с дьявами, первый царь и законодатель Ирана, родоначальник ариев-иранцев. Тахмурес (в Авесте — *Тахмурута*) — сын Хушенга, в «Шах-наме» третий царь династии, носящий титул «Дивбенд» («связывающий дивов») (см. [Фирдоуси 1993: 28–34]).

хана, Тугар-хана и Манагарим-хана [Эвлия 1979: 140–142]. Английский купец Й.Хэнвэй, проезжавший через Астрахань в 1743 г., указывал на левом берегу Волги, ниже города, напротив Башмаковки: «Место захоронения татар»; на карте стоит «Tartars Burning Place», однако эта фраза не имеет смысла (если только это не указание на место каких-то промыслов, связанных с огнем). Вероятно, правильно: «Tartars Burial Place» [Hanway 1754: карта между с. 86 и 87].

Согласно сведениям Яна Потоцкого, побывавшего в Астрахани и ее окрестностях в 1797 г., в руинах Селитренного городища, по местным преданиям, какое-то время жил святой по имени Джид-хаджи, отчего и сам древний город назывался так [Potoski 1959: 293, 315; Исторические путешествия 1936: 215–216]; «татары уверяют, что он святой (Жигит-хаджи, как называл его Паллас) и поныне творит чудеса, исцеляет больных и им иногда является во сне» [Исторические путешествия 1936: 244].

В Хаджи-Тархане и близлежащих землях, безусловно, существовали мусульманские святыни: кладбища, мавзолей местных святых, сейидов, шейхов. В марте 1571 г. в Стамбул отбыл московский посол Кузьминский. В наказе ему было сказано, что если османы станут говорить, будто «в Астрахани *кишени* разорили и мертвецов грабили», то следовало отвечать: «Это делали без государственного ведома воры, боярские холопы и козаки» [Соловьев 1960: 606]. Слово *кишени* — вероятно, персидское *کاشانه* (*кашанэ*) — «дом, жилище, гнездо, обиталище», в значении гробницы (последнего пристанища) (см. [Трепавлов 2001б: 569]). Энциклопедический словарь «Ислам на территории бывшей Российской империи» определяет «кэшэнэ» (тюрк. «усыпальница», «мавзолей») как «архитектурное сооружение из камня или кирпича над могилами знатных людей в средневековых исламских государствах». Вероятно, мавзолей средневековой Астрахани были сходны с сохранившимися *кэшэнэ* XIV–XV вв. Башкирии, Челябинской и Оренбургской областей [Ислам 1998: 63; Мендикулов 1987: 48–52].

Как следует из наказа Кузьминскому, в 60-е годы XVI в. исламские мавзолей Астрахани и окрестностей, вероятно, подверглись грабежу со стороны неподконтрольных московскому правительству групп. Это вплотную подводит нас к проблеме религиозной политики Москвы на вновь приобретенных астраханских землях.

Безусловно, христианство было известно в городе уже в XIV (если еще не в XIII) в. В 1261 г. была образована Сарайская православная епископия, в которую входили земли вверх от Сарая по Волге и по Дону. В начале XIV в. в Золотой Орде было 12 францисканских монастырей, а в 1336 г. францисканец Элемозина писал, что в Золотой Орде «насаждена истинная церковь, и здесь братья-минориты учредили свои убежища в десяти местах: пять из них в городах, пять — в боевых станах и пастушеских таборах татарских... И среди татар,

которые пасут свои стада, эти пять убежищ помещаются в войлочных юртах и передвигаются с места на место по мере того, как перекочевывают татары со стоянки на стоянку». В 1315 г. в Сарая была учреждена католическая епископия, первым главой которой стал францисканец Стефан, а в 1362 г. епископом Сарая был назначен трапезундский минорит Косьма. Еще в XIII в. был учрежден Аквилонский викариат с двумя округами — Газария и Сарай [Федоров-Давыдов 1998: 41; Федоров-Давыдов 1998а: 32]. Однако во второй половине XIV в. отношения Орды с Западом ухудшились, и уже при Тимуре следы католической пропаганды были уничтожены (см. [Полубояринова 1978: 26–27]). Православные же епископы Саарские (Сарайские) и Подонские с середины XV в. перенесли свою резиденцию в Москву на Крутицы.

Л.Л.Галкин интерпретировал изображение на одной из новогодних хаджи-тарханских монет XIV в. как сцену с рождественской символикой: осел и бык над яслями и над ними — Вифлеемская звезда [Галкин 1998: 79–80]. Однако эта интерпретация не бесспорна: фотография монеты, приведенная в статье Л.Л.Галкина, не дает оснований для такого утверждения. По Е.Ю.Гончарову, на монете показаны чаша на высокой подставке (ее форма на разных экземплярах различна: цельная, в виде двух или трех ножек), а по сторонам чаши — ослик (слева) и барашек или козлик (справа). Сверху орнаментальные детали, внизу стерто [Гончаров 1997: 183, рис. 2/11].

В 1568 г. в город была прислана икона Сретения Богоматери Владимирской, для которой (на месте Успенского собора в Кремле) воеводой И.Черемисиновым был построен деревянный храм того же имени [Астрахань 1882: 11; Каменский 1889: 33]. По другим сведениям, еще до Кирилла в городе была выстроена церковь Св. Николая Чудотворца Можайского, в память святителя, образ которого был прислан в Астрахань после завоевания [Каменский 1889: 68]. Наконец, согласно Ключаревской летописи, первым храмом в русской Астрахани была деревянная церковь Рождества Богородицы [Малиновский 1890: 12]. Историки сходятся в том, что первый в городе монастырь (Троицкий) был основан трудами прибывшего из Москвы игумена Кирилла в 1568 г. в Кремле у северо-западной стены [Воробьев 1958: 23; Бернадский 1939: 99]. Через пять лет там уже было две церкви: первая — Николая Чудотворца и вторая (теплая) — Введенская [Покровский 1897: 146].

Согласно «Степенной книге», после взятия города «тамо многия святыя церкви, и монастыри поставлены быша во славу Отыцу и Сыну и Святому Духу и Пречистой Богородицы и всем святым». После завоевания Казани и Астрахани Иван IV насаждал там христианство, «на всех поганских жилищах многия святыя церкви и честные монастыри воздвизая... и неверных в веру православную обращая и христианский закон в них утверждая» [ПСРЛ 1908: 654, 116]. Житие первого Астраханского архиепископа — Феодосия также упоминает о христианизации

местного населения: «В том же граде Астрахани быша многу неверию сущу. Он же (Феодосий. — И.З.) оучением своим от неверствия и от всякаго нечестия на истинный путь привлече и на спасейный путь настави», Феодосий «проливаша оучение, яко воды многии» («Житие и подвиги иже во святых отца нашего Феодосия, архиепископа Астраханского») [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 150б.–16; ОР РГБ, Собр. Ундольского, № 385, л. 6].

Однако эти сведения (если это не обычное клише, употребляемое по отношению к святому, прославившемуся в районах, где традиционно были сильны язычество или ислам) не могут относиться ко времени ранее 1602 г., когда была образована Астраханская епархия, и не содержат упоминаний о насильственных актах. Того же мнения придерживался и И.Покровский: «Не заметно, чтоб здесь (в Астрахани. — И.З.) так же горячо занялись обрусением края (как в Казани. — И.З.). Постройка русских городов шла медленно и пустынная страна долго оставалась пустыней и магометанство не сменялось христианством... Несомненно, что в Астрахани сразу появились христиане, с ними христианские храмы, но тех и других, кажется, очень и очень мало. Христианство водворялось исключительно в населенных центрах, какими сначала являлись сама Астрахань... и заселенный казаками самый южный пограничный Терский городок... Были ли мелкие христианские поселения в пустынных астраханских степях, при наличных источниках, сказать мудрено...» [Покровский 1897: 145–146].

А.Дженкинсон, побывавший в городе в 1558 г., специально отмечает, что русские как будто бы не сильно заботились об обращении местного населения в христианство. В низовьях Волги тогда свирепствовал страшный голод, ногаи-кочевники умирали от недостатка хлеба. «В это время было бы легким делом обратить в христианскую веру этот беззаконный народ, если бы сами русские были добрыми христианами» [Английские 1938: 172]. В этих словах англичанина, правда, больше неприязни к схизматикам-русским, чем истинной заботы об обращении мусульман-ногаев.

В анонимном стихотворении первой половины XVII в. «Летопись История Козанская» сказано: Иван IV «Царя и князи и вся люди астраханския от купели крещения освяти / И вся веси Астраханского царства от их злодеяния очисти» [Русская силлабическая поэзия 1970: 308]²⁶. В других источниках нет сведений о крещении астраханского

²⁶ В одном из литературных посланий анонимному московскому царю (список конца XVII в.) монарх превозносится за распространение православия («по улисом» (т.е. улусам): «...верное православие всюду расширяемо цветет, яко же и по суку, и по морю, и по островам, и по всем градовом, и по улисом по данной ти благодати» [Демин 1965: 189–192]). Часто распространение православия наталкивалось на сопротивление местного населения. А.Поссевино писал, что многие московские монахи, «по обычаю, часто отправляются к соседним народам, чтобы проповедовать им евангелие. Московиты некоторых из них, погибших за религию в Скифии и Татарию, чтут как мучеников» [Поссевино 1983: 41].

хана («царя»; какого?) и князей. Следует, видимо, признать, что это сообщение носит характер легендарный, что свойственно жанру источника. Пожалуй, только в «Степенной книге» сохранилось свидетельство о крещении астраханских князей и царя. После крещения в Москве казанского царевича Утемиша Едигер будто бы сам попросил митрополита Макария просить за него царя, чтобы креститься. Едигера крестили, наречен он был Симеоном [ПСРЛ 1908: 650; Pelenski 1974: 264–265]: «Тогда же и прежде того и потом мнози от неверных крестившаяся: мужие и жены, старии и юноты, и девы и всякого возраста и от рода царска и княжескаго чина, и от Крымских и Казанских и Азтотроханских и нагайских...». Этот текст «Степенной книги», вероятно, и послужил источником упомянутого стихотворения.

По справедливому замечанию И.Саввинского, из всех представителей астраханского правящего дома крестилась только одна из жен Ямгурчи (под именем Ульяния) с новорожденным младенцем, и это событие не имело никакого влияния на ход христианской миссии: по видимому, на первых порах (т.е. до игумена Кирилла) в городе вообще не было храмов [Саввинский 1903: 12]. Характерна в этом смысле официальная московская позиция, высказанная ногайскому мирзе Исмаилу в 1562 г. Ответ на его письмо с просьбой вывести из Астрахани враждебных ему князей был таков: «Этих князей скоро нам вывести нельзя потому: как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям свое жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить: вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано, не велено силою приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано» [Соловьев 1960: 489]. И.И.Полосин полагал, что под «другими землями» этого текста подразумевается «Оттоманская империя» [Полосин 1963: 71].

Как видно, московская позиция в Астраханском крае отличалась прагматизмом: насильственные действия по христианизации, подобные совершавшимся в Казани²⁷, были чреваты в столь отдаленном регионе недовольством, погасить которое было бы гораздо труднее (учитывая расстояние, малочисленность населения и неблагоприятные природные условия)²⁸. Не исключено, что Иван Грозный в данном случае просто ловко использовал ситуацию в пропагандистских целях: невозможность отправить миссию выдавал за нежелание ее проводить.

²⁷ Хотя архиепископ Гурий, отправляясь в Казань, получил наказ «всякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводить» (см. [Голубинский 1900: 801]).

²⁸ Между Казанью и Астраханью в начале 80-х годов XVI в. (впрочем, едва ли не до конца столетия) почти не было населенных пунктов, земля представляла собой практически пустыню [Поссевино 1983: 42; Тихомиров 1962: 508].

По свидетельству Орудж-бека Байата, побывавшего в Астрахани в 1599 г., «церквей там бесчисленное множество, но не очень больших» [Дон-Жуан 1988: 146].

Когда в Астрахань приехали крымские царевичи — сыновья хана Мухаммед-Гирея II (правил в 1577–1584 гг.) — Саадет-Гирей, его брат и калга Мурад-Гирей²⁹ и Сафа-Гирей, а также сын Саадета Кумык (или Кума), московские представители в Персии специально отмечали, что государь «от вер их от своих... не отводит», а мусульманских купцов и торговцев, приезжающих в город, «силою... в крестьянскую веру не приводит» [Памятники 1890: 52, 53, 78]. Хотя часть мирз и их приближенных из юртовых татар вскоре после взятия города была крещена. В.Н.Татищев называл среди них фамилии Шейдяковых, Урусовых, Бахтеяровых и др. [Татищев 1996: 37]. Перечисленные В.Н.Татищевым мирзы принадлежали к ногайской аристократии [Трепавлов 1997а: 44–47, 50–55]. Астраханские Урусовы не перешли в православие и не могли поэтому рассчитывать на место в рядах российской элиты. Предание астраханских татар, услышанное в середине XIX в. П.И.Небольсиным, гласило, что Урусовы действительно «частию перешли в христианство и вполне усыновились Россией в соответствии с происхождению их благородном достоинстве, частию же остаются доныне между юртовцами» (цит. по [Трепавлов 1997а: 55]).

В смутное время Астрахань воспринималась уже едва ли не как оплот православия в регионе. Конрад Буссов сообщает, что Лжедмитрий II посылал в Астрахань своего приближенного (Яна Кернозитского), который «должен был проложить ему дорогу в Астрахань через широкие неводеланные степи, передать от него привет и большую милость астраханцам и сказать им, что он со своей царицей придет к ним и будет держать свой двор у них по той причине, что Московская и Северская земли слишком опоганены нехристиами» [Хроники 1998: 138]. Однако христианизация края не означала полного искоренения там ислама. Мечети продолжали строиться. Вероятно, ситуация была сходна с описываемой Г.Н.Айдаровым для Среднего Поволжья второй половины XVI — XVII в.: «Вновь возводимые мечети в условиях религиозного преследования были, конечно, деревянные, простейшей архитектуры. Такие нелегальные мечети имели небольшой минарет или строились вовсе без минарета, маскируясь под вид обычного жилого дома» [Айдаров 1994: 170].

²⁹ Мурад-Гирей пришел в Астрахань из «Шевкал», т.е. кумыкского шевакачества в Дагестане. В городе царевич вошел в конфликт с ногаями (см. [Судаков 1891: 67, 71]). Он должен был силами московских войск, а также юртовских татар и ногаев, верных Москве, начать военные действия против Крыма («а из Асторохони итти ему промышлять над Крымом, а, взем Крым, сести ему в Крым царем, а служить ему царю и великому князю») (см. о них [Кушева 1963: 260–262], а также [Разрядная 1974: 215; 1976: 32]).

Христианское население города и окрестностей нуждалось в религиозном освоении окружающего пространства. Такого рода освоение осуществляется через появление местных легенд, святых, знамений, почитаемых мест и святынь, связанных с ними. В Астрахани самой удобной фигурой (и, вероятно, на первых порах, до времени Феодосия, единственной) для этого был игумен Кирилл. В рукописном сборнике XVIII в., хранящемся в РГАДА, содержится произведение под названием «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу... 1738... а именно о Азове и о Астрахани». Сочинение это — перевод («через И.К.Тауберта») с немецкого. Немецкий оригинал труда — книга Г.З.Байера «Древняя Азовская и Крымская известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу». Эта книга в переводе И.К.Тауберта была опубликована в 1768 г. Рукопись содержит ряд известий, отсутствующих в печатном тексте. Вероятно, они были внесены человеком, интересовавшимся историей города Астрахани, и в частности историей кафедры. Согласно рукописи, Кирилл был игуменом неполных девять лет и умер в 7084 (1576) г. «По преставлении же его неколиким летом минувшим бысть в Астрахани пожар велик, и в то время видела воевоцкая жена ис хором своих преподобнаго Кирилла, на гробе своем стояща и десницею огонь крестовидно осеняющая, и абие пламень оугасе и пожар преста» [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 27]. Женщина рассказала об увиденном мужу и другим людям. Над гробом Кирилла построили часовню «дверми на восток, и за непродолжением же лет та старая часовня оветшала. И в лето 7198 (1690) г. построили вновь оную часовню дверми на запад, яже и до ныне стоит» [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 27об.] (о часовне см. также [Астрахань 1882: 16]).

Кирилл совершал и другие чудеса. В 1677 г. некий купец из Юрьевца, Емельян Парфенов плыл из Астрахани вверх по Волге. Выше Черного Яра его застигла на реке буря. Купец начал молиться и увидел некоего старца, ходящего по воде. Буря улеглась, и Емельян спросил у старца, кто он. Старец отвечал: «Аз есмь астраханскаго Троицкаго монастыря начальник игумен Кирилл, и сия рек невидим бысть». Вернувшись в Астрахань, Емельян Парфенов поставил над гробом игумена гробницу и повелел переписать его образ [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 27об.–28]. Согласно этой рукописи, деревянная церковь в Троицком монастыре в память Святой Анны, матери Богородицы, была освящена при игумене Кирилле 25 июля 7084 (1576) г., т.е., по хронологии автора, в год смерти игумена [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 29]. «А после того в [7]110-м году (1602 г.) постройна церковь Троицкая каменная, а кирпичь на тое церковь вожен из Ахтубы: ломали и возили Зеленую мечеть». Освящена была эта церковь

уже при Феодосии, 13 сентября следующего, 1603 г. [РГАДА, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 124, л. 29]. При Феодосии «для потреб странных» (т.е. для нужд странников) была построена деревянная церковь Вознесения, а вскоре — в 7112 (1604) г. — при ней монастырь «за острогом на бугре, у убогаго дому» [Любарский 1848: 20].

О том, что некоторые церкви и монастыри (а также крепостные стены и светские здания) в новом городе строились из остатков золотоордынских сооружений, свидетельствует А.Олеарий [Исторические путешествия 1936: 58]. Для постройки каменных стен и башен астраханского Кремля (1582–1589) был использован кирпич развалин Сарая Бату (совр. Селитренное городище Харабалинского района Астраханской области) (см. [Воробьев 1958: 3–4]). По сведениям Эвлии Челеби (он посетил Астрахань в 1666 г.), в цитадели города было 5 монастырей и 9 церквей, а в посаде («нижнем городе») — 40 церквей, 17 монастырей и, что крайне интересно, 7 мечетей [Эвлия 1979: 132]. Мечети принадлежали хешдекам (подробно см. Приложение I), которых Эвлия называет мусульманами-суннитами, однако пишет, что пятничных намазов они не совершают. Эвлия передавал их рассказы: если пройти от центра шестого пояса до оконечности седьмого, то в Московской стране можно увидеть 70 тысяч *михрабов*³⁰. Отметим попутно, что общее число мусульман в Московской стране, по Челеби (т.е., вероятно, по рассказам хешдеков), равно 12 раз по сто тысяч, т.е. миллион двести тысяч [Эвлия 1979: 133, 136]. У мусульман (татар различных родов), которых османский путешественник якобы встретил во время своего «визита» в Сарай, по отзывам Эвлии, отсутствовали запрещение и разрешение (основополагающие принципы поведения мусульманина — *харам* и *халаль*)³¹. Однако, несмотря на это, они почему-то не ели хлеба, из-за того, что он якобы прилипает к желудку [Эвлия 1979: 137]³². Эвлия, который, видимо, никогда не поднимался по Волге выше Астрахани, рисует вполне благополучную картину распространения ислама на ее берегах: суннитский народ хешдеков владеет обширными стойбищами по обоим берегам реки, «на которых разбросаны многие сотни тысяч то кочевых стойбищ, то соборных мечетей, медресе, мектебов и мест для чтения Корана» [Эвлия 1979: 144].

В XVII в. строительство мечетей в городе не прекращалось. Так, мечеть, возведенная в 1810 г., была сооружена на месте деревянной,

³⁰ *Михраб* — ниша в стене, обращенной в сторону Мекки, обозначающая направление, куда обращены лица молящихся в мечети. В данном случае — синоним мечети.

³¹ Поскольку сам Эвлия вряд ли бывал в тех краях, можно предположить литературный источник его сведений. Так, о жителях Сарая, которые «не отличают в пище скверного от того, что таковым не является, и запретного от разрешенного», писал в начале XV в. египетский энциклопедист ал-Калкашанди [Григорьев, Фролова 1999: 70].

³² О том, что татары Дешт-и Кипчака не едят хлеба, писал еще Ибн Баттута [Batṭūṭa 1962: 474].

просуществовавшей 130 лет [Астрахань 1882: 20], с 1680 г. Строили мечети и в начале XVII в. К 1616 г. относится упоминание мечети на Гилянском дворе. Она была поставлена для «кызылбаских людей», т.е. сефевидских подданных (а значит, была скорее всего шиитской). Мечеть ставили сами персы: купец шаха Аббаса Ходжа Муртаза строил ее «для себя и иных кызылбашен» [Памятники 1898: 85–87, 93].

Глава IX

ХОЗЯЙСТВО, ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА

Açtarqanda sâjâr bär aqça, kilä-kilä mǝŋ aqça.

Татарская пословица

[Ramstedt 1991: 63]

1. Хозяйство Большой Орды

Основа существования номадизма, как известно, — экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевков. Однако народов, единственным типом хозяйствования которых является кочевое скотоводство, не существует и никогда не существовало. Непрерывное кочевание — это весьма специфическое и кратковременное явление, связанное с эпохой войн и переселений.

Весьма незначительная автаркия кочевого хозяйства приводила к тому, что в разные исторические периоды и в разных местах то большую, то меньшую роль играли земледелие, торговля, ремесло, грабеж, сопровождение караванов, военная служба и пр. По-видимому, постоянным был процесс превращения кочевников в полуоседлое и оседлое население. Сильная зависимость хозяйства кочевников-скотоводов аридной зоны от природно-климатических условий и высокая степень его специализации постепенно стали своеобразным тормозом в развитии их общества и в конечном счете предопределили крах государственных образований, экономика которых в большей степени была ориентирована на экстенсивное скотоводство. Экологические кризисы способствовали кризисам социальным и часто выступали в роли их причин.

Во многих постзолотоордынских государственных образованиях скотоводство вовсе не являлось основой экономики. В Казанском ханстве, например, чрезвычайно развиты были двухпольная и трехпольная системы земледелия и основой экономики было выращивание зерновых. В Крыму наряду со скотоводством не меньшую роль играли земледелие, выращивание винограда, садовых культур, бахчеводство, торговля. Главной житницей крымского ханства была так называемая «Кампания» — прибрежная полоса юга полуострова, а также таманские земли. Однако местные ресурсы далеко не всегда могли обеспечить внутренние потребности Крыма, из-за чего хлеб приходилось ввозить [Сыроечковский 1940: 9]. В раздираемом противоречиями непрочно-сибирском ханстве весьма велика была роль пушного промысла.

В наибольшей степени от импорта хлеба зависели Ногайское объединение и Большая Орда, максимально сохранившие экономику кочевого скотоводства. Это не означает, что в данных осколках Золотой Орды земледелие совершенно не было развито, однако оно имело там свою специфику.

По мнению В.Е. Сыроечковского, на рубеже XVI в. в Большой Орде часто распахивались земли «где придется в степи» [Сыроечковский 1940: 11]. Однако, как будет видно из дальнейшего, районы этих пашен были строго ограничены. Пахать в местах непосредственного кочевания улусов Большой Орды было невозможно: территория степей Нижнего Поволжья не благоприятствовала пашенному земледелию. Район приволжских остепненных лугов и луговых степей (северо-восток Приволжской возвышенности, на правобережье Волги к югу примерно до широты г. Хвалынска) в настоящее время в основном занят «выщелоченными и оподзоленными черноземами и местами серыми лесными почвами, т.е. в доагрикультурном прошлом ее значительная часть была покрыта дубовыми лесами» [Степи Евразии 1991: 44].

Заволжско-предуральские луговые степи и остепненные луга (к востоку от Волги, к югу от Камы и на восток до гор Южного Урала) также характеризуются выщелоченными и деградированными черноземами (в заволжско-предуральской лесостепи), на юге — типичными среднемоющими черноземами, «довольно значительными массивами встречаются серые лесные почвы. Последние, а также деградированные, а возможно, и выщелоченные черноземы в доагрикультурный период были заняты широколиственными лесами» [Степи Евразии 1991: 44]. XIII–XVI века в Северном Прикаспии характеризуются увеличением атмосферной увлажненности и похолоданием. Резко увеличивается число полей и злаков, а среди древесных пород преобладают ива и дуб. Изучение пыльцы в культурных слоях Актобе и Сарайчика (XIV в.) продемонстрировало большое (до 26%) содержание древесных пород с преобладанием широколиственных, менее значителен процент пыльцы дикорастущих злаков и разнотравья. Содержание пыльцы культурных злаков достигало 9–11% (ячмень, просо, пшеница, овес). В соответствии с этими данными растительность региона выглядела как полупустынная, переходная к сухим степям, с присутствием злаково-разнотравных растительных сообществ. По оценкам Т.А. Абрамовой и В.И. Турманиной, по сравнению с современными показателями в XIII–XVI вв. среднегодовые июльские и январские температуры были на 2,5 градуса ниже (среднегодовая температура 7,5–11,5 °C), количество атмосферных осадков — большим (300–4500 мм), а облесенность территории составляла около 27% площади [Абрамова, Турманина 1982: 210–213; Иванов, Васильев 1995: 170].

Единственной возможностью поддержания хоть какой-то стабильности в обеспечении зерном для Большой Орды был выход за пределы

этой территории, т.е. распашка остепненных лугов в Прикубанье (в настоящее время полностью распашаны), на юге и юго-западе среднерусских луговых степей и остепненных лугов (с их мощными и сверхмощными среднерусскими и украинскими черноземами), южной части окско-донских луговых степей [Степи Евразии 1991: 42, 43, 45]. Еще одним выходом из затруднительной эколого-хозяйственной ситуации был захват Крыма.

Попробуем подкрепить эти данные историческими свидетельствами. XV век (особенно его вторая половина) характеризуется попытками волжских Чингизидов подчинить себе Крым, и связано это было не только с их имперскими амбициями (желанием восстановить былое единство улуса Джучи), но и со стремлением ханов «Престольного (тронного) владения» (Taht Eli, как официально именовалась Большая Орда) обрести стабильный выход к крымским житницам и выгоды от черноморской торговли. Таким образом, военные устремления Большой Орды фактически были не только абстрактной борьбой за гегемонию в постордынском пространстве, но и битвой за хлеб, за землю, на которой его можно было бы выращивать.

Противостояние Крыма и Большой Орды в 60–70-х годах XV в. закончилось принятием Крымом османского протектората и осложнило положение Большой Орды, вынужденной теперь считаться с османским султаном. Неудача Ахмеда на Угре (1480 г.) и его скорая гибель вывели на арену его сыновей. В начале 80-х годов XV в. Менгли-Гирей в ярлыке киевскому наместнику Ивану Ходкевичу сообщал о планах Большой Орды («столичных улусов»): «...слышали есмы лихих людей на той стороне, неприятли сильные есть, только сее зимы неприятли сюда пойдут ли, тогды столечные улусы ко реке ко Самаре поити мают, тогды вам вельми докучно будет, лепше нас вы сами ведаете, голодны а худы сии люди суть» [Сборник Муханова 1866: 24]. Положение в «Престольном владении» было далеко не блестящим. В 1486 г. Менгли-Гирей пишет Баязиду II: «Что же касается Престольного (владения), то известно, что положение их весьма тяжелое» [Kurat 1940: 96] (см. также [Григорьев 1987а: 129]). В том же, 1486 г. Иван III писал в грамоте русскому послу в Крыму Семену Борисову, что, по сведениям русских гонцов, сопровождавших посольство в Крым и перехваченных ордынцами, «Муртоза и Седехмат цари и Темир князь хотят идти на Менли-Гирея на царя, толко не будет у него турского помочи; а будут деи турки у него, и им деи на него не идти, турков деи блюдутся добре...» [РХО 1884: 53]. Именно вмешательство османов (пусть и косвенное) в борьбу Джучидов за Крым и предопределило ее исход: в противостоянии выиграли проосмански настроенные силы, т.е. Менгли-Гирей.

Рассмотрим политику ханов Большой Орды в 90-е годы XV в., связанную с попытками выхода к плодородным землям за пределами

собственно Крымского полуострова. Орда рвалась в Прикубанье и южнорусские степи, богатые черноземами. В 1491 г. князь Василий Ромодановский сообщал в Москву, что Менгли-Гирей «заставу... от Орды держит. А вести, государь, у царя Менли-Гирея были таковы, что было царем (Большой Орды. — И.З.) ити за Донец да и за Дон; да идти им было к Черкасом» [РИО 1884: 111]. В этот год походом на Большую Орду ходил сын Менгли-Гирея, Мухаммед-Гирей. Операция закончилась неудачей: весь захваченный царевичем полон был отбит у него на обратном пути, но сам Мухаммед ускользнул.

Пленный крымчанин «Нуровлатовской царев», бежавший из Орды, рассказал, что «цари были у Донца, да взявши следа пришли на пашню на Орел и на Самару и на Овечью Воду, туто пашню пашут». Он же сообщил: «...отпахавши им пашни, допашна им быти на царя на Менли-Гирея» [РИО 1884: 113]. На следующий год в Орде пахали пашню на реке Куме, т.е. в Прикубанье, «а пошла, сказывают, на Черкасци воевати» [РИО 1884: 149]. Посев проса, ордынцы ухаживали и возвращались лишь ко времени сбора урожая. Московские наблюдатели тщательно фиксировали эти события. Например, Василий Ромодановский в 1491 г. доносил в Москву: «...как Орда пошла была к просом... замешалася добре, мангитове пошли по Днепру вверх, а царевы улусы Шиг-Ахметевы борзо на пашню пришли, переполох деи, государь, был на них велик. А сказывают, государь, промежи царей и мангитов рознь. А те, государь, татарове кримские в ту заборонну кони у них отгонили» [РИО 1884: 118–119]. Значение пашни было, видимо, столь велико, что спасти ее было делом жизни. Зимой ордынцы вынуждены были уходить далеко на юг: степь не могла прокормить стадо. Например, в ноябре 1497 г. служилые татары — гонцы московского великого князя, посланные с грамотами в Крым, «с поля воротилися, нелзе было им ехати за снегом, полило траву ледом и грамоты привезли назад» [РИО 1884: 241]. Весну 1498 г. ордынские улусы, по сведениям Менгли-Гирея, должны были проводить «на Камышлее да на Бузуке» [РИО 1884: 242], т.е. в низовьях Дона.

Зависимость от климатических условий степи подчас приводила к голоду и падежу скота. Летом 1498 г. московский посланец «в Волохи» Борис Одинцов доносил великому князю: «А нынеча, государь, ко царю к Менли-Гирею пришли вести из Орды из Ши-Ахметевы, а сказывают, государь, Орда та велми голодна и охудела. Да еще, государь, сказывают, приходили Черкасы на Большую Орду, да побили, государь, сказывают, татар Большой Орды добре много» [РИО 1884: 255].

Как видим, стремление ханов выйти в плодородные районы Прикубанья наталкивалось на сопротивление «Черкас». Сам Менгли-Гирей в июле 1498 г. писал в Москву, что готовит поход на Орду весной следующего года (время наибольшей бескормицы в степи) и что «Ахматовы дети истомны учинилися» [РИО 1884: 263]. В том же, 1498 г.

московский посол Б.Челищев привез в Москву из Крыма ответ Менгли-Гирея на послание Ивана III. Хан писал великому князю: «И нынеча недругов наших, Ахматовых детей, вести похочешь отведати: в его улусе велми голод учинился, пошли под Шемахейскую сторону Сеит Махмут, брат его Багатырь из Гирей выбежали, пришед в Васторохани за городом стоят, слуги их голодны и пеши и безсилны стоят». В письме своим послам в Москве Казимирию и Хозяшу хан добавлял: «Недрузи наши, Ахматовы дети, Ших-Ахмет, к Шемахейской стороне пошли; Сеит Махмут с братом с Багатырем в Вастарахань пришли, а Абдыл Керим царь в город их не пустил, за городом стоят, а кони у них либывы, а слуги у них голодны». И злобно отмечал: «...а истомного дела мне нет, вотчина наша добра здорова стоит, и ныне Богу моляся опроче Черкас дела нам нет» [РИО 1884: 279].

Таким образом, дети Ахмеда разделились: часть пошла в поисках корма для скота в сторону Шемахи по берегу Каспия, а часть решила прибегнуть к помощи богатой Астрахани. Перед лицом неурожая ордынцы были бессильны. В переводе устного сообщения посольства Менгли-Гирея польскому королю Яну Ольбрахту (22 апреля 1500 г.), сохранившегося в составе так называемого Загребского кодекса (рукопись 4с.6 архива Хорватской Академии наук в Загребе), ситуация в «Престольном владении» в это время описывается так: в Заволжской Орде (так поляки называли Большую Орду) «rosstargnalyszya panovye myedzy ssoba y zabraly Bazar, y spolicicza bazaru poschey do Czirkass. Druga polovicza rosstargnalyszya myedzy gymy» [Hamm 1952] (см. также [Materiały 1966]).

Летом 1500 г., по сведениям Менгли-Гирея, в Орде собирались пасти скот между Доном и Днепром — на территории, формально принадлежащей Крымскому хану и далекой от мест кочевий Большой Орды [РИО 1884: 301]. Орда столкнулась с весьма серьезной проблемой: этот жизненно важный для нее шаг угрожал столкновением с османами — сюзеренами крымского хана. В Орде совершенно справедливо не сомневались в отказе Менгли-Гирея от уступок.

В этой непростой ситуации Шейх-Ахмед, один из сыновей Ахмеда, решает обратиться непосредственно к туркам, чтобы получить разрешение из первых рук. В августе 1500 г. в Москву прибывают письма Менгли со следующей информацией: «Да пришед от Ших-Ахмет царя из Орды посол в Кафу к Шахзоде, Куюком зовут, с тем, чтобы еси велел нам покочевати к Непру; а там нам недобро кочевать, многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкес. И ты бы нам велел к Непру покочевать; а не велишь нам к Непру кочевать и нам таки кочевать ж. И Шахзода ему отвечал так: то земли и воды не мои, а земли и воды волного человека царя Менли-Гирея; будешь царю Менли-Гирею брат и друг, и ты и мне брат и друг; а яз тебе не велю кочевать к Непру; а то ведает отец мой» [РИО 1884: 321].

По версии И.Кубенского, наследник Баязида отвечал Куюку так: «...яз тебе к Непру не велю кочевать, а то ведает отец мой да царь Менли-Гирей, земли и воды ко Непру пришли Менли-Гиреевы» [РИО 1884: 323]. Османы, верные своей ставке на Менгли-Гирея, не пожелали менять ситуацию в пользу врагов крымского хана. Социально-экологический кризис в «Престольном владении» привел к бегству населения из ордынских улусов в Крым (так было и в 1465 г., когда победа Хаджи-Гирея на Дону привела к оттоку большого количества населения из Орды в Крым). В августе же 1500 г. И.Кубенский доносил в Москву: «Да пришел, государь, из Орды к Менли-Гирею ко царю служить Ебага улан с братом, Ченбулат уланы дети, до Кирей Менглишиков сын Китай; а с ними, государь, пришло душ с три тысячи, а голодны и наги добре. А Орду, государь, сказывают в Пяти-Горах под Черкасы, о голодну кажут и безконну добре; а межу себя деи царь не мирен с братьею» [РИО 1884: 322–323]. В послании И.Кубенского, которое привезли в Москву в октябре 1500 г., он повторял эти сведения: «А Орду, государь, кажут в Пяти-Горах под Черкасы, а голодна деи и безконна добре» [РИО 1884: 332–333].

Осенью 1500 г. бегство из Орды в Крым продолжается: по сведениям И.Мамонова, к Менгли-Гирею приходит «Молзозода большой молна базарской Ахматовых детей» [РИО 1884: 354], т.е. главный мулла ставки потомков Ахмеда. Он сообщил хану, что Шейх-Ахмед готовит грядущей зимой («а ныне на синем леду Дон перейдем», т.е. зиму 1500/01 г. Шейх-Ахмед готовился провести на Дону) совместный поход на Крым с литовским великим князем, а также снова пытается обойти Крым в вопросе о кочевьях на Днепре.

На этот раз Шейх-Ахмед решил направить посла непосредственно к султану Баязиду. К нему он «посылал о том, чтобы им кочевать за Днепром на том поле от Белгорода». Но «турецкой на том поле Ши-Ахметю кочевать не велел и посла сказывает Ши-Ахметева не чтив отпустил» [РИО 1884: 354]. Менгли-Гирей объявляет на полуострове мобилизацию всех воинов старше 15 лет в 15-дневный срок, при этом призванные «доспеху и корму бы есте с собою имали много». Согласно информации И.Мамонова, «Менли-Гирей... царь сказывал... что посылал к турецкому к Баязыт салтану, да и кафинский салтан к отцу своему к Баязыт салтану, сказывает царь посылал о том, что Ши-Ахмет царь хочет кочевать на их сторону к Непру. И турецкой ко царю грамоту прислал с тем: пойдет Орда, Ши-Ахмет царь, к вам, и ты бы с ним один на бой не поспешил. Да того бы еси отведал, каковы и колко их; да послал бы еси ко мне весть. А перейдет Орда за Днепр, и яз своих людей от Белагорода на них пошлю, а вы бы в ту пору с своей стороны на них пошли» [РИО 1884: 356–357]. В третьей грамоте И.Мамонова говорилось: «Орда нынеча худа... прикочевала к Дону за тем, что Муртоза ныне в Тюмени, а с Муртозою Азика

князь; а Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвселя блюдет, затем там и не пахали. А слух, государь, таков, что Ши-Ахмет сюды и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкасы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону» [РИО 1884: 358; Карамзин 1998: 306, примеч. 520].

В августе 1501 г. войска Менгли-Гирея и Шейх-Ахмеда встретились на Дону у устья реки Тихая Сосна. Однако столкновения не произошло. Менгли-Гирей, сам испытав недостаток корма для лошадей («а конь устал, а корму не стало», «нынеча есмя потомилися, да и коне у нас истомлены добре и голодны есмя»), не торопился вступать в битву со все еще сильным, хотя и в значительной мере обескровленным противником. «Ши-Ахмет, недруг наш, охудел... а худы нынеча добре и пеши, и наги», — писал крымский хан в Москву, оценивая обстановку в Орде [РИО 1884: 368].

Осенью 1501 г., после безуспешного «стояния» на Дону, Менгли-Гирей получил сведения, что зимовать Орда будет «на Усть Семи, а около Белгорода». В послании Ивану III крымский хан пишет: «И яз велел пожары пускати, чтобы им негде зимовати; ино рать моя готова вся» [РИО 1884: 377]. Тактика выжженной земли была не нова в степной войне. Еще в начале 80-х годов XV в. Менгли-Гирей советовал киевскому наместнику Ивану Ходкевичу пустить пожар на Самаре и Орле — местах кочевий Большой Орды («доколь весна не зайдет, около Олера а около Самара пожар вели пустити» [Сборник Муханова 1866: 24; Литовская метрика 1910: 327]).

В качестве помощи от османского султана крымский хан получает в Кафе пушки, десять пушкарей и 100 человек «на пособ». Бегство из Орды усиливается, к Менгли-Гирею бегут даже пешие, семьями, с женами и детьми. По сообщению И.Мамонова, в ордынских улусах господствуют голод и страх; вымирает скот: «...а хотели, сказывают, добре от них многие люди, чтобы как бежати назад, ино не на чем, безконны добре, а сказывают и охудали и кочюют на рознь» [РИО 1884: 381]. В поисках выхода Шейх-Ахмед пытается заключить с Москвой сепаратный мир, однако это не удается. К коалиции Москвы и Бахчисарая, направленной против обескровленной голодом и рознью Большой Орды, готов примкнуть волошский воевода Стефан [РИО 1884: 384, 414].

Зимой 1502 г. Орда стояла у Киева на левом берегу Днепра. Необычно суровая зима окончательно измотала Шейх-Ахмеда. Его поражение становилось делом нескольких дней. В начале мая посол крымского хана говорил от лица Менгли-Гирея великому князю в Москве: «Нынешние дни у нас завсе о те поры жнут, жаворонки гнезда выют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей царь Орду взял, такова ж была зима; а опричь того, яз такой зимы не помню» [РИО 1884: 414]. Любопытно, что Менгли-Гирей сравнивает положение в 1465 г.

(победа его отца Хаджи-Гирея над «Престольным владением») с ситуацией зимы–весны 1502 г. Действительно, сын словно действовал по сценарию отца, чем и обеспечил себе победу. Весной бегство из Орды к Менгли-Гирею продолжается. В мае Шейх-Ахмед стоял на «Турпаче Воде» и на Суле [РиО 1884: 416–417]. Голод в ордынских улусах сопровождается благоприятным положением в лагере Менгли у Кобылей Воды: «...ныне у нас дал Бог корму много, в месяц и другой не чаяй того, что нам от него (от Шиг-Ахмета. — И.З.) воротится», — писал он Ивану III. Оптимизм крымского хана оправдался: летом вконец обессиленная Орда пала под ударами его войск.

2. Торговля и хозяйство Хаджи-Тархана

Едва ли не впервые сведения о Хаджи-Тархане и его значении в международной торговле средних веков встречаются нам в так называемом «Тосканском анониме» (начало XIV в.): «Путь из Таны до Хаджитархана составляет 25 дней, передвигаясь на бычьей упряжи, и 12 дней, двигаясь на верблюжьей повозке; на этом пути встречаются монголы или вооруженные татары. От Хаджитархана до Сарая — 1 день; здесь также встречаются татары; за этот день переходят реку»¹ [Еманов 1995: 149].

Итальянец Франческо Пеголотти в своей книге «Торговое дело» (составленной во Флоренции между 1310 и 1340 гг.), повторяя сведения Анонима, пишет о «Джентоархани» как об одном из важнейших торговых пунктов на нижней Волге, через который проходил великий караванный путь, соединявший средиземноморскую торговлю с Востоком. Согласно его сведениям, от Таны до Хаджи-Тархана («Gintarchan») 25 дней пути на повозке с бычьей упряжкой и 10–12 — на повозке, запряженной лошадьми. Дорога до города безопасна, необходимо лишь взять с собой соленой рыбы и муки, мясо же в путь брать не следует, поскольку его можно достать во время путешествия [Pegolotti 1914: 146, 154; Medieval 1955: 355].

Вероятно, именно этим путем в 1338 г. прибыл в Хаджи-Тархан (Citercan, Arcitrichan) венецианский купец Джованни Лоредан (Ioannes Lauretano dictus Vacha). Он направлялся в Индию, но из-за морозов задержался и пробыл в городе 50 дней. На местном рынке, а также через посредничество своих агентов на базарах Старого и Нового Сараев Лоредан продал все привезенные с собой шерстяные ткани (а среди них были элитные фландрские сукна, флорентийские и венецианские ткани самой популярной окраски — красной, фиолетовой, зеленой,

¹ Это замечание не оставляет сомнений, что город располагался на правом берегу Волги, чуть ниже Сарая-Бату (ныне городище Селитренное, выше современной Астрахани, на левом берегу Ахтубы).

желтой и др.: «pannos pluribus colloribus — blavos, vermeios, virides, callos et violatos») [Lopez 1938: 155–156; Еманов 1995: 49, 92, 96]. Продать эти ткани в городе, наверное, не составляло большого труда: Ибн Баттута, побывавший там в 1334 г., упоминает о больших хаджитарханских базарах [Batṭūṭa 1962: 496]. Венецианцы были одними из самых активных купцов, осваивавших рынки Нижнего Поволжья. В Венеции торговцы составляли для своих коллег специальные руководства-дорожники с указаниями расстояний, цен и пр., в том числе и в Хаджи-Тархане [Medieval 1955: 152].

По мнению Р.Гузейрова, в XIII–XIV вв. через Хаджи-Тархан проходило около шести крупных торговых магистралей. На правобережье — Старая татарско-крымская (она же позднее служила для связи Крымского и Астраханского ханств), Большая Кизлярская, Елабужская (по селу Елабужское), северная (вдоль Волги на Бельджамен). На левом берегу «все товары перевозились из Хаджитархана на караванах через Междуречье или на судах в Красноярское городище Астраханской области, которое расположено напротив Хаджитархана на левом берегу дельты Волги. Из Красноярского городища уходило две основные магистрали...» на Хорезм [Гузейров 2000: 24–25]. Согласно заметкам англичанина Ричарда Джонсона, из Хаджи-Тархана до Сарайчика при медленном путешествии, как обыкновенно едут купцы с товарами, было 10 или даже 15 дней пути, до туркменских берегов Каспия на судах было 10 дней, до Гиляна морем — 7–8 дней [Английские 1938: 189–190, 224] (о торговых путях, проходивших через город, и расстояниях см. подробнее [d'Encausse 1970: 402–409; Агзамова 2003: 139–146]).

Наряду с Кафой, Судаком, Азаком (Таной) Хаджи-Тархан являлся одним из крупнейших рынков в левантийской заморской торговле [Варваровский 1994: 11; Варваровский 1995: 18; Шаралова 1975: 72, 74; Байкова 1964: 150]. Хаджи-Тархан и некоторые другие нижневолжские и приазовские центры были поставщиками рыбы, в особенности осетровых пород, представлявших собой важную статью в отправлениях константинопольских и итальянских купцов [Варваровский 1995: 19]. В торговле с русскими княжествами большую часть составляла соль. Тесными были торговые связи улуса Джучи с Делийским султанатом: основной статьей торговли с Индией были лошади. Индийские золотые динары присутствуют в нумизматическом комплексе городища Шареный Бугор [Варваровский 1995: 20]. По сообщению Абд ар-Раззака Самарканди, совершившего в 1442–1444 гг. путешествие из Герата в Индию, купцы из Дешт-и Кипчака доходили до Хормуза (порт на юге Ирана, на острове Джарун в Персидском заливе, в нескольких километрах от современного Бандер-и Аббас) [Самарканди 1993: 51].

Важнейшими статьями торговли Хормуза, как пишет О.Ф.Акимущин в комментариях к труду Самарканди, были индиго (из Индии) и

лошади (в Индию) [Самарканди 1993: 94]. Возможно, часть экспорта лошадей в Индию составляли именно лошади из Дешт-и Кипчака, и в частности из степей Северного Прикаспия. В окрестностях Астрахани отмечены находки монет египетского султана XIII в. Бейбарса, а также венецианских дукатов XIV в., что, безусловно, свидетельствует о существовании торговых связей города с этими странами и областями [Федоров-Давыдов 1998: 44]. Кафинские купцы покупали в Хаджи-Тархане и Тане (Азак) жемчуг [Еманов 1995: 86].

К 1438 г. относится торговая поездка ширазского купца хаджи Шамс ад-Дина Мухаммеда в Нижнее Поволжье. В июне он покинул Шираз с караваном из 20 верблюдов и товарами на сумму 30 000 динаров. В Сарай купец прибыл с товаром на 21 000, расторгав, таким образом, товар на 9000 динаров. Прибыль от продаж в Сарае составила в среднем 50%; там он приобрел шелк-сырец, шелковую камку, атлас, русское полотно, сукно [Заходер 1955: 15–18]. Можно предположить, что какую-то часть своего имущества купец продал в Хаджи-Тархане, по дороге в Сарай.

Вероятно, особенно интенсивно развивалась торговля Хаджи-Тархана с городами Северного Азербайджана [Махмудов 1991: 37], а также с Азаком (Азовом) и черноморскими портами. Не случайно Саад ад-Дин Ходжа в «Тадж ат-таварих», повествуя о приобретении османами Кафы, а затем и Азака, пишет о последнем, что он «является портом и дорогой до государств и стран славянских и восточных вилайетов, идущих от границ Туркестана, Мавераннахра и соседних рек и краев Хаджи-Тархана, в который проходят купцы» [Sadeddin 1863: 555] (см. также [Zawalinski 1938; Tansel 1953: 271; Öztürk 2000: 273]). Однако эта «старая» Астрахань была обязана своим быстрым развитием не только торговому пути, но и благоприятным естественным условиям — близости обширных степей и одновременно великой реки [Сафаргалиев 1952: 29–30]. Вероятно, очень тесными были связи Нижнего Поволжья и Хаджи-Тархана, в частности, с Хорезмом. Не случайно, в начале второй четверти XIV в. на торговом пути с низовьев великой реки в Среднюю Азию — на Устюрте одновременно возникает целый комплекс караван-сараев, который прекратил действовать в 70-е годы XIV в. в связи с разрушительными походами Тимура на Хорезм [Маньлов, Юсупов 1982: 179; Федоров-Давыдов 1998: 45–46]. Походы Тимура в 1391 и 1395 гг., безусловно, нанесли большой урон и другому направлению торговли Астрахани — азербайджанскому. Этот путь в конечном счете связывал иранские берега Каспия (через Астрахань и Азак) с Кафой, а затем с внутренними районами Османской империи. Шелк и пряности являлись основным товаром на этом пути [Öztürk 2000: 16, 480, 482, 489 и др.].

Амброджо Контарини, прибывший в Астрахань 30 апреля 1476 г., так писал о городской торговле: «Рассказывают, что в старые времена

Астрахань была местом крупной торговли, и те специи, которые отправлялись в Венецию из Таны, проходили через Астрахань. Насколько я слышал и мог понять, специи свозились именно сюда и затем переправлялись в Тану — ведь до нее, как говорят, всего восемь дней пути» [Барбаро и Контарини 1971: 220]. Франческо Тьеполо, в своем произведении много заимствовавший у С.Герберштейна, писал об области Читракан (т.е. Хаджи-Тархане) сходным образом: «В прошлом она была общим рынком всех и северных и южных народов, до тех пор пока европейские купцы посещали город Тану, куда привозились пряности и разные другие товары из Индии и иных южных стран. Но после того как по разным причинам венецианские и генуэзские купцы перестали торговать в Тане, Читракан стал мало посещаться персами и другими им соседними народами. Поэтому, с прекращением торговли, область в большей части и почти целиком потеряла прежнюю славу и величие, пока, наконец, не была покорена татарами» [Тьеполо 1940: 332].

Однако сообщение венецианского путешественника конца XV в. Донато де Лезе свидетельствует о том, что значение торговли специями через Астрахань с востока (прежде всего из Индии через Шемаху и Баку) было все еще весьма велико [Ашурбейли 1964: 93]. Да и сам Контарини прибыл в город в сопровождении купцов, которые везли в Астрахань «куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще боссасины¹ на продажу русским». По его словам, с ним «было еще несколько татар, которые ехали за товаром, а именно за пушниной, которую они продают затем в Дербенте» [Барбаро и Контарини 1971: 217].

«Весьма сомнительно, — писал А.Я.Шпаковский, — чтобы Московское государство, еще собиравшее вокруг себя Русь, могло принимать значительное участие в этом торговом обмене, хотя несомненно, что и в это время русские купцы торговали с восточными купцами. При татарском владычестве центром этой торговли являлась ханская ставка, которую в сущности трудно приурочить к определенному месту; во всяком случае, она находилась между Доном и Волгой» [Шпаковский 1915: 9]. Судьба Афанасия Никитина свидетельствует о превратностях, подстерегавших купцов на Волге [Хождение 1986; Ленхофф, Мартин 1993]. Нам известно имя одного из астраханских купцов: это был Хаджи Нияз, «знаменитый своим богатством», образованный человек своего времени, живший в начале XVI в. [Утемиш-хаджи 1992: 97–98].

Из описания похода ушкуйников 1375 г. можно заключить, что Астрахань была крупным центром работорговли. Город продолжал им оставаться и в дальнейшем, видимо на всем протяжении своей истории, вплоть до русского завоевания. Вероятно, рабы продавались не

¹ Тонкая льняная ткань.

только для прикаспийских областей, но и в Азак (Азов) [РИО 1884: 334], Крым и Казань. Об одном из пленных, афонском монахе Герасиме, пойманном татарами и проданном в Астрахань в конце XV в., а затем перепроданном в Казань, где его выкупили и вернули в Москву, писал в окружном послании митрополит Симон (1495–1505) [Акты 1841: 146, № 103; Соловьев 1960: 198]. Город и в XVI в. продолжал оставаться центром торговли рабами. Павел Иовий в шестой книге «Описания мужей, прославленных ученостью» (1545 г.) писал, что после похода крымского хана Мухаммед-Гирея на Москву летом 1521 г. пленный «москов» продавали «и в Таврии туркам, и в Цитрахе — разным обитателям берегов Каспийского моря» [Иовий 1997: 354–355]³. В описании этих событий Иовий следовал С.Герберштейну. Русские пленные продолжали продаваться на рынках Астрахани в самой середине XVI в. Московское правительство выкупало пленный через послов. Специальное постановление Стоглавого собора (1551 г., 66-я глава «Об искуплении пленных») гласило, что полоняников, «которых окупят цареви послы в ордах, во Цареграде, или в Крыму, или в Казани или в Азсторохани, или в Кафе, или сами окупятся, и тех всех пленных окупати из цареви казны» [Макарьевский Стоглавник 1912: 104] (см. также [Шмидт 1961: 32; Pelenski 1974: 245–246; Макаров 1981: 11; Емченко 2000: 374]). В некоторых изданиях Стоглава в этой главе Астрахань, Казань и Кафа опущены: упоминаются только пленные, «которых откупят цареви послы в Ордах и в Цареграде, и в Крыму, или где-нибудь в дальних ордах от поганых из плена, и тех всех окупати из цареви казны...» [Стоглав 1863: 224].

Выкупали пленный и родственники, причем лица, приезжавшие для этого в Крым, пользовались привилегиями и правами купцов [Шмидт 1961: 33]. Вероятно, такой же статус был и у тех, кто выкупал рабов в Астрахани. В июле 1551 г. мирза Исмаил писал в Москву о некоем Юрии, которого астраханский хан Ямгурчи, «купив, хотел его в Бухары продать. И яз затем, чтоб его... не продали, откупил его. А он бил челом, чтоб я его откупил, а ялся дати за себя откупу двести рублей». Исмаил отдал за него 2 человек, 3 коня, верблюда и кунью шубу. Юрий же бежал с пятью конями. Исмаил просил возместить убытки в Москве [РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 54об.].

Из этого сообщения, конечно весьма приблизительно, можно выяснить цену знатного раба — бывшего дипломата или купца (все зависело от конкретного человека, к тому же Исмаил явно завышал размеры потраченной им суммы)⁴.

³ Бернард Ваповский в своих хрониках упоминает о продаже пленный в 1521 г. лишь в Кафе [Wapowski 1874: 184].

⁴ Интересно сравнить с выкупом за князя С.Ф.Бельского, который хотел получить с Москвы ноган в 1538 г.: там также фигурировали рабы — 11 «парбков» [Посольские книги 1995: 209–210].

С основанием русской Астрахани масштабы работорговли, безусловно, уменьшились, но она все же продолжала существовать: Дженкинсон, по его словам, мог бы купить «много красивых татарских детей... у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов»; из-за голода среди ногаев и татар цена на людей была чрезвычайно низка [Английские 1938: 172]. Вместе с тем и после присоединения города к Московскому государству русские рабы еще очень долго продолжали возвращаться на родину. Так, А.Дженкинсон встретил на Каспии судно с 25 русскими рабами, возвращавшимися из плена, они «долги были в рабстве в Татарии» [Английские 1938: 186].

В 1638 г. местные стрельцы продали голштинскому посланнику Бругману девочек — «перекопскую», т.е. крымскую, татарку из захваченного незадолго до этого Азова, и ногайку. Переводчик посольства Мартин Альбрехт (ему было 26 лет) был из татар, «проданных», как пишет А.Олеарий, в Москву и крещенных там. Тогда же персидский посол купил у одного ногайца в Астрахани его сестру в жены [Исторические путешествия 1936: 90–91] (см. также [Бернадский 1939: 96]). Статус невольников, вероятно, практически не отличался от положения рабов, например, в Казахском ханстве в XV–XVII вв. (см. [Султанов 1986: 340–351]).

Экономика Астрахани, видимо, складывалась из двух составляющих — транзитной торговли и экспорта местных продуктов. Основными товарами собственно астраханской экономики были рыба и соль, которыми торговали как с волжскими городами, так и, вероятно в значительно меньшей степени, со странами каспийского бассейна. Соль в окрестностях города добывалась из озер (так называемая самосадочная соль), ее выгребали лопатами из воды, сушили на солнце и грузили на транспортные средства [Котов 1958: 31; Коломинский 1913: 108; Степанов 1939: 82] (см. также [Фукс, Кунин 1858: 129–145]); список соляных озер и сведения о добыче см. [Михайлов 1851: 135–142]. В буграх соль могла сохраняться весьма долго, лишь уплотняясь со временем, отчего глыбу приходилось потом колоть топорами и ломами [Степанов 1939: 82]. В зависимости от места добычи она могла быть разных цветов, например красная [Котов 1958: 31]. Сходным образом шла добыча соли и в Крыму, как описывал это в середине XVI в. Михалон Литвин: «Ведь соль там в ямах, в некоторых реках родится наподобие крепкого льда от солнечного жара; во время летнего солнцестояния она сверкает в обилии своем, ничем не уступая хрустало» [Литвин 1994: 63]. Еще Иосафат Барбаро, посещавший Астрахань во время своего пребывания в Танае (1436–1452), писал: «Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [Барбаро и Контарини 1971: 157]. В 1517 г. крымский хан Мухаммед-Гирей говорил московскому дипломату Д.Иванову, что после будущего

взятия города московскими и крымскими войсками в нем «великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищальми, и рыба и соль, что надобное, то брату моему великому князю...» [РЮ 1895: 377]. Таким образом, эти традиционные продукты астраханской экономики достаточно высоко ценились, если хан пытался привлечь ими великого князя к походу.

Ситуация, вероятно, не изменилась и в последующем. В 1599 г. Орудж-бек Байат отмечал, что в Астрахани для купцов из Москвы, Армении, Персии и Турции главным предметом вывоза была соль [Дон-Жуан 1988: 146]. Жак Маржарет, французский офицер на русской службе, в своей книге о России (1606 г.) так писал об Астрахани: «Это укрепленный город, торгующий больше, чем любой другой в России, и снабжающий почти всю Россию солью и соленой рыбой» [Маржарет 1982: 143–144].

Актовые материалы Московского государства второй половины XVI в. позволяют оценить масштабы этой торговли рыбой и солью. Так, например, по жалованной грамоте Свияжского Богородицкому монастырю от 25 мая 1584 г. монахам дозволялось иметь на Волге судно и ежегодно нагружать его в Астрахани десятую тысячами пудов соли или рыбы. Скорее всего объемы вывоза этих продуктов из города другими монастырями, например Казанским Зилантовым (Илантовым), Суздальским Спасо-Евфимьевым, Троице-Сергиевым, а также купцами были такими же или даже большими [История Татарии 1937: 159, 156; Каштанов 1997: 45, 49]. По данным А.Юхта и А.Логачева, в XVII в. добыча соли в астраханских самосадочных озерах достигала 1–1,5 миллионов пудов в год [Юхт, Логачев 1958: 13]. По мнению Э.Л.Дубмана, во второй половине XVI в. размеры добычи соли в Астрахани составляли никак не менее нескольких сотен тысяч пудов [Дубман 1998: 55]. И.Саввинский приводил данные, согласно которым астраханский Троицкий монастырь в 1588 г. получил право беспошлинно сгребать «у Мочаговской соли» по 5 тысяч пудов «с году на год», а в 1592 г. сгребать у Мочаговского озера также беспошлинно 12 тысяч [Саввинский 1903: 18].

Соль была целью торговых поездок монастырских «старцев, слуг и людей», а также частных купцов. Например, в указной с прочетом грамоте Ивана IV в города от Владимира до Астрахани о беспошлинном пропуске большого судна Спасо-Евфимьева монастыря (1 февраля 1578 г.) конечным пунктом его маршрута (после Астрахани) указывалась «Астараханская Соль» [Каштанов 1997: 45]. В жалованной проезжей и заповедной грамоте Ивана IV архимандриту Троице-Сергиева монастыря Ионе на беспошлинный проезд от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно двух монастырских судов (8 июля 1578 г.) сказано: «А как те троетцкие Сергиева монастыря старцы ли купчины, или приказшики придут в Асторохань и к Мочаковской соли, и к рыбным

учюгом и учнут у Мочаковской соли в те свои два судна соль нагребати собою, или в те свои два судна наладут рыбы, и астороханские воеводы наши и дьяки на троетцких старцах и на купчинах, и на слугах на монастырских с тое рыбы и с соли згребные и весчие пошлыны, и иных некоторых пошлын не емлют. А учнут троетцкие Сергиева монастыря старцы или купчины, или слуги в те свои два судна нагребати из нашия из готовые из гребные соли, и с тое соли платити им в нашу казну нашу згребную пошлыну для тово, что от згребанья казаком наем дают из нашия казны; а весчие пошлыны и иные некоторые пошлыны из готовые з гребные соли по тому ж Троетцкие Сергиева монастыря старцы и купчины, и слуги не дают» (цит. по [Каштанов 1997: 49]).

Из этого документа видно, что соляные промыслы, вероятно, находились в ведении казны. Монахам не нужно было платить пошлину за соль, которую они добывали сами, однако следовало оплатить труд наемных казаков, которые сгребали соль для казны, в том случае, если монахи стали бы забирать ее. О работающих «у Мочаковской соли» (т.е. соляного озера) из найма «казаках», сгребавших соль для казны, сообщается и в грамоте Троице-Сергиеву монастырю от 15 марта 1588 г. [ААЭ 1836: 406, № 336; Дубман 1998: 42]. О том, что астраханские соляные промыслы находились в ведении казны, свидетельствуют и более поздние документы: солепромышленники приезжали и сами нагребали соль, платя в казну по алтыну со 100 пудов [Коломинский 1913: 118]. В приложении к письмам англичанина Артура Эдвардса (вторая половина XVI в.) сказано, что плата казне с одного пуда астраханской соли составляла 1 пенни [Английские 1938: 237].

Казенная принадлежность соляных месторождений в эпоху русского господства позволяет предположить, что и в ханский период они также принадлежали казне (астраханского хана), а их эксплуатация была организована сходным образом. Косвенно о принадлежности соляных озер казне до 1554–1556 гг. свидетельствуют названия некоторых из них. Так, Тинакские соляные озера назывались среди местных татар Ханскими. Правда, Ключаревская летопись (30-е годы XIX в.) объясняет это название весьма своеобразно: «Город сей (Астрахань. — И.З.) пред прочими имел уважение от Ханов Бахчи-Сарая и в летнее время ежегодно был посещаем ими и с семействами: поэтому грязи и по ныне называются от татар Ханскими, а от русских Тинакские соляные озера» [Ключаревская летопись 1887: 3]. В Крымском ханстве соляные озера, как и прилегающие к ним деревни, также принадлежали лично хану (назывались они *ерз мирие*), были в казенном ведении. Выволочка из них соли являлась повинностью, льготы по которой обеспечивались специальными тарханными ярлыками. Ф.Ф.Лашков, однако, сомневался, что ханы владели этой землей на правах полной

собственности. Часть соляных озер в Крыму принадлежала ширинским беям [Лашков 1895: 71–72, 75].

Поскольку наличие поста калги в Астраханском ханстве не вызывает сомнений, можно достаточно уверенно полагать существование там, по аналогии с Крымом, *калгалыка*, или удела калги. В Крыму калгалык был государственной собственностью, не мог жаловаться в потомственное владение калге, а давался ему только в пользование. Крестьяне, жившие на землях калгалыка, как и ханские, работали на них из $\frac{1}{10}$ части [Лашков 1895: 76–78]. Данных о бейликах, подобных крымским и казанским, в Астрахани нет, хотя скорее всего они были также и там.

Наконец, в Астраханском ханстве безусловно существовало мусульманское духовенство, а следовательно, наличие поземельных владений духовных лиц и учителей (*ходжалык*) также весьма вероятно (о ходжалыках в Крымском ханстве см. [Лашков 1895: 89]; в Казанском — [Мухамедьяров 1958: 23]). Какая-то часть пахотных земель, по-видимому, находилась в общинном владении. Скорее всего существовал в Астрахани и институт *сойургала* (аналога русского поместья, условного военно-ленного землевладения, права взимать в течение известного времени в свою пользу ренту-налог, ранее поступавший в пользу хана) (о сойурвале в Казанском ханстве см. [Мухамедьяров 1958: 10–19]).

Как отмечал И.Покровский, а за ним С.М.Каштанов, относительно Казани, «кафедра» (т.е. церковь) выступала в роли наследника собственно ханских земель (дворцовые села). «Очевидно, правительство в значительной мере руководствовалось желанием перечеркнуть „святость“ этих мест как бывших ханских резиденций и окружить их ореолом новой „святости“, исходящей от русской православной церкви» [Каштанов 1970: 172]. Похожая ситуация, вероятно, сложилась в Астраханском ханстве в условиях нехватки пахотной земли применительно к казенным соляным промыслам.

В том, что рыба не могла не добываться в Хаджи-Тархане еще в период вхождения города в состав единой Золотой Орды, не сомневались исследователи астраханского рыболовства XVIII–XIX вв. [Бочечкаров 1860: 58]. Рыболовная терминология низовьев Волги почти вся тюркского происхождения, что говорит о ее заимствовании русскими рыбаками от местного населения. Терминология, относящаяся к засолке рыбы, также почти сплошь тюркского происхождения; это позволяет предположить, что и в ханское время рыбу в Хаджи-Тархане солили приблизительно так же (см. [Бочечкаров 1860: 99 и сл.])⁵. В 20-х годах XV в. в районе Днепра Гильбер де Ланнуа получил от одного из татар-

⁵ Татарская лексика очень частотна, например, в описании устройства учуга: *чеген* — бревно для забойки, *кошак* — лесная поросль для переплетов, *кирчен* — таловый прут для переплетов и др. [Степанов 1939: 125].

ских князей осетров, а также топливо, чтобы готовить их в степи [Ланнуа 1853: 437]. Есть свидетельства о добыче рыбы в городе местными жителями до присоединения Астрахани к Московскому государству. Так, рыбы осетровых пород (севрюги?) изображены на одном из типов хаджи-тарханских монет XIV в. [Гончаров 1997: 182, рис. 2/7]⁶.

Ловля осетров осуществлялась три месяца в году — с конца мая по конец августа [Английские 1938: 237]. Рыбу солили на месте, грузили на суда и вывозили вверх по Волге. Ассортимент вывозимой рыбы был, видимо, не столь разнообразен: в русских документах упоминаются в основном осетры, белуги и «шевриги» (севрюги) [Акты 1841: 438; Акты 1841а: 274] (см. также [Бочечкаров 1860: 53]).

П.Тафур, побывавший во второй половине 30-х годов XV в. в Кафе и Азове, описывает в своем сочинении процесс обработки рыбы. По его словам, осетр, который в Азове назывался *sollos*, поставлялся оттуда даже в Кастилию и Фландрию. Другая рыба — *merona* (вероятно, белуга) — ценилась за икру; ее солили в бочонках и поставляли в другие страны (особенно в Византию и к османам). Икра похожа на «черное мыло», замечает П.Тафур, пока она мягкая, ее режут и пресуют, а потом помещают в «жаровни» (т.е. коптят или сушат), отчего она становится твердой [Taфur 1926: 135]. Слова кордовского путешественника можно без особого сомнения перенести и на рыбный промысел современного ему Хаджи-Тархана. Так, Орудж-бек Байат отмечал, что самый маленький осетр, которого он видел в Астрахани осенью 1599 г., весил не менее 12 или 13 фунтов. По словам путешественника, «вызывает удивление, что никто не смеет есть мясо этой рыбы, и что они ловят ее исключительно ради икры. Количество икры может достигать шести или семи фунтов в каждой рыбе, и она черная, как спелая винная ягода. Она очень вкусная, а высушенная, сохраняется два или три года, не портясь...» [Дон-Жуан 1988: 147]. Рыбу также сушили. А.Дженкинсон отмечал в 1558 г.: «Жители развешивают для сушки рыбу на улицах и в домах, чтобы запастись ею, отчего здесь к их же мучению такая масса мух, какой я никогда нигде не видал» [ЧОИДР 1884: 40]. По сведениям Я.Я.Стрейса, сушеная рыба употреблялась татарами вместо хлеба [Исторические путешествия 1936: 105].

Астрахань (в особенности после присоединения к Москве), конечно, не могла соперничать в борьбе за константинопольский рынок с Азовом, из которого в османскую столицу поставлялась икра и

⁶ Монеты с изображением двух рыб (вероятно, символ созвездия Рыб) чеканились в центрах улуса Джучи и ранее. См., например, анонимную серебряную монету, битую между 1280 и 1310 гг. [Янина 1962: 157, № 25-ж]. Этот мотив зодиакального созвездия был широко распространен в прикладном искусстве и других областях исламского мира (ср., например, иранское фаянсовое блюдо XVI в. из собрания ГЭ [Земное 2000: 284, № 259]).

разнообразная рыба осетровых пород [Busbecq 1927: 36], поэтому рыбные деликатесы из Астрахани, вероятно, в основном уходили на Восток и Север. Хотя И.Масса отмечал, что астраханскую икру «скупали турки и отправляли в Константинополь» [Масса 1937: 23; Степанов 1939: 83].

По мнению А.Юхта и А.Логачева, более десятка учугов — Басарга, Урустоба, Увары, Чурка, Камызяк, Бузан, Чаган, Иванчуг, Коклюй и др. — возникло в XVII в. [Юхт, Логачев 1958: 13]⁷. Однако это не так. В первой половине XVI в. рыбные учуги скорее всего принадлежали хаджи-тарханской аристократии. Об этом могут свидетельствовать названия некоторых учугов. Например, учуг «Колкомановский», фигурирующий в жалованной грамоте Ивана IV астраханскому Троицкому монастырю от 12 февраля 1575 г. [Акты 1841: 356, № 193], можно сопоставить с неоднократно упоминаемым в источниках «Халкоманом». В 1549 г. он был послом Ямгурчи в Москву. Часть учугов на рукавах волжской дельты и ериков принадлежала лично хану: об этом могут свидетельствовать названия ериков Царев, Малый Царев. Летопись сообщает, что конфискация ловель у местного населения произошла уже в сентябре 1556 г.: московские стрелецкие головы и казацкие атаманы «отняли всю волю у Нагай, у Астороханцов рыбные ловли и перевозки все» [ПСРЛ 1914: 576].

В.Н.Татищев прямо писал, что учуги и земли, принадлежавшие в период независимости Астрахани мирзам, были оставлены за ними [Татищев 1996: 37]. Акад. Н.Я.Озерецковский также отмечал, что до того, как учуги были взяты в 1704 г. в казенное ведомство, они принадлежали «Патриархам, архиереям и Татарам» [Озерецковский 1804: 108]. Отдельными рыболовецкими угодьями и учугами местные татары владели вплоть до 70-х годов XVI в. В жалованной грамоте Ивана IV астраханскому Троицкому монастырю от 12 февраля 1575 г. упоминаются «учюжки, как бывали за прежними Татарами, за Сей-Нашарком Амошековым да за Янкурою Камбаевым», которые отошли астраханскому монастырю Николы Чудотворца [Акты 1841: 357, 358, № 193]. Первое имя в чтении издателей «Актов исторических» безнадежно исковеркано и вообще слабо походит на татарское, напоминая скорее русскую передачу других восточных имен (армянского?). Реконструировать его можно по-разному: «...за Усейном» (т.е. Хусейном), за Сеитом.... Впрочем, здесь мы вступаем в область догадок (ср. чтение: «учюжки, кои бывали за прежними татарами: за Амамековым да Кашбаевым» [Степанов 1939: 83; Дубман 1998: 42]). Важно, другое: местное татарское население до прихода русских владело учугами.

По мнению И.В.Степанова, прежние владельцы угодий поначалу были обложены оброком в государеву казну, а затем постепенно

вытеснены русскими промышленниками. В XVII в. мы уже не встречаем татар — держателей учугов. Однако сам автор далее приводит данные об использовании в XVII в. рыбных угодий татарской знатью. В деле об откупе «Теплинских рыбных ловель» упоминалось о существовании татарских рыбных ловель, а в 1635 г. едисанские мурзы вместе со своим князьком Канаем просили предоставить им право ловить рыбу неводом в Гнилушинских водах на Ахтубе. Приказ, ведавший откупам, попытался, что это были за воды, были ли в откуп и сколько откупу собиралось, «и наперед сего за нагайскими и едисанскими мурзами те рыбные ловли бывали ли». В итоге ловли были сданы на откуп с торгов на общем основании [Степанов 1939: 84, 104–105]⁸.

Безусловно, часть рыболовецких угодий принадлежала лично хану. Наследником ловель также в большой степени выступала церковь, прежде всего астраханские и верховые монастыри. Размер добычи рыбы оценить труднее: монастырское хозяйство носило потребительский характер, т.е. главной задачей было обеспечить рыбой саму обитель, торговые же операции носили подчиненный характер (см. [Дубман 1997: 24]); о рыбном промысле в низовьях реки в XVII в. и позже см. [Булычев 2002].

Хлеб в Астрахань приходилось ввозить. А.Дженкинсон отмечал, что остров, на котором основан новый город, очень неплодороден, «земля не родит хлеба», а «в мясе и хлебе здесь большой недостаток» [ЧОИДР 1884: 40]. О ввозе хлеба в Астрахань из волжских городов, в основном из Казани, писал и А.Олеарий (1636 г.) [Исторические путешествия 1936: 59]. Вероятно, город должен был постоянно страдать от нехватки зерна; в таких условиях мор и голод среди местного населения становились явлением отнюдь не редким. Уже после 1556 г. в русских документах неоднократно упоминаются торговые люди, доставлявшие в город хлеб и вывозившие рыбу и соль [Акты 1841: 436, 437]. И мука, и крупы доставлялись в русскую Астрахань из «Верховских городов» [Акты 1841: 440]; вероятно, и до русского завоевания город зависел от экспорта зерновых. Возможно, в пределах ханства и осуществлялся сев, но скорее всего на очень ограниченных площадях: по мнению, Г.Газиза, И.В.Степанова и В.И.Пантина, в основном по Бузану и на некоторых землях вдоль Волги [Газиз 1990: 89, 90; Степанов 1970: 339; Пантин 1994: 110].

Любитель астраханской старины А.Штылько писал, что в XV в. до города доходили сверху «за солью и рыбой до 500 судов простых, но разнообразных конструкций: паузки, карбасы, лады, учаны, мишаны,

⁸ Любопытно, как объяснял происхождение учугов Н.Озерецковский: «Сии злодейственные преграды выдуманы издревле Астраханскими Татарами, для того чтоб не пропускать рыбы в верх Волги к Россиянам, против которых пылали они злобою» [Озерецковский 1804: 117].

⁷ Об их местонахождении см. [Озерецковский 1804: 109–111, 114].

бафты, струги» [Штылько 1896: 11]⁹. Вряд ли эти суда и условия плавания сильно отличались от тех, которые были распространены на Волге и Каспии в XVII в., по крайней мере так называемые бусы, вероятно, были известны там значительно ранее (см. [Байкова 1964: 154–159; Тушин 1978]). А.Дженкинсон даже приобрел один из двух якорей с судна из Астрахани, на котором плыли по Каспию татары и русские. Якорь был железным, что говорит о вполне развитом речном и морском судоходстве в Астрахани во второй половине XVI в. [Английские 1938: 186, 187]. Местным жителям были известны и более примитивные типы речных судов, в частности плоты. Так, имя одного из персонажей астраханской истории XIV в. — Салчи (он управлял городом в 1375 г.) переводится как «плотовщик», «плотовод», от *sal* — «плот», «судно, которое связывается из щепок и бревен» (см. [Боровков 1961: 186]). Юлий Помпоний Лэт (1428–1498), итальянский гуманист, вероятно побывавший в конце 70-х годов XV в. в Причерноморье, даже утверждал в своих «скифских» заметках, что на Каспии (который он считал не морем, а болотом, так как все его северное побережье поросло тростником) только и знают из водных средств передвижения, что плоты [Забугин 1914: 82].

Безусловно, какую-то (возможно, весьма значительную) часть перевозок на речном торговом пути от Астрахани вверх по Волге и морем по Каспию осуществляли местные жители — татары. Во время похода московских войск на Астрахань летом 1554 г. князь А.И.Вяземский встретил первый астраханский отряд выше Черного острова: астраханцы гребли в *ушкулех* [ПСРЛ 1904: 241]. В таких же ушкулех Ямгурчи отправил к морю своих цариц с детьми, на этих же судах бегут от русских и другие астраханцы. Астраханский ушкуль (или ушкуй) был довольно вместителен: в судне, перехваченном атаманом Федором Павловым, находился ханский гарем¹⁰, а также «набаты царевы и пищали в нем были многие» [ПСРЛ 1904: 242]. Есть свидетельства существования развитого судоходства у юртовских татар во второй половине XVI в. В челобитной бухарского посла Мухаммеда-Али царю Федору Ивановичу с просьбой принять меры против взимания с приезжающих в Астрахань «заморских» торговых людей незаконных поборов (1589 г., ранее 30 марта) сказано: «Приходят, государь, за море из Астрохани на твоих государевых бусах на пристанища твои

государевы юртовские татаровя и возят нас из-за моря с товаром в Астрохань (курсив мой. — И.З.)» [Материалы 1932: 101]. Возможно, что юртовцы, осуществляя эти перевозки, выполняли нечто вроде государственной повинности — доставляли в Астрахань купцов и дипломатов из областей, лежащих на Каспийском побережье.

В документах московско-персидских отношений второй половины XVI в. также упоминается об астраханских «юртовских татарах», которые «хаживали на туркменское пристанище и к гилянкой пристани» [Памятники 1890: 15]. А.Дженкинсон, переправляясь в 1558 г. через Переволоку, отмечал, что «в минувшие времена татары здесь перетаскивали свои суда из Волги в Танах иначе в Дон» [ЧОИДР 1884: 39]. Что это были за суда, сказать трудно, но можно предположить, что среди них были и упомянутые ушкули и, возможно, небольшие челноки из одного куска дерева, на которых, например, в начале 20-х годов XV в. татары переправляли через Днепр Гильбера де Ланнуа [Ланнуа 1853: 338]. По мнению С.Бэрона, «очень вероятно, что русские (на Каспии. — И.З.), как новички в мореплавании, скорее адаптировали суда, которые они нашли действующими, чем создавали новые». Исследователь имел в виду тип судов под названием «бусы» [Baron 1991: [IV] 105]. А.Олеарий нанял в Астрахани русского лоцмана и «несколько ногайских татар с баркою [шютою] для облегчения... корабля на мелководье». Шюта прямо называется татарским судном [Исторические путешествия 1936: 79, 82]. Можно вспомнить, что в ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея (1523 г.) фигурируют особые «судовые чиновники», или «досмотрщики судов» (*کشتی بانان* — *kāštibānān* («одушевленное» мн.ч. от персидского *کشتیان* — «корабельщик, матрос»; при условии верного прочтения слова); вероятно, такая же должность существовала и при астраханских ханах [История Татарии 1937: 101; Мухамедьяров 1967: 107]. Скорее всего эти *kāštibānān* — персидский вариант тюркского *کمچی*, т.е. «корабельщики», упомянутые в ярлыке Саадет-Гирея от 1523 г. в сочетании *کمچی کوبورچی لارینکا* (понято и переведено Ярцовым как «перевощикам и мостовщикам») [Григорьев 1844: 340], и *کمچی* («плодоплетники») ярлыка Селямет-Гирея I караимам Чуфут-Кале от сентября 1608 г. [Смирнов 1890: 58, 62].

В экономике ханства весьма велика была роль скотоводства. Фазлаллах б. Рузбихан Исфакхани писал, что в область Сыгнака «со стороны Дешта, из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары, как то: шубы из меха киша и тина, то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия» [Фазлаллах 1976: 116–117]. Если меха, стрелы, луки и ткани являлись товарами, для которых Хаджи-Тархан был перевалочной базой, то упомя-

⁹ Примерные размеры некоторых из них можно себе представить. Так, игумен Кирилл просил разрешить астраханскому Троицкому монастырю держать для вывоза соли белозерку или дощаник в длину от кормы до носа 30 сажен [Саввинский 1903: 17].

¹⁰ Летопись свидетельствует о том, что казачий атаман Ф.Павлов захватил «ушкул с *девками* царевыми, да и набаты царевы и пищали в нем были многие» [ПСРЛ 1904: 242]. Один из списков рукописного «Сказания» о взятии Астрахани свидетельствует, что Павлов взял «ушкур с царевыми *древки* (курсив мой. — И.З.) и знамены, и с набаты, и с пищальми» [ОР РНБ, Собрание Погодина № 1490, л. 81]. Таким образом, в летописном тексте возможна описка: судно перевозило ханские знамена и штандарты.

нутый скот, безусловно, мог поставляться из окрестностей города. В одном османском документе, относящемся к Азаку, упомянуты бараны и лошади из Хаджи-Тархана. Налоговый сбор с одного барана из Хаджи-Тархана составлял в Азаке 6 аспров, а с лошади — 8 аспров. В то же время скот (бараны и лошади) из Крыма вообще не облагался пошлиной [Berindei, Veinstein 1976: 196–197]. Это обстоятельство, создавая более выгодные условия крымским купцам, не могло не препятствовать астраханско-азовской торговле. А.Олеарий в бытность в Астрахани покупал у татар не только соленую рыбу в бочках, но и крупных и жирных быков, которые были необычайно дешевы [Исторические путешествия 1936: 70].

Вероятно, какую-то роль в хозяйстве ханства играли садоводство, огородничество и охота [Пантин 1994: 110]. Так, Орудж-бек Байат замечал, что осенью 1599 г. в Астрахани «в изобилии было дынь и яблок очень хорошего качества» [Дон-Жуан 1988: 146]. Жак Маржарет в 1606 г. писал, что Астраханский край считают весьма плодородным, так как на «равнинах между Казанью и Астраханью много маленьких вишневых деревьев, в пору приносящих плоды, и даже несколько лоз дикого винограда. В сказанном городе Астрахани много хороших фруктов...» [Маржарет 1982: 144]. Федот Котов, в 1623 г. посланный через Астрахань в Персию, описывал сады и огороды под городом, в которых росли «овощи, яблока, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, изюм, дикой перец, капуста» [Котов 1958: 31]. А.Олеарий, проезжавший Астрахань в 1636 г., писал, что в городе и окрестностях растут «яблоки, айва, грецкие орехи, большие желтые дыни, также водянистые дыни, которые русские называют арбузами... Таких арбузов и дынь татары еженедельно привозят на базар в Астрахань по 10 и по 20 возов, и продают их весьма дешево» [Исторические путешествия 1936: 667–668]. Стоит отметить, что все эти плоды продавали в городе татары, следовательно, существование в Астрахани развитого садоводства в ханский период весьма вероятно. В русских пословицах XVII в. арбузы — то, чем Астрахань славна: «Астрахань арбузами, а мы гологузами» [Старинные 1899: 76]. Голландец Я.Я.Стрейс в 70-х годах XVII в. писал об охоте на дичь по островам волжской дельты, причем татары, по его словам, употребляли для этого соколов и перепелятников [Исторические путешествия 1936: 103]. И после завоевания ханства московские стрельцы и казаки ходили из города «на камыш зверя бить» [Посольская книга 2003: 35].

По всей видимости, одним из главных источников богатства города была транзитная торговля. В 20-х годах XVI в. в «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» Павел Иовий писал, что на «торжище» Цитраха (т.е. Астрахани) «мидийские, персидские и армянские купцы устраивают славную ярмарку» [Иовий 1997: 273]. А.Дженкинсон, посетивший новую русскую Астра-

хань в 1558 г., отзывался, однако, о торговле города весьма скептически: «Ведется здесь торговля, но в таких малых и ничтожных размерах, что не стоит и упоминать; все-таки, впрочем, сюда съезжаются купцы из разных местностей. Главнейшие товары, привозимые сюда русскими: красные кожи, бараньи шкуры, деревянная посуда; уздечки, седла, ножи и тому подобные безделушки, хлеб, свинина и прочие припасы. Татары привозят сюда различные товары, выделанные из хлопка, шерсти и шелка; из Персии, именно из Шемахи, привозят шелковые нитки, употребительнейшие в России, краски, пестрые шелка для поясов, кольчуги, луки, мечи и тому подобное; иногда хлеб, грецкие орехи; но все это в таких незначительных размерах, что торговля здешняя ничтожна и бедна» [ЧОИДР 1884: 40–41].

Слова А.Дженкинсона были справедливо подвергнуты сомнению отечественными исследователями, хотя некоторые и писали, основываясь на его словах, о бедности и незначительности торговли в новой, русской Астрахани [Байкова 1964: 150]. «Мнение этого англичанина о ничтожности торговли Москвы с Персией и ее невыгодности опровергается уже усиленными хлопотами как его самого, так и других английских послов о том, чтобы захватить в свои руки торговлю с Персией через Московское государство» [Шпаковский 1915: 12]. Пессимизм в отношении астраханской торговли, по мнению М.Н.Тихомирова, вероятнее всего, был продиктован «неудачей замыслов Дженкинсона, увидевшего, что наладить беспошлинную торговлю через Россию невозможно» [Тихомиров 1962: 511–512]. Несколько позже, в 1571–1572 гг., сам А.Дженкинсон называл Астрахань «старинным торговым городом» [ЧОИДР 1884: 82]. Не противоречат ему и другие источники. Так, кафинский наместник писал: «Се деи приходят в Азсторохань изо многих земель гости торговати воденным путем многие. И казна деи с Асторохани Московскому государству сходит добре великая». Другой турецкий чиновник вторил ему: «А от Астор[х]ани деи х Кизылбаши добре ближе» (т.е. из Персии в Астрахань ближе, чем из Турции). «А опричь деи Азсторохани проходу из Кизылбаши никуды торговым людем не будет» [Тихомиров 1962: 508]. В 1568 г. в Москву из Астрахани поступало будто бы по 1000 золотых торговой пошлины в день [Бурдей 1962: 12]¹¹.

И.Масса, житель Нидерландов, проведенный в Московии восемь лет (с 1601 по 1609 г.), писал, что Астрахань «всегда была большим и людным торговым городом, куда стекалось для торговли множество купцов из Персии, Аравии, Индии, Армении, Шемахи (Siamachi) и Турции, привозивших из Армении — жемчуг, бирюзу и дорогие кожи, из Шемахи, Персии и Турции — парчу, дорогие ковры, различные

¹¹ «А в Астрахани деи изо многих земель кораблем с торгом приход великой, а доходит деи ему (Ивану IV. — И.З.) в Асторохани тамги на день по тысяче золотых» [Бурдей 1962: 12].

шелка и драгоценности, из Аравии — много пряностей, от москвитов, в свою очередь, они получали кожи, сукна, шерстяные материи, бумагу, другие подобные сырые товары, а также икру (усага), которую помногу скупали турки и отправляли в Константинополь; это икра, добываемая из осетров, которых невероятно много налавливают в Волге, каковая икра весьма нравится туркам, равно как в настоящее время итальянцам» [Масса 1937: 23].

Сходным образом отзывался о городе и А.Поссевино, побывавший в Московии в первой половине 80-х годов XVI в.: Астрахань — «известный восточный рынок». «Когда-то астраханские купцы приезжали с берегов Каспийского моря и из Персии гораздо чаще, но из-за того, что большая часть татар была разбита, и из-за длительной войны с Персией этот рынок стал менее многолюдным» [Поссевино 1983: 41, 48]. Важную роль Астрахани как торгового центра, в котором встречаются московские, турецкие, армянские и персидские купцы, отметил во второй половине XVI в. в своих «Универсальных реляциях» Джованни Ботеро [Botero 1591: 103; Botero 1613: 165].

Во второй половине XVI в. город — «международный центр с пестрым населением, где жили не только русские и татары, но и бухарцы, персы, армяне» [Тихомиров 1962: 510]. Это утверждение М.Н.Тихомирова вполне применимо и к Астрахани первой половины XIV — первой половины XVI в. На всем протяжении своей богатой истории город оставался крупным многонациональным культурным и торговым центром нижней Волги.

Приложения

I

К вопросу о названиях города Астрахани в средневековых источниках

И поостерегитесь говорить им, что иногда на том же месте и под тем же названием существуют совершенно разные города, которые рождаются и умирают, так и не познав друг друга и никогда не имея между собой никакой связи.

Итало Кальвино. «Незримые города»

Выдающийся отечественный тюрколог В.Д.Смирнов одним из первых обратил внимание на употребление различных названий города Астрахани в османских средневековых источниках. В комментарии к изданному им сочинению по истории взаимоотношений Турции, России и Крыма В.Д.Смирнов, обращаясь к трудам османских историков Дженнаби и Али, писавших в конце XVI в., заметил: «...такой факт, как нахождение рядом (двух форм написания или двух названий — Хаджи-Тархан и Аждархан. — И.З.) независимо друг от друга, мог произойти и не вследствие простой только оплошности или небрежности переписчиков... Смело было бы утверждать, но, кажется, позволительно предполагать, что в этом, пока вздорном явлении, может быть, при дальнейших исследованиях, отыщется какая-нибудь реальная подкладка, имеющая хоть, например, соотношение с признаваемым за подлинное существование двух Астраханей: может быть, откроется другая, кроме простой описки, причина такой двуименности одного и того же города» [Сборник 1881: XXI–XXII]. В.Д.Смирнов предполагал, что источником различного написания названия города в сочинениях этих авторов могла быть «История» Хафиз-Мухаммеда Ташкенди. Точно такое же описание дештских городов встречается и во всеобщей истории с древнейших времен до XVII в. с подробным описанием истории мусульманских династий, «Тенких-и теварих-и мулук» («Исправление истории царей») Хюсейна Хезарфенна (написано в 1673 г.) [Хезарфенн, л. 28; Хезарфенн I, л. 73об.]. Текст этот кочует от одного османского автора к другому, причем, как правило, встречается с упоминанием в качестве источника Хафиза Мухаммеда Ташкенди. О различных названиях города писал также и Ш.Марджани [Марджани 1897: 133]. К именам, перечисленным В.Д.Смирновым, Ш.Марджани и М.М.Рамзи [Рамзи 1908: 2], добавим целый список разных написаний названия

города, приведенный Б.Дорном [Дорн 1875: 86, 114, 480] и Б.Шпулером [Spuler 1960: 721], (см. также [Реза 1996: 338]).

Специальную работу посвятил происхождению русского варианта названия города И.Г.Добродомов. Он связал современные тюркские видоизменения топонима (каз. Айдархан, крымскотатарск. и волжскотатарск. Ачтархан, чуваш. Астаркан, Астархан, Астьархан) с мусульманскими (арабско-персидскими) формами типа Хаджджтархан, Хаджитархан и т.п., а русскую форму Астрахань — с мишарско-чувашским посредничеством при передаче топонима [Добродомов 1973: 224–225]. Однако блестящий филологический анализ различных форм написания и произношения названия Астрахани, проведенный исследователем, все же не дает ответа на вопрос, почему два (или три) названия города сосуществуют в одной языковой среде¹, что, заметим, не входило в задачу его статьи.

Попытаемся проследить историю употребления топонима в XIV–XVII вв. Приведенный перечень не претендует на законченность, степень его полноты зависит от доступности источников: некоторые из них оказались недоступны и остались, таким образом, за рамками рассмотрения.

С 30-х годов XIV в. и до начала XVI в. мы встречаем один вариант названия города — Хаджи-Тархан.

У Ибн Баттуты (его рассказ относится к 1334 г.) город называется *الحاج ترخان*; у Ибн Халдуна — *هيج طرخان* [Тизенгаузен 1884: 373–375]. Различия в написании одного и того же топонима у этих авторов скорее всего являются следствием орфографической неопределенности и не несут смыслообразующей нагрузки. Хотя целиком это относится лишь ко второму компоненту названия. Вариант Ибн Халдуна сам по себе интересен тем, что первый компонент не связан орфографически со словом *хадж* (паломничество), т.е. является не смысловым, а звукоподражательным, следовательно, Ибн Халдун, по-видимому, не был знаком с легендой о возникновении названия города от какого-то *хаджи*.

На астраханских монетах XIV–XV вв. встречается орфографически иная форма — *حاجي ترخان* [Савельев 1865: 112, 306, 316, 318, 321–325; Марков 1896: 476, 480, 483, 488, 489, 492–495, 497–503, 505, 530–532; Гончаров 1997: 178–183].

При хане Шадибеке в 805 г.х. (1402–03 г.) появляется монета, на которой к знакомому нам обозначению «Хаджи-Тархан» прибавлено

¹ Например, астраханские татары в XVIII в. рассматривали название *Аштархан* и *Хаджи-Тархан* как происходящие от разных имен; а в 1852 г. П.И.Небольсин в «Очерках Волжского Низовья» писал, что «местные инородцы называют (город — И.З.) Хайдар-Хан, а еще чаще Хаджи-Тархан» [Небольсин 1852: 59]; (см. также [Добродомов 1973: 216]).

арабское прилагательное *джедид* — «новый» (*جديد*), что было связано, видимо, с восстановлением города после его разрушения Тимуром [Марков 1896: 494, № 1302; Сафаргалиев 1952: 33]. Однако упомянутое название, насколько мне известно, кроме указанной монеты Шадибека, более не встречается. Возможно, в данном случае эпитет следует толковать так же, как это делал В.Д.Смирнов по отношению к встречающемуся на джучидских монетах сочетанию *قریم الجديد*, а именно воспринимать его как «риторическую прикрасу», а не географическое отличие и переводить не словом «новый», а определениями «счастливый, благополучный». Тем более что сам ученый распространял это наблюдение и на другие города Золотой Орды: в случае традиционного перевода «пришлось бы отыскивать не только Новый Крым, а Новый Булгар, Новый Хаджитархан, даже Новый Улус и Новую Орду» [Смирнов 1887а: 11]².

В источниках на латинском языке употребляются формы, так или иначе связанные с тюркским произношением исходного названия [Добродомов 1973: 224]: на Анонимной карте 1351 г. — «Ажитархан» [Еропов 1985: 137], в Каталонском атласе 1375 г. — «Agitarcan» или «Agitarchan» [Брун 1873: 3; Чекалин 1889; Tardy 1982: 184]. В одном из венецианских документов 1421 г. (судебное разбирательство о событиях 1391–1392 гг.) название Хаджи-Тархан передано как «Зитеркан» [Карпов 1991: 194], а на карте Фра-Мауро (1459 г.) — *Axetrehan* [Чекалин 1890: 248] или *Azetrecha[n]* [Tardy 1982: 190]. В портолане Каспийского моря, созданном не позднее 1525 г. в Далмации или Италии, — *Gittarcan* [Goldschmidt 1944: 276]; на карте Баттисты Аньезе (1525 г.) — *Citracan emporium civitas magna* [Tardy 1982: 197], что означает «Цитракан большой мировой рынок». В 1542 г. была выполнена карта А.Вида, на которой имя города зафиксировано в форме *Astarchan* [Tardy 1982: 199]. На карте Сигизмунда Герберштейна (1546 г.) употребляется название *Astarchan* [Tardy 1982: 200], а в его же сочинении — *Citrachan* [Герберштейн 1988: 181]. Та же форма встречается и на картах XVI в.: у Меркатора (1587 г.) и Квадуса (Quadus, 1608 г.); у Judaeis (1593 г.) топоним передан как *Citracan*, у Ортелиуса (1570 г.) — *Astracan*, а у Дж.Гастальди (1548, 1561 гг.) — *Citraca* [Nordenskiöld 1889: XLVI–XLIX; Tardy 1982: 203, 206].

Как замечает И.Г.Добродомов, тюркская форма с начальным *А-*, воспринятая как итальянский предлог *a* и потому отброшенным, легла в основу форм *Giterchan*, *Githercan*, *Gethercan*, *Ghetercan*, *Gitracan* [Добродомов 1973: 224–225]. Несколько особняком стоит сообщение Исаака Массы в «Кратком известии о Московии» начала XVII в.: «Астрахань, прежде называвшаяся Мотроганью (*Motrogan*), была независимой татарской провинцией, избирала себе царя по своему жела-

² Ср. точку зрения А.А.Пачкалова [Пачкалов 2001: 60].

нию...» Комментаторы его труда справедливо предположили, что это название — испорченное Тмутаракань, с которой автор спутал Астрахань [Масса 1937: 23, 182]. Это вполне понятно, если иметь в виду московский источник сведений Массы.

В источниках на русском языке XV — начала XVI в. также употребляются варианты, связанные с исходной арабско-тюркской формой. Например, в письме шахзаде (сына-наследника Баязида) Мехмеда (наместника-вали Кафы) московскому великому князю Ивану III, написанном «русьским писмом» в 1501 г., упомянуты «казаки Гачитарханские», т.е. хаджи-тарханские [РИО 1884: 394].

В первой и второй пространных редакциях первого послания князю А.Курбскому Иван IV, подробно излагая свою биографию (с момента смерти отца в 1533 г.) и одновременно историю бед и трудностей государства в те годы, среди других врагов Москвы (Литвы, Польши, Крыма, ногаев и Казани), ведших «брани непремерительныя» против великого княжества, упоминает «Тархан» — «Адчитархан» (разночтения по спискам первой редакции послания: «Чадчитархан», «Ядчитархан», «Надчитархан», «Адчитархан») [Переписка 1981: 27, 75, 360]. К.Штелин совершенно справедливо предположил, что «Читархан» (как читается в ряде списков второй пространной редакции) — это Астраханское ханство (Хаджи-Тархан) [Stählin 1921: Anm. 40; Переписка 1981: 389, примеч. 74].

В сочинении «Таварих-и гузида — Нусрат-наме», созданном на тюркском языке между 1504 и 1510 гг., скорее всего Мухаммедом Шайбани, название города, которым владел Касим (к нему бежали от преследований царевичи — внуки Абу-л-Хайра), также передано в форме Хаджи-Тархан — حاجي ترخان (с разночтением в одном из списков — حاجي محمد ترخان) [Таварих 1967: 119, л. 96а, рук. Б; рис. 267, л. 121б, рук. А, 464]³. Так же передается название и в произведениях, зависящих от «Таварих...» и написанных на фарси: «Шайбани-наме» Бинаи, «Фатх-наме» Шади [МИКХ 1969: 58–59, 100].

У Фазлаллаха б. Рузбихана Исфахани в сочинении «Записки бухарского гостя», созданном в 1509 г. на персидском, название города также передано традиционно — حاجي ترخان [Фазлаллах 1976: л. Vб, 22б, 86а].

В «Чингиз-наме» (первая половина XVI в.) Утемиш-хаджи употреблен топоним — حاجي ترخان. Стоит отметить, что среди информаторов автора, много путешествовавшего по окрестностям Каспия и Нижнему Поволжью, были уроженцы Астрахани Хаджи Нияз и Баба Али-бий [Утемиш-хаджи 1992: 6–7, ил. XII, л. 41а, с. 183].

³ Может быть, этот хаджи Мухаммед и есть тот самый пресловутый эпоним города? Предположение, впрочем, совершенно бездоказательное. Да и контекст упоминаемая скорее свидетельствует об описке.

В письме Мухаммед-Гирея султану Сулейману Кануни, написанном весной 1521 г., название города передано вполне привычно: حاجي ترخان [Lemerrier-Quelquejay 1971: 489; Le Khanat 1978: 113].

Вероятно, одним из первых документов, в которых встречается название, отличное от привычного, Хаджи-Тархан, было письмо Ислам-Гирея султану Сулейману Кануни, написанное между 1534 и 1535–1536 гг. В этом письме город назван اژدرخان — Ejderhan (Аждархан/Эждерхан) [Gökbilgin 1970: 467; Tarih-i Sahib 1973: 295–297; Le Khanat 1978: 128]. С этого времени оба названия начинают употребляться параллельно, причем иногда в одном тексте. Комментаторы сочинения Хаджи Мехмеда Сенаи (середина XVII в.) справедливо считают название Azdarhan (Ajdarhan) производным от исходного Хаджи-Тархан: с заменой начального *H* на *A* (как и в крымском варианте произношения слова «хаджи») и диалектальной заменой *Dz* на *Z* [Senai 1971: 197–198]. Возможно, название Аждархан/Эждерхан могло осмысливаться как связанное с названием Волги — Эдер (от Идел). Именно так, например, в самом начале XVII в. передает название Волги (употребляя и традиционное имя реки) Орудж-бек Байат, более известный как Дон-Хуан Персидский [Дон-Жуан 1988: 144, 146].

Топоним اژدرخان позволительно условно назвать «крымско-османским», поскольку он встречается в основном в крымских и османских документах. Вполне вероятно, что название Ejderhan/Ajderhan не является собственно астраханским, т.е. это не «самоназвание», а имя, данное городу извне. «Аждархан» можно связать с персидским обозначением дракона или большой змеи اژدر — «дракон»; اژدها — «дракон, гигантская змея»). Слово вошло во многие тюркские языки (включая и современный турецкий), а также в мифологию разных народов, в том числе и нетюркских (например, армян) [Стеблева 1996: 219]⁴. В башкирских преданиях сохранился миф об *аждахе*, страшном чудовище громадных размеров, в которое превращается змея, прожившая от 100 до 500 лет. *Аждаха* живет в озерах и пожирает приходящую на водопой скотину [Очерки 1956: 67; Хисамитдинова 1988: 43]. Ф.Г.Хисамитдинова связывает происхождение термина *аждаха* с именем авестийского демона Ажи-Дахака [Хисамитдинова 1988: 43]. В форме *esdeha* (с переводом: een draek — «дракон») слово имеется, например, в тюрко-татарском словаре Н.Витсена (1692 г.)

⁴ Отметим попутно, что в русских народных духовных стихах для обозначения сказочной птицы Стратим, живущей в Океан-море (страуса, как считают исследователи), в некоторых вариантах используются необъяснимые с точки зрения русского языка слова — *страфиль*, *стрепююн*, *нагай*, а также *аштраха* и *Астрахтир* (выделено мной. — И.З.) [Голубиная книга 1991: 40, 307; Киреевский 1986: 19]. Последние, безусловно, заимствования из тюркского. См. ниже.

[Baski 1986: 140]. Возможно, легенда о драконе, убитом богатырем, которая была известна в XVII в., и послужила источником возникновения этого названия [Evliya 1928: 811]⁵, хотя вероятнее, что, наоборот, предание было призвано объяснить название.

В фольклоре поволжских народов можно отметить связь Астрахани с водной (подводной) стихией. Так, в казанском списке дастана «Туляк и Суслу», известного среди башкир и казанских татар [Урманчеев 1979], имя отца русалки Суслу представлено в форме *Джад-жархан падишах* [Ахметзянов 1991: 91], в варианте М.Гафури — *چاچار* (*Чачуар* или *Сачивар*) [Гафури 1910: 11; Gafuri 1927: 13], а в списке М.А.Усманова — *Чачдар хан падишах* [Госманов 1984: 180–198]. В одном из башкирских вариантов также встречается имя *Чачдар хан* [Суходольский 1858: 194–196; Потанин 1892]. Вероятнее всего, что все эти формы передают одну исходную — *Хадждархан падишах* (с поправкой начального *джима* или *че* на *ха*), т.е. обозначение некоего падишаха (города) Хаджи-Тархан.

Видимо, как производное именно от названия Аждархан появляется в тексте письма казанского хана Сафа-Гирея Сигизмунду I Старому (между 1538 и 1545 гг.) определение «очтарханский» [Послание царя 1997: 33].

В 1550 г. поэтом Мухаммедом Шерифи было написано произведение «Зафер наме-йи вилайет-и Казан», повествующее о неудачной осаде Казани войсками Ивана IV в 1549 г., которое он послал султану Сулейману Кануни. В конце произведения автор называет себя «самый бедный из рабов Шериф Хаджи-Тархани» (*حاجي ترخاني*), т.е. «хаджи-тарханец», «уроженец, житель Хаджи-Тархана» [Kurat 1972: 368; Шерифи 1995: 86, 92]. Следовательно, название Хаджи-Тархан в 1550 г. было в ходу в самой Астрахани: мы вправе ожидать от автора — жителя города — употребления принятого там названия.

Обращает на себя внимание и тот факт, что название «Аждархан» чаще, чем название «Хаджи-Тархан», употребляется в сочетании с существительным «крепость» [Два послания 1995: 98]. Возможно, первое имя употреблялось применительно к укреплениям города, второе же относилось к городу в целом.

⁵ В рукописном житии алевитского «святого» Тимур Бабы, почитаемого в северо-восточной Болгарии, содержится интересная легенда, возможно имеющая отношение к нашей теме. В «Московской стране» с неба сошла змея, которая разделилась на две. Одна пошла в страну мусульман, а другая — во внутреннюю часть «Московского королевства». В мусульманской стране ее убил Тимур Баба. Московский правитель приглашает богатыря, который также убивает змею в его стране. В благодарность московский «король» подарил ему область в своей стране, 10 000 овец и 40 000 рабов и оставил править в ней. Тимур Баба отказался, тогда московский «король» передал ему 47 000 мусульман из своей страны [Граматинова 1998: 423–424]. Возможно, что это отголосок какой-то легенды, вероятно имеющей отношение к Астрахани.

Однако уже через несколько лет, в конце 50-х годов XVI в., другой автор — османский флотоводец и путешественник — употребляет совершенно другое название. Сейиди Реис в «Мират уль-мемалик», написанном по возвращении автора в 1557 г. в Стамбул из вынужденного путешествия и преподнесенном султану Сулейману Кануни, передает название города (со слов встреченных им на пути мусульман) как *هشتدرخان* [Seyidi 1895: 73]. К тому времени город уже был взят русскими; услышав об этом, Сейиди, рассчитывавший добраться до Стамбула через Астрахань, был вынужден изменить маршрут.

Рассмотрим наименование Астрахани в османских официальных документах. В одной из тетрадей «Реестров важных дел» за 1558–1560 гг. содержится письмо хану Девлет-Гирею от 967 г.х. (1559–60 г.), в котором Астрахань названа так же, как и в письме Ислам-Гирея Сулейману: *اژدرخان* [Üçüncü 1993: 254, № 1048].

В письме султана Селима II польскому королю Сигизмунду Августу (1569 г.) название города передано уже двояко: наряду с традиционным *حاجي ترخان* употреблено «новое» — *اژدرخان* («Аждархан») [Katalog dokumentow 1959: 194; Veinstein 1992: 417].

В том же, 1569 г. Селиму II был подан доклад бейлербея Кафы Касим-паши относительно похода османских и крымских войск на Астрахань. Крепость, построенная русскими после ликвидации ханства, названа в докладе *اژدرخان*, а по отношению к оставленному городу (бывшей столице) употребляется выражение «Eski Ejderhan» — вероятно, калька с русского «Старая Астрахань» (?) [Gökbilgin 1970a: 122; Le Khanat 1978: 137].

Через два года (в октябре 1571 г.) появились два письма с тугрой Селима II, касавшихся судьбы Казани и Астрахани. Одно из них было адресовано Ивану IV, другое — Девлет-Гирею. В первом письме было употреблено название *Ejderhan* (*اژدرخان*) в сочетании с существительным «kala» (крепость), а во втором — традиционное — Хаджи-Тархан (*حاجي ترخان*) [Kurat 1972: 380; Два послания 1995: 98, 101].

В чем причина употребления разных названий города в документах, вышедших из султанской канцелярии в один день? Возможно, разница заключается в неравнозначности понятий: под Хаджи-Тарханом подразумевается страна в целом, *вилайет*, а под Аждарханом — только укрепления города. Хотя, если допустить известную «топонимическую» гибкость авторов текстов, стремившихся приспособить их к языковым особенностям адресатов, скорее всего разница названий здесь объясняется так: в посланиях использованы имена города, более привычные соответственно для крымского хана и московского великого князя. Правда, некоторые примеры в этом не убеждают. 2 октября 1576 г. азакскому санджак-бею Мехмеду был составлен высочайший

указ, в котором применена несколько иная форма — ازدرهان [Kırzioğlu 1998: 418].

В исторических сочинениях также фигурируют два названия. В «Тарих-и Сахиб-Гирай хан» Реммала Ходжи (вторая половина XVI в.) использовано название Аждерхан [Tarih-i Sahib 1973: 326, 46a, 48a, 53a–576]. Так же название передано в «Ассеб о-ссейар» [Ассеб о-ссейар 1832: 87, 88], а в анонимной истории крымских ханов встречаем традиционное — Хаджи-Тархан [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861, л. 5].

В персидской хронике «Ахсан ут-таварих» Хасана Румлу (конец XVI в.) в разделе о походе крымских и османских войск на Астрахань город назван Хаджи-Тарханом [Ahsanu't-Tawarikh 1931: 448].

То же имя употреблялось по отношению к Астрахани в Крыму в первой половине XVII в., причем не только в тюркоязычных трудах: в армянской хронике из Кафы при описании событий 1639 г. автор использовал название Хаджи-Тархан [Schütz 1975: 155].

В сочинении Абдаллаха б. Ризвана «Таварих-и Дешт-и Кипчак», составленном в эпоху Мурада IV (1623–1640) и преподнесенном, очевидно, каймакаму Мусе-паше около 1638 г., при описании Дешт-и Кипчака встречаются два названия, которые, судя по тексту, автор считает разными городами: حاجي ترخان («Хаджи-Тархан») наряду с ازدرخان («Аждархан») [Zajaczkowski 1966: 28; Зайончковский 1969: 15].

Его дополняет Махмуд Ибн Вали, в сочинении которого «Море тайн относительно доблестей благородных», написанном между 1634 и 1641 гг., при перечислении известных городов Дешт-и Кипчака упоминается «Хаджи-Тархан (حاجي ترخان), [более] известный [под названием] Хаштархан (هشترخان)» [Ибн Вали 1977: 47, л. 176a]. Вновь мы встретили название, близкое к тому, которое употреблял Сейиди Реис.

Османский историк Саад ад-Дин Ходжа-эфенди (1536–1599) в своем сочинении «Тадж ат-таварих» (хроника, доведенная до конца правления Селима I — 1520 г.) в главе о завоевании османами Кафы, Азака и Япу-Кермана употребил форму «Хаджи-Тархан» [Sadeddin 1863: 555].

В труде Мухаммеда Садики Исфакхани «Тахкик ал-ираб» (1630-е годы), посвященном как раз правильному произношению и написанию географических названий, название читается так же, как и у Махмуда Ибн Вали: هشترخان (The Geographical Works 1832: 28; Дорн 1875: 86).

Около 1635 г. было написано письмо некоего Рахмана Кулу (возможно, уроженца Казани), вероятно, крымскому муфтию, в котором автор высказывал надежду на освобождение Казани и Астрахани. В письме Астрахань названа «Аждархан» (ازدرخان) [Kurat 1972: 373–375]. Под названием ازدرخان (Azdarhan) город упомянут в сочинении Хаджи Мехмеда Сенаи «История хана Ислам-Гирея III» (1651 г.)

[Senai 1971: 1, 51r]. Еще один житель Поволжья, Муртаза б. Котлыгыш ас-Симети, в 1699 г. составил своеобразное описание своего паломничества к святым местам ислама в форме частного письма. В его «Книге путешествия» употребляется форма حاج ترخان (причем именно через ط, что несколько напоминает вариант написания у Ибн Халдуна) [Алиева 1991: 83].

В материалах хивинских посольств конца 70-х годов XVII в. в Москву (как в оригинальных персидских текстах, так и в их русских переводах) названия Хаджи-Тархан и Хаш-Тархан употребляются параллельно, причем иногда складывается впечатление, что речь идет о разных населенных пунктах: это особенно бросается в глаза в подлиннике посольского письма Надир-Бехадур от 3 января 1679 г. [Материалы 1932: 436, 238, 437–438, 241].

Наконец, заслуживает внимания интересный вариант написания имени города в сочинении Хюсейна Хезарфенна «Телхис эль-Бейан фи Каванин-и Ал-и Осман» (70–80-е годы XVII в.): Джаджитархан [Орешкова 1990: 267]. Если это не описка (скорее всего лишняя точка, превратившая ха в джам), то тогда это результат полного непонимания автором традиционной этимологии названия⁶.

⁶ Интересно было бы определить источники сведений османских авторов XVII в. о постолоотоордынских государствах. Не всегда эти источники могли быть восточными. В одной из османских рукописей — описании Восточной и Северо-Восточной Европы (Tevarih fi beyan-i Mosqov ve Leh ve Bosna ve Arnavudlik ve ba'zi belde), — датированной 1686–1687 гг., которая представляет собой перевод и переработку нескольких европейских сочинений XVII в., содержатся сведения о русских городах, в том числе и об Астрахани. При этом, судя по описанию рукописи, сведения эти охватывают и период независимости городов, впоследствии вошедших в состав России [Türkische Handschriften 1968: 253, № 317]. Упомянем и хранящуюся в Душанбе тюркскую рукопись под условным названием تاریخ روسیه — компилятивный переводной труд по истории России и тюркских государств (ей сопредельных или находившихся от нее в зависимости). Изложение начинается описанием русских племен и образования Русского государства в 375 г.х. (986 г.), по данным арабского космографа Шамс ад-Дина Димшики (ум. в 1327 г.). Введение утрачено, история России доведена до 542 г.х. (1148 г.), а затем перескакивает на 1174 г.х. (1761 г.) (утрачена листов). Заканчивается история России описанием событий 1294 г.х. (1877 г.), убийством Александра II и вступлением на престол Александра III. Дальнейшие главы повествуют об истории волжских болгар о постройке Бату Сарая, правлении джучидских ханов. Около 17 листов (с л. 205об.) посвящено истории Казанского ханства, с л. 222об. рассказывается об Астраханском ханстве, а с л. 235а до л. 237 — о Крымском ханстве. Далее говорится о ханах Белой Орды и казахских ханах Дешта и Сибири, события в Хорезме и Мавераннахре при Шайбанидах, рассказывается история Бухары при мангытах, Хивы при кунградских ханах и Кокандского ханства (до 1875 г.). Список копирован, вероятней всего, в 1323 или 1324 г.х. (1905–06 или 1906–07 г.) [Каталог 1960: 170–171 (№ 161)]. Рукопись, к сожалению, нам недоступна. Но думается, что это сочинение может сильно зависеть от сочинения Ш.Марджани (или даже быть списком его труда): содержание «Мустафад алахбар...» очень схоже. Может быть, количество листов, отведенное на астраханскую историю, ошибочно (перепутано в описании с листами, где говорится о Крымском ханстве): слишком несообразное соотношение с объемом текста о Крыме.

Подробнее остановимся на вариантах наименования Астрахани в сочинении знаменитого Эвлии Челеби. Вероятно, он лично посещал Астрахань осенью 1666 г. В труде этого османского путешественника и мемуариста присутствуют несколько названий, которые комментаторы сочинения отождествляли с современной Астраханью.

Во-первых, это знакомое нам название Аждархан [Evliya 1928: 636, 809–811].

Во-вторых, это *хешдек* (هشدهك) — термин для обозначения Астрахани, Поволжья в целом, а также собирательный этноним для обозначения астраханских, казанских и сибирских татар [Evliya 1928: 811]. Среди крепостей «московского короля», находящихся на западном берегу Каспийского моря, Эвлия Челеби называет Астрахань, Пакхан, Сарай и Хешдек: иными словами, различает Хешдек и Астрахань [Эвлия 1983: 165], хотя чаще всего Хешдек у него — это «вилайет Московии», видимо тождественный Астрахани [Эвлия 1979: 25, 218, 234; Эвлия 1983: 175].⁷

Османский автор Неджати Эфенди, совершивший путешествие в Россию в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в., называет племя хешдеков (kavm-ı Hişdek) среди племен татар и ногаев [Kırım Tarihi 1944: 149] (см. также [Смирнов 1894: 190]). Турецкий историк А.Инан отождествил название *хешдек* у Эвлии с башкирами [Inan 1963: 33–35; Inan 1998: 379–381; Юсупов 2006: 162–164]. К такому же мнению склонялся и Д. де Виз [de Weese 1994: 473, п. 145], хотя в другом месте своего труда отождествлял *хешдек/хашдак* с племенами *истэк* (Istak) (см. [de Weese 1994: 252]). В последнем этнониме, по всей вероятности, следует видеть *истяков* (иштяков, иштеков и т.п.). Иштеки (ایشتهکی) упоминаются в «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека (см. [Усманов 1972: 62]).⁸ В «Родословной туркмен» Абу-л-Гази иштяками назван народ, к которому ушли оставшиеся кипчаки, развитые Джучи. А.Н.Кононов отождествляет их с башкирами [Кононов 1958: 44, 87, примеч. 58]. Вопрос об иштяках детально рассмотрен Р.Г.Кузеевым, а позднее В.В.Трепавловым (см. [Трепавлов 1997а: 10–11]). Согласно их выводам, иштак для башкир — это экзоэтноним (например, *иштеками* называли башкир в XV–XVIII вв. казахи). С другой стороны, понятия *башкиры* и *иштяки* не всегда являлись синонимами. «Скорее всего, существовало какое-то (пока не определяемое по текстам) территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа — иштяки, восточная — собственно башкиры» [Трепавлов 1997а: 11]. Таджетдин Ялсыгул, например, имея в виду, что он башкир, называл себя «булгарский иштак» [Хусайнов 1996: 14]. В.Бушаков пишет, что тюрки употребляли термин *остяк* по отношению к соседним лесным племенам,

⁷ У Эвлии встречаются разночтения в написании названия *хешдек*. Есть и написание *хемшедек* (همشدهك) [Смирнов 1923: 70].

⁸ В выражении «в степи — черкес, а на равнине — остяк».

нам, которые приняли участие в этногенезе башкир и сибирских татар, на что указывают родовые подразделения *иштеков* в их составе. Происхождение термина обусловлено дихотомичной оппозицией *свой-чужой* [Бушаков 2002: 66–67].

Комментаторы труда Эвлии Челеби считают, что название города и этноним происходят от персидского числительного 18 (*хешдах*), поскольку, по словам Челеби, Волга впадает в Каспий восемнадцатью протоками [Эвлия 1979: 234]. Однако это объяснение не вполне убедительно.

Во-первых, персидское числительное 18 имеет отличное от названия города, области и народа написание у Эвлии Челеби: هجده (*хиджедах*).

Во-вторых, путешественник чаще называет другое число протоков дельты Волги — 40, в чем, кстати, сходится с некоторыми другими средневековыми авторами, например с Иоанном де Галонифонтибусом, который также писал (1404 г.) о 40 волжских рукавах [Эвлия 1979: 134; Галонифонтибус 1980: 14–15]. А.Контарини же в своих записках упоминает 72 рукава волжского устья [Барбаро и Контарини 1971: 217]; заметим, что, вероятно, именно вслед за ним то же число называл и Джованни Ботеро (ок. 1533–1617 гг.) [Botero 1591: 97].⁹ В «Повести временных лет» говорится, что Волга вливается в Каспий семьюдесятью устьями [ПСРЛ 1904: 251]. В 1562 г. ногайский мирза Исмаил в письме Ивану IV указывал: «Волга пала в море 66-ю устьями» [Соловьев 1960: 488]. В сочинениях С.Герберштейна, А.Дженкинсона, а также в записке Блеза де Виженера о Польше и соседних землях, составленной в 1573 г., число проток волжской дельты тоже 70 [Герберштейн 1988: 181; Английские 1938: 172; Виженер 1890: 83], а английский драматург, один из старших современников Шекспира, Кристофер Марло, в первой части трагедии «Тамерлан Великий» (ок. 1587 г.) называет Волгу «пятидесятиглавой» («fifty-headed»), т.е., вероятно, имеющей 50 рукавов в устье [Marlowe 1981: 128; Марло 1961: 55].¹⁰ Можно было бы добавить для полноты картины, что в энциклопедии ал-Калкашанди о Волге сказано: «Когда она минует город Сарай, то разветвляется и становится, так сказать, тысяча и одной рекой, и все это впадает в Хазарское море» [Григорьев, Фролова 1999: 79].

⁹ Любопытно, что в польском переводе «Реляций» Дж.Ботеро число рукавов Волги не 72, а 78 (!) [Botero 1613: 158]. Ксавье Оммер де Эль в 40-х годах XIX в. называл более 75 рукавов великой реки [Hommaire de Hell 1844: 329].

¹⁰ ...My martial prizes, with five hundred men / Won on the fifty-headed Volga's waves... (Act I, Scene II, Lines 102–103) [Marlowe 1981: 128]. («Пятьсот рабов, что взяты были с бою вблизи пятидесятиглавой Волги...». — Пер. Э.Линеской). Автор комментария к тексту «Тамерлана» Дж.С.Каннингхэм считал, что в тексте К.Марло нашло отражение большое число волжских протоков, показанных на картах Ортелиуса [Marlowe 1981: 128].

Наконец, в том месте, где у Эвлии Челеби речь действительно идет о 18 протоках, Астрахань названа не Хешдек, а Шамран (شامران). Это название проигнорировано комментаторами.

Возможно, что этот топоним Челеби происходит от личного имени, встречающегося в «Шах-наме» Фирдоуси. В поэме при перечислении владений богатырей — союзников и вассалов Афрасиаба (по дуге от Индии до Аму-дарьи, на восток и северо-восток от собственно Ирана, с продолжением изгиба к западу вдоль северной границы Ирана) — Шемиран назван в конце списка [Фирдоуси 1994: 513, примеч. на с. 621–622; Фирдоуси 1984: 223–224], т.е. предположительно на северо-западе, что соответствует географическому положению Нижнего Поволжья по отношению к Ирану. При отличном знании поэмы османским путешественником Эвлия Челеби мог перенести на Астрахань название владения мифического богатыря или его личное имя.

Возможно, что название Шамран восходит к обозначению северной стороны в арабском. Поскольку Нижнее Поволжье по отношению к собственно Ирану находилось на севере, то могло возникнуть и название, отражающее это географическое положение области. Подобный пример имеет место: название Дамаска и Сирии (Шам) восходит к обозначению севера (и левой стороны) в арабском языке. Для жителей Хиджаза Сирия действительно была севером. Топонимы, включающие в себе слово *шам*, в Прикаспийских областях нередки. Об одном из населенных пунктов под именем Шам (شام) (между Хорезмом и Волгой, после Сарайчика) сообщает Сейиди Реис [Seyidi 1895: 73]. Это то место, о котором упоминает Хафиз-и Аbru в рассказе о бегстве Эдиге в 1410 г. в Хорезм. Город этот находился в нескольких днях пути от берега Эмбы и, по предположению В.В.Бартольда, располагался недалеко от одноименного озера на Устюрте [Бартольд 1965: 65; Агзамова 2003: 143]. Современный Сам — пески и одноименное соленое озеро — занимает площадь около 3–3,5 км² между Каспием и Аралом. В Таремском округе между Казвином и Гиляном находилась крепость Семиран (Шемиран) [Дорн 1875: 64, 185; Nuzhat-al-Qulub 1915: 65 (текст)].

Что же касается происхождения названия страны/города/народа Хешд/Хешдек, то можно высказать следующее предположение. *Хешд* как обозначение страны и *хешдек* как название города и жителей появились в результате трансформации названия города, которое возникло, вероятно, в первой половине XVI в. (встречается в середине 50-х годов XVI в. у Сейиди Реиса, а в конце 30-х годов XVII в. — у Садики Исфакхани и Махмуда Ибн Вали): *хештерхан* / *Хаштархан* и, возможно, было воспринято как связанное с персидским числительным *هشت* («восемь»). Таким образом, первая часть названия города, которое мы условно будем считать персидским (*хештерхан*),

у Эвлии Челеби становится названием области *Хешд* и народа, который населяет эту область (*хешдеков*).

Помимо этих названий Эвлия Челеби употребляет и уже привычное имя Аждархан. Один из рассказов османского путешественника позволяет предположить наличие связи между этим названием города и вполне реальным историческим лицом — сподвижником четвертого праведного халифа Али, Маликом б. ал-Харисом ал-Аштаром («Драконом») [Большаков 1993; 1998]. Повествуя о мавзолеях Эски-Юрта, Эвлия описывает гробницу Малика ал-Аштара, его подвиги (убийство дракона и т.д.), а также посещение многих стран и городов, среди которых упоминаются страна Хешд и город Аждархан. В этих странах и городах Малик обращал неверных в ислам [Evliya 1928: 636–637; Бахревский 1996: 188; Книга 1999: 66–67]. Таким образом, сподвижник Али по прозвищу ал-Аштар («Дракон») посещает город Аждархан («Драконий», Астрахань) в стране Хешд (т.е. все в той же Астрахани), где ведет миссионерскую деятельность. Отголоски этой легенды попали в европейскую публицистику, в частности в труд Эмиддио Дортелли д'Асколи «Описание Черного моря и Татарии» (1634 г.). В своем сочинении д'Асколи пишет: «...в этом кратком обзоре я не намерен говорить о великой азиатской Татарии, находящейся в Скифии, где восседает Agder-Kan, что значит царь Дракон», откуда вышли «Тамбурлан» и Аттила [д'Асколи 1902: 105]. Д'Асколи, вероятно, услышал эту легенду в Крыму¹¹.

Видимо, к концу XVII в. название Хаджи-Тархан уступает место более популярному имени Аждархан. В манифесте Петра I употреблена форма *اجدرها* (без конечного *нуна*) [Дорн 1875: 480] (снимок см. [Пятницкий 1928: 137]). Почти в таком же написании (с заменой *джима* на *же* — *اژدرها*) название встречается в анонимном османском трактате начала XVIII в. (до 1711 г.) с описанием нескольких черноморских крепостей [Весела 1969: 109]. На османской карте Передней Азии, Черного моря и Каспия времени султана Ахмеда III (1726 г.), хранящейся в Топкапы, среди «царств» или «стран» (*мемлекет*), «подвластных Москве», назван Аждархан [F.R.U. 1941]. В приписке к одному из османских публицистических сочинений 30-х годов XVIII в. Астрахань названа *Azdarhan* (اژدرهان) *kalesi* [Орешкова 1996: 147, 130]. В «Тарих-и Муким-хани» Мухаммеда Юсуфа Мунши (начало XVIII в.) сталкиваемся с передачей названия в виде *اشترخان* [Вельяминов-Зернов 1863: 243], что, возможно, отражает трансформацию уже русского написания топонима. В латинско-турецком словаре, составлен-

¹¹ Правда, А.Бертье-Делагард, один из комментаторов труда д'Асколи, предполагал, что под именем Agder-Kan автор имел в виду могольского императора Акбара, умершего в 1605 г. [д'Асколи 1902: 164, примеч. 49]. Аштар попал в турецкую и тюркскую литературу под именем Кесек-баш (см. [Кримский 1996: 69; Ахметгалеева 1979]).

ном в Астрахани в 1754 г. членами ордена капуцинов Габриеле и Сотером, имеется турецкий эквивалент латинскому: Astrakan, Astrachan (топоним вписан между словами *astare* и *astringens*). Мы вправе были бы ожидать передачи местного, татарского названия, однако в словаре употреблена форма, отражающая русское написание и произношение — *استراخان* [ОР СПбФ ИВ РАН, рук. D 621, с. 39¹²].

Таким образом, название Хаджи-Тархан можно считать наиболее древним, исконным именем города, появившимся, вероятно, с его возникновением и просуществовавшим до XVIII в.

Название Аждархан, которое мы условно примем за «крымско-османское», возникает приблизительно в начале XVI в. и связывается с легендой о гигантской змее — фантастическом драконе, спустившемся в город.

Наконец, третье название (условно — «персидское») также возникает, вероятно, в первой половине XVI в. и, возможно, связывается с персидским числительным «восемь». Все эти названия (и их варианты) во второй половине XVI в. употребляются параллельно, часто даже в одном тексте, как это следует из документов переписки Селима II. Постепенно осознание тождественности имен исчезает, и в сочинениях различных авторов эти имена приписывают разным городам.

II Границы ханства

Попытаемся выяснить, каковы были границы Астраханского ханства, или по крайней мере частично определить земли, которыми оно владело.

Л.Е.Вереин определяет границы ханства так: на востоке — по Бузану, на севере — до Сарая, на юге — по Тереку, на западе — по Кубани и до верховьев Дона [Вереин 1958: 11]. Так же считал и М.А.Усманов (см. [Литвин 1994: 108]). Согласно точке зрения венгерского исследователя И.Вашари, основная территория Астраханского государства — земли в междуречье Волги и Яика, естественной границей на юге являлся Каспий, на севере астраханские земли заканчивались чуть выше Укека. На правой стороне Волги астраханские владения ограничивались узкой прибрежной полосой вдоль реки, на юге шли по побережью моря до реки Кумы [Vásáry 1986: 147]. По карте в книге А.Баттал-Таймаса, границы Астраханского государства на востоке находились в междуречье Волги и Яика (ближе к Сарайчику), на севере поднимались почти до Увека и тянулись вдоль левого берега Волги до района южнее Переволоки. На правом берегу ханство владело обширными землями по Каспийскому побережью чуть далее реки Кумы, где граничило с Османской империей [Баттал 1996: 25].

Соглашаясь в целом с утверждениями Л.Е.Вереина, сделаем все же ряд уточнений. Восточную (ногайскую) границу астраханских владений действительно можно определить довольно легко. В 1562 г. в ответ на письмо ногайского мирзы Исмаила с просьбой отдать ему одно из волжских устьев — Бузан — из Москвы писали: «А о Бузанах мы сыскивали и нашли, что исстари по Бузан был рубеж астраханский: и ты б велел людям своим кочевать по своей стороне Бузана, а за Бузан не переходить» (цит. по [Соловьев 1960: 489]). Таким образом, в дельте астраханско-ногайской границей был Бузан¹. Выше по течению границей, вероятно, была сама Волга. Так, А.Дженкинсон, проделавший путь по Волге в 1558 г., отмечал, что вся земля на левом берегу реки от Камы до Астрахани и далее по северному и северо-восточному берегу Каспия принадлежала мангытам (ногаям). Правда, все земли по правую сторону Волги от Камы до Астрахани А.Дженкинсон считал

¹² По оригинальной пагинации.

¹ См. также [Исхаков 2001: 118; Мухамедьяров 2002: 160].

принадлежавшими крымским татарам, что для того времени не может считаться верным [ЧОИДР 1884: 38, 39]. В 1623 г. правую сторону Волги напротив Царевой Протоки Ф.Котов прямо называет крымской [Котов 1623: 31].

Похоже пишет о границах «области Читракан» и Франческо Тьеполо: с востока — Волга, отделяющая ее от ногаев, с юга — Каспий и отроги Кавказа, «с запада — чиркасы, с севера — Кумания. От двух последних она отделена бесплодной степью» [Тьеполо 1940: 332–333]. И.Масса в своем Кратком известии о Московии начала XVII в. определял астраханские границы очень нечетко: «Астрахань... постоянно владела многими землями и странами как по течению реки Волги, так и по берегам Каспийского моря...» [Масса 1937: 23].

В материалах второго, несостоявшегося посольства Ивана III с И.Н.Беклемишевым (февраль 1503 г.) к Менгли-Гирею говорилось, что астраханцы совершили нападение на московского и кафинского послов на Дону. Дон, как видим, выступает в роли некой пограничной реки. В письме азовского бей-кулу Мухаммеда московскому великому князю Василию Ивановичу об этом говорится так: «Послал Саидет-Гирей цар[ь] Бабиш бия азстороканскому царю Усейн Салтану о смирении и о братстве. А молвит так, чтоб еси нагайских мурз не перепустил за Дон на свою сторону, на азстороканскую. Да Агыш бию послал Девлет Келдеем зовут татарина с теми ж речьми, чтоб Агыш бий нагайских мурз не перепустил за Волгу». Оба посла Саидет-Гирея были отправлены кораблями из Крыма в Азов: «...подем... не смели ехати: от нагаи не проехати» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 261об.] (см. также [Дунаев 1916: 57]). Поскольку дорога подем была блокирована ногаями, Саидет-Гирей решил послать дипломатов через Азов, а далее вверх Доном до Переволоки. Однако и Дон, вероятно, был границей достаточно условной (по крайней мере для ногаев). Так, летом 1523 г. И.С.Морозов (посол в Стамбуле) сообщал, что, по слухам, подем пройти было нельзя: «по обе стороны Дону стояли многие нагайские татарове с крымским полоном» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 257об.].

Насколько далеко простирались границы ханства на юг, сказать сложно. По мнению Тунманна, в начале османского периода астраханские ханы претендовали на кубанские земли [Тунманн 1991: 62]. Тунманн имел в виду, конечно, ханов Большой Орды. В.Е.Сыроечковский считал, что границей Астрахани и ногаев с Крымским юртом был Миус («Молочная вода») [Сыроечковский 1940: 6].

В наказе Третьяку Губину², который отправлялся в Стамбул, чтобы поздравить Сулеймана Кануни (1520–1566) с восшествием на престол, была предусмотрена следующая ситуация: «А учнут говорить:

„послом и гостем ходити на обе стороны меж нас — и на Дону многие люди азстороканцы, ино послом и гостем ходити нелзе, ино как тог[о] беречи?“ И Третьяку говорити: „Коли меж государей учнут послы ходити, и государь наш оустроит своих людей в судах, а велит им на Дону быти, а салтан бы так же устроил людей в судах, колких пригож, на Дону же. Да учинят место на Доноу, где тем людям сходиться: пойдет посол от салтана ко государю нашему, и салтановы люди проводят его посла до государя нашего людей, а государя нашего люди его взем да проводят его до государя нашего оукраины“. Аналогичная процедура должна была протекать и с московским послом к султану [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 159–160об.]. Губину следовало также договориться о месте встречи послов с высланным навстречу сопровождением и говорить следующее: «А зде[с] казаки великого князя сказывали, что Доном половина от Азова до украины великого князя — Переволока. Ино на Переволоке прибой людем азстороканским, и тут сходиться людем нелзе. Ино быти съезду на Медведице... И нечто учнут говорить, чтоб людем стречатис[ь] у Переволоки, и Трет[ь]яку говорити: „На Переволоке приход болшим людем азстороканцом, и тут как людем ставити?“» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 160об.–161]. Самым предпочтительным местом, по мнению московских приказных дипломатов, был Хопер; в случае отказа турецкой стороны Третьяку Губину следовало соглашаться на Медведицу.

Сложнее выявить северную границу астраханских владений. В «Казанской истории» содержится эпизод, который может помочь в ее определении. Свергнутый в 1521 г. с казанского престола Сахиб-Гиреем, Шах-Али бежит «на поле», где встречает «10 000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камня и до Увека, за тысячу верст от Казани» [Казанская история 1985: 344]. Под средневековыми Девичьими горами подразумевались отроги Жигулей, примыкавшие с востока к устью реки Усы [Дубман 1998: 39]; Увек — золотоордынский город в черте современного Саратова. Ясно, что при всей условности государственных границ в эпоху средневековья московские рыбаки не могли ловить рыбу в пределах другого государства, поэтому, вероятнее всего, эти земли представляли собой нечто вроде буферной зоны и не принадлежали непосредственно ни Казани, ни Астрахани. Следовательно, астраханскую границу нужно искать южнее. Я.Пеленский не исключал возможность астраханского контроля над районом Царицына (современного Волгограда) [Pelenski 1974: 5, п. 2]. Действительно, во время похода на Астрахань летом 1554 г. А.И.Вяземский и Данила Чулков были посланы на разведку от Переволоки, а первый астраханский отряд они встретили выше Черного острова [ПСРЛ 1904: 241], где-то в районе Волгограда.

² Третьяк — это, очевидно, прозвище (третий в семье). Его звали Василий Михайлов сын Губин [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 197].

Отдельные вылазки астраханцы совершали и «в поле», причем иногда очень далеко от границ ханства. Так, в 1518 г. московский посол И.Челищев и крымчанин Кудояр, отпущенные Мухаммед-Гиреем в Москву, подверглись нападению астраханцев близ реки Самары [Малиновский 1863: 215]. Вряд ли эта Самара — левый приток Волги, там посланцы оказаться не могли, ведь в результате, спасшись бегством, они пришли в Путивль. Самара нашего текста — это левый приток Днепра на территории современной Днепропетровской и части Донецкой области Украины.

В общем, можно сказать, что границы Астраханского ханства были, вероятно, чуть меньшими, чем границы образованной позднее Астраханской епархии, какими они были в середине XVII в. [Покровский 1897: 153].

На карте А.Дженкинсона (1558 г.) показаны Старая и Новая Астрахань, причем обе на правом берегу Волги, а прилегающая к ним область закрашена другим цветом и выделена линией, обозначающей, вероятно, границу: по словам Б.А.Рыбакова, Астрахань, завоеванная за два года до этого, «показана на карте особым самостоятельным государством и закрашена другим цветом» [Рыбаков 1974: 29, 27, ил. 6, 24–25, ил. 5]. Исходя из этого противоречия, а также ряда архаизмов карты А.Дженкинсона, Б.А.Рыбаков предположил, что она была составлена в 1496–1498 гг., причем этот старый экземпляр, которым пользовался А.Дженкинсон, устарел уже через год после своего изготовления [Рыбаков 1974: 24–25, 36, ил. 5]. Если принять выводы Б.А.Рыбакова, границы закрашенной области в Нижнем Поволжье являются границами Астраханского государства в указанное время. Как нам уже известно, в конце XV в. Астраханское ханство еще не существовало. Границы закрашенной области не совсем соответствуют границам ханства в первой половине XVI в., по крайней мере тем границам, о существовании которых можно сделать вывод на основании письменных источников. Так, довольно значительная область вдоль левого берега Волги показана принадлежащей Астрахани, тогда как мы знаем, что в дельте рубежом астраханских владений был Бузан, а выше по течению — сама Волга, что, кстати, отмечает и А.Дженкинсон (см. выше).

Рассмотрим подробнее вопрос об изображении Астрахани на европейских географических картах Средневековья и начала Нового времени³. Обращают на себя внимание два обстоятельства.

Во-первых, как правило, под этим именем картографы показывают два города в низовьях Волги на ее правой стороне: один — почти

³ Материалом для этого я обязан выставке европейских карт из коллекции Халеда ал-Анхари «La Péninsule Arabique dans les Cartes Européennes Anciennes. Fin XVe — début XIX siècle», проводившейся Институтом арабского мира (Institut du Monde Arabe) в Париже в сентябре–октябре 2001 г.

в дельте, второй — существенно выше по течению и гораздо дальше от реки. Так, например, изображена Астрахань на голландских картах (обычно больших изображениях Османской империи под названием «Turcici Imperii Imago») Герхарда Меркатора и сыновей (ок. 1595 г.), Йодока Хондиуса (Jodocus Hondius, 1563–1612 гг.), Яна Янсона (Jan Jansson, 1588–1664 гг.).

Во вторых, на нескольких картах рядом с изображением двух городов (чаще верхнего, в виде башенки или домика с островерхой крышей) присутствует легенда по латыни или на одном из европейских языков, сообщающая, что Астрахань является частью Московии, причем она была завоевана у татар в 1494 г. В качестве примера изложенного приведем две карты — цветную амстердамскую гравюру на меди 1613 г. «Turcici Imperii Imago» голландца Хенрика Хондиуса (Henricus Hondius, ок. 1597–1651 гг.) с легендой «Astracan ab hac parte Moscovitici dominij terminus est, ab anno 1494 a Tart. captum», а также медную гравюру англичанина Джона Спиды (John Speed, ок. 1552–1629 гг.) «The Turkish Empire» (Лондон, 1626 г.) с аналогичной английской легендой: «Astracan on this part is the Bound of the Kingdome of Moscovia from the years 1494 taken of the Tatars». Я затрудняюсь с определением того источника (западноевропейского, русского или иного?), откуда картографы заимствовали эту дату. Если английская карта как более поздняя может быть в этой части сведена к голландской, то остается вопрос, откуда такие сведения почерпнул Хондиус.

Много позже как отражение русского названия Новая Астрахань на западных картах появляются имена вроде «Astracan Nova» [две голландские карты «Turcicum Imperium» — Виллема Блэ (Willem Blaeu, Амстердам, гравюра на меди, ок. 1645 г.) и Фредерика де Вита (1616–1698) (Амстердам, гравюра на меди, 1665 г.)]. У последнего картографа как удивительный средневековый реликт на двух амстердамских картах («Asiae Tabula» 1670 г. и «Asiae» 1680 г.) можно прочесть: «Astracan Regnum». На карте «Turcici Imperii» (1683 г.) Юстуса Данкерта (1635–1701) «Astrachan Regnum», т.е. «Астраханское царство», показано за Волгой. Вероятно, как повторение этих сведений нужно воспринимать изображение «Астраханского царства» («Royaume d'Astrachan») на карте француза Юбера Жэйо (Hubert Jaillot, 1632?–1712) «Estats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique» (Париж, 1696 г.). Наконец, у немцев Я.Хоманна (1663–1724) на карте «Asiae Recentissima» (Нюрнберг, 1710 г.) и К.Вейгелио (1654–1725) на карте «Portae Ottomanicae» (Нюрнберг, ок. 1718 г.) «Astrachan Regnum» показано по обоим берегам Волги. Англичанин Джон Сенекс (John Senex, ум. в 1740 г.) на своей карте Asia поместил «королевство Астрахань» даже на левом берегу Волги. Вероятно, источником его карты были более ранняя (Рим, 1685 г.) карта француза Гийома Сансона (ум. в 1703 г.) и карта итальянца

Джакомо Росси под названием «Stato del Gran Turco», где «Regno d'Astracan» изображено на левобережье Волги. Особенно интересно, что карта француза Пьера дю Валя (1618/19–1683) «La Turquie en Asie, l'Arabie et la Perse» (1682 г.) показывает Астрахань на острове («Astracan Salins»).

III Таблицы

Таблица 1
Астраханские ханы

Имя хана	Предполагаемые даты правления
Абд ал-Керим б. Махмуд	1502 (1508?)–1514
Джанибек б. Махмуд	1514 — лето 1521 (не позднее 15 августа)
Хусейн б. Джанибек	Не ранее октября 1521–?
Шейх-Ахмед б. Ахмед	?–? (между 1525 и 1528)
Касим б. Сайид-Ахмед	? — лето 1532 (с перерывом)
Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей	1531 (не позднее мая) — 1532 (не позднее января)
Аккубек б. Муртаза	Лето 1532–1533
Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим	1533 — не ранее конца октября 1537
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар	Октябрь 1537 — лето 1539
Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим (вторично)	Лето 1539 — 1543(?)
Аккубек б. Муртаза (вторично)	1545–1546
Ямгурчи б. Бирдибек (с перерывом)	1546–1550; 1551–1554
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар (вторично)	1554–1556

Таблица 2
Московско-астраханские дипломатические контакты

Посольства из Москвы в Астрахань	
<i>Имя и статус дипломата</i>	<i>Время пребывания в Астрахани</i>
Посол Иван Голова Федорович Елизаров	До конца октября — середины ноября 1515 г.
?	Уехал из Москвы осенью 1522 г. Вернулся не ранее июня 1523 г.
? — посол	В сопровождении астраханцев отбыл из Москвы между серединой июня и самым началом сентября 1536 г.
Посланник сын боярский Федор Федоров сын Быков «з грамотою о братстве и о дружбе»	16 сентября 1536 г. Послан в.к. Василием к Абд ар-Рахману. Вернулся 30 августа 1537 г. Вместе с астраханскими послами
Сын боярский Иван Иванов Клушин «з грамотою». Его спутник — Никифор Дыдылдин	Уехали из Москвы 17 октября 1537 г. с кн. <i>кунгратов</i> Ишимом к Абд ар-Рахману. Посольство не состоялось
Казак Бараш Тулуйгозин «с товарищи з грамотами»	В ноябре 1537 г. уехали с кн. Ишимом. Взамен несостоявшегося посольства И.И.Клушина
Андрей Степанов сын Повадин	Уехал 20 сентября 1539 г. к Абд ар-Рахману вместе с «человеком» хана «Ептьболдой»
Казак Иванча Давидов «с товарищи»	Уехал 20 сентября 1540 г. к Абд ар-Рахману с Кайбулой
Посланник Федор Невежин	Уехал 28 мая 1541 г. с большим послом Джан-Мухаммедом. Вернулся 8 июля 1542 г. с Ишимом
Казак Таиш Токсубин «с товарищи»	Уехал 12 августа 1542 г. с кн. Ишимом. Вернулся 23 декабря с мирзой Куслубеком и Халкаманом
Посол Севастьян Авраамов	В начале 1552 г. уехал с кн. Ишимом
Леонтий Мансуров	Выехал из Москвы 24 мая 1555 г. в сопровождении князей «Клеша» и «Корлена», посла бывшего хана Ямгурчи кн. «Тонотара» и плененных царик
Астраханские посольства в Москву	
<i>Имя и статус дипломата</i>	<i>Время пребывания в Москве</i>
? — послы	Отпущены из Москвы 11 июня 1508 г. вместе с послом ногайского мирзы Джан-Мухаммеда Исень Бахты

Продолжение табл. 2

Астраханские посольства в Москву	
<i>Имя и статус дипломата</i>	<i>Время пребывания в Москве</i>
?	Покинули Москву, возможно, осенью 1522 г. (?)
? — посол	Уехал из Москвы не ранее конца марта 1523 г.
?	Начало 1525 г.
?	1528 г.
Посол Абд ар-Рахмана Кудалыяр (Кудояр)	Прибыл в Москву в августе 1533 г. Отпущен в Астрахань в том же месяце
? — послы	В сопровождении московского посла отбыли в Астрахань между серединой июня и самым началом сентября 1536 г.
Посол Ишим князь (<i>кунграт</i>) «с товарищи»	30 августа 1537 г. с Федором Быковым прибыли в Москву. Отпущены в Астрахань 17 октября
«Человек» хана Абд ар-Рахмана «Ептьболда»	Уехал 20 сентября 1539 г. в Астрахань вместе с А.С.Повадиным
Посланник Абд ар-Рахмана Кайбула (Абдаллах)	В Москву прибыл 6 июля 1540 г. Отпущен 20 сентября
«Большой посол» кунгратский бий Джан-Мухаммед	Прибыл в Москву от Абд ар-Рахмана 4 октября 1540 г. вместе с вернувшимся А.С.Повадиным. Отпущен 28 мая 1541 г. с Ф.Невежиным
Князь Ишим «с товарищи»	Прибыл в Москву 8 июля 1542 г. с Ф.Невежиным. Отпущен 12 августа с Таишем Токсубиным
Мирза Куслубек от хана и «Калькаманъ» от калги	Приехали в Москву 23 декабря 1542 г. с Таишем Токсубиным
Посол Халкоман	Прибыл в Москву от хана Ямгурчи 14 октября 1549 г. вместе с ногайскими послами
Князь Ишим «с товарищи»	Прибыл осенью 1551 г. от Ямгурчи. Уехал в Астрахань в начале 1552 г. с Севастьяном Авраамовым
«Тонотар» («Танотар») посол Ямгурчи	1552–1553 гг. (?). Отпущен в Астрахань 24 мая 1555 г. с Л.Мансуровым
Князя «Курат-Иклеш» и «Курлай-мирза»	29 июля 1554 г. выехали в Москву от Дервиша-Али
Посол Дервиша-Али Темир	Прибыл в Москву в ноябре 1555 г.

АКД	— Автореферат кандидатской диссертации
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВА	— Восточный архив. М.
ВВ	— Византийский временник. Пг.
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВИ	— Вопросы истории. М.
ВИИСИД	— Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М.
ГА	— Гасырлар авазы/Эхо веков. Казань
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. СПб.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИА	— Исторический архив. М.—Л.
ИБ АН	— Институт востоковедения Академии наук. М.
ИЗ	— Исторические записки. М., М.—Л.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
ИИИСАА	— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КГПИ	— Казанский государственный педагогический институт
КС ИВ	— Краткие сообщения ИВ АН
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МГА МИД	— Московский городской архив МИД
МГИМО(У) МИД	— Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД
МГИАН	— Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	— Московский государственный университет
МИ	— Мир ислама. СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
ОИ	— Отечественная история. М.
ОР ГИМ	— Отдел рукописей Государственного Исторического музея
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПВ	— Петербургское востоковедение. СПб.
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси. М.

ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. СПб., Пг., М.—Л.
РИБ	— Русская историческая библиотека. СПб.
СА	— Советская археология. М.
СТ	— Советская тюркология. Баку.
СУАК	— Саратовская ученая архивная комиссия
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы. М.—Л., Л., СПб.
ТОУАК	— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТС	— Тюркологический сборник. М.
УЗ	— Ученые записки
AEMA	— Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden
AO	— Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London
CMRS	— Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris — La Haye
CMR	— Cahiers du Monde Russe. P.
CAJ	— Central Asiatic Journal. The Hague — Wiesbaden

Источники

Архивные

- Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 131 (Риззатдин Фахретдинов), оп. 1, ед. хр. 8 — «Списки разных лиц и их родословные (Крымские и казанские ханы. Шеджере)».
- Архив СПбФ ИРИ РАН, Русская секция, коллекция С.В.Соловьева, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 27.
- Нур — *Риза Нур*. Абреже тюрк тарихи. Рукопись Staatsbibliothek zu Berlin, Ms.or. quart. 1935.
- ОР РГБ, Собр. Ундольского № 385, Житие Феодосия Астраханского.
- ОР РНБ, Собр. М.П.Погодина, № 1490, Сборник.
- ОР СПбФ ИВ РАН, рук. С 861 (П. 6.40). Без названия (تواريخ قريم خانلری). Chronologie des Khans de la Crimée en Tatarie).
- ОР СПбФ ИВ РАН, рук. D 621. Dictionariolum Latino Turcicum quod Tartaricis, Persicis, Arabicis litteris, verbis, dictinibus per mixtum est... A.D. 1754
- РГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), оп. 1, ед. хр. 1 (1512–1564 гг.).
- РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, ед. хр. 6 (1523–1532 гг.), 7 (1533 г.), 8 (1534–1539 гг.), 9 (1545–1548 гг.).
- РГАДА, ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой), оп. 1, ед. хр. 3 (1548–1549 гг.), 4 (1551–1556 гг.).
- РГАДА, ф. 181 (Рукописный отдел МГА МИД), оп. 1, ед. хр. 49 (Сборник XVIII в.).
- РГАДА, ф. 181 (Рукописный отдел МГА МИД), оп. 1, ед. хр. 84 (Сборник XVII в.).
- РГАДА, ф. 187 (Коллекция рукописных книг XIV–XIX вв. ЦГАЛИ), оп. 2, ед. хр. 98 (Сборник XVII в.).
- РГАДА, ф. 187 (Коллекция рукописных книг XIV–XIX вв. ЦГАЛИ), оп. 2, ед. хр. 124 (Сборник XVIII в.).
- РГАДА, ф. 191 (Г.Я.Кер), оп. 1, ед. хр. 155 («Tataricae Monetae a Tataricis Chanis olim cusae in urbe Bulgar»).
- РГАДА, ф. 191 (Г.Я.Кер), оп. 1, ед. хр. 159. Без названия.
- РГАДА, ф. 191 (Г.Я.Кер), оп. 1, ед. хр. 167 («Tataricorum Chanorum nummi Seraydschuquenses, Astrachanenses, Schamachyenses»).
- Хезарфени — *Хюсейн Хезарфени*. Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Рукопись МГИМО (У) МИД (№ 257).
- Хезарфени I — *Хюсейн Хезарфени*. Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Рукопись Bayerische Staatsbibliothek, Cod. turc. 67.

Опубликованные

на русском языке

- Абуль-Гази 1906 — *Абуль-Гази*. Родословное древо тюрков. Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань, 1906.
- ААЭ 1836 — Акты Археологической экспедиции. Т. I. СПб., 1836.

- Акты 1841 — Акты исторические. Т. I. СПб., 1841.
- Акты 1841a — Акты исторические. Т. III. СПб., 1841.
- Акты 1846 — Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. СПб., 1846.
- Ананьев 1908 — *Ананьев Г.* Карангайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. II. Ставрополь, 1908.
- Английские 1938 — Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке. Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1938.
- д'Асколи 1902 — *д'Асколи Эмиддио Дортелли*. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. 1902, т. 24.
- Ахметзянов 1991 — *Ахметзянов М.* Между Волгой и Яиком // Идель. 1991, № 10–11.
- Бабур-наме 1958 — Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958.
- Барбаро и Контарини 1971 — Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Башкирское 1999 — Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. Уфа, 1999.
- Безобразов 1892 — Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // ИТУАК. 1892, № 15.
- Броневский 1867 — Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. 1867, т. 6.
- Весела 1969 — *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.
- Вижер 1890 — *Вижер Блез де*. Извлечение из записок // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Киев, 1890.
- Временник 1851 — Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851.
- Галонифонтибус 1980 — *Галонифонтибус Иоанн де*. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980.
- Герберштейн 1988 — *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М., 1988.
- Гмелин 1777 — *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб., 1777.
- Голубиная книга 1991 — Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991.
- Горсей 1990 — *Горсей Джером*. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990.
- Григорьев, Фролова 1999 — *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // ИИИСАА. 1999, вып. 18.
- Дон-Жуан 1988 — Книга Орудж-бека Байата, Дон-Жуана Персидского. Баку, 1988.
- Дубровин 1887 — *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. III (1779–1780 гг.). СПб., 1887.
- Дунаев 1916 — *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.
- Духовные 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.
- Емченко 2000 — *Емченко Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
- Зайцев 1999 — *Зайцев И.В.* Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г.х.) // ВА, 1999, № 2–3.
- Записки 1978 — Записки янычара. М., 1978.
- Заходер 1955 — *Заходер Б.Н.* Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // КС ИВ. 1955, т. 14.

Ибн Вали 1977 — *Ибн Вали Махмуд*. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Таш., 1977.

Ибрагимов 1958 — *Ибрагимов С.К.* Сочинение Масуда Бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхайр-хани» // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 3(8). А.-А., 1958.

Иовия 1997 — *Иовий Павел*. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. Описание прославленных мужей // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.

История 1907 — История Чингисхана и Тамерлана. Пер. А.В. Васильева, Г.Г. Бальгимбаева // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 19. Оренбург, 1907.

История Татарии 1937 — История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

Исторические путешествия 1936 — Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках. Сталинград, 1936.

Итальянец о России 1996 — Итальянец о России XVI века: Франческо да Колло. Доношение о Московии. М., 1996.

Казакова 1979 — *Казакова Н.А.* «Татарским землям имена» // ТОДРЛ. 1979, т. 34.

Казанская история 1985 — Казанская история // ПЛДР. Середина XVI в. 1985.

Карпов 1991 — *Карпов С.П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во втор. пол. XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Каштанов 1997 — *Каштанов С.М.* К истории волжского торгового судоходства во второй половине XVI века // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997.

Киреевский 1986 — Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. Т. 2. Л., 1986.

Ключаревская летопись 1887 — Ключаревская летопись. Астрахань, 1887.

Книга 1950 — Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950.

Книга 1999 — Книга Путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Комиссаренко, Моисеев 2004 — *Комиссаренко А.И., Моисеев М.В.* Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // ИА. 2004, № 2.

Кононов 1958 — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. М.–Л., 1958.

Котов 1958 — Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

Курбский 1914 — Сочинения князя Курбского. Т. I. СПб., 1914.

Ланнуа 1853 — Путешествие и посольство господина Гильберта де Ланнуа... в 1399–1450 годах // ЗООИД. 1853, т. 3.

Летопись 1788 — Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей... Собрано из древних тех времен описаний. Издание второе. М., 1788.

Литвин 1994 — *Литвин Михалон*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Литовская метрика 1910 — Литовская метрика. Отдел I. Часть I. Книги записей. Т. I. СПб., 1910 (РИБ. Т. XXVII).

Макарьевский Стоглавник 1912 — Макарьевский Стоглавник // Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии. Новгород, 1912, вып. 1.

Малиновский 1863 — *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. 1863, т. 5.

Малиновский 1901 — *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории Панов-Рады Великого Княжества Литовского. Томск, 1901.

Марджани 2003 — Очерки Марджани о восточных народах. Вступ. статья, комментарий, пер. с араб., старотат. языков и примеч. А.Н. Юзеева. Казань, 2003.

Маржарет 1982 — Россия начала XVII в. Записки капитана Маржарета. М., 1982.

Марко Поло 1956 — Книга Марко Поло. М., 1956.

Марков 1896 — *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.

Марло 1961 — *Марло Кристофер*. Сочинения. М., 1961.

Масса 1937 — *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.

Меховский 1936 — *Меховский Матвей*. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936.

МИКХ 1969 — Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. А.-А., 1969.

Мошков 1894 — *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. II. Мелодии ногайских и оренбургских татар // ИОАИЭ. 1894, т. 12, вып. 1.

Мухаммад Юсуф 1956 — *Мухаммад Юсуф Мунши*. Муким-ханская история. Таш., 1956.

Назаров 1890 — *Назаров П.С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. X, № 1. М., 1890.

Негри 1844 — *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. 1844, т. 1.

Описи 1960 — Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Опись 1977 — Опись архива Посольского приказа 1626 г. Часть I. М., 1977.

Орешкова 1990 — *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.

Памятники 1890 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Издано под ред. Н.И. Веселовского. Т. I. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890.

Памятники 1898 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Издано под ред. Н.И. Веселовского. Т. III. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). СПб., 1898.

Памятники 1909 — Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени (издание второе). СПб., 1909 (РИБ. Т. XIII).

Переписка 1981 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981.

Послание царя 1997 — Послание царя Казанского (Письмо хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I) // ГА. 1997, 1/2.

Посольская книга 1984 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М., 1984.

Посольская книга 2003 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003.

Посольские книги 1995 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.

Поссевино 1983 — *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.

ПЛДР 1985 — Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.

ПСРЛ 1853 — Полное собрание русских летописей. Т. VI (Софийские летописи). СПб., 1853.

ПСРЛ 1859 — Полное собрание русских летописей. Т. VIII (Продолжение летописи по Воскресенскому списку). СПб., 1859.

ПСРЛ 1897 — Полное собрание русских летописей. Т. XI (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). СПб., 1897.

ПСРЛ 1901 — Полное собрание русских летописей. Т. XII (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). СПб., 1901.

ПСРЛ 1904 — Полное собрание русских летописей. Т. XIII (Патриаршая или Никоновская летопись). СПб., 1904.

ПСРЛ 1908 — Полное собрание русских летописей. Т. XXI, пер. пол. (Книга Степенная царского родословия. Ч. 1–2). СПб., 1908.

ПСРЛ 1913 — Полное собрание русских летописей. Т. XVIII (Симеоновская летопись). СПб., 1913.

ПСРЛ 1910 — Полное собрание русских летописей. Т. XX (первая половина) (Львовская летопись. Ч. 1). СПб., 1910.

ПСРЛ 1914 — Полное собрание русских летописей. Т. XX (Львовская летопись. Ч. 2). СПб., 1914.

ПСРЛ 1959 — Полное собрание русских летописей. Т. XXVI (Вологодско-Пермская летопись). М.–Л., 1959.

ПСРЛ 1962 — Полное собрание русских летописей. Т. XXVII (Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в.). М.–Л., 1962.

ПСРЛ 1963 — Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII (Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись). М.–Л., 1963.

ПСРЛ 1965 — Полное собрание русских летописей. Т. XXX (Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивная) летопись). М., 1965.

ПСРЛ 1965а — Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1 (Рогожский летописец). М., 1965.

ПСРЛ 1965б — Полное собрание русских летописей. Т. XXIX (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись). М., 1965.

ПСРЛ 1977 — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII (Холмогорская летопись. Двинской летописец). Л., 1977.

ПСРЛ 1978 — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV (Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы). М., 1978.

ПСРЛ 1994 — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIX (Софийская первая летопись по списку И.Н.Царского). М., 1994.

Путешествия 1954 — Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954.

Разрядная 1966 — Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная 1974 — Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

Разрядная 1975 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975.

Разрядная 1976 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976.

Разрядная 1978 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978.

Рашид-ад-Дин 1960 — *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.–Л., 1960.

РИО 1884 — Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

РИО 1887 — Сборник Русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560). СПб., 1887.

РИО 1895 — Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Русская силлабическая поэзия 1970 — Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. М., 1970.

Русско-монгольские 1974 — Русско-монгольские отношения. Сборник документов 1636–1654. Составители М.И.Гольман, Г.И.Слесарчук. М., 1974.

Савельев 1865 — *Савельев П.С.* Монеты ханов джучидская, джагатайская, джелеиридская и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Имп. Археологического общества. СПб., 1865, т. 12.

Самарканди 1993 — Миссия в Индию в 1442–1444 гг. Путевые заметки 'Абд Ар-Раззака Самарканди (пер. и коммент. О.Ф.Акимушкина) // ПВ. Вып. 4. 1993.

Сборник 1881 — Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Издал с приложениями В.Д.Смирнов. СПб., 1881.

Сборник 1895 — Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев // ИТУАК. 1895, № 23.

Сборник Муханова 1866 — Сборник Муханова. СПб., 1866.

Семенов 1895 — *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Скарбовая книга 1898 — Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. // ИТУАК. 1898, № 28 (год 12).

Смирнов 1894 — *Смирнов В.Д.* Записки Мухаммеда-Наджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894 (год 25), апрель.

Соколов 1898 — *Соколов Д.Н.* Опыт разбора одной башкирской летописи // ТОУАК. 1898, вып. 4.

Старинные 1899 — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П.Симони. Вып. первый. I–II. СПб., 1899.

Стоглав 1863 — Стоглав. СПб., 1863.

Судаков 1891 — Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // ИТУАК. 1891, № 14.

Султанов 1978 — *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // ТС-1975. М., 1978.

Суходольский 1858 — *Суходольский А.* Башкирская легенда о Туляке // Оренбургские губернские ведомости. 1858, № 46 (15 ноября).

Тали 1959 — *Абдурахман-и Тали*. История Абулфейз-хана. Ташкент, 1959.

Тизенгаузен 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884.

Тизенгаузен 1941 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2 (Извлечения из сочинений персидских). М.–Л., 1941.

Тунманн 1991 — *Тунманн*. Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1991.

Тьеполо 1940 — *Аннинский С.А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // ИА. М.–Л., 1940, т. 3.

Фазлаллах 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани*. Михман-наме-и Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

Фалев 1915 — *Фалев П.* Арабская новелла в ногайском эпосе // ИТУАК. 1915, № 52.

Фирдоуси 1984 — *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. 5. М., 1984.

Фирдоуси 1993 — *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. 1. От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Изд. 2-е, испр. М., 1993.

Фирдоуси 1994 — *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. 2. М., 1994.

Френ 1832 — *Френ Х.М.* Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении, из прежнего собра-

- ния (...) К.Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету. СПб., 1832.
- Хождение 1986 — Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.
- Хорезми 1983 — *Мухаммад ал-Хорезми*. Книга истории // Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми. К 1200-летию со дня рождения. М., 1983.
- Хроники 1998 — Хроники Смутного времени: Конрад Буассон, Арсений Елассонский, Элиас Геркман, «Новый летописец». М., 1998.
- ЧОИДР 1884 — Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1884, кн. 4.
- Шеджере 1960 — Башкирские шеджере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г.Кузеева. Уфа, 1960.
- Шерифи 1995 — *Шерифи Х.* Зафер-наме-и вилайет-и Казан (публ. А.Мелек Узяетгин) // ГА. 1995, май.
- Шихсаидов, Айтберов, Оразаев 1993 — *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
- Эвлия 1979 — *Эвлия Челеби*. Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
- Эвлия 1983 — *Эвлия Челеби*. Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983.
- Эпос 1999 — Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. Уфа, 1999.
- на восточных языках**
- Алиева 1991 — *Алиева Э.* Мортаза бине Котлыгыш әс-Симети Сәяхәтнамәсе // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. Казань, 1991.
- Аснад 1962 — Аснад ва моқтабат-е тарихи-йе Иран аз Теймур та шах Эсмаил. Техран, 1341/1962 (араб. шрифт).
- Ассеб о-ссейяр 1832 — Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, то есть с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (араб. шрифт).
- Гафури 1910 — *Гафури М.* Заятулек бирле Су-Слу: Башкорд хикаесенден. Уфа, 1910 (араб. шрифт).
- Госманов 1984 — *Госманов М.* Каурый кәләм эзенән: Археограф язмалары. Казан, 1984.
- Григорьев 1844 — *Григорьев В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая // ЗООИД. 1844, т. 1.
- Джами ат-таварих 1854 — Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. Т. II, ч. 1 (Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием). Казань, 1854 (араб. шрифт).
- Два послания 1995 — Два послания султана Селима II в Москву и Бахчисарай // ГА, 1995, май.
- Кол Шәриф 1997 — *Кол Шәриф*. И кунел, бу дөньядыр... Казан, 1997.
- Марджани 1885 — *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи эхвали Казан ва Булгар ал-Кысм ал-аввал. Казан, 1885 (араб. шрифт).
- Материалы 1932 — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. Л., 1932.

- Мухамедьяров 1967 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967.
- Орешкова 1996 — *Орешкова С.Ф.* Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII в. об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.
- Радлов 1896 — Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собрания В.В.Радловым. Ч. VII. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896.
- Рамзи 1908 — *Рамзи М.М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака'и Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар. Муджаллад 2. Оренбург, 1908 (араб. шрифт).
- Смирнов 1890 — [Смирнов В.Д.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караймов. Издание З.А.Фирковича. СПб., 1890.
- Таварих 1967 — Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Таш., 1967.
- Тезкере 1961 — *Малла Абд ан-Наби Фахр аз-Замани Газвини*. Тезкере-йи Мейханэ. Техран, 1961 (араб. шрифт).
- Утемиш-хаджи 1992 — *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. А.-А., 1992.
- Фэхретдин 1995 — *Фэхретдин Р.* Казан ханнары. Казан, 1995.
- Хажитархани 1995 — *Хажитархани Шериф*. Казан вилайетен жинус. Искермелер // Идел. 1995, № 1.
- Халидов 1910 — *Халидов К.* Таварих-и хамса-и шаркый. Казан, 1910 (араб. шрифт).
- Харави 1966 — Тезкере-йе роузат ос-салатин аз Фахри Харави... Тебриз, 1966 (араб. шрифт).
- Хондемир 1955 — *Хондемир Гийас ад-Дин б. Хамам ад-Дин Мохаммад*. Тарих-е хабиб ос-сейяр фи-л-эхбар-е афрад-е башар. Джэзд 4. Техран, 1334(1955) (араб. шрифт).
- Шеджере 1906 — [Шарафутдинов С.] Шеджере-и Чингизия. Казан, 1906 (араб. шрифт).
- Aboul-Ghazi 1871 — Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. T. I. Texte. St.-Pbg., 1871.
- Ahsanu't-Tawarikh 1931 — Ahsanu't-Tawarikh. A Chronicle of the Early Safawis being the Ahsanu't-Tawarikh of Hasan-i-Rumlu. Vol. I (Persian text). Baroda, 1931 (Gaekwad's Oriental Series. LVII).
- F.R.U. 1941 — *F[ai]k R[e]şit U[na]r*. Ahmet III. Devrinde Yapılmış Bir Önyasa Haritası // Tarih Vesikaları. Ankara, 1941, cilt I, sayı 2.
- Evliya 1928 — *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*. Cilt 7. İstanbul, 1928 (араб. шрифт).
- Gafuri 1927 — *Gafuri M.* Zajatylyk belän Su Sulu. (Başqort xikojese). Qazan, 1927.
- Haji Khalfa 1837 — Lexicon Bibliographicum et Encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Tomus secundus. Lpz., 1837.
- Halasi Kun 1949 — *Halasi Kun T.* Philologica III. Kazan Türkçesine ait dil yadigârları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1949, VII, 4.
- Halim-Geray 1909 — *Halim-Geray Sultan*. Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. İstanbul, 1327/1909 (араб. шрифт).
- Hezârfen 1998 — *Hezârfen Hüseyin Efendi*. Telhîsü'l-beyân fî kavânin-i Âl-i Osmân / Haz. S. İlgürel. Ankara, 1998.

- Ivanics, Usmanov. 2002 — *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis-Legende (*Dāstār-i Čingiz-nāmā*). I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002.
- Kırım Tarihi 1944 — *Kırım Tarihi veya Necati Efendi'nin Rusya Sefaretnamesi* // Tarih Vesikaları. Ankara, 1944, cilt II, sayı 13–14.
- Kurat 1940 — *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yıllık ve Bitikler. İstanbul, 1940.
- Matériaux 1864 — *Matériaux pour servir a l'Histoire du Khanate de Crimée...* Par V.Véliaminof-Zernof... قريم غه داير يازولار. St.-Pbg., 1864.
- Müneccimbaşı 1285 — *Müneccimbaşı. Sahaif ul-ahbar (صحايف الاخبار)*. Cild II. İstanbul, 1285/1868–69 (arab. şrift).
- Peçevi — *Peçevi İbrahim. Tarih-i Peçevi (تاريخ پچوي)*. Cild I. İstanbul, [6.r.] (arab. şrift).
- Sadeddin 1863 — *Sadeddin Hoca Mehmed. Tac-ut Tevarih*. Cild I. İstanbul, 1279/1863 (arab. şrift).
- Saltuk-Nâme 1974–81 — *Saltuk-Nâme. The Legend of Sarı Saltuk Collected from Oral Tradition by Ebû'l-Hayr Rûmî. Parts 1–7. Harvard, 1974–81* (arab. şrift).
- Seyidi 1895 — *Seyidi Reis. Mirat ül-Memalik*. İstanbul, 1313/1895 (arab. şrift).
- Tarih-i Sahib 1973 — *Tarih-i Sahib Giray Han*. Ankara, 1973.
- Togan 1965 — *Togan A.Z.V.* Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü // İslâm Türkleri Enstitüsü Dergisi. 1965, cild III, c. 3/4.
- Üçüncü 1993 — *Üçüncü Numaralı Mühimme Defteri (966–968/1558–1560)*. Tıpkıbasım. Ankara, 1993.
- Yazıcı-zade 1881 — *Yazıcı-zade M.* Muhammediye. İstanbul, 1881.

на западноевропейских языках

- Aboul-Ghazi 1874 — *Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. T. II. Traduction. St.-Pbg., 1874.*
- Acta 1857 — *Acta Tomiciana. Tomus Sextus. A.D. MDXXII–MDXXXIII. Posnaniae, MCCMLVII.*
- Acta 1901 — *Acta Tomiciana. Tomus Undecimus. A.D. MDXXIX. Posnaniae, MDCCCCL.*
- Acta 1915 — *Acta Tomiciana. Tomus Tertius Decimus. A.D. MDXXXI. Posnaniae, MDCCCXV.*
- Acta 1957 — *Acta Tomiciana. Tomus Quintus Decimus. A.D. MDXXXIII. Wratislaviae–Cracoviae, MCMLVII.*
- Acta 1960 — *Acta Tomiciana. Tomus Sextus Decimus. A.D. MDXXXIV. Pars Prima. Edidit Vladislaus Pociecha. Wratislaviae–Cracoviae–Posnaniae, MCMLX.*
- Acta 1966 — *Acta Tomiciana. Tomus Septimus Decimus. A.D. MDXXXV. Collegit Vladislaus Pociecha. Wratislaviae–Cracoviae–Posnaniae, MCMLXVI.*
- Baski 1986 — *Baski I. A Crimean Turkic-Tatar Glossary from the 17th Century* // AO. 1986, t. 40.
- Battūta 1962 — *The Travels of Ibn Battūta A.D. 1325–1354. Transl. by H.A.R.Gibb. Vol. II. Cambridge, 1962.*
- Bielski 1830 — *Kronika Polska Marcina Bielskiego. Księgi IV–V. Warszawa, 1830.*
- Botero 1591 — *Delle Relationi Universali de Giovanni Botero Benese. Pt. I. Roma, 1591.*
- Botero 1613 — *Relatiae Powszechne abo Nowiny Pospolite Iana Botera Benesiusa. Kraków, 1613.*

- Busbecq 1927 — *The Turkish Letters of Ogier Ghiselin de Busbecq Imperial Ambassador at Constantinople 1554–1562. Newly Translated from the Latin...* by Edward Seymour Forster. Oxf., 1927.
- Codex 1894 — *Codex Epistolaris Saeculi Decimi Quinti. Tomus III (1392–1501). Kraków, 1894 (Monumenta Medii Aevi Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia. Tomus XIV. Cracoviae, 1894).*
- Dziennik Wilenski 1826 — *Dziennik Wilenski. Historia i Literatura. T. I. Wilno, 1826.*
- Firdaws al-Iqbāl 1999 — *Firdaws al-Iqbāl. History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Transl. from Chagatay and Annotated by Yuri Bregel. Leiden–Boston–Köln, 1999.*
- The Geographical Works 1832 — *The Geographical Works of Sadik Isfahani. L., 1832.*
- Goldschmidt 1944 — *Goldschmidt E.P.* The Lesina Portolan Chart of the Caspian Sea // *The Geographical Journal*. 1944, June, vol. VIII, № 6.
- Haji Khalifeh 1831 — *The History of the Maritime Wars of the Turks (transl. from the Turkish of Haji Khalifeh by J.Mitchell). L., 1831.*
- Halasi Kun 1942 — *Halasi Kun T.* Monumentes de la langue tatare de Kazan // *Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Körös dicata (Bibliotheca Orientalis Hungarica. V). Vol. I. Budapestini, 1942.*
- Hamm 1952 — *Hamm J.* Altpolnisches aus kroatischen Archiven // *Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. II. 1952.*
- Hanway 1754 — *Hanway J.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea with the Author's Journal of Travels. Vol. I. L., 1754.
- Katalog dokumentow 1959 — *Katalog dokumentow tureckich. Dokumenty do dziejow Polski i krajow ościennych w latach 1455–1672. Opracował Z.Abrahamowicz. Warszawa, 1959.*
- Le Khanat 1978 — *Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi. P., 1978.*
- List 1964 — *List and Analysis of State Papers. Foreign Series. Elisabeth I. Preserved in the Public Record Office. Vol. I. August 1589 — June 1590. L., 1964.*
- Marlowe 1981 — *Marlowe Christopher.* Tamburlain the Great. Ed. by J.S.Cunningham. Manchester, 1981.
- Materiały 1966 — *Materiały do dziejow Dyplomacji Polskiej z lat 1486–1516 (Kodeks Zagrebski). Wrocław–Warszawa–Kraków, 1966.*
- Matricularum 1915 — *Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur contextit indicesque adiecit Theodorus Wierzbowski. Pars IV, cz. I. Varsoviae, 1915.*
- Nordenskiöld 1889 — *Nordenskiöld A.E.* Facsimile-Atlas to the Early History of Cartography... Stockholm, 1889.
- Nuzhat-al-Qulub 1915 — *Nuzhat-al-Qulub... The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub, Composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340). Leyden–London, 1915.*
- Pegolotti 1914 — *Cathay and the Way Thither being a Collection of Medieval Notices of China. Transl. and ed. by Colonel Sir Henry Yule. Vol. III. Missionary Friars — Rashiduddin — Pegolotti — Marignolli. L., 1914.*
- Précis 1833 — *Précis de l'Histoire des Khans de Crimée (traduit du turc par M.M.Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. P., 1833, t. XII.*
- Ramstedt 1991 — *Cumucica & Nogaica. G.J. Ramstedt's Kumyk materials edited and translated by E. Gürsoy-Naskali & G.J. Ramstedt's nogajische Materialien bearbeitet und übersetzt von H. Halén. Helsinki, 1991.*

- Schütz 1975 — *Schütz E.* Eine armenische Chronik von Kaffa aus der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // AO. 1975, т. XXIX(2).
- Schweigger 1986 — *Schweigger Salomon.* Zum Hofe des Türkischen Sultans. Bearb. und hrsg. von H. Stein. Lpz., 1986.
- Senai 1971 — *Hadży Mehmed Senai z Krymu.* Historia Chana Islam Gereja III. Warszawa, 1971.
- Soysal 1939 — *Soysal A.Z.* Jartyki Krymskie z Czasów Jana Kazimierza. Warszawa, 1939.
- Strykowski 1978 — *Strykowski Macej.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego... Warszawa, 1978.
- Tafur 1926 — *Tafur Pero.* Travels and Adventures. 1435–1439. L., 1926.
- The Travels 1899 — *The Travels and Adventures of the Turkish Admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia, and Persia during the Years 1553–1556.* L., 1899.
- Trevisano 1842 — *Relazione dell'impero Ottomano del clarissimo Domenico Trevisano Tornato Bailo da Constantinopoli sulla fine del 1554* // [Alberi E.] Documenti di storia Ottomana del secolo XVI. Vol. I. Firenze, 1842.
- Wapowski 1874 — *Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochonic katedr. Krakowskiego. Część Ostatnia. Czasy podługoszwowskie obejmująca (1480–1535).* Kraków, 1874 (Scriptores Rerum Polonicarum. T. II).
- Zajęczkowski 1966 — *Zajęczkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak *Tevarih-i Deşt-i Qipcaq* du XVIIe siècle. Warszawa, 1966.

Исследования

- Абрамова, Турманина 1982 — *Абрамова Т.А., Турманина В.И.* Реконструкция климатических изменений последнего тысячелетия в Прикаспии // Известия ВГО. Л., 1982, т. 114, вып. 3, май–июнь.
- Абусейтова 1998 — *Абусейтова М.Х.* Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII веках: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998.
- Аверьянов 2001 — *Аверьянов К.А.* О термине «тыма» русских источников // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А.Федорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород, 2001.
- Агзамова 2003 — *Агзамова Г.А.* Волжско-каспийский путь в XVI — первой половине XIX в. // ТС. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.
- Аджигалиев 1994 — *Аджигалиев С.И.* Генезис традиционной погребально-культурной архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994.
- Айдаров 1994 — *Айдаров Г.Н.* Мечети и церкви Среднего Поволжья второй половины XVI — XVII в.: противостояние и взаимовлияние // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань, 1994.
- Акчокраклы 1928 — *Акчокраклы О.* Про перший проект споруди Волго-Доньского канала у XVI сторіччя // Східний Світ. Харків, 1928, № 2.
- Александров 1912 — *Александров Ив.* О набах в Крыму // МИ. 1912, т. I, № 4.
- Алишев 1995 — *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
- Алишев 1995а — *Алишев С.Х.* Завоевание татар Русским государством // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

- Амелькин 2002 — *Амелькин А.О.* Проблема Тмутороканского княжества в исторической мысли допетровской России // Восточная Европа в древности и средневековье. Минимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2002.
- Андреевский 1892 — *Андреевский А.* Крым и крымские татары. Киев, 1892.
- Арзютов 1930 — *Арзютов Н.* Золотая Орда. Саратов, 1930.
- Арсланов 1976 — *Арсланов Л.Ш.* Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 года) // Татарская диалектология. Казань, 1976 (УЗ КГПИ, вып. 166).
- Арсланов, Викторин 1995 — *Арсланов Л.Ш., Викторин В.М.* Астраханские татары. История и этнический состав населения Астраханской области // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Астраханское 1926 — *Астраханское царство* // БСЭ. Т. 3. М., 1926.
- Астрахань 1882 — *Город Астрахань и его окрестности.* Астрахань, 1882.
- Атласи 1993 — *Атласи Һ.* Себер Тарихы. Соенбика. Казан Ханлыгы. Казан, 1993.
- Ахмадов 1988 — *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.
- Ахмедов 1965 — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Ахмедов 1994 — *Ахмедов Б.А.* О времени и обстоятельствах смены на рубеже XVI–XVII вв. династии Шейбанидов Аштарханидами // ВИСИД. Вып. 2. 1994.
- Ахмеров 1998 — *Ахмеров Г.* Избранные труды. Казань, 1998.
- Ахметгалеева 1979 — *Ахметгалеева Я.С.* Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М., 1979.
- Ахметзянов 1991 — *Ахметзянов М.И.* Казанский список дастана «Туляк и Суслу» // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. Казань, 1991.
- Ашурбейли 1964 — *Ашурбейли С.Б.* Индийские купцы в средневековых городах Азербайджана и Ширвана // НАА. 1964, № 4.
- Ашурбейли 1983 — *Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.
- Баевский 1968 — *Баевский С.И.* Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Вып. 5. М., 1968.
- Байкова 1964 — *Байкова Н.Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — вторая половина XVIII века). Таш., 1964.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II, часть 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963.
- Бартольд 1964 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II, часть 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964.
- Бартольд 1965 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М., 1965.
- Бартольд 1966 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966.
- Бартольд 1973 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.
- Бартольд 1977 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
- Басилов, Кармышева 1997 — *Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х.* Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997.
- Баскаков 1985 — *Баскаков Н.А.* Имена собственные гунов, болгар, хазаров, саби-ров и аваров в исторических источниках // СТ. 1985, № 4.

- Баттал 1996 — *Баттал Г.* Казан төркиләре. Казан, 1996.
- Бахревский 1996 — *Бахревский Е.В.* Кладбище в Эски-Юрте // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Белоусов 1815 — *См. Басв.* Мой взгляд с Алтиджара на Астрахань // Восточные известия. Астрахань. 1815, № 8.
- Бережков 1894 — *Бережков М.Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел 1474–1505 гг. Симферополь, 1894.
- Бернадский 1939 — *Бернадский В.Н.* Конец Заруцкого // УЗ Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена. Т. 19. Л., 1939.
- Биобиблиографический словарь 1974 — Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период. М., 1974.
- Большаков 1993 — *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. II. М., 1993.
- Большаков 1998 — *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. III. М., 1998.
- Боровков 1961 — *Боровков А.К.* «Бад'и' ал-лугат». Словарь Тали' Ймани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.
- Борозна 1975 — *Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975.
- Бочечкаров 1860 — *Бочечкаров Н.* Записки об астраханском и каспийском рыболовстве. [СПб., 1860].
- Брегель 1970 — *Брегель Ю.Э.* Термин «вилайет» в хивинских документах // Письменные памятники Востока. Ежегодник-1968. М., 1970.
- Брун 1872 — *Брун Ф.К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса, 1872.
- Брун 1873 — *Брун Ф.К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Имп. Новороссийского университета. Одесса, 1873, т. 9.
- Булатов 1974 — *Булатов А.Б.* Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 3. Казань, 1974.
- Булычев 2002 — *Булычев М.* Рыбный промысел на Нижней Волге и Северном Каспии в XVII — первой половине XIX в. // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Ч. II. Казань, 2002.
- Бурдей 1956 — *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х годах XVI века // УЗ Саратовского государственного университета. Т. XLVII. Харьков, 1956.
- Бурдей 1962 — *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.
- Бурдей 1963 — *Бурдей Г.Д.* Молодинская битва 1572 г. // Из истории межславянских культурных связей: К семидесятилетию академика М.Н.Тихомирова. М., 1963 (УЗ Института славяноведения АН СССР. Т. XXVI).
- Бушаков 2002 — *Бушаков В.* Етнонімічний термін *остяк* (до семантичної типології етнонімів) // VI Сходознавчі читання А.Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ, 2002.
- Варваровский 1994 — *Варваровский Ю.Е.* Распад Улуса Джучи в 60–70-е годы XIV века (по данным письменных источников и нумизматики). АКД. Казань, 1994.
- Варваровский 1995 — *Варваровский Ю.Е.* К истории торговли Хаджи-Тархана в XIV веке // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»). Астрахань, 1995.
- Васильков 1992 — Астрахани 738 лет // Идел (Газета Астраханского областного общества татарской национальной культуры «Дуслык»). Астрахань, 1992, № 18(29).
- Вельяминов-Зернов 1863 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
- Вельяминов-Зернов 1864 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
- Вереин 1958 — *Вереин Л.Е.* Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.
- Вернадский 1997 — *Вернадский Г.В.* Московское царство. Ч. 1. Тверь–Москва, 1997.
- Веселовский 1910 — *Веселовский Н.И.* مینیات. Миньят. СПб., 1910.
- Викторин 1995 — *Викторин В.М.* Этнополитический интерстидиал XVI–XVII вв. и его носители (от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству) // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»). Ч. 1. Астрахань, 1995.
- Викторин 2003 — *Викторин В.М.* Тукли-Баба Шашлы-Адже — святое место астраханских мусульман // Этнографическое обозрение. 2003, № 2.
- Виноградов 1999 — *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI в. // ОИ. 1999, № 2.
- Волга 1862 — Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862.
- Волга 1899 — Волга. Изд. 3-е. СПб., 1899.
- Волин 1939 — *Волин С.А.* Новый источник для изучения хорезмийского языка // Записки ИВ АН СССР. М.–Л., 1939, вып. 7.
- Волков 2001 — *Волков И.В.* О наименовании золотоордынских поселений Правобережья Нижней Волги // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А.Федорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород, 2001.
- Воробьев 1958 — *Воробьев А.В.* Астраханский кремль. Астрахань, 1958.
- Воробьев 1972 — *Воробьев А.В.* Астраханский кремль. М., 1972.
- Габескирия 1986 — *Габескирия Ш.В.* К происхождению слова TARXAN в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX Сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Вып. II: Лингвистика. М., 1986.
- Гадло 1999 — *Гадло А.* Предание о походе на Булгар и Хазарию в русском литературном источнике XVII века // Международные связи, пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999.
- Газиз 1994 — *Газиз Г.* История татар. М., 1994.
- Галкин 1985 — *Галкин Л.Л.* Некоторые новогодние монеты Золотой Орды // СА. 1985, № 4.
- Галкин 1998 — *Галкин Л.* Генуэзские пираты на... Каспии // Вокруг Света. 1998, № 4.
- Галаяудинов 1998 — *Галаяудинов И.Г.* «Тарих нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1998.
- Гараева 1985 — *Гараева Н.Г.* Традиции татарской историографии XIX в. и «Талфик ал-ахбар...» М.Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли. Казань, 1985.
- Гейд 1915 — *[Гейд В.]* Извлечение из сочинения «История торговли Востока в средние века» // ИТУАК. 1915, № 52.

- Герасимов 1923 — *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVII веках. Саратов, 1923.
- Голубинский 1900 — *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 2. Первая пол. М., 1900.
- Гончаров 1997 — *Гончаров Е.Ю.* Медные монеты XIV века города Хаджи-Тархан // ВИИСИД. Вып. 5. 1997.
- Гончаров 2003 — *Гончаров Е.Ю.* Последствия похода Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003.
- Гордеев 1992 — *Гордеев А.А.* История казаков. Ч. 2: Со времени царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. М., 1992.
- Горский 1997 — *Горский А.А.* О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // ВИ. 1997, № 5.
- Горский 2000 — *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Граля 1994 — *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.
- Грамотикова 1998 — *Грамотикова Н.* Житието на Демир Баба и създаването на ръкописи от мюсюлманите от хетеродоксните течения на ислама в Североизточна България (извор за културната и религиозната им история) // Мюсюлманска култура по българските земи. Изследвания. София, 1998.
- Греков 1963 — *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.
- Григорьев 1983 — *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. // ИИИСАА. Вып. 7. 1983.
- Григорьев 1985 — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // УЗ ЛГУ. № 417. Серия востоковедческих наук. Вып. 28. Востоковедение. 1985, Вып. 11.
- Григорьев 1987 — *Григорьев А.П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // ИИИСАА. Вып. 10. 1987.
- Григорьев 1987а — *Григорьев А.П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // УЗ ЛГУ. № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востоковедение. 1987, Вып. 13.
- Григорьев 1876 — *Григорьев В.В.* Россия и Азия. СПб., 1876.
- Григорьевы 2002 — *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.
- Губоглу 1963 — *Губоглу М.* Поход Сулеймана Великолепного в Молдавию 1538/945 г. в свете турецких летописей // Труды 25-го международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.
- Гузейров 2000 — *Гузейров Р.* Товарно-денежные отношения и караванные пути Хаджитархана в XIII–XIV вв. // ГА. 2000, № 3/4.
- Давидович 1989 — *Давидович Е.А.* О достоверности дат на монетах с арабскими надписями (трудности и методы оценки) // ВИИСИД. Вып. 1. 1989.
- Давидович 1992 — *Давидович Е.А.* Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов: XVI век. М., 1992.
- Данияров 1999 — *Данияров К.* Альтернативная история Улыса Жошы — Золотой Орды. Алматы, 1999.
- Демин 1965 — *Демин А.С.* Орывки из неизвестных посланий и писем XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. 1965, т. 21.

- Джуманов 1993 — *Джуманов Р.* «Белые пятна» и «черные дыры» в истории города Астрахани // Идел (Газета Астраханского областного общества татарской национальной культуры «Дуслык»). Астрахань. 1993, № 34(76).
- Дмитриев 1995 — *Дмитриев С.В.* Отказ от власти как культурно-политическое явление (к постановке проблемы) // Этнические аспекты власти. Сборник статей. СПб., 1995.
- Дмитриева, Муратов 1975 — *Дмитриева Л.В., Муратов С.Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. II. М., 1975.
- Добродомов 1973 — *Добродомов И.Г.* Происхождение названия Астрахань // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III Конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.
- Дорн 1875 — *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря // Приложение к XXVI тому Записок Имп. АН. № 1. СПб., 1875.
- Древняя Сибирь 1964 — *Древняя Сибирь.* Макет I тома «Истории Сибири». Улан-Удэ, 1964.
- Дубаков 1997 — *Дубаков А.В.* Первый Астраханский архиепископ Феодосий // Мир православия. Сборник научных статей. Вып. 1. Волгоград, 1997.
- Дубман 1997 — *Дубман Э.Л.* Монастырское предпринимательство в Среднем и Нижнем Поволжье в конце XVI — XVII в. // Иоанновские чтения памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Секция Русская история. Самара, 1997.
- Дубман 1998 — *Дубман Э.Л.* Промысловое освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI — начале XVII в. // История и человек. Сборник статей. Самара, 1998.
- Егоров 1980 — *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Егоров 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Егоров 1994 — *Егоров В.Л.* Астраханское ханство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1 (А–Д). М., 1994.
- Еманов 1995 — *Еманов Е.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.
- Ермаков 2001 — *Ермаков И.А.* Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001.
- Жапбасбаева 1986 — *Жапбасбаева Ж.М.* «Таварих-и хамса-йи шарки» Курбангали Халиди как источник по истории Казахстана // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. I. История, источниковедение, историография. М., 1986.
- Жило, Косарев 1966 — *Жило П.В., Косарев А.Н.* Топонимика некоторых географических названий побережья Каспийского моря // Вестник МГУ. Сер. V. География. 1966, № 4.
- Забутин 1914 — *Забутин В.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914.
- Зайончковский 1959 — *Зайончковский П.А.* Кирилло-Методиевское общество. М., 1959.
- Зайончковский 1969 — *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» («Таварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.

- Зайцев 1998 — *Зайцев И.В.* Документальные источники по истории дипломатических отношений постордынских государственных образований с Россией и Османской империей в XV — первой половине XVI в. АКД. М., 1998.
- Зайцев 1998а — *Зайцев И.В.* Документальные источники по истории дипломатических отношений постордынских государственных образований с Россией и Османской империей в XV — первой половине XVI в. // Славяне и их соседи. Тезисы 17-й конференции. Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время. М., 1998.
- Зайцев 1999 — *Зайцев И.В.* Разгром «Большой Орды» в 1502 году // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. Тезисы докладов VIII научной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». М., 1999.
- Зайцев 2000 — *Зайцев И.В.* К истории книжной культуры в Джучидских государствах // ВА. 2000, № 4–5.
- Зайцев 2000а — *Зайцев И.В.* Российские архивные источники по истории Астраханского ханства (к хронологии правлений ханов Джанибека и Хусейна) // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Доклады научной конференции. СПб., 2000.
- Зайцев 2000б — *Зайцев И.В.* Разгром «Большой Орды» в 1502 году // Поиск истоков (Social-Natural History. XVI). М., 2000.
- Зайцев 2001 — *Зайцев И.В.* Что такое «Номоганский юрт»? // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2001.
- Зайцев 2001а — *Зайцев И.* Торговля и хозяйство города Хаджи-Тархана // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 года. Казань, 2001.
- Зайцев 2002 — *Зайцев И.В.* Образование Астраханского ханства // ТС. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Зайцев 2002а — *Зайцев И.В.* Мурад Рамзи и Арминий Вамбери // Altaica. VI. М., 2002.
- Зайцев 2003 — *Зайцев И.В.* Шейх-Ахмад — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф.Миллера. М., 2003.
- Зайцев 2003а — *Зайцев И.В.* Ислам и христианство в Нижнем Поволжье в XV–XVII вв. (От Астраханского ханства к Российской империи) // Сборник Русского исторического общества. М., 2003, № 7 (155).
- Зайцев 2006 — *Зайцев И.В.* «Алчиново место»: монгольский титул в Золотой Орде // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М., 2006.
- Зеленев 1999 — *Зеленев Е.И.* Египет: Средние века, Новое время. СПб., 1999.
- Земное 2000 — *Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Earthy Art — Heavenly Beauty. Art of Islam.* Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 13 июня — 17 сентября 2000 г. СПб., 2000.
- Зиливинская 1998 — *Зиливинская Э.Д.* Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Сборник. Вып. I. Йошкар-Ола, 1998.
- Зимин 1970 — *Зимин А.А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 году // Из истории Татарии. Сборник IV (УЗ КГПИ, вып. 80). Казань, 1970.

- Зимин 1991 — *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991.
- Золотницкий 1884 — *Золотницкий Н.И.* О селениях в поволжских губерниях с названием «тархан» // Труды IV Археологического съезда. Казань, 1877. Т. I. Казань, 1884.
- Зыков 1924 — *Зыков Ф.П.* Астраханское царство или союз свободных городов // Астрахань и Астраханский край. Сборник краеведения. Сб. I (июль 1924). Астрахань, 1924.
- Ибраимова 2000 — *Ибраимова Л.* Чура — Халык Батыры // ГА. 2000, № 3/4.
- Иванич 2002 — *Иванич М.* Легитимация астраханского князя Салчи в Дафтар-и Чингиз-наме // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Ч. II. Казань, 2002.
- Иванов 1935 — *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. М.–Л., 1935 (Труды Ин-та востоковедения. Т. 7).
- Иванов 1958 — *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.
- Иванов, Васильев 1995 — *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
- Ижбердеев 1994 — *Ижбердеев Р.И.* Существуют ли «астраханские татары»? // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994.
- Исин 1985 — *Исин А.И.* Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. А.-А., 1985.
- Исин 1988 — *Исин А.* Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской ордой в XVI в. АКД. А.-А., 1988.
- Исин 1988а — *Исин А.И.* Материалы Посольского приказа Русского государства о Казахском ханстве XVI — начала XVII века // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). А.-А., 1988.
- Ислам 1991 — *Ислам.* Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Ислам 1998 — *Ислам на территории бывшей Российской империи.* Энциклопедический словарь. Вып. I. М., 1998.
- История Отечества 1999 — *История Отечества с древнейших времен до наших дней.* Энциклопедический словарь. М., 1999.
- История Сибири 1968 — *История Сибири.* Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968.
- Исхаков 1997 — *Исхаков Д.* Сеиды в поздnezолотоордынских татарских государствах // Tatarica: Звездный час татарской истории. № 1, зима 1997/1998. Казань, 1997.
- Исхаков 1997а — *Исхаков Д.М.* Сеиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.
- Исхаков 1998 — *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.
- Исхаков 2001 — *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М., 2001.
- Казем-Бек 1835 — *Казем-Бек А.К.* О взятии Астрахани в 1660 году. Казань, 1835.
- Калинин 1981 — *Калинин В.А.* Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами // Труды ГЭ. Л., 1981, т. 21.

- Каменский 1889 — [Каменский]. Астраханский Кафедральный Успенский собор: описание его и история. Астрахань, 1889.
- Карамзин 1817 — Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII. СПб., 1817.
- Карамзин 1992 — Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992.
- Карамзин 1993 — Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993.
- Карамзин 1998 — Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1998.
- Каргалов 1980 — Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980.
- Кармышева 1971 — Кармышева Б.Х. Таджикско-узбекский народный географический термин *вилаят* // Этнография имен. М., 1971.
- Карнович 1896 — Карнович Е.П. Покорение царства Астраханского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань, 1896.
- Каталог 1891 — Каталог Астраханской общественной библиотеки. Астрахань, 1891.
- Каталог 1960 — Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Т. I. Сталинабад, 1960.
- Каталог 1988 — Каталог фонда Института рукописей им. Х.С.Сулейманова АН Узбекской ССР. Т. II. Таш., 1988.
- Каштанов 1967 — Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.
- Каштанов 1970 — Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI века (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Сборник IV. Казань, 1970 (УЗ КГПИ, вып. 80).
- Кидырниязов 1996 — Кидырниязов Д.С. Роль ногайцев во взаимоотношениях России с Османской империей и Крымом в XVI веке // Новые исследования дагестанских историков. Материалы научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательской деятельности Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН за 1990–1995 гг. Махачкала, 1996.
- Клосс, Назаров 1984 — Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV столетия // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.
- Ключевский 1957 — Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1957.
- Кляшторный, Султанов 1992 — Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992.
- Кляшторный, Султанов 2000 — Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.
- Кобеко 1901 — Кобеко Д. Михаил Арасланович Кайбулин, царевич Астраханский // ЗВОРАО. 1901, т. 13, вып. 4 (1900 г.).
- Коломинский 1913 — Коломинский С. Торговля солью на Руси в XVI–XVII вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени // Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира. Вып. I. Киев, 1913.
- Кочкаев 1988 — Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.

- Крымский 1996 — Крымский А. История Туреччины. Звідки почалася Османська держава, як вона зростала й розвивалася і як досягла апогею своєї слави й могутності. Київ–Львів, 1996.
- Куделин 1980 — Куделин В.Б. Поэзия Юнуса Эмре: К вопросу о гуманизме в литературе средних веков. М., 1980.
- Кузеев, Мухамедьяров 1990 — Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф. Этногенез и этнокультурные связи народов Поволжья и Приуралья: проблемы и задачи // СТ. 1990, № 2.
- Кузнецов 1997 — Кузнецов А.Б. Россия и Ногайская Орда в 30-х гг. XVI в. // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1997.
- Кучин 1865 — Кучин Я. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865.
- Кучкин 1991 — Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
- Кучкин 1996 — Кучкин В.А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А.Баскакову: Н.А.Баскакову от коллег и учеников. М., 1996.
- Кушева 1963 — Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.
- Лашков 1889 — Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. IV. Одесса, 1889.
- Лашков 1895 — Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895, № 23.
- Лебедев, Клоков 2002 — Лебедев В.П., Клоков В.Б. Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Ч. II. Казань, 2002.
- Ленхофф, Мартин 1993 — Ленхофф Г.Д., Мартин Дж.Б. Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. 1993, т. 47.
- Лэн-Пуль 1899 — Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями. Перевел с англ. с примеч. и доп. В.Бартольд. СПб., 1899.
- Любарский 1848 — Любарский Платон. Иерархии Вятская и Астраханская. М., 1848.
- Макаренко 1997 — Макаренко Ю.А. Астрахань — три города в одном // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 1997.
- Макаров 1981 — Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI — XVII в. Учебное пособие. Чебоксары, 1981.
- Малиновский 1890 — Кремль Астраханский (Свод некоторых данных о начале Астраханского кремля, краткий очерк его истории и современного состояния). Читано в Общем собрании Петровского общества 2 января 1890 г. действительным членом К.Н.Малиновским. Астрахань, 1890 (отд. отт.).
- Малов 1953 — Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. М., 1953.
- Мальбахов, Дзамихов 1996 — Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI — кон. XVIII в.). Нальчик, 1996.

Манылов, Юсупов 1982 — *Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю.* Караван-сарай Центрального Устюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. 1982, № 1.

Махмудов 1991 — *Махмудов Я.* Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (вторая половина XV — начало XVII века). Баку, 1991.

Мендикулов 1987 — *Мендикулов М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. А.-А., 1987.

Мифтахов 1998 — *Мифтахов З.З.* Курс лекций по истории татарского народа. Казань, 1998.

Михайлов 1800 — *Михайлов И.* Храм славы... М., 1800.

Михайлов 1851 — *Михайлов И.* Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб., 1851.

Морозов 1996 — *Забитые страницы востоковедения* // Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов. Составитель Д.А. Морозов. М., 1996.

Мухамедьяров 1958 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.

Мухамедьяров 2002 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* Астраханское ханство // Очерки распространения исламской цивилизации. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и каирского аббасидского халифата (середина XIII — середина XVI в.). М., 2002.

Насонов 1940 — *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (История монгольской политики на Руси). М.-Л., 1940.

Небольсин 1852 — *Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852.

Нейдегарт 1862 — *Нейдегарт П.П.* Путеводитель по Волге. СПб., 1862.

Некрасов 1990 — *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990.

Некрасов 1997 — *Некрасов А.М.* О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии XV–XVI вв. // Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 4–5. М., 1997.

Нестеров 1988 — *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история. АКД. М., 1988.

Нестеров 2001 — *Нестеров А.Г.* Монеты сибирских Шейбанидов // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань, 2001.

Низаметдинова 1992 — *Низаметдинова С.* Сколько лет тебе, Астрахань? // Идел (Газета Астраханского областного общества татарской национальной культуры «Дуслык»). Астрахань, 1992, № 8–13.

Никанор 1909 — *Краткая история Казанского ханства* // Казанский сборник статей Архиепископа Никанора (Каменского). Казань, 1909.

О происхождении 1813 — *О происхождении имени Астрахань* // Восточные известия. Астрахань, 1813, № 2.

Озерецковский 1804 — *Озерецковский Н.* Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.

Оранский 1979 — *Оранский И.М.* О терминах «vilayat», «vilayati» в Средней Азии и сопредельных странах // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник-1973. М., 1979.

Османская 1984 — *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений.* М., 1984.

Остапчук 2002 — *Остапчук В.* Хроника Реммалы Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Очерки 1956 — *Очерки по истории Башкирской АССР.* Уфа, 1956.

Очерки 1974 — *Очерки по истории Волгоградского края.* Волгоград, 1974.

Очерки 1986 — *Очерки истории Ставропольского края. Т. I (С древнейших времен до 1917 года).* Ставрополь, 1986.

Паксой 1994 — *Паксой Х.Б.* «Чура-Батыр»: предостережение татар будущим поколениям // Идель. 1994, № 9–10.

Пальмов 1930 — *Пальмов Н.* К вопросу об исследовании Астраханского края // Новый Восток. М., 1930, кн. 28.

Пальмов 1934 — *Пальмов Н.Н.* Астраханские архивы (образцы материалов о национальностях) // Записки ИВ АН. Л., 1934, вып. II, кн. 4.

Пантин 1994 — *Пантин В.И.* Русь и тюркские государства Поволжья: взаимоотношения природы и общества // Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 2. Материалы 2-й научной конференции «Человек и природа — проблемы социоестественной истории». М., 1994.

Панченко 1984 — *Панченко А.М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.

Пахомов 1940 — *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.

Пачкалов 2001 — *Пачкалов А.В.* К вопросу об интерпретации эпитета аль-Джедид (по материалам городов Улуса Джучи) // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород, 2001.

Перетяткович 1877 — *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

Пирлинг 1892 — *Пирлинг П.* Россия и Восток. СПб., 1892.

Плюханова 1995 — *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Покровский 1897 — *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. I (XVI–XVII вв.). Казань, 1897.

Полосин 1963 — *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сборник статей. М., 1963.

Полубояринова 1978 — *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Полубояринова 1978а — *Полубояринова М.Д.* Иконка из Астрахани // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Поляков 1973 — *Поляков С.П.* Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973.

Потанин 1892 — *Потанин Г.* Дочь моря в степном эпосе // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1892, № 1.

Похлебкин 1999 — *Похлебкин В.В.* Все ханы Золотой Орды. 1236–1481. Хронологическая таблица (история исследования). М., 1999.

Пятницкий 1928 — *Пятницкий Вл.* К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе // Публичная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Сборник I. М., 1928.

Рагозин 1880 — Рагозин В. Волга. Т. I. СПб., 1880.

Реза 1996 — Реза Энayetалла. Астарахан // Дазрат ол-моареф-э бозорг-э эслами. Т. I. Тегеран, 1996 (на перс. яз., араб. шрифт).

Рогожин 1994 — Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVI в. М., 1994.

Рыбаков 1974 — Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974.

Рыбушкин 1841 — Рыбушкин М. Записки об Астрахани. М., 1841.

Рыков 1936 — Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.

Рычков 1767 — Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767.

Рычков 1774 — Рычков П.И. Введение к астраханской топографии... М., 1774.

Рычков 1999 — Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.

Саввинский 1903 — Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903.

Салихов 2001 — Салихов А.Г. Научная деятельность А.Валидова в России. Уфа, 2001.

Сафаргалиев 1952 — Сафаргалиев М.Г. Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт им. Полежаева. Сборник статей преподавателей института. Саранск, 1952.

Сафаргалиев 1996 — Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.

Семенов 1912 — Семенов А.А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качества и значение некоторых благородных камней и минералов // МИ. 1912, т. I, № 3.

Семенов 1954 — Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад, 1954.

Семенов 1954а — Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад, 1954.

Семенов 1980 — Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.

СИЭ 1961 — Советская историческая энциклопедия. Т. I. М., 1961.

Смирнов 1887 — Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов 1887а — Протоколы заседаний Восточного отделения имп. РАО 8 апреля 1885 г. (Смирнов В.Д. Толкование слова *الجزيرة* // ЗВОРАО. 1887, т. I).

Смирнов 1913 — Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. 1913. Вып. 50.

Смирнов 1923 — Смирнов В.Д. Что такое Тмутаракань? // ВВ. 1923, т. 23 (1917–1922 гг.).

Смирнов 1948 — Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // ИЗ. 1948, т. 27.

Смирнов 1946 — Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. I (XVI в.). М., 1946 (УЗ МГУ, вып. 94).

Снесарев 1972 — Снесарев Г.П. «Дети святых»: Из записок этнографа // Наука и религия. 1972, № 2.

Снесарев 1983 — Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.

Собрание 1957 — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. IV. Таш., 1957.

Собрание 1963 — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. V. Таш., 1963.

Собрание 1963а — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. VI. Таш., 1963.

Собрание 1964 — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. VII. Таш., 1964.

Собрание 1975 — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. X. Таш., 1975.

Соколов 1845 — Соколов А.П. Астрахань в ее прошлом и настоящем // Журнал МВД. 1845, ч. 12. СПб., 1845.

Соловьев 1960 — Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III (тома 5–6). М., 1960.

Соловьев 1960а — Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV (тома 7–8). М., 1960.

Спицын 1895 — Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А.Спицына летом 1893 года на Жареный бутор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчеты Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895.

Стеблева 1996 — Стеблева И.В. Армяно-турецкие мифологические параллели // 90 лет Н.А.Баскакову: Н.А.Баскакову от коллег и учеников. М., 1996.

Степанов 1939 — Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // УЗ ЛГУ. 1939, № 48 (Серия исторических наук. Вып. 5).

Степанов 1970 — Степанов И.В. Астраханское ханство // БСЭ. 3-е изд. Т. 2. М., 1970.

Степи Евразии 1991 — Степи Евразии. Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. Т. XXXV. Л., 1991.

Стори 1972 — Стори Ч.А. Персидская литература: био-библиографический обзор. Ч. 1–2. М., 1972.

Султанов 1982 — Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

Султанов 1986 — Султанов Т.И. О невольниках в Казахском ханстве в XV–XVII вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

Султанов 1993 — Султанов Т.И. Правители первого Казахского государства (1470–1718). Алматы, 1993.

Сумин 1997 — Сумин А.Ю. Хаджи-Тархан (историко-археологический очерк) // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 1997.

Суперанская, Исаева, Исакова 1995 — Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исакова Х.Ф. Топонимия Крыма. Ч. I. Введение в топонимию Крыма. М., 1995.

Сыроечковский 1940 — Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. Вып. 61. История. 1940, т. 2.

Татищев 1966 — Татищев В.Н. История Российская. Т. VI. М.–Л., 1966.

Татищев 1979 — Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Татищев 1996 — «Мнение» тайного советника Василия Татищева // ГА. 1996, № 1/2.

Терещенко 1853 — Терещенко А.В. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства // УЗ Имп. АН по I и III отделениям. СПб., 1853, т. II, вып. 1.

Тихомиров 1962 — Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тоган 1998 — Тоган З.В. Ошибочное направление, проявившееся в международной инициативе относительно истории тюркских народов // Байкара Т. Заки Валиди Тоган. Уфа, 1998.

Токмаков 1887 — Токмаков И. Указатель материалов по археографии и статистике Астраханской губернии. Вып. I. Астрахань, 1887.

Трепавлов 1993 — Трепавлов В.В. Нурадины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993.

Трепавлов 1993а — Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов 1993б — Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI веках // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993.

Трепавлов 1995 — Трепавлов В.В. Ногайская государственность: особенности генезиса, функционирования и кризиса // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общности в полиэтническом регионе»). Ч. 1. Астрахань, 1995.

Трепавлов 1997 — Трепавлов В.В. Волга в культурной традиции народов Восточной Европы // Этнографическое обозрение. М., 1997, № 6 (отд. отт.).

Трепавлов 1997а — Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997 (Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана, № 2).

Трепавлов 1997б — Трепавлов В.В. Ногайская Орда и Московское царство: подданство или протекторат? // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 1997.

Трепавлов 1997в — Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском Юрте третий государь» // Татарica: Звездный час татарской истории. № I, зима 1997/1998. Казань, 1997.

Трепавлов 1998 — Трепавлов В.В. Ногаи в Юго-Восточной Европе // Славяне и их соседи. Тезисы 17-й конференции. Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время. М., 1998.

Трепавлов 1998а — Трепавлов В.В. Или Ногайской Орды (племенные объединения кипчаков позднего Средневековья) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998.

Трепавлов 2000 — Трепавлов В.В. Бий мангытов, коронованный chief: Вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Трепавлов 2001 — Трепавлов В.В. Генеалогические легенды в Дешт-и Кипчаке XV–XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2001.

Трепавлов 2001а — Трепавлов В.В. Ногайские батыры в походе и в бою // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань, 2001.

Трепавлов 2001б — Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Тушин 1978 — Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.

Урманчеев 1979 — Урманчеев Ф. Татарско-башкирское сказание о Туляке // СТ. 1979, № 6.

Усманов 1969 — Усманов М.А. Источники книги Ш.Марджани «Мустафад алахбар фи ахвали Казан ва Булгар», ч. 1, Казань, 1885 // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III. Казань, 1969.

Усманов 1972 — Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов 1979 — Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усманов 1985 — Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVII веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Фанзов 1994 — Фанзов С.Ф. Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси–России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994, № 3.

Фанзов 1999 — Фанзов С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII–XX вв. Очерк истории. М., 1999.

Фалев 1918 — Фалев П.А. Ногайская сказка об Ак-Кёбёк'е // Сборник Музея антропологии и этнографии имени имп. Петра Великого при РАН. Т. V, вып. 1. Пг., 1918.

Фахретдин 1996 — Фахретдин Р. Алтын Урда ханлары // Ханы Золотой Орды. Казань, 1996.

Фахрутдинов 1992 — Фахрутдинов Р. Золотая Орда и образование Астраханского ханства // Идел (Газета Астраханского областного общества татарской национальной культуры «Дуслык»). Астрахань, 1992, № 21(32)–23(34), 25(36), 26(37).

Федоров-Давыдов 1960 — Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.

Федоров-Давыдов 1974 — Федоров-Давыдов Г.А. Три средневековых нижеволжских города // ВИ. 1974, № 3.

Федоров-Давыдов 1994 — Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов 1998 — Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Сборник. Вып. I. Йошкар-Ола, 1998.

Федоров-Давыдов 1998а — Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина. М., 1998.

Фирсов 1898 — Фирсов Н.Н. Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья (с древнейших времен до осмотра этого края императрицей Екатериной II-ой). Казань, 1898.

Фирсов 1920 — Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1920.

Флоря 2001 — Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.

Фукс, Кунин 1858 — Фукс В., Кунин М. Путеводитель. Общие обозрения по пути от Москвы через Ярославль вниз по Волге. Ч. V. СПб., 1858.

Хаджитархани 1907 — Джиханих б. Абд ал-Джаббар ал-Нижгарути ал-Хаджитархани. Тарих-и Астархан. Астрахань, 1907 (араб. шрифт).

Хайретдинов 2002 — *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Нижний Новгород, 2002.

Харисов 1973 — *Харисов А.И.* Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX вв.). Уфа, 1973.

Хафизов 1997 — *Хафизов Г.Г.* Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. АКД. Казань, 1997.

Хисамитдинова 1988 — *Хисамитдинова Ф.Г.* Термины иранского происхождения в демонологии башкир // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной конференции востоковедов (Душанбе, 16–18 мая 1988 г.). Т. II. М., 1988.

Хисамова 1981 — *Хисамова Ф.М.* XVIII йөздөгө татарча өш көгәзьләренң тел үзенчәлекләре: Е.М.Пугачев житақчелегендөгө крестьяниар сугышына кагылышлы материаллар буенча. Казан, 1981.

Хозяйственное описание 1809 — *Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний.* СПб., 1809.

Хорошкевич 1973 — *Хорошкевич А.Л.* Итальянская хроника XV в. о Казани // Из истории Татарии. Сб. V. Казань, 1973 (УЗ КПИ, вып. 116).

Худяков 1991 — *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства (воспроизведение текста первого издания 1923 года). М., 1991.

Хусаинов 1996 — *Хусаинов Г.Б.* Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа, 1996.

Чекалин 1889 — *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды СУАК. Саратов, 1889, т. II, вып. 1.

Чекалин 1890 — *Чекалин Ф.Ф.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды СУАК. Саратов, 1890, т. II, вып. 2.

Чекалин 1892 — *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892.

Черкасов — [*Черкасов И.*] Исторический взгляд на древнее состояние Астраханского края (отд. отт. из Астраханских губернских ведомостей № 37–39). [Б.м., б.г.].

Чернышев 1971 — *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971 (Археология и этнография Татарии. Вып. 1).

Чхао 1995 — *Чхао Чу-Ченг.* Распад Монгольской империи: основные причины (опыт анализа источников и научной литературы). АКД. Казань, 1995.

Шайхиев 1985 — *Шайхиев Р.А.* Роль мусульманского духовенства в жизни татарского общества в XVII–XIX веках // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Шайхиев 1990 — *Шайхиев Р.А.* Татарская народно-краеведческая литература XIX–XX вв. Казань, 1990.

Шапшал 1953 — *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. М., 1953.

Шарапова 1975 — *Шарапова З.М.* Торговые связи Золотой Орды в XIV–XV вв. // Историко-краеведческие записки. Вып. III. Волгоград, 1975.

Широкорад 2000 — *Широкорад А.Б.* Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. Минск–Москва, 2000.

Шишкин 1891 — *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891.

Шмелев 1992 — *Шмелев А.С.* Русско-дагестанско-османский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992.

Шмидт 1961 — *Шмидт С.О.* Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А.А.Новосельского. М., 1961.

Шмидт 1963 — *Шмидт С.О.* «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII — начала XVIII в. // Труды МГИАИ. 1963, т. 17.

Шнайдштейн 1970 — *Шнайдштейн Е.В.* Раскопки средневековых памятников в дельте Волги // Археологические открытия 1969 года. М., 1970.

Шнайдштейн 1975 — *Шнайдштейн Е.В.* Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX–XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар. АКД. Л., 1975.

Шнайдштейн 1979 — *Шнайдштейн Е.В.* Новые средневековые памятники в дельте Волги // Труды Куйбышевского государственного педагогического института. Т. 230. 1979.

Шнайдштейн 1989 — *Шнайдштейн Е.В.* Исторический комментарий к поэме В.Хлебникова «Хаджи-Тархан» // Тезисы к краеведческой конференции (секция литературного краеведения). Материалы конференции по литературному краеведению. Астрахань, 1989.

Шнайдштейн 1989а — *Шнайдштейн Е.В.* О происхождении астраханских татар // Материалы II Краеведческой конференции. Астрахань, 1989.

Шнайдштейн 1995 — *Шнайдштейн Е.В.* Раскопки Хаджитархана // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»). Астрахань, 1995.

Шнайдштейн 1996 — *Шнайдштейн Е.В.* О давнем прошлом Астраханского края // Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996.

Шнайдштейн 1997 — *Шнайдштейн Е.В.* История изучения средневековой Астрахани // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 1997.

Шпаковский 1915 — *Шпаковский А.Я.* Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII вв. // Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира. Вып. VII. Киев, 1915.

Штылько 1896 — *Штылько А.* Волжско-Каспийское судоходство в старину. СПб., 1896 (отд. отт. из журн. «Русское судоходство»).

Штылько 1898 — *Штылько А.* Астраханская летопись. Исторические известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахань с 1554 по 1896 г. включительно. Астрахань, 1898.

Энциклопедический словарь 1890 — *Энциклопедический словарь.* Под ред. проф. И.Е.Андреевского. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. II. СПб., 1890.

Юзефович 1988 — *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988.

Юсупов 1981 — *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.

Юсупов 2006 — *Юсупов Ю.М.* «Хешдеки» Эалин Челеби // V Всероссийский съезд востоковедов. Кн. 2. Восток в исторических судьбах России. Уфа, 2006.

Юхт, Логачев 1958 — *Юхт А., Логачев А.* Астрахань (исторический очерк) // Астрахань: Литературно-художественный сборник. Астрахань, 1958.

Яблонский 1975 — *Яблонский Л.Т.* Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX (история). 1975, № 2.

Янина 1962 — Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV. М., 1962 (МИА. № 111).

- Arat 1940 — [R. Rahmeti Arat.] *Astirhan // İslâm Ansiklopedisi*. Cilt 1. İstanbul, 1940.
- Baranowski 1950 — *Baranowski B. Znajomość Wschodu w Dawnej Polsce do XVIII wieku*. Łódź, 1950.
- Baron 1991 — *Baron S.N. Shipbuilding and Seafaring in Sixteenth-Century Russia // Baron S.H. Explorations in Muscovite History*. Brookfield, 1991.
- Barthold 1987 — *Barthold W. Astrakhan // E.J.Brill's First Encyclopaedia of Islam*. 1913–1936. Vol. I. Leiden — New York — København — Köln, 1987.
- Bennigsen 1967 — *Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // CMRS*. P., 1967, vol. VIII, № 3.
- Bennigsen, Lemerrier-Quelquejey 1972 — *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey Ch. Le Khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des archives ottomanes // CMRS*. P., 1972, vol. XIII, № 3.
- Bennigsen, Lemerrier-Quelquejey 1976 — *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey Ch. La Moscovie, la Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques*. T. VIII/2. Paris–Strasbourg, 1976.
- Berindei, Veinstein 1976 — *Berindei M., Veinstein G. La Tana–Azaq. De la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe — milieu XVIe siècle) // Turcica. Revue d'études turques*. T. VIII/2. Paris–Strasbourg, 1976.
- Berkok 1958 — *Berkok İ. Tarihte Kafkasya*. İstanbul, 1958.
- Borawski 1977 — *Borawski P. Z dziejów kolonizacji tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim i w Polsce (XIV–XVII w.) // Przegląd Orientalistyczny*. Warszawa, 1977, № 4(104).
- Bregel 1982 — *Bregel Yu. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats according to Munis // Asian and African Studies (Journal of the Israel Oriental Society)*. Haifa, 1982, vol. 16.
- Brown 1994 — *Brown P. The Holdings of the Astrakhan's Regional State Archive // CMR*. P., 1994, vol. XXXV (4).
- Burton 1988 — *Burton J.A. Who were the First Ashtarkhanid Rulers of Bukhara? // BSOAS*. 1988, vol. LI, pt. 3.
- Carmichael 1986 — *Carmichael A.G. Plague and the Poor in Renaissance Florence*. Cambridge, 1986.
- Catalogo 1989 — *Catalogo dei manoscritti persiani conservati nelle biblioteche d'Italia*. Roma, 1989.
- Cevdet 1889 — *Cevdet Paşa. Kırım ve Kafkas Tarihçesi*. Qustantiniya (İstanbul), 1307 (1889–90; араб. шриф.).
- Cevdet 1983 — *Cevdet Paşa Ahmet. Tarih-i Cevdet*. Cild I. Ankara, 1983.
- d'Encausse 1970 — *d'Encausse Carrère H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan d'après les registres des «Affaires Importantes» des archives ottomanes // CMRS*. 1970, vol. XI, № 3 (juillet–septembre).
- Esin 1989 — *Esin E. Hanlar Ulaki (The Succession of the Kings). On the Illustrated Genealogy, with Uygur Inscriptions, of Mongol and Timürid Dynasties, at the Topkapı Library // Gedanke und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburtstag von Nicolaus Poppe*. Wiesbaden, 1989.

- Ethe 1903 — *Ethe Herman. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of India Office*. Vol. I. Oxf., 1903.
- Flügel 1865 — *Flügel G. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlich Hofbibliothek zu Wien*. Bd. I. Wien, 1865.
- Frank 2001 — *Frank, Allen J. Muslim Sacred History and the 1905 Revolution in a Sufi History of Astrakhan // Studies on Honor of Yuri Bregel*. Ed. by Devin DeWeese. Bloomington, 2001.
- Garbacik 1948 — *Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk*. Kraków, 1948.
- Gemil 1972 — *Gemil T. Din Relațiile Moldo-Otomane în Primul Sfert al Secolului al XVI-lea (Pe Marginea a Două Documente din Arhivele de la Istanbul) // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie "A.D.Xenopol"*. Iași, 1972, IX.
- Gibb, Davies 1987 — *Gibb H.A.R., Davies C.C. Nā'ib // E.J.Brill's First Encyclopaedia of Islam*. 1913–1936. Vol. VI. Leiden — New York — København — Köln, 1987.
- Golden 1991 — *Golden P.B. Východ: Aspects of Medieval Eastern Slavic-Altaic Culturo-Linguistic Relations // AEMA*. 1987–1991. Vol. VII. 1991.
- Gökbilgin 1970 — *Gökbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray ler Khan de Crimée (1532–1551) à Istanbul, Paris et Leningrad // CMRS*. 1970, vol. XI (3).
- Gökbilgin 1970a — *Gökbilgin Ö. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // CMRS*. 1970, vol. XI (1).
- Gökçe 1979 — *Gökçe C. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti*. İstanbul, 1979.
- Gökyay 1968 — *Gökyay O.Ş. Hannâme // Necati Lugal Armağanı*. Ankara, 1968.
- Gölpınarlı 1961 — *Gölpınarlı A. Yunus Emre ve Tasavvuf*. İstanbul, 1961.
- Gülensoy 2002 — *Gülensoy T. Ötemiş Hacı'nın Çingiznâme Adlı Eserinin Türk Kültür ve Siyasal Tarihi Yönleriyle Değerlendirilmesi // XIV. Türk Tarih Kongresi. Bildiri Özetleri*. Ankara, 2002.
- Halperin 1985 — *Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985.
- Hammer 1840 — *Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland*. Pesth, 1840.
- Hartog 1996 — *Hartog Leo de. Russia and the Mongol Yoke. 1221–1502*. L.–N. Y., 1996.
- Heyd 1868 — *Heyd G. La Colonie Commerciale degli Italiani in Oriente nel Medio Evo*. Vol. II. Venezia, 1868.
- Hofman 1969 — *Hofman H.F. Turkish Literature. A Bio-Bibliographical Survey*. Section III, pt. I, vol. 4–6. Utrecht, 1969.
- Hofman 1969a — *Hofman H.F. Turkish Literature. A Bio-Bibliographical Survey*. Section III, pt. I, vol. 1–3. Utrecht, 1969.
- Hommaire de Hell 1844 — *Hommaire de Hell X. Les Steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie Méridionale*. T. III. P., 1844.
- Howorth 1880 — *Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Pt. II, Division I. L., 1880.
- Hrbek 1962 — *Hrbek I. The Chronology of Ibn Battuta's Travels // Archiv Orientalní*. Praha, 1962, t. 30/3.
- Huttenbach 1974 — *Huttenbach H.R. The Origins of Russian Imperialism // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution*. Ed. by T.Hunczak. New Brunswick, 1974.
- Huttenbach 1988 — *Huttenbach H.R. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–1556. The Conquest of the Volga: Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion to 1917*. London — New York, 1988.

Inalcık 1948 — *Inalcık H.* Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569) // Belleten. Türk Tarih Kurumu. Cilt 12, Sayı 46. Ankara, 1948.

Inalcık 1980 — *Inalcık H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Eucharisterion: Essays Presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students Harvard, 1979–1980 (Harvard Ukrainian Studies. Vol. III/IV).

Inalcık 1986 — *Inalcık H.* Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature // *Passé Turco-Tatar, Présent Soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen. Turco-Tatar Past, Soviet Present. Studies Presented to Alexandre Bennigsen. P., 1986.*

Inan 1963 — *Inan A.* Evliya Çelebi'nin «Heşdek»leri hangi ulus? // Türk Kültürü. 1963, I, 3.

Inan 1998 — *Inan Abdülkadir.* Makaleler ve İncelemeler. II Cilt. Ankara, 1998.

Ischboldin 1963 — *Ischboldin B.* Essays on Tatar History. New Delhi, 1963.

Iskhakov 1997 — *Iskhakov D.M.* "Chora Batyr": Problems of Personality and Its Place in the Hierarchy of Turkic-Tatar Societies // *Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Abstracts of the Papers of CIS Scholars for the 35th ICANAS (Budapest, Jul. 7–12, 1997). Vol. 1. Moscow, 1997.*

Ivanics 1975 — *Ivanics M.* Formal and Linguistic Peculiarities of the 17th Century Crimean Tatar Letters Addressed to Princes of Transylvania // *AO. 1975, t. 29 (2).*

Ivanics 1975–76 — *Ivanics M.* Két Krimi-Tatár Oklevél Bethlen Gáborhoz // *Nyelvészeti Dolgozatok. Kiadja a József Atilla Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kara. Szeged, 1975–1976, 145.*

Ivanics 1981 — *Ivanics M.* Macaristan'daki Kırım Tatarlarına Ait Vesikalar. Ankara, 1981 (VIII. Türk Tarih Kongresi II. Cilt'den Ayrışım).

Ivanics 1994 — *Ivanics M.* Entstehung und Quellenwert der krimtatarischen *tiyış defters* // *AO. 1994, t. 47 (1–2).*

Jorga 1909 — *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2 (bis 1538). Gotha, 1909.

Kafalı 1976 — *Kafalı M.* Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.

Karatay 1961 — *Karatay F.E.* Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Türkçe Yazmalar Kataloğu. Cilt II. Filoloji, Edebiyat, Mecmualar. İstanbul, 1961.

Kazemzadeh 1974 — *Kazemzadeh F.* Russian Penetration of the Caucasus // *Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. Ed. by T.Hunczak. New Brunswick, 1974.*

Kefeli 1933 — *Kefeli İbrâhîm ibn 'Alî.* Tevârîh-i Tatar Hân ve Tagistân ve Mosku ve Deşt-i Kıpçak... Pazarçık, 1933 (араб. шрифт).

Kellner-Heinkele 2001 — *Kellner-Heinkele B.* A Chinggisid and Ottoman: Halim Gery Sultan // *Altaica. V. M., 2001.*

Kırzioğlu 1998 — *Kırzioğlu F.* Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara, 1998.

Koloğlu 1971 — *Koloğlu O.* Le Turc dans la presse française (dès débuts jusqu'à 1815). Beyrouth, 1971.

Koneczny 1927 — *Koneczny F.* Sprawy z Mengli-Girejem 1473–1504 // *Ateneum Wileńskie. Wilno, 1927, rok IV, zeszyt 12.*

Kortepeter 1972 — *Kortepeter C.M.* Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. New York — London, 1972.

Kurat 1954 — *Kurat A.N.* Kazan Hanlığı (1437–1556) // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Eylül-Aralık 1954. Ankara, 1954, cilt XII, sayı 3–4.*

Kurat 1961 — *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // *The Slavonic and East European Review. L., 1961, vol. 40, № 94, December 1961.*

Kurat 1972 — *Kurat A.N.* IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972.

Kurat 1993 — *Kurat A.N.* Rusya Tarihi. Ankara, 1993.

Lambton 1963 — *Lambton A.K.B.* The Office of Kalântar under the Safawids and Afshars // *Mélanges d'orientalisme offerts à Henry Massé à l'occasion de son 75ème anniversaire. Téhéran, 1963.*

Lemerrier-Quelquejay 1971 — *Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 // *CMRS. 1971, vol. XII, № 4.*

Lemerrier-Quelquejay 1972 — *Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572 d'après les documents des archives ottomanes // *CMRS. 1972, vol. XIII, № 4.*

Levend 1965 — *Levend A.S.* Ali Şir Nevai. Cilt I. Ankara, 1965.

Lopez 1938 — *Lopez R.* Storia delle Colonie Genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938.

Lopez 1975 — *Lopez R.* Su e Giù per la Storia di Genova. Genova, 1975.

Martin 1975 — *Martin J.* Les *Uşkujniki* de Novgorod: Marchands ou Pirates // *CMRS. 1971, vol. XVI, № 1.*

Martin 1995 — *Martin J.* Medieval Russia. 980–1584. Cambridge, 1995.

Matuz 1970 — *Matuz J.* Qalga // *Turcica. Revue d'études turques. T. II. P., 1970.*

Medieval 1955 — *Medieval Trade in the Mediterranean World. Illustrative Documents* Translated with Introductions and Notes by R.S.Lopez and I.W.Raymond. N. Y., 1955.

Mellinger 1991 — *Mellinger G.M.* The Silver Coins of the Golden Horde: 1310–1358 // *AEMA. Vol. 7. 1991.*

Ortekin 1938 — *Ortekin H.* Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938.

Ostapchuk 1987 — *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // *Turcica. Revue d'études turques. 19 (1987).*

Öztuna 1989 — *Öztuna Y.* İslâm Devletleri: Devletler ve Hanedar. Cilt I. Ankara, 1989.

Öztürk 2000 — *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara, 2000.

Pelenski 1974 — *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague — Paris, 1974.

Pelliot 1949 — *Œuvres Posthumes de Paul Pelliot. II: Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. P., 1949.*

Podhorodecki 1987 — *Podhorodecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki z Polska w XV–XVIII w. Warszawa, 1987.

Potocki 1959 — *Potocki J.* Podroże. Zebrał i opracował L.Kukulski. Warszawa, 1959.

Prochaska 1912 — *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów. I: Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 r. // *Przegląd Historyczny. Warszawa, 1912, t. XV, zeszyt 3.*

Rieu 1888 — *Rieu Ch.* Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum. L., 1888.

Rorlich 1986 — *Rorlich A.-A.* The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford, 1986.

Rorlich 1992 — *Rorlich A.-A.* The Volga Tatars: Modern Identities of the Golden Horde // *Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Vol. 2. Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions. Los Angeles, 1992.*

Saray 1994 — *Saray M.* The Hanate of Astrahan // A Short History of Turkish-Islamic States (Excluding the Ottoman Empire). Ankara, 1994.

Seferoğlu, Müderrisoğlu 1986 — *Seferoğlu S.K., Müderrisoğlu A.* Türk Devletleri Tarihi (Etnolojik Bir Deneme). Ankara, 1986.

Shamiloglu 1984 — *Shamiloglu U.* The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // AEMA. Vol. 4. 1984.

Spuler 1940 — *Spuler B.* Die Aussenpolitik der Goldenen Horde: Die Horde als Glied des osteuropäischen Staatensystems // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jahrgang 5. 1940.

Spuler 1960 — *Spuler B.* Astrakhan // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 1. Leiden-London, 1960.

Stählin 1921 — *Stählin K.* Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij. Lpz., 1921.

Tansel 1953 — *Tansel S.* Osmanlı Kaynaklarına göre Fatih Sultan Mehmed'in Siyasî ve Askerî Faaliyeti. Ankara, 1953.

Tardy 1982 — *Tardy J.* A Contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region // Chuvash Studies. Budapest, 1982.

Togan 1946 — *Togan A.Z.V.* Umumî Türk Tarihine Giriş. Cilt 1: En eski devirlerden 16 asra kadar. İstanbul, 1946.

Togan 1962 — *Togan A.Z.V.* The Composition of the History of the Mongols by Rashid ad-Din // CAJ. 1962, vol. VII/1.

Topkapı 1940 — Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi Kılavuzu. II. Fasikül. İstanbul, 1940.

Türkische Handschriften 1968 — Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. XIII, 1: Türkische Handschriften. Teil 1. beschrieben von Barbara Flemming. Wiesbaden, 1968.

Türkische Handschriften 1968a — Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. XIII, 2: Türkische Handschriften. Teil 2. beschrieben von Manfred Götz. Wiesbaden, 1968.

Türkiye 1984 — Türkiye Yazmaları Toplu Kataloğu. Antalya-Tekelioğlu. IV.07. İstanbul, 1984.

Validi 1927 — Ahmed Zaki Validi [Togan] Türkistan ve İdil havzasının medenî münasebetleri tarihinden // Yeni Türkistan. İstanbul, 1927, № 2-3 (араб. шрифты).

Vásáry 1982 — *Vásáry I.* The Institution of the Foster-brothers (emildāš and kökaldāš) in the Chingisid States // AO. 1982, t. 36.

Vásáry 1986 — *Vásáry I.* Az Arany Horda. Budapest, 1986.

Vásáry 1987 — *Vásáry I.* Az Arany Horda Kancelláriája. Budapest, 1987.

Vásáry 2002 — *Васары И.* Destruction of the Southern Section of the Great Volga Route by Timur in 1395/96 AD // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Ч. II. Казань, 2002.

Veinstein 1980 — *Veinstein G.* La population du Sud de la Crimée au début de la domination ottomane // Memorial Ömer Lütfi Barkan. P., 1980.

Veinstein 1992 — *Veinstein G.* Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1992, Bd. 82.

de Weese 1994 — *de Weese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.

Yapp 1970 — *Yapp M.E.* The Golden Horde and its Successors // The Cambridge History of Islam. Vol. 1. The Central Islamic Lands. Cambridge, 1970.

Yıldız 1981 — *Yıldız H.D.* Abbasiler'de Emirülümerâlığın Ortaya Çıkışı // Tarih Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1981, sayı X-XI (ayrı basım).

Zaitsev 1999 — *Zaitsev I.* Osmanlı İmparatorluğu ve Taht Eli: Siyasî Münasebetler (XV.-XVI. Yüzyıllar) // «OSMANLI». Cilt 1, bölüm 3. Ankara, 1999.

Zaitsev 2000 — *Zaitsev I.* The Title *Qalga* and the Continuity of Authority in the Dzhuchid States (XVth Century) // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. International Conference (Moscow, June 15-18, 2000). Abstracts. Moscow, 2000.

Zaitsev 2000a — *Zaitsev I.* Formation of Astrakhan Khanate // Russian Orientalists to the 36th ICANAS. Moscow, 2000.

Zaitsev 2000b — *Zaitsev I.* Astrakhan Khanate: the Political History and Diplomatic Relations in the XV-XVI Centuries // The 36th ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies). Book of Abstracts. Montreal, 2000.

Zaitsev 2001 — *Zaitsev I.V.* On the History of Book in the Jüchid Khānates // Manuscripta Orientalia. 2001, vol. 7, No. 1, March.

Zaitsev 2002 — *Zaitsev I.V.* Astrahan Hanlığı // Türkler. Cilt 8. Ankara, 2002.

Zajaczkowski 1950 — *Zajaczkowski W.* Contributions à la toponymie turque de la Crimée // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Zeki Velidi Toğan'a Armağan — Symbolae in Honorem Z.V.Togan. İstanbul, 1950-1955.

Zambaur 1955 — *Zambaur E. de.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Osnabrück, 1955.

Zawaliński 1938 — *Zawaliński E.* Polska w kronikach tureckich XV i XVI w. Stryj, 1938 (Collectanea Orientalia, № 14).

Абаш-улан («Афаш») 54
 Аббас, сефевидский шах 117, 160, 188
 Аббас Ходжа Муртаза 202
 Аббас-мирза 43
 Абд ал-Азиз 9
 Абд ал-Керим («Абдыл Керим», «Обдыл Керим», «Албугер») 32, 49, 51–56, 58, 59, 63–67, 69, 71–73, 77, 78, 126, 207
 Абд ар-Раззак Самарканди 211
 Абд ар-Рахман, крымский князь 78, 95, 101
 Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим («Аврагман», «Абдыл Рахман») 109, 117–121, 123, 125–128, 130–133, 136–138, 181
 Абд ар-Рахман б. Йусуф ал-Аксарайн 183
 Абд ул-вали, шейхзаде 48
 Абдаллах 17
 Абдаллах б. Аккубек (Кайбула) 139, 146, 157, 158, 168
 Абдаллах (Абдуллах) б. Ризван 236
 «Абдельгаер царевич» 111
 Абдула 70, 74
 Абдуррахман-и Тали 50
 «Абдал Губин» 112, 119
 «Аблез-Бакшей» (Абляз-бакши, Аблез-бакши) 55, 68, 69
 Аблен Салтан («Абли-Салтан», «Аблек-Салтан») 119, 126
 Абрамова Т.А. 204
 Абу Бекр-эфенди Кефевн (Абу Бекр-кальфа, Бекир-кальфа) 189
 Абу Наср Фарахи 186
 Абу Ханифа 184
 Аbugай 11, 112
 Абу-л-Гази 50, 51, 67, 238
 Абу-л-Фатх Мухаммад Шайбани см. Мухаммед Шайбани
 Абу-л-Хайр, мирза 111
 Абу-л-Хайр Руми 186
 Абу-л-Хайр Убайдаллах 36, 37, 43, 45, 50, 67, 135, 232
 Абу Саид см. Тахмурес

Абу-Сайид 15
 Абу-Сайид Джанибек б. Барак 43, 45, 73, 75, 99
 «Абша» 88
 Аванеш 67
 Аверьянов Ю.А. 6
 Авлеяр-мирза 81
 Авраамов Севастьян 132, 147, 148, 151, 157, 160, 165
 «Аврагман» см. Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим
 Агадай Бахадур 14
 Агиш (ширин) 72
 «Агмет-ага» (Ахмет) 148
 Агыш (Агиш), мирза 71, 91–93, 97, 99–101, 122, 124, 244
 Адашев А.Ф. 172
 Аджи Холн бий 100, 101
 Адик 99
 Адиль-Гирей б. Девлет-Гирей 177
 «Ази-Гирей» см. Хаджи-Гирей
 «Азика» см. Хаджике б. Мансур
 «Аз-Таракан» 20
 Айбек-хан (Алибек) 17
 Айбулат 139
 Айван б. Алач 122
 Айдар б. Хаджи-Гирей 76
 Айдаров Г.Н. 199
 Айдеяр 154
 «Ак-ата Хазрат» 194
 Акбар 241
 Акимушкин О.Ф. 211
 Аккубек б. Муртаза («Акобек царь») 109, 115–117, 127, 132, 138, 139, 141, 144, 148, 149, 151, 157, 158, 165
 Ак-мирза б. Юсуф 164
 Ак-молла см. «Ахмолна»
 Акрам-Баба 194
 Аксак-Тимур 23
 Аксантай 148
 Акша (Ахча), султан 88
 Алак (Алик) 109, 126

«Алакозя» (Аллах-ходжа) 70
 Алач б. Муса 122, 124
 «Албугер» см. Абд ал-Керим
 «Алей», астраханский князь 159
 Александр, посол 70
 Александр Македонский 75
 Александр II, великий князь литовский 65
 Александр II 237
 Александр III 237
 Александров И. 68
 Али, османский хронист 229
 Али, праведный халиф 185, 241
 Али ал-Ауди 186
 Али б. Юсуф мирза 137, 141, 164
 Алик см. Алак
 Алик (Али)-Гирей 109, 110
 Алим б. Ала ал-Дин ал-Ханафи 184
 Алишев С.Х. 32
 «Аллагул Омилдеш» 171
 Аллакул 89
 «Аллаяр» (Аувлеяр) см. Шейх-Аувлеяр б. Бахтияр
 Алп-Гирей 109
 Алтынчач 158
 Алча 125
 Алчагир-мирза («Ал-чагир мурза», «Чагир», «Алчагир», «Альсагир-хан») 70, 74, 75, 79, 80, 92, 117, 121–123, 129
 Альбрехт М. 211
 Амаль-Мухаммед 158
 Амаат 18, 19, 188
 «Амаат-Хамат хан» 18
 Аминеке (Имнат) 67
 «Амошеков Сей-Нашарк» 270
 Андреев О. 101, 102, 144
 Андреев Я.О. (Остафьев Я.) 144, 145
 Андрей Боголюбский 154
 ал-Анкари Х. 246
 Анна, дочь Яхшича 192
 Аннон (библ.) 147
 Анхноли 42
 Аньезе Б. 231
 Аппак 77, 79–81, 83
 Арабшах 135
 Араб-Шах 67
 Араслан-Али 157
 Арат Р.Р. 32, 51, 65
 «Ариолан Урус» 12
 Арслан-мирза 164, 173
 Арсланов Л.Ш. 10, 33, 37, 129, 194

«Артуган» см. Ертугана
 «Архипко» 169
 «Ас» 14
 Асан-мурза см. Хасан
 д'Асколи Эмиддио Дортелли 241
 «Астер-хан» 14
 «Астра-хан» 14
 Атилла 241
 «Атман-Дуван» (Осман?) 169, 170
 «Афаш» см. Абаш-улан
 Афрасиаб 240
 Ахмед III 241
 Ахмед (Ахмат, «Юхмат») б. Кучук-Мухаммед 25, 29, 32–34, 36–40, 42–46, 48, 50–55, 57, 58, 61, 63, 65–67, 70, 74, 76, 108, 115, 152, 178, 179, 205, 207
 Ахмед Ясеви 187
 Ахмедов Б.А. 37
 Ахмеров Г. (Ахмаров Г.Н.) 13, 14, 35, 37, 48, 89, 111
 Ахмет-Ала 71
 Ахмет-чауш 141, 148, 173
 Ахметзянов М. 75, 180
 «Ахмолна» (Ак-молла) 68, 69
 Ахсикенти Сайф ад-Дин 67
 Ахундов М.Ф. 193
 «Аши» 12
 Ашик-мирза 119
 ал-Аштар Малик б. ал-Харис 241
 Аштарханиды 13, 50, 51
 «Баба Тукла» 193
 Баба-Али бий 66–68, 181, 232
 Баба-Гирей б. Мухаммед-Гирей 90
 Баба см. Сайид-Ибрахим (Ибак) б. Хаджи-Мухаммед
 Баба-ших 70–72
 Бабиш-бий 244
 Багатырь (Багатыр-Сольтан) см. Бахадур б. Мухаммед-Гирей
 «Багатырь» см. Бахадур б. Ахмед
 Бадакул 67
 Бади ал-Джамал Бадке-биким («Бикей») 40, 178, 179
 ал-Батзани см. ал-Кардари
 Баибиче-царевна 139, 157
 Байгадыр 125
 Байер Г.З. 9, 200
 Байкова Н.Б. 13
 Байкул 107
 Бакай б. Аккубек 148

- Баки б. Хасан 118, 119, 123, 135
«Бакшей князь» 51
Барак-хан 9, 43, 73
Барбаро И. 24, 45, 47, 187, 215
Барбошин В.И. 160
Бартольд В.В. 9, 13, 26, 33, 240
Барятинский М.П. 188
Барятинской А. (Б.) Г. 152, 154
Баторий Стефан 133
Баттал-Таймас А. 243
Бату (Батый) 4, 9, 10, 15, 26, 36, 178, 194
«Батыр-хан» см. Бахадур б. Мухаммед-Гирей
Баус Ер. 182
Бахадур б. Ахмед («Багатырь»), султан 40, 55, 63, 64, 178, 207
Бахадур-хан 67
Бахадур б. Мухаммед-Гирей (Багатырь, «Багатырь», «Батыр-хан») 82, 90–93, 98, 99, 109, 135
Бахревский Е.В. 194
Бахтеяровы 199
Бахтияр б. Кучук-Мухаммед 55, 58
Бахтияр-мирза 50, 89, 95
Бахты-Гирей 91
Башйак-султан 36
Баязид II 45, 51–53, 64, 112, 205, 208, 232
Бебей (Бибей) 82
«Бегул» 168
Безобразов С. 177
Бейбарс I 15, 212
Бейгу 9, 14
«Бекбулат» 158
Бек-Кибал 23
Бекир-калыфа см. Абу Бекр-эфенди Кефени
Беклемишев И.Н. 60, 63, 70, 244
Бекташ-Гирей б. Менгли-Гирей 90
Белек-Булат 138, 139, 150, 151
Белль Дж. 190
Бельский М. 65, 72, 92
Бельский С.Ф. 123, 214
Бердибек 17
Бережков М. 68
Березин И.Н. 9
Беречинский (Веречинский) В.И. 120, 136
Бериндей М. 23
Берке 181
Беркок И. 61
Бертге-Делагард А. 241
Берючек князь 81
Бибей см. Убайдаллах
Бибей-Гирей 95, 96, 103
«Бигчура» 168, 169
Бидак 9, 10
«Бикэш Ай-Сылу» 194
Бинан 43, 232
Блэ В. 247
Блудов Б.С. 107
«Богатырь» князь 155
«Богатырь» царевич см. Бахадур б. Мухаммед-Гирей
Бокаччо Дж. 17
Борис, князь Волоцкий 60
Борисов В.П. 138
Борисов С. 47, 205
Ботеро Дж. 226, 239
Бровцын Н. 152
Брокгауз Ф.А. 19
Броневский М. 133
Бругман 215
Брун Ф. 19, 158
«Брунахо Батыр» 44
Бутдай-шамхал 158
Букей-хан 194
Булатов А.Б. 37
Бульбуль 66
Бураш-сеит 54
Бурдей Г.Д. 142, 148
Буреке 67
«Бури-бай» 194
Буссов К. 199
Бутаков Исеней, кадомский мирза 161
Бутурлин И.М. 117
Бушаков В. 238
Быков Ф.Ф. 121, 126
Бэррон С. 223
Бэрроу Х. 189
Вайнштейн Ж. 23
Ваккас б. Нур ад-Дин 43
Валидов А.З. см. Тоган А.З.В.
Вали-Мухаммад 117
дю Валь П. 248
Ваповский Б. 92, 115, 214
Варваровский Ю.Е. 30
Василий II Васильевич 38
Василий III Иванович 56, 59–61, 66, 70–73, 77, 78, 81–84, 93, 95, 98, 100–102, 104, 106, 110, 111, 114, 126, 130, 172, 224, 244
Васильев Д.Д. 6
Васильев И.Б. 33
Васильков К.Н. 10
Вашари И. 66, 243
Вейгелио К. 247
Вельяминов-Зернов В.В. 9, 45, 47, 48, 57, 58, 135
Веренин Л.Е. 8, 32, 41, 56, 133, 153, 243
Веречинский см. Беречинский
Вернадский Г.В. 35
Вешняков И.М. 152, 155, 160
Вид А. 231
де Виженер Блез 56, 239
де Виз Д. 188, 238
Викторин В.М. 10, 23, 33, 37, 129, 194
Виноградов А.В. 77
Висковатый И.М. 148
Вислый Мясоед 164
де Вит Фр. 247
Витовт, великий князь литовский 24
Витсен Н. 233
Владимир, князь 9
Вокшерин Ф. 160–162
Волков И.В. 7
Воробьев А.В. 16, 32
Вяземский А.И. 152–155, 222, 245
Габриеле 242
«Гаджи-ага», каландар 12
Гадло А. 20
Гази-Гирей II 113
Гази-Гирей б. Мухаммед-Гирей 90, 91, 95, 96
Гази Г. (Губайдуллин Г.С.) 10, 34, 121, 176, 221
ал-Газмини Надж ад-Дин 186
Галкин Л.Л. 196
де Галонифонтибус Иоанн 239
Гастальди Дж. 231
Гафур М. 234
Геммет (Уметь) б. Ахмед-Гирей 82, 89
Гене Г.Ф. 13
св. Георгий 16, 187
Герасимов А.А. 176, 187
Герасим, монах 214
Герберштейн С. 88, 90, 92–94, 213, 214, 231, 239
Гёкбильгин О. 119
Гёкче Дж. 43
Гёлпынарлы А. 187
ал-Гидждувани Маулана Камал ад-Дин Махмуд б. Шайх Али б. Имад ад-Дин 180
Гийас ад-Дин хан 29
Гийом, принц Оранжский 113
Гирей 93, 135, 174
Гирей б. Барак (Кирай б. Барак) 43, 73, 76
Глинская Елена 192
Гмелин С. 9, 12, 13, 168, 171
Годунов Б. 176
Голдшмидт Э.П. 27
Головин М.П. 152, 154, 160
Голохвастов Б. 89
Гончаров Е.Ю. 23, 196
Гордеев А.А. 149, 152, 170
Горский А.А. 32
Гоши К. 30
Гошаней (Кученей, Мария Темрюковна) 158
Греков И.Б. 32, 90
Григорьев А.П. 18, 20, 21, 39, 50
Григорьев В.В. 57, 58
Григорьев В.П. 20
Губайдуллин Г.С. см. Газиз Г.
Губин В.М. 244, 245
Губин Д.И. 112, 118–120, 122–126, 130
Губин Т. 85–88
Гузейров Р. 10, 211
Гулак Н.И. 193
«Гульханум» 194
Гулям-и Шади 66
Гундоров Д. 153, 155
Гундоров Н.Г. 160
Гурий, арх. 198
Давид (библ.) 147
Давыдов И. 130
Данияров К. 35
Данкертс Ю. 247
Дауд 193
Дашкович Евст. 106
Девлет б. Ахмед 179
Девлет Келдей 100, 244
Девлет-Бахты («Довлет-Бахты»), барын 72, 95, 98, 101
Девлет-Берди 29
Девлет-Гирей 135, 141, 149, 164, 169, 170, 174–177, 183, 235
Девлетек 89
Демезон 50

- Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар («Дервиш», «Дервешелей», «Друбиш-хан») 56, 107, 109, 126–128, 143, 144, 146, 149–152, 154, 159–170, 172, 174, 182, 192
- Дервиш-хан 28
- Дервиш-Хусейн 43
- Джаббаров Ж. см. Джиханшах б. Абд ал-Джаббар ал-Нижгарути ал-Хаджитархани
- Джавак-султан (Чувак) 36, 50
- Джалал ал-Дин б. Мухаммад ал-Имади 186
- «Джамбек» см. Джанибек б. Узбек
- Джан-Али (Джан-Гали) 111, 120, 137, 139, 157
- Джани 50
- Джанибек, Аштарханид 13
- Джанибек б. Барак см. Абу-Сайид Джанибек б. Барак
- Джанибек б. Махмуд («Зенебек», «Ченибек», «Яныбек») 51, 59, 66, 73–78, 82–84, 86–88, 94, 102, 126
- Джанибек б. Узбек («Джамбек») 12, 13, 17–20, 183
- Джаниды 117
- Джан-Мухаммед («Ян Магмет»), кунграт 130, 131, 159
- Джан-Мухаммед («Ян Магмет», «Ян Махмет»), мирза 59, 79, 80, 187
- Джан-Тимур («Янтимер») б. Дервиш-Али 164, 172
- Джевет-паша 96, 134
- Джелал ал-Дин б. Тохтамыш 28, 29
- Джем, султан 186
- Джемил Т. 83
- Дженкинсон А. 8, 183, 185, 188, 197, 215, 219, 221–225, 239, 243, 246
- «Джид-хаджи» 195
- Джиханшах б. Абд ал-Джаббар ал-Нижгарути ал-Хаджитархани (Джаббаров Ж.) 5, 192
- Джонсон Р. 211
- Джочи-Бука 67
- Джуманов Р. 8, 10, 25, 34
- Джучи 4, 14, 15, 23, 25, 26, 28, 30, 36, 49–51, 77, 89, 205, 219
- Джучиды 4, 26, 35, 66, 175
- Димишки Шамс ад-дин 237
- Дин-Ахмед («Тинехмат») 156, 158
- Дин-Суфи («Тенсубуй») б. Мансур 44
- Длугош 38
- Дмитриев С.В. 75
- Дмитрий (Путятин) 65
- Добродомов И.Г. 230, 231
- Долгорукий В.Т. 117
- Дон-Хуан Персидский см. Орудж-бек Байат
- Дорн Б. 230
- Дубман Э.Л. 216
- Дуван Тонабай см. Тонабай Дуван
- Дыдылдин Н. 126
- Ебага улан 208
- Евгаший 80
- Егоров В.Л. 10, 17, 35
- Едиге см. Эдиге
- Едигер см. Ядгар б. Касим
- Елизаров И.Ф. 78, 79
- Ельякши (Елюкши, Ульяния) 157, 166, 198
- Емгуват Азей, князь 159
- Емгурчий см. Ямгурчи б. Бирдибек
- Емельянов С. 160
- «Епъбодда» 128
- Ертутана («Артуган») 156
- Есин Э. 66
- Ефрон И.А. 19
- «Жанбыршы» 35
- Желобов Гр. 153
- Жердинский С. (Жедриков) 156
- «Жигит-хаджи» см. «Джил-хаджи»
- Жило П.В. 11, 15
- Жингуриши 171
- Жовер А. 47
- «Жукэтэй Ази Хазрят» 194
- Жэйю Ю. 247
- Заболотский А. 64
- Заболоцкий К. 53
- Загряжский Данила Д. 118
- Загряжский Дмитрий Д. 118
- Загряжский И. 164
- Загряжский Ф. 164
- «Зенахмат азей» (Джан Ахмед) 107
- Зенкевич М. 178
- Зимин А.А. 114
- Злоба 114, 116
- Злобин С.И. 108, 114
- Зудов З. 84, 85, 88, 94
- Зыков Ф.П. 5, 14
- Ибай 50
- Ибак, царевич 142
- Ибак-хан (Ибак) см. Сайид-Ибрахим б. Хаджи-Мухаммед
- Ибн Баттута 11–13, 184, 194, 201, 211, 230
- Ибн Вали Махмуд 26, 36, 236
- Ибн Фадлан 11
- Ибн Халдун 17–19, 21, 230, 237
- Ибрахим-паша 119
- Иван III Васильевич 38, 47–49, 51–53, 55, 57–61, 63–65, 69, 70, 98, 162, 205, 209, 210, 232, 244
- Иван IV Васильевич (Иван Грозный) 9, 34, 44, 56, 59, 73, 86, 113, 126–128, 130–132, 136, 139–145, 147, 149–151, 157, 158, 160–162, 164–166, 168, 171, 172, 181, 192, 196–198, 207, 216, 220, 225, 232, 234, 235
- Иван Борисович, князь Рузский 60
- Иванчик М. 6
- Иванов Д. 80, 81, 192, 215
- Иванов И.В. 33
- Иванов П.П. 33, 37, 56
- Ивашов М. 84
- «Идарь» см. Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед
- «Идешко Берчак князь» 95
- Идрим-хан 106
- Идиге см. Эдиге
- Идиге б. Ахмед 179
- Ижбердеев Р.И. 37
- Изидинова С.Р. 6
- «Изсен Кипчак» 123
- «Икэт Газиз Хазрят» 194
- Ильбарс 67
- Ильхам, хан казанский 51
- Иналджик Х. 77, 141–143
- Инан А. 238
- Иовий Павел 88, 89, 214, 224
- Иона, архимандрит 216
- «Ираклеш» («Куратклеш») 158, 159
- Иса, зять Узбека 19
- «Исень Бахты» 59
- Исин А.И. 75
- Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей 90, 96, 104–106, 109, 114, 115, 118–120, 123, 134, 135, 158, 166, 233, 235
- Исмаил, мирза 118, 124, 126, 128, 129, 139, 141, 142, 144, 145, 148–150, 152, 154, 157, 158, 163–165, 168–170, 198, 214, 239, 243
- «Истемир Салтан» см. Оттимур б. Муртаза
- Исхаков Д.М. 37, 50, 88, 163, 180
- Ишболдин Б. 48, 110, 117, 142, 152
- Ишболду 117
- Ишим 126, 131, 132, 143, 147, 159, 160
- Йадгар 67
- Йасар Фаррух 179
- Йезди Шараф ал-Дин 22
- Каганбек 135
- Кадыр-Али-бек 9, 25, 58, 179, 238
- Кадырбаев А.Ш. 6
- Кадыр-Берди 109
- Казакова Н.А. 60
- Казбулат б. Девлет-Гирей 164
- Каземзаде Ф. 139
- Казимир Ягеллончик 38, 44, 54
- Казмирский М. 46, 47
- «Казимир» 207
- Казы-мирза 148, 164
- (Казы-)Хан-мирза 88
- Кайбула см. Абдаллах б. Аккубек
- Кайбула, князь 130, 132
- «Календер Гаджи Ага» 12
- Калинин В.А. 162
- ал-Калкашанди 88, 201, 239
- Калькамань см. Халкоман, посол
- Кальвино И. 229
- Камал Феодорит 84
- «Камбаев Янкура» 220
- Каменевич-Рвовский Т. 20, 21
- «Канай» 221
- Кандза (Хандза), дочь Сейид-Ахмеда 156
- Каннингхэм Дж.С. 239
- Каньдаза (Кандаса, «Нандиса», Гандза, «Нандуса»), дочь крым-шавкала 156, 166
- Кара 158
- Карагуш бинг Махмуд 51
- Кара-Дауд 193
- Карамзин Н.М. 11, 48, 51
- Карачини-Бахадур 43
- Кара-Чура 73–75, 77
- Каргалов В.В. 57
- ал-Карлари (Курдури, Ибн ал-Баттани) 184
- Карнович Е.П. 10
- Карнов Ф. 121
- Касим, казахский 82, 83, 103
- Касим б. Махмуд 32, 34, 40–43, 48, 51, 53, 67, 179, 232

Касим б. Сейид-Ахмед (Касай) 48, 66, 109, 110, 114–116, 132, 179
 Касим б. Улут-Мухаммед 38
 «Касим-хан» 14
 Касым-паша, кафинский бейлербей 183, 193, 235
 Катанео Мелиадуче 20
 Кафалы М. 33
 Кафтырев Гр. 165, 166, 168
 Каштанов С.М. 60, 162, 218
 Квадус 231
 Квашин Басалай Никифоров сын 119, 122, 123
 Кейкобад 15
 Келмамай («Келмай») 74, 80
 Кел-Мухаммед (Келмагмат, Келмагмед, Кел-магмет) 117, 118, 121, 124, 126, 142
 Кепек 28
 Кер Г.Я. 21, 22, 27, 28, 161, 162
 Керим-Берди 29
 Кернозитский Я. 199
 Кесек-баш см. ал-Аштар Малик б. ал-Харис
 Кефели (Кефев) Ибрахим 162
 Кеюмарс 194
 Кинан Э. 89
 Кирай б. Барак см. Гирей б. Барак
 Кирей Менглишников сын Кигай 208
 Кирилл 188, 196, 198, 200, 222
 Кичи-Мухаммед см. Кучук-Мухаммед
 Клеш 165, 166
 Климент VII 224
 Клушин И.И. 126
 Ключевский В.О. 32
 Кляпик М.А. 69
 Кобелев С. 165
 Кобыков Ширяй 152, 155, 160
 Коджак б. Ахмед («Хозяю») 56, 63–65, 74, 75, 135
 да Колло Ф. 129
 Колупаев М. 169, 170
 «Колыват», мирза 122
 Колычев И. 95, 97, 101–104, 130
 Кольцо-Мосальский В. 155
 Конечны Ф. 42, 54
 Кононов А.Н. 238
 Константин из Островицы 76
 Константинов 172
 Контарини А. 41–43, 212, 213, 239
 «Копил» 63
 «Корлен» 166
 Коробов В. 73–75, 77, 78
 Косарев А.Н. 11, 15
 Косьма, минорит 196
 Котов Ф. 193, 224, 244
 Кочекаев Б.-А.Б. 33
 Кошум-мирза (Хаджи-Мухаммад б. Муса) 9, 95, 103, 105, 112, 118, 119, 126, 128, 130
 Кравец М.В. 6
 Кропоткин Т. 153
 Крым-Гирей б. Озтимур 119, 151, 165
 Крым-Шавкал 156
 Кубенский И. 55, 68, 208
 Кубилай-хан (Хубилай-каан) 49
 Кудальяр («Кудояр») 117
 Кудодар 99
 Кудояр 86, 123, 246
 Кузеев Р.Г. 6, 238
 Кузмин Яков 155
 Кузнецов А.Б. 125
 Кузьминский 195
 Кулдай Шукур 105, 112
 Кул-Шериф 180
 Кумык (Кума)-Гирей 156, 199
 «Кулек-баба Хазрат» 194
 Кунин М. 176
 Курат А.Н. 34, 39, 110, 174
 Курат-Икlesh (Караиклеш) 163
 Курбский А. 127, 232
 Курлай-мурза («Курьян», «Коурзя», «Курмлен», «Курлен») 163
 «Куртка» 129
 Куслубек-мирза 132
 Кутб ад-Дин Хусайн Шайх 180
 Кутлу-бек 26
 Кутлу-Буга-Инек 20
 Кутлуг-Буга 26
 Кутлук-Тимур-оглан 50
 Кучек 26
 Кученей см. Гошаней
 Кучкин В.А. 21, 32
 Кучук-Мухаммед (Кичи-Мухаммед, Мухаммед б. Тимур) 28, 29, 31–34, 36–38, 40, 50, 52, 56, 58
 Кучумов И.В. 35
 Кушмерден 87
 Кушум см. Кошум-мирза
 Куяк 207, 208
 Куюрчак-хан 73
 Кырымлы Абу-ул-Гаффар 143

«Кыят хан» 14
 Кючюк Абдал 187

де Ланнуа Г. 218, 223
 Лашков Ф.Ф. 135, 217
 Левашов В.С. 117
 Левский П. 122
 де Лезе Донато 213
 Лемерсье-Келькеже III. 83
 Ленхофф Г.Д. 40
 Лжедмитрий II 199
 «Либей» 38
 Линецкая Э. 239
 Литвин Михалон 33, 144, 215
 Логачев А. 8, 216, 220
 Логинов Ф. 118
 Лоредан Джованни 210
 Лэн-Пуль С. 34
 Лэт Юлий Помпоний 222

«Магмед-Гирей» см. Мухаммед-Гирей б. Менгли-Гирей
 «Мааметъ» 52
 «Магмед-Кирей» см. Мухаммед-Гирей б. Менгли-Гирей
 ал-Мадини 186
 Макарёно Ю.А. 8, 32
 Макарий 198
 Макаров Д.М. 32
 Малиновский А. 76, 94
 Малов С.Е. 39
 Малхурб 158
 Мамай, темник 17, 21
 Мамай-мирза 74, 80, 90–93, 100, 101, 103, 104, 110, 118, 126, 137
 Мамонов И.Г. 78–81, 109, 110, 208, 209
 Мамук б. Хаджи-Мухаммед 48
 Мамыш Бей 89
 «Мангарим-хан» 195
 Мангышлак 50, 51
 Мансур («Мансыр»), сейид 138, 151
 Мансур б. Эдиге 43, 44
 «Мансур-ата» 194
 Мансуров Л. 154, 165–168
 Мануил 154
 Марджани III. 34, 43, 50, 51, 54, 73, 92–94, 109, 114, 126, 127, 229, 237
 Маржарет Ж. 216, 224
 Мария Темрюковна см. Гошаней
 Марк Россо см. Россо Марк
 Марко Поло 49

Марков А.К. 31
 Марло Кр. 239
 Мартин Дж. 18, 40
 Маршалл 4
 Масса И. 56, 131, 138, 147, 153, 155, 220, 225, 231, 232, 244
 Масуд б. Осман Кухистани 36, 37
 Маулана Шариф 180
 Махмуд б. Кучук-Мухаммед 29, 32–34, 36–42, 45, 48, 50, 51, 54, 55, 58, 67, 69, 70, 94, 132
 Махмуд б. Менгли-Гирей 90
 Махмуд-Ходжа 36
 Махмутек б. Улут-Мухаммед 38
 Мезетский В.С. 118
 «Мелех» 70, 74
 Мемеш 95, 101, 105
 Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей 24, 25, 35, 44–49, 51–55, 57–64, 66, 70–73, 76–78, 89, 90, 98, 101, 104, 109, 116, 134, 135, 205–210, 244
 Менгу-Тимур 49, 67
 Мергивана 139, 157
 Мерет-Гирей 96
 Меркатор Г. 231, 247
 Мехмед, азербайджанский санджак-бей 235
 Мехмед б. Баязид 232
 Мехмед II Фатих 32, 38, 39, 41, 42, 44, 65, 76
 Меховский М. 55, 65
 Мешерский В. 147
 Миллер И.
 Мифтахов З.З. 14
 Михаил Кайбулович см. Муртаза-Али
 Михаил Сигизмундович 38
 Михайлов И. 9
 «Мордасса» см. Муртаза б. Ахмед
 Морозов В.Г. 71
 Морозов И.С. 94, 99, 100, 244
 Мстислав, князь 9
 Мубарек I 15
 Мубарек-Гирей б. Менгли-Гирей 90
 Мугульсум-кыз 194
 Мунис ал-Музаффар 44
 Мунис Шир Мухаммад 14, 67, 159
 Мурад III 113
 Мурад IV 236
 Мурад-Гирей б. Мухаммед-Гирей II 186, 191, 199
 Муртаза б. Ахмед 24, 45–48, 52, 53, 74, 87, 119, 151, 165, 179, 205, 208

Муртаза б. Котлыгыш ас-Симети 237
 Муртаза-Али (Михаил Кайбулович) 157
 Муса, мирза 123
 Муса б. Ваккас 43, 44, 48, 51, 52, 64, 70, 75, 86, 92
 Муса-паша 236
 «Муселем-салтан» 75
 Мустафа, турок 87
 Мустафа б. Гийас ад-Дин 29
 «Мустафар» («Мустофар») 70, 74, 75, 86
 Мустафина Д. 104, 127
 Мухамедьяров Ш.Ф. 6
 Мухаммед, азовский бейкулу 93–95, 97, 100, 102, 103, 244
 Мухаммед, калангар 22, 23
 Мухаммед, пророк 182, 189
 Мухаммед Риза см. Сейид-Мухаммед Риза
 Мухаммед Риза Агяхи 14
 Мухаммед Садик Исфахани 236, 240
 Мухаммед Шайбани 57, 66, 67, 179, 232
 Мухаммед Шерифи 234
 Мухаммед Юсуф (Мухаммед Юсуф Мунши) 50–51, 241
 Мухаммед б. Дервиш-Али 174
 Мухаммед б. Тимур-Султан см. Кучук-Мухаммед
 Мухаммед б. Тимур-хан см. Кучук-Мухаммед
 Мухаммед-Али, бухарский посол 222
 Мухаммед-Али, мирза 111
 Мухаммед-Булак 21, 22
 Мухаммед-Гирей («Магмед-Гирей», «Магмед-Кирей») б. Менгли-Гирей 46–48, 61, 72, 77, 79–84, 86–96, 98, 99, 102–104, 106, 109, 110, 129, 134, 135, 166, 175, 192, 206, 214, 215, 233, 246
 Мухаммед-Гирей II 133, 156, 199
 Мухаммед-Эмин 49, 51, 54, 57, 66, 69, 70, 81, 106, 162, 179
 Мюдеррисоглу А. 34
 Мюнеджим-баша 25, 26, 28, 34, 94
 Мясной Н. («Микита») В. 105–107
 Навои Алишер 40, 178, 179
 Нагдай 14
 Нагой Аф. 182
 Надир-Бехадур 237
 Нариг (Нарык) хан 88
 Насонов А.Н. 17
 Натанзи Муин ад-Дин 19, 26

Науомов Ф.В. 120
 Науруз б. Эдиге 129
 Небольсин П. 8, 145, 167, 168, 188, 193, 199, 230
 Небольсин С. 103, 104
 Невежин Ф. 131, 132
 Негри А. 47
 Неджати-эфенди 238
 Нейдгарт П.П. 11
 Некрасов А.М. 115, 117, 141, 142
 Нестеров А.Г. 29
 Нидан-эфенди см. Реммал-ходжа
 Низаметдинова С. 8, 10
 Низами 193
 Никанор, архиепископ 188
 Никитин Афанасий 40, 41, 213
 св. Николай 187
 Новосильцев И.П. 174
 Ногай 14, 26
 Ногайлы б. Озтимур 165
 Ноздроватый В. 57
 Номаган (Нумуган, Номоган, На-му-хань) 49
 Нур ад-Дин («Нурадун») б. Эдиге 43, 128
 «Нур-ата Хазрат» 194
 Нурдевлет б. Хаджи-Гирей 52, 54, 57, 76
 Нурмухаммед-хаджи 194
 Нур-Султан бинт Сахиб-Гирей 138
 Нур-Султан бинт Тимур 44, 80
 Оболенский И.М. 57
 Оболенский П.Н. 57
 Оболенский-Серебряный П.С. 7
 Одинцов Б. 206
 Озерцовский Н.Я. 220, 221
 «Озтемир бекулан» 25
 Озтимур б. Муртаза («Истемир Салтан») 119, 151, 165
 Озтуна Й. 34, 51, 93, 110, 114, 117, 127, 132, 142, 174
 Озъеттин А.М. 180
 Оларий А. 14, 15, 19, 154, 189, 190, 201, 215, 221, 223, 224
 Ольбрахт Ян 207
 Омар-и Табан 22
 Омелянов С.М. 126
 Оммер де Эль К. 239
 Орак см. Урак
 Орда-Эджен 26, 34
 Орешкова С.Ф. 6
 Ортекин Х. 90
 Ортелиус 231, 239

Орудж-бек Байат (Дон-Хуан Персидский) 199, 216, 219, 224, 233
 Остафьев Я. см. Андреев Я.О.
 Ошерин И.И. 64
 Павлов Ф. 154, 155, 158, 165, 222
 «Паливан-султан» 92, 93
 Паллас 195
 Пальмов Н. 6
 Пантин В.И. 221
 Парфенов Е. 200
 Пачкалов А.А. 231
 Пеголотти Ф. 15, 210
 Пеленски Я. 24, 145, 245
 Перетяткович Г. 168
 Петр I 241
 Печери Ибрахим 106
 Писемский Ф. 169
 Пичюга Хромой Путивлец 147
 Пишдади 194
 Плещеев З.И. 157, 166
 Повадин А.С. 128, 130
 Погодин М.Н. 156
 Подгородецкий Л. 33, 140
 Покровский И. 197, 218
 Половин см. Головин М.П.
 Полосин И.И. 198
 Поссевино А. 197, 226
 Потоцкий Я. 195
 Потулов О. 169
 Поклебин В.В. 17, 34, 42
 Примков-Ростовский Иван Гвоздь Федорович 160
 Прокофий (Прокон) 18
 Пронский-Шемякин Ю.И. 146, 152, 154, 159, 160, 168
 Птолемей Клавдий 11
 Пулад 28; см. также Фулад
 Пушкин 188
 Радзивилл Ю.Н. 120, 121
 Рамзи М.М. 11, 34, 50, 51, 54, 73, 93, 229
 Рахман Кулу 236
 Рашид ад-Дин 49, 66, 179, 181
 Реммал-ходжа (Нидан-эфенди) 138, 139, 141, 189, 236
 Репнин Б. 75
 Рогожин Н.М. 118
 Ромодановский В. 52, 53, 206
 Рорлих А.-А. 54
 Росси Дж. 248

Россо Марк 42
 Румлу Хасан 236
 Руставели 193
 Рыбаков Б.А. 246
 Рыжков Ф. (Рошков Ф.) 156
 Рыков П.С. 11, 187
 Рычков Н. 190
 Рычков П.И. 9, 35, 42, 63
 Свад ад-Дин Ходжа-эфенди 212, 236
 Саадет-Гирей («Сандет-Гирей», «Сайдет-Кирей») 89, 90, 96–102, 104–106, 108, 111, 112, 114, 115, 135, 223, 244
 Саадет-Гирей б. Мухаммед-Гирей II 156, 191, 199
 Саввинский И. 198, 216
 Сайид-Ибрахим б. Хаджи-Мухаммед (Бабак, Ибак, Ивак) 29, 43–45, 48–51, 119
 Сакар Вахтангович 11
 Сакмак (Сакман, Сакаман, Салман) 153
 Салимша 114
 Салчей (Салчен, Салчи) 18, 19, 222
 «Салчи-Черкес» 18
 Сансон Г. 247
 Сарай М. 34, 51, 65, 93, 110, 127, 132
 «Сарай-хан» 14
 Сартак 10
 Сары б. Агиш 122
 «Сары Хуаджи Хазрат» 194
 Сары-Салтык (Салтук, Салтык-бай, Шериф Хызыр) 186, 187
 Сатылган б. Нурдевлет 52, 54, 57
 Сафа-Гирей, хан 88, 106, 110, 120, 124, 125, 127, 136–138, 141, 151, 234
 Сафа-Гирей, царевич 199
 Сафаргалиев М.Г. 5, 10, 17, 25, 26, 30–32, 36, 38–40, 48, 53, 55, 56, 66, 73, 90, 110, 115, 117, 121, 127–129, 136–138, 150
 Сахиб-Гирей (Сахиб-Кирей, «Санп-Гирей») 83, 84, 88, 90, 99, 105, 106, 114, 119, 121, 132, 134, 135, 137–142, 145, 166, 189, 223, 245
 Севастьян см. Авраамов Севастьян
 Седихмат (Сидяхмет, Седехмат) Сеид-баба 194
 «Сенк Ибулази» 119
 Сейид Гази 186
 Сейид-Ахмед 65
 Сейид-Ахмед б. Ахмед, хан 46–48, 51–55, 66, 110, 114, 116, 179, 205

Сейид-Ахмед б. Муса, ногайский бий 119, 121, 123–125, 130, 156; см. также Шийдак
 Сейид-Махмуд б. Ахмед 46–48, 63, 135, 207
 Сейид-Мухаммед б. Ахмед 176
 Сейид-Мухаммед Риза 46, 47, 91, 106, 192
 Сейиди Али Ренс 173, 235, 236, 240
 Селим II 177, 182, 183, 235, 242
 Селим Явуз 84, 236
 Сельджукиды 15
 Селямет-Гирей I 223
 Сенекс Дж. 247
 «Семен-мурза» 174
 Семенов А.А. 36
 Семенов Л.С. 40, 42
 Семенов Н. 193
 Сефероглу С.К. 34
 Сигизмунд I Старый 101, 106, 111–113, 115, 119, 120, 126, 127, 136, 143, 234
 Сигизмунд II Август 144, 160, 162, 183, 235
 Сигизмунд Кейстутович 38
 Сидоров Д.С. 160
 Сидоров С.Г. 152, 155, 160
 Симеон (Едигер) 198
 Симон, митрополит 214
 Сипкий 188
 Скандер (Искандер) 99, 100, 103
 Смирнов В.Д. 9, 135, 192, 229, 231
 Смирнов И.И. 84
 Смирнов Н.А. 90
 «Смолянин» 18
 Снозин (Сназин) Я. 120
 Соловьев С.В. 113
 Соловьев С.М. 143
 «Солтан-Козик» см. Коджак б. Ахмед
 Сонкор-мирза, мангыт 14
 Сотер 242
 Спид Дж. 247
 св. Спиридон 187
 Срезневский И.И. 40
 Стаховский М. 6
 Степанов И.В. 220, 221
 Стефан, волошский воевода 209
 Стефан, францисканец 196
 Сториелло П. 22
 Страленберг Ф.И. 11
 Стрейс Я.Я. 146, 185, 190, 219, 224
 Стрыйковский М. 44, 65

Судаков И. 171
 Сукин Б.И. 136
 Сулейман Кануни 85, 97, 99, 111–113, 115, 116, 119, 144, 179, 186, 233–235, 244
 Сулейменов Х.Г. 180
 Султан-Ахмед-мирза («Салтан-Ахмад») б. Муса 63, 64
 Султанов Т.И. 26
 Сумин А.Ю. 17
 Сушев Н.С. 143, 144
 Сыроечковский В.Е. 91, 204, 244
 «Сюлейман Шаг» см. Сулейман Кануни
 Сююн-бике 120, 137, 148, 188
 «Сююнчалей» 122
 ат-Табари 15
 Тагызекши 148
 «Тажал» (ад-Даджал) 171
 Таир 54
 «Таймаз-хан» 194
 Такбилди 132, 148, 149
 Такы-Хаджи 116
 Тали Абдулрахман-и 51
 Тамерлан см. Тимур
 Тарасов И. 121
 Тариго Лукино 21
 Татищев В.Н. 7, 11–13, 61, 175, 199, 220
 Тауберт И.К. 200
 Тафур П. 219
 Тахир б. Алик 99
 Тахмурес (Тахмаурупа) 194
 Таш-Тимур 29
 Тевекель б. Тимур 53
 Тевкель, дочь Кел-Мухаммеда 156, 166
 «Телеймъшейков Сумор» 161
 Темир, посол Ахмед-хана 44
 Темир, посол Исмаил-мирзы 149
 Темир, посол Дервиш-Али 168
 «Темир князь» см. Тимур б. Мансур
 «Темир-Бекбулат» 25
 Темиров Ю. 175
 Темрюк Айдарович 158
 «Тенсубуй» см. Дин-Суфи
 Тербердеев Теним 174
 Тетерин Т. 169
 Тигенгаузен В. 18
 Тимеев (Темеев) Т. 141, 150
 Тимофеев П. 155
 Тимур (Тамерлан, «Тамбурлан») 7, 22–25, 33, 60, 192, 196, 212, 231, 241; см. также Ахсак-Тимур

Тимур б. Мансур 43–47, 53, 67, 95, 119, 135, 179, 205
 Тимур б. Тимур-Кутлуг (Номоган) 31, 50
 Тимур-Баба 234
 Тимур-Бек-оглан 25, 50
 Тимур-Кутлуг (Темир Коутлуй, Темир Кутлуй, Темир Кутлуг) 23–25, 31, 33, 43, 50, 51, 58, 119, 128, 130, 137
 Тимур-Мелик 25, 26, 50
 Тимур-Султан (Тимур-хан) 28, 50
 Тимур-Шейх 67
 Тинбулат (Дин-Булат) 164
 «Тинехмат» см. Дин-Ахмед
 Тиниш (Темеш), мирза 91, 103
 Тихомиров М.Н. 225, 226
 Тишков А. 168, 170
 Тоба-батыр 171
 Товарыщов Савва М. 160
 Тоган А.З.В. (Валидов А.З.) 34, 66, 179, 180
 Токмаков И. 155
 Токсубин Т. 132
 Токтай 26
 Тонабай Дуван 122, 124, 125
 Тонотар (Тонотор, Тонатыр) 165, 166
 «Тохмаш хан» 14
 Тохтамыш 65
 Тохтамыш («Токтамыш») 16, 21–24, 27–29
 Тревизан Джан Баттиста 44
 Тревизан Доменико 173
 Тrepавлов В.В. 6, 68, 105, 112, 125, 129, 163, 238
 Туга(Тукай)-Тимур (Туга-Темир), Токай-Тимур 26, 43, 49, 50
 «Тугар-хан» 195
 Туглук I 15
 Туглукиды 15
 Тулуйгозин Бараш 126
 Тумган 50
 Тунманн 175, 189, 244
 Тургенев П. 142, 150, 154, 162, 164, 165, 168
 Турманина В.И. 204
 Тучков М. 77
 Тферитин М. 103, 104
 Тьеполо Ф. 8, 213, 244
 Тюляк 21
 Тюфякин В.В. 160
 Убайдаллах (Бибей) 124
 Удем 95

Узбек 10, 12–14, 17–19, 183
 Уз-Тимур 50
 Узунхасан 76
 «Уланка» 169
 Улут-Мухаммед («Улуг-Мутамед-хан») 28, 29, 31, 37, 38
 «Ульмас-хаджи» 183
 Ульяния см. Ельякши
 Уразлы 124
 Ураз-Мухаммед 73
 Урак, мирза 80, 92, 93, 118, 124–126
 Урус, ногайский бий 167, 171, 192
 Урус-хан 9, 17, 25, 33, 73
 Урусовы 199
 «Усейн» («Усейн Салтан») см. Хусейн б. Джанибек
 Усманов М.А. 18, 33, 54, 109, 234, 243
 Утемиш, царевич 198
 Утемиш-хаджи 55, 65, 67, 68, 181, 232
 Утмиш-баба 193

Фазлаллах б. Рузбихан Исфাহани 57, 183, 223, 232
 Фаизов С.Ф. 34
 Фариси Маулана Абд ал-Азиз Абу Тахир 183
 Фахретдинов Р. 25, 93
 Фахрутдинов Р. 31, 39
 Федор Иванович, московский царь 191, 222
 Федоров-Давыдов Г.А. 7, 185
 Федцов И. 145
 Феодосий, архиепископ астраханский 19, 196, 197, 200, 201
 ал-Фергани Фахруддин Хасан б. Мансур б. Махмуд ал-Узджени 184
 Фетх-Гирей II 162
 Фетх-Гирей б. Менгли-Гирей 90, 96
 Физули 193
 Филимонов Ляпунка 169, 170
 Фирдоуси 181, 194, 240
 Фирсов Н.Н. 15, 31
 Фра-Мауро 231
 Френ Х.М. 17
 Фролова О.Б. 19
 Фукс В. 176
 Фулад 67; см. также Пулад
 Хаджи Байрам 184
 Хаджи Бекташ 187
 «Хаджи Габдель-Рахим Хазрат» 194

«Хаджи Гиз Хазрат» 194
 Хаджи-Гирей («Ази-Гирей») 29, 38, 39, 76, 137, 208–210
 Хаджи Мехмед Сенан 233, 236
 Хаджи Нияз (Хаджи Нияз, «Хонез») 68, 69, 181, 213, 232
 Хаджике б. Мансур 51–53, 72, 208
 Хаджи-Мухаммед 43
 Хаджи-Мухаммед, хивинский хан 182
 Хаджи-Мухаммед б. Муса см. Кошум-мирза
 ал-Хаджитархани Ахмад б. Фади 186
 Хаджитархани Шериф 179, 180, 185
 Хаджи-Тули 67
 Хаджи-Черкес 17–19, 21, 32
 «Хаджи Нурмухаммед Хазрат» («Урак-хаджи») 194
 Хазрат Хамит-ата (Хазрет-Хамет) 187–189
 Хайду 49
 Хакимзянов Ф. 180
 Халджида 15
 Халек б. Ахмед 64, 65
 Халидов К. 37
 Халиль, князь 87
 Халим-Гирей 93, 134
 Халкоман (Халк-Аман), посол 59, 132, 142, 220
 Халкоман, секретарь 132
 Хаммер-Пургшталь Й. фон 34
 Хандаза см. Кандаза
 Хасан 17
 Хасан, янычар 100
 Хасан б. Тимур 80, 118
 Хасан-бек 41
 Хаттенбах Г. 41
 Хафиз ад-Дин Несефи 185
 Хафиз Мухаммед Ташкенди 229
 Хафиз-и Аbru 240
 Хваразми Шайх Хусайн 180
 Хворостинин А.И. 116
 Хезарфеин Юсейн 91, 133, 237
 Хисамитдинова Ф.Г. 233
 Хлебников В. 7
 Хлуденев Т. 120
 Ховорс Г. 31
 Ходжа Муртаза 202
 Ходзько 193
 Ходжевич Иван 205, 209
 «Хозяк» см. Коджак б. Ахмед
 «Хозяш» (Ходжаши), крымский посол в Астрахани 148

«Хозяш», крымский посол в Москве 207
 Хомани Я. 247
 Хондемир 17, 40, 44, 179
 Хондиус Й. 247
 Хондиус Х. 247
 «Хонез» см. Хаджи-Нияз
 Худайкул б. Ибрахим (Петр) 114
 Хулагу 181
 Хулагуиды 15
 Хурреми-челеби Акай-эфенди 192
 Хусейн, янычар 100
 Хусейн Байкара 66
 Хусейн б. Джанибек («Усейн») 83, 86, 87, 90, 93, 94, 98–102, 104, 107, 109, 110, 119, 126, 244
 Хусейн-мирза 40, 178, 179
 Хусейнов Девлет-Ходжа 141
 Хушенг (Хаошаньха Паравата) 194
 «Хызыр-ата» («Кзыр-ата») 194
 Хэньэй Й. 12, 195
 де Хэртог Л. 34
 Чабун-хатун 49
 «Чагир» см. Алчагир-мирза
 Чарыева Н.К. 6
 «Чачдар хан» 234
 Чегилек 165
 Чекре 22, 28
 Челишев Б. 207
 Челишев И.И. 82, 118, 246
 «Чемаши» 128
 «Ченбулат» 208
 «Ченибек» см. Джанибек б. Махмуд
 Черемисинов И.С. 158, 169, 170, 196
 Черепнин Л.С. 57
 Черкасов И. 5, 14
 Черкес см. Хаджи-Черкес
 Черкес-бек (Черкес-бей) 17, 19
 Черкес-ходжа 20
 Чингиз-хан (Чингиз) 4, 9, 10, 49, 50, 57, 194
 Чингизиды 19, 25, 49–51, 65, 71
 Чобан-султан (Чобан-Гирей) 103, 104
 Чора-Батыр 88
 Чулков (Чюлков) Д. 153, 245
 Чура б. Нарык 88
 «Чуранты-баба» 193
 Чюра 70, 74
 Шади 66
 Шади (Молла Шади) 43, 44, 232

Шадибек (Шади-Мелек) 26, 27, 28, 230, 231
 Шайбан-хан см. Мухаммед Шайбани
 Шайбаниды 237
 Шайхнев Р.А. 5, 181
 Шайх-Олак-бек 109
 Шайхуллах-бек 109
 Шакурова Ф.А. 35
 Шамс ад-Дин Мухаммед 212
 Шапшал С.М. 12
 Шарафутдинов С. 65, 73, 93, 94, 109, 114
 Шарифи Маулана Шариф ад-Дин Хусайн 180
 Шах-Али (Шейх-Али, Шейх-Гали, «Шигалей») 48, 50, 83, 111, 138, 139, 144, 150, 157, 162, 245
 Шах-Гирей 96
 Шах-Ислам 96
 Шахин-Гирей 28, 29, 172
 Шахрух 183
 Швайгер С. 113
 Шейдяк см. Шийдяк
 Шейдяковы 199
 Шейх-Али см. Шах-Али
 Шейх-Аувлеяр («Аллаяр», Шейх-Авлияр) б. Бахтияр 48, 50, 58
 Шейх-Ахмед («Шин-Ахмет», Шиг-Ахмет) б. Ахмед 48, 51–56, 63–65, 74, 95, 107, 108, 127, 135, 206–210
 Шейх-Ибрахим, ширваншах 28
 Шейх-Мамай 80, 122, 125, 140, 141, 145
 Шейх-Мухаммед 129
 Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед («Идарь») 43, 45, 95, 96, 99, 127, 144
 Шекспир В. 239
 «Шелом» 169
 Шемиран 240
 Шемякин Ю. см. Пронский-Шемякин Ю.И.
 Шеремет В.И. 6
 Шереметев («Шир-Мердун», «Шир-Мед») 177
 Шериф Хызыр см. Сары-Салтык
 Шибан 26, 49, 67
 Шибаниды («Шибаны») 36, 45, 48, 49, 57, 60, 67
 Шигай 174
 Шигай Багатырь Айтубов 164
 «Шигалей» царь см. Шах-Али
 «Шиг-Ахмет» («Шин-Ахмет») см. Шейх-Ахмед
 Шигим-мурза (Шыгим, Шиев, Шиед, Шихим) 74, 75, 77, 86, 91, 92, 123
 Шидяк, крымский кунграт 169

Шийдяк (Шейдяк, «Ашикыдяк») 71, 74, 79, 80, 82, 86; см. также Сейид-Ахмед б. Муса
 «Шир-Мердун» («Шир-Мед») см. Шереметев
 «Ширяк-мырза» см. Шийдяк
 Шишкин Н.И. 162
 Шмидт С.О. 155, 156
 Шнайдштейн Е.В. 10, 14, 33
 Шапововский А.Я. 213
 Шпулер Б. 34, 230
 Штелин К. 127, 232
 Штылько А. 33, 221
 Эвлия Челеби 46, 133, 174, 183, 184, 187, 192, 194, 201, 238–241
 Эдвардс Артур 217
 «Эджим-хан» см. Иджим-хан
 Эдиге (Идиге, Едиге) 25, 28, 43, 44, 67, 95, 128, 193, 240
 «Эждер хан» 14
 Элемозина 195
 Эминек 44, 45
 «Эстер хан» 15
 Эте Х. 180
 «Юван» 92
 Юматов Ю. 118
 Юнус Эмре 186
 Юнус б. Юсуф 137, 164, 170
 Юрий 214
 Юрий Иванович, князь 60, 110, 111
 Юсупов М.Х. 54
 Юсуф, кади 84, 85
 Юсуф б. Улуг-Мухаммед 38
 Юсуф б. Якуб 58
 Юсуф (Юсуп)-мирза 44, 103, 104, 120, 137, 138, 141, 148–152, 164, 165, 168, 170
 «Юхмат» см. Ахмед б. Кучук-Мухаммед
 Юхт А. 8, 216, 220
 Ягеллоны 101
 Яглыч 110
 Ягмурджи 25, 34, 94
 Ядгар (Едигер, «Идегер») б. Касим 132
 Язиджиоглу Мехмед 184
 Якуб б. Кучук-Мухаммед 58
 Якуб б. Улуг-Мухаммед 37, 38
 Якшей 111
 Якшенин Т. 111
 Якшич 192

Ялсыгул Таджетдин (Ялсыгулов Т.) 183, 238
 Ямгурчи, аталык 177
 Ямгурчи б. Бирдибек 35, 109, 119, 132, 138–140, 142–149, 151–158, 160, 164–167, 171, 174, 198, 214, 220, 222
 Ямгурчи б. Ваккас 43, 44, 48, 51–53, 69, 71
 Ямгурчи б. Хаджи-Гирей 47, 53, 109, 135
 «Ян Магмет» см. Джан-Мухаммед, кунграт
 Янбулат (Янбулатка, Булатка) 154, 156
 Ян-Магмет («Ян-Магмет») 181
 Янсон Я. 247
 «Янтимер» см. Джан-Тимур
 «Янучар» 149
 «Яныбек» см. Джанибек б. Махмуд
 Яр-Мухаммед 50, 51
 Ярцов 223
 Ярышты («Яршим», «Яршиг», Петр) 157, 166

Agder-Kan 241
 Anchioli 242
 «Astra-Chan» 14
 Blacu Willem 247
 Ellias/Allias/Elias 20
 Fleming Paul 4
 Hahdgee Tarkin 12
 Hondius Henricus 247
 Hondius Jodocus 247
 Inach Cotto loboga 20
 Ioannes Lauretano dictus Vacha 210
 Jaillot Hubert 247
 Jansson Jan 247
 Jharcasso segno 19, 20
 Lo Zicho segno 20
 Mellinger G.M. 17
 Senex John 247
 Speed John 247
 Tarigo Luchino 21

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Хаджи-Тархан в XIII–XIV вв.	7
Глава II. Возникновение Астраханского ханства	30
Глава III. Астраханское ханство в 1502–1514 гг. Абд ал-Керим	63
Глава IV. Джанибек б. Махмуд	73
Глава V. Хусейн б. Джанибек	98
Глава VI. Период политической «чехарды» в 30–40-е годы XVI в.	109
Глава VII. Завоевание города и присоединение ханства к Московскому государству	147
Глава VIII. Культура Астраханского ханства	178
Глава IX. Хозяйство, экономика и социальный строй Астраханского ханства	203
Приложения	227
I. К вопросу о названиях города Астрахани в средневековых источниках	229
II. Границы ханства	243
III. Таблицы	249
Список сокращений	252
Библиография	254
Источники	254
Исследования	264
Указатель имен и династий	288

Научное издание

Зайцев Илья Владимирович

Астраханское ханство

2-е издание, исправленное

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор Л.С.Ефимова
Художник Э.Л.Эрман
Технический редактор О.В.Волкова
Корректор Е.А.Мамиконян
Компьютерная верстка Е.В.Катышева

Подписано к печати 28.11.06
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная
Усл. п. л. 19,0. Усл. кр.-отт. 19,5. Уч.-изд. л. 20,8
Тираж 1000 экз. Изд. № 8278. Зак. № 4894

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018538-8

9 795020 185387